Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Горно-Алтайский государственный университет»
Кафедра права, философии и социологии

СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ И ВЫЗОВЫ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Сборник материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции

Горно-Алтайск
БИЦ Горно-Алтайского государственного университета
2019

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Горно-Алтайского государственного университета

Мероприятие проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-011-20031\19

УДК 34
ББК67.408.131
С56

Современная молодежь и вызовы экстремизма и терроризма в России и за рубежом: сборник материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции / под ред. Х.П.Пашаева – Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2019. – 340 с.

ISBN 978-5-91425-168-7

Сборник содержит тезисы докладов и выступлений участников Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Современная молодежь и вызовы экстремизма и терроризма в России и за рубежом».

В материалах конференции освещаются теоретические и практические проблемы совершенствования и координации деятельности органов государственной и муниципальной власти, общественных и религиозных организаций, научного и педагогического сообщества по профилактике экстремизма и терроризма в молодежной среде, исследованы важнейшие вопросы, касающиеся источников, причин и методов распространения враждебной идеологии в России. В рамках конференции рассмотрены и актуальные проблемы правоприменения (уголовное и гражданское судопроизводство).

УДК 343
ББК67.408.131
С56

ISBN 978-5-91425-168-7
© Горно-Алтайский госуниверситет, 2019

УДК 343.3/.7

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕСООБЩЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ СТ. 205.6 УК РФ

Бабурин В.В.
начальник кафедры криминологии, психологии и педагогики
ФГКОУ ВО Омская академия МВД России,
доктор юридических наук, профессор
vvbaburin@mail.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена актуальным проблемам уголовной ответственности за новое террористическое преступление - несообщение о преступлении террористической направленности. Ведение уголовной ответственности за данное преступление дел, несомненно, связано с необходимостью расширения достаточных предупредительных мер противодействия террористической преступности, разработкой комплексных мер, направленных на искоренение ее причин и условий.

Ключевые слова: Терроризм, преступления, несообщение, ответственность, прикосновенность.

Annotation: This article is devoted to the actual problems of criminal liability for a new terrorist crime - failure to report a terrorist crime. The introduction of criminal liability for this crime cases, of course, is associated with the need to expand sufficient preventive measures to counter terrorist crime, the development of comprehensive measures aimed at eradicating its causes and conditions.

Keywords: Terrorism, crime, non-communication, responsibility, touch.

Статья 205.6 УК РФ "Несообщение о преступлении" введена Федеральным законом от 06.07.2016 №375-ФЗ. Введение данной нормы в Уголовный кодекс РФ свидетельствует о дальнейшем расширении уголовной ответственности за преступления террористической направленности. Данное решение в целом сообразуется с общественной опасностью данных преступлений. Несмотря на то, что данные статистики свидетельствуют в целом о снижении общего числа преступлений и преступлений террористической направленности, вред от данных преступлений нельзя недооценивать. В первую очередь это относится к молодежи, которая должна знать российское антитеррористическое законодательство.

Для понимания содержания данной нормы необходимо провести юридический анализ ее признаков. В силу того, что данная статья располагается в главе

24 "Преступления против общественной безопасности", а не так как ранее в УК РСФСР в главе "Преступления против правосудия", непосредственным объектом данного преступного посягательства является общественная безопасность. В качестве дополнительного объекта данного преступления могут выступать интересы правосудия.

Объективная сторона состава данного преступления представлена деянием в форме бездействия, т.е. неисполнения возложенной на гражданина обязанности сообщать о готовящемся, совершающемся или совершенном преступлении террористического характера. При этом необходимо установить, что виновный мог и был обязан действовать определенным образом[3, с. 74]. Говоря о возможности действовать, необходимо учитывать то, что лицо должно иметь объективную возможность предоставить такую информацию в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении. В частности, нужно учитывать срок в течении которого лицо должно было сделать такое сообщение.

Статья 205.6 УК предусматривает несколько признаков преступного деяния. Во-первых, лицо должно достоверно знать о таком преступлении, у него должны быть достоверные сведения готовящемся, совершающемся или совершенном преступлении. Во-вторых, это должно быть преступление, уголовная ответственность за которое должна быть предусмотрена хотя бы одной из следующих статей: ст.ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ. В-третьих, лицо несообщает конкретному субъекту - в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, к которым относятся органы прокуратуры, внутренних дел, федеральной службы безопасности и другие органы, указанные в ст. 151 УПК РФ.

К сожалению, в законодательстве не конкретизирован срок, по истечении которого лицо должно сделать соответствующее сообщение в органы власти. Вместе с тем, от этого зависит преступность данного деяния, поскольку в уголовном законодательстве предусматриваются определенные сроки давности привлечения к уголовной ответственности.

В-четвертых, преступление должно быть, совершенно не супругом или близким родственником лица.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом: виновный осознает, что несообщает о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении, о чем оно имеет достоверно известные сведения, и желает этого.

Субъектом преступления является лицо, достигшее возраста 14 лет. Вместе с тем, не подлежит уголовной ответственности за несообщение о преступлении лицо, которое выступало в качестве соучастника одного из указанных в диспозиции преступлений либо было прикосновенно к нему и привлекается к уголовной ответственности по ст. 174 - 175, 316 УК[2, с. 1].

Судебно-следственная практика по данному преступлению невелика. Так, одними из первых примеров привлечения к уголовной ответственности в России являются следующие. В 2017 году Кировский районный суд г. Астрахани

вынес приговор по ст. 205.6 УК РФ Гафурова У., который несообщил в правоохранительные органы о своем знакомом, гражданине Кыргызстана, участвовавшем в незаконном вооруженном формировании[1, с. 93].

Следующим примером является привлечение к уголовной ответственности по ст. 205.6 УК РФ жителя г. Новый Уренгой. Следственным управлением Следственного комитета РФ по Ямало-Ненецкому автономному округу собраны доказательства, которые признаны судом достаточными для вынесения приговора. Как установлено следствием и судом, в Новом Уренгое в августе 2017 года 27-летний мужчина присутствовал при беседах, проводимых его знакомым, в отношении которого возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205.1 УК РФ (содействие террористической деятельности). В ходе этих бесед знакомый, путем уговоров и убеждений склонял группу мужчин к необходимости выезда в Сирийскую Арабскую Республику, где в составе запрещенной в России международной террористической организации «Исламское государство» принять участие в террористической деятельности против сирийских правительственных вооруженных сил, представителей государственной власти и мирного населения.

Осознавая общественно-опасный и преступный характер своих действий, а также осознавая, что несообщение в органы власти о лице, которое оказывает содействие террористической деятельности, осужденный не сообщил в органы власти о лице, которое совершает преступление против национальной безопасности РФ. Мужчина признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 205.6 УК РФ (несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ). Приговором суда мужчине назначено наказание в виде штрафа [4, с. 1].

Терроризм является одной из главных угроз современного общества, поэтому молодежь должна знать какие существуют террористические преступления и какие меры ответственности государство предпринимает для борьбы с этими преступлениями.

Библиографический список

1. Сабатов, С.А. Уголовно-правовая характеристика несообщения о преступлении (Статья 205.6 УК РФ) [Текст] / С.А. Сабатов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2018. – № 1. С. 89-93.

2. Клименко, Ю.А. Несообщение о преступлении (статья 205.6 УК РФ): юридическая природа, соотношение с укрывательством и соучастием в терроризме [Текст] / Ю.А. Клименко // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 9 (82). С. 163-171.

3. Старков, С.В. Ответственность за несообщение о преступлении в РФ [Текст] / С.В. Старков // Отечественная юриспруденция. – 2018. – № 3. С. 73-77.

4.https://sledcomrf.ru/news/384684-v-novom-urengoe-mujchina-priznan-vinovnyim-v-nesoobschenii-v-organyi.html (дата обращения 21.04.2019).

УДК 344

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭТОМУ ЯВЛЕНИЮ

Букаев Н.М.
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), академик РАЕН.
bukaev_nm@mail.ru

Аннотации: Борьба с международным терроризмом посредством использования совместных сил (это понятие является условным) нескольких государств на деле не приводит к желаемому результату, поскольку политическая составляющая процесса ликвидации общей угрозы (терроризма) в большинстве случаев преобладает над идеей искоренения этого негативного явления. Поэтому, на наш взгляд, именно в первую очередь от состояния национального законодательства в области противодействия преступлениям террористического характера будет зависеть в дальнейшем направление этой деятельности на международном уровне.

Ключевые слова: современный терроризм, террористический акт, превентивные меры против терроризма.

Annotation: Combating international terrorism through the use of joint forces (this notion is conditional) of several States did not lead to the desired result, as the political component of the process of eliminating a common threat (terrorism) in most cases take precedence over the idea of eradicating this negative phenomenon. Therefore, in our view, it is primarily on the status of national legislation in the field of combating crimes of a terrorist nature occur will depend in the future direction of this activity at the international level.

Keywords: modern terrorism, terrorist act, preventive measures against terrorism.

В современном мире преступления террористического характера приобретают более глобальный характер, поскольку в осуществлении преступлений террористического характера зачастую принимают участие граждане разных государств, люди различных национальностей и т.д. Территория, охваченная преступным посягательством, порой включает в себя несколько стран, речь можно даже вести о континентах (если говорить о так называемом «Исламском государстве» (запрещено в России)).

В настоящее время не является секретом, что такое явление, как «терроризм», носит угрозу не только безопасности какой-то одной страны, но и всему мировому сообществу. Согласно Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, выделяются основные тенденции современного терроризма, имеющие большие негативные последствия. В плане взаимодействия и

направленности воздействия на госаппараты, общественные институты и отдельных людей, террористические группы (преступные сообщества и т.д.) уже научились многому, распространяя свое коммуникативное влияние на людей через различные средства массовой информации и т.д.

Не случайно в утвержденной Президентом РФ Концепции внешней политики Российской Федерации[4] одной из опасной реалий представлено увеличение угрозы международного терроризма. «Качественно новый характер глобальная террористическая угроза приобрела с появлением международной террористической организации «Исламское государство» и подобных ей объединений, поднявших насилие на невиданный уровень жестокости, претендующих на создание собственного государственного образования и усиливающих свое влияние на территории от Атлантического побережья до Пакистана. Главным направлением в борьбе с терроризмом должно стать создание широкой международной антитеррористической коалиции на прочной правовой базе, на основе эффективного и системного взаимодействия государств, без политизации и двойных стандартов, активно использующей возможности гражданского общества, прежде всего в целях предупреждения терроризма и экстремизма, противодействия распространению радикальных идей».

Однако, как показала практика, борьба с международным терроризмом посредством использования совместных сил (это понятие является условным) нескольких государств на деле не приводит к желаемому результату, поскольку политическая составляющая процесса ликвидации общей угрозы (терроризма) в большинстве случаев преобладает над идеей искоренения этого негативного явления. Поэтому, на наш взгляд, именно в первую очередь от состояния национального законодательства в области противодействия преступлениям террористического характера будет зависеть в дальнейшем направление этой деятельности на международном уровне. Поскольку практика функционирования в этой области международных организаций не приводит к положительным результатам. Все равно указанные организации, какое бы наименование они не носили и что бы ни делали, в конечном итоге они лоббируют интересы либо одного сильного государства, либо группы стран с идентичными интересами.

В Российской Федерации особое внимание уделяется мерам по противодействию терроризму, причем, понятийный аппарат в этой сфере пока оставляет желать лучшего.

Согласно Федеральному закону от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»[3] определяется правовая основа противодействия терроризму. Закон устанавливает основные принципы противодействия терроризму. Данным документом определяется террористический акт, под которым понимается «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях».

Далее понятие террористического акта в этом же виде присутствует в ст. 205 Уголовного кодекса РФ 1996 года[2]. Данное понятие, на наш взгляд нуждается в доработке, поскольку такой акт может совершаться не только в «целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями», но также и в целях воздействия на общественность, на группы населения, а также все население какого-либо государства (этим в свое время пользовались чеченские сепаратисты), и даже групп государств (как произошло с «Исламским государством» в свое время).

Также УК РФ устанавливает уголовную ответственность за содействие террористической деятельности (ст. 205.1), публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма (ст. 205.2), прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3), организацию террористического сообщества и участие в нем (ст. 205.4), организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5) и др.

По мнению Е.А. Капитоновой, «Уголовный кодекс РФ также включает комплекс мер в области борьбы с незаконным оборотом оружия массового поражения. В основном уголовно-правовое противодействие касается незаконного обращения с ядерными материалами и радиоактивными веществами (ст. 220 УК РФ), их хищения либо вымогательства (ст. 221 УК РФ), контрабанды радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, оружия массового поражения, средств его доставки, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании последнего (ст. 226.1 УК РФ). При этом санкции за совершение перечисленных преступлений предусмотрены достаточно мягкие» [6, с. 70-84].

О достаточно высоком уровне преступлений террористического характера свидетельствует и официальная статистика.

Всего в 2015 году было зарегистрировано 2388476 преступлений, из них 1538 террористического характера [11]. За период с января по декабрь 2016 года было зарегистрировано около 2160063 преступлений, из них преступлений террористического характера – 2227 шт. [10] В январе - декабре 2017 года зарегистрировано 1871 преступление террористического характера (-16,0%) и 1521 преступление экстремистской направленности (+4,9%). Общее число преступлений в 2017 году составило 2058476 [9]. В январе - декабре 2018 года зарегистрировано 1679 преступлений террористического характера (-10,3%) и 1265 преступлений экстремистской направленности (-16,8%). Всего в 2018 году было зарегистрировано 1991532 преступления [8].

В январе - феврале 2019 года зарегистрировано 322 преступления террористического характера (+5,9%) и 82 преступления экстремистской направленности (-61,5%). Всего за этот период зарегистрировано 314,3 тыс. преступлений [7].

Исходя из данных официальной статистики можно сделать вывод о постепенном снижении количества преступлений террористического характера, что никак не умаляет общественной опасности посягательств террористического характера. В силу развития технологий, имеющегося уровня подготовки современных террористов, данные преступления наносят все больший и больший вред. В особенности жизни и здоровью простых людей.

Кроме того, действующее законодательство не определяет понятия терроризма, его признаков и т.д. Многие признаки терроризма, по сути, являются известными: высокий уровень организованности; тесные связи террористических организаций с различными преступными сообществами, с экстремистскими организациями; умение использовать средства связи, возможности средств массовой информации, сети Интернет и т.д.

Как указывают О.М. Епхиев, З.Г. Брциева, А.В. Моисеев, «современный терроризм характеризуется достаточно высоким уровнем организованности. Тесные и устойчивые связи террористических организаций с организованной преступностью, наркобизнесом, торговцами оружием создают достаточно прочную финансовую и материальную подпитку. Активно используя возможности информационных ресурсов, террористические организации способны осуществлять масштабную террористическую деятельность» [5, с. 28-34].

В этой связи, необходимы дальнейшее научно-практическое исследование такого явления, как «терроризм», а также более глубокий анализ системы преступлений террористического характера.

Широкое внедрение и использование в повседневной жизни различных разновидностей транспорта также стало одной из целей террористических сообществ в поисках уязвимостей транспортных систем. Поэтому в противовес данной тенденции, к примеру, в законодательстве РФ (как и за рубежом) появился так называемый институт «транспортной безопасности».

Библиографический список

1.Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. (Ч. I). Ст. 4921.

2.Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: по сост. на 1 апреля 2019 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

3.Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»: по сост. на 29 марта 2019 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

4.Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 49. Ст. 6886.

5.Епхиев О.М., Брциева З.Г., Моисеев А.В. Преступления террористического характера: состояние, динамика и особенности проявления в современной России // Российский следователь. 2017. № 16. С. 28 - 34.

6.Капитонова Е.А. Уголовная ответственность за терроризм // Lex russica. 2016. № 7. С. 70 – 84.

7.Состояние преступности в России за январь – февраль 2019 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16239015/ (дата обращения 10.04.2019).

8.Состояние преступности в России за январь – декабрь 2018 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092/ (дата обращения 10.04.2019).

9.Состояние преступности в России за январь – декабрь 2017 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16239015/ (дата обращения 10.04.2019).

10.Состояние преступности в России за январь – декабрь 2016 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092/ (дата обращения 10.04.2019).

11.Состояние преступности в России за январь – декабрь 2015 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092/ (дата обращения 10.04.2019).

УДК 343.9:341.16

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ МОЛОДОМУ ПОКОЛЕНИЮ: ГРУППЫ СМЕРТИ

Никитина И.Э.
доктор юридических наук, заведующий отделом
научно-методического обеспечения производства экспертиз
ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России
irinanikitina23@rambler.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы борьбы с террористическими организациями, выявляются обстоятельства, способствующие террористической деятельности, вовлечению молодежи в группы смерти.

Ключевые слова: террористическая деятельность, вовлечение в террористическую деятельность, группы смерти, молодежь, Интернет

Annotation: The article discusses the problems of combating terrorist organizations, identifies circumstances that contribute to terrorist activities, the involvement of young people in death groups.

Keywords: terrorist activities, involvement in terrorist activities, death groups, youth, Internet

В настоящее время террористические и экстремистские организации в своей противоправной деятельности все чаще используют современные достижения науки и техники, которые изначально были призваны улучшить жизнь человечества, например, искусственный интеллект и всемирная сеть Интернет.

Искусственный интеллект способен воспроизвести и усилить человеческие способности. Так, машины используют набор данных, чтобы идентифицировать людей на основе их изображений, выполняют сложные вычислительные и робототехнические задачи, анализируют покупательские предпочтения и модели поведения людей в Интернете, диагностируют состояние здоровья по сложным рентгенологическим исследованиям и даже дают прогнозы на фондовом рынке. Но в отличие от людей, машины не подвержены усталости и иным субъективным факторам [1].

С одной стороны это достижения человечества, а с другой стороны – это способ управлять сознанием людей, а особенно молодежью с неустоявшейся до конца психикой, хорошо подверженной постороннему воздействию.

Террористические и экстремистские организации при помощи Интернета вербуют в свои ряды молодых людей, искажая при этом общепринятые человеческие ценности. Преподносимая «жизнь в Интернете» — это «красивая картинка», которая не имеет никакого отношения к действительности. Как правило, многие подростки сталкиваются с непониманием или недооцениванием со стороны взрослых и своих сверстников. В таких случаях для них общение в сети Интернет это подмена реальности, «параллельная жизнь».

В нашей стране известны такие группы смерти как «Синий кит» и другие. Общение подростков с членами запрещенных организаций, которые побуждают их к суициду, приводит к подмене реальности, вере в то, что за порогом смерти начнется новая более привлекательная жизнь. Поэтому многие подростки считают это «своеобразной игрой» и легко уходят из жизни.

27 марта 2019 г. в результате совместной операции правоохранительных органов в Крыму обезврежены члены международной террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», запрещенной в Российской Федерации в 2003 году. Было задержано более 20 человек, которые осуществляли антиконституционную деятельность на полуострове Крым, направленную на разрушение институтов светского государства и свержение власти. Пропагандируя «всемирный халифат», члены запрещенной организации распространяли террористическую идеологию, занимались вербовкой в свою сеть молодежи[2].

Статистика терроризма в нашей стране говорит о том, что принимаемые меры по укреплению национальной безопасности государства все же позволили стабилизировать ситуацию в борьбе с терроризмом. Однако, несмотря на принимаемые государством меры, терроризм по-прежнему остается одной из основных угроз национальной безопасности Российской Федерации.

Как и любая социальная система – система предупреждения преступности требует регулярного обновления и приведения в соответствие с меняющимися внешнеполитическими и внутригосударственными условиями, порождающими новые факторы противоправного поведения.

В 2017 году Уголовный кодекс Российской Федерации пополнился статьями 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» и 110.2 «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства». Это связано с тем, что преступная дея-

тельность групп смерти с использованием сети Интернет не отвечала смыслу статьи 110 УК «Доведение до самоубийства», поскольку в 95% случаев не было человека, который довел до самоубийства.

В последние годы терроризм из локальной угрозы превратился в глобальную угрозу существования человеческого общества и цивилизации. Видоизменяясь и адаптируясь к реалиям современного мира, террористы используют последние достижения науки и техники, активно эксплуатируют религиозные и иные идеологические концепции, получившие широкое распространение в мире. Организация эффективного противодействия терроризму связана с существенными трудностями, которые утяжеляются многоликостью феномена терроризма, его высокой политической ангажированностью и, связанной с этим, амбивалентностью оценок, спецификой воздействия на социум и определенной латентностью его проявлений[3, стр. 3].

Библиографический список

1. Cristopher Rigano. Using artificial intelligence to address criminal justice needs // National Institute of Justice. Issue № 280. January 2019. URL: http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm%21_print%3Dtrue%26id%3D10438355%40fsbMessage.html

2. Сундиев И.Ю., Мешалкин С.Н. «Состояние и тенденции терологических исследований» (п. 1.7.1 Плана НИР ФГУ «ВНИИ МВД России» на 2011 год).

УДК 378.02

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПО ДЕЛАМ О ТЕРРОРИЗМЕ (В АСПЕКТЕ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ МАРКИРОВОЧНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ)

Чеснокова Е.В.
кандидат юридических наук, заместитель заведующего отделом научно-методического обеспечения производства экспертиз ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России
e.chesnokova@sudexpert.ru

Чесноков В.Е.
заместитель начальника отдела автотехнических экспертиз ЭКЦ МВД России
valery.tchesnokoff@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена экспертным исследованиям маркировочных обозначений транспортных средств как одной из форм использования специальных знаний по уголовным делам о терроризме. Специальные знания ис-

пользуются привлечением специалистов при режиме контртеррористической операции для выявления похищенных автомобилей, при осмотре места происшествия, при производстве экспертиз маркировочных обозначений транспортных средств для их идентификации.

Ключевые слова: специальные знания, терроризм, экспертиза маркировочных обозначений, транспортное средство.

Annotation: The article is devoted to expert studies of vehicle marking as a form of using special knowledge in criminal cases of terrorism. Special knowledge is used by the involvement of specialists in the counter-terrorist operation to identify stolen cars, during the inspection of the scene, in the production of examinations of vehicle markings for their identification.

Keywords: special knowledge, terrorism, examination of markings, vehicle.

Использование специальных знаний в раскрытии и расследовании уголовных дел о терроризме, имеет особую значимость вне зависимости от форм таких знаний. В стремлении противодействовать и искоренять идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органов государственной власти, органов местного самоуправления или международных организаций, связанных с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий, российское государство посредством деятельности своих органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц осуществляет деятельность по предупреждению и профилактике терроризма, борьбе с терроризмом, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма[1].

При расследовании террористической деятельности значимую роль играют экспертные исследования маркировочных обозначений транспортных средств (далее – МО ТС)[2, с. 4].

Как известно, при подготовке и совершении данного вида преступлений террористы широко используют транспортные средства (далее – ТС). С позиций криминалистической характеристики преступления автомобиль выступает в качестве средства его совершения. Для осуществления «дьявольских планов» террористов он и средство передвижения, и предмет, в котором размещают взрывные устройства, а также обладающий ударной, давящей силой. Причем, для первых двух целей используются недорогие по стоимости и отечественные автомобили, зачастую находящиеся в угоне, с измененным идентификационным номером, приобретенные посредством поддельных документов.

Приведем несколько примеров из отечественной и зарубежной практики[3],[4]. Отечественная практика отражает способ совершения терактов посредством взрывных устройств, укрываемых в ТС, зарубежная – посредством самих ТС.

В Карачаево-Черкесии в ходе контртеррористической операции были нейтрализованы члены бандгруппы, присягнувшие на верность запрещенной в России террористической организации «Исламское государство» (далее - ИГ) и планировавшие совершение терактов в местах массового пребывания людей. В

багажнике автомобиля боевиков было найдено самодельное взрывное устройство с поражающими элементами.

Весной 2017 года в городе Химки Московской области правоохранительные органы задержали уроженца Киргизии, который вербовал в ИГ и готовил теракт возле одной из станций Московского метрополитена с использованием грузового автомобиля марки «КамАЗ».

По мнению зарубежных специалистов, все чаще террористические организации, планирующие атаки [5] в местах массового скопления людей, внедряют новую тактику и способы их совершения. Для этих преступлений они все чаще выбирают тяжелые ТС, которые направляют на толпу. Например, ИГ активно продвигает стратегию «автомобильных терактов» в своей идеологии, предлагая своим сторонникам выбирать автомобиль и цель по своему усмотрению. В результате, начиная с июля 2016 года, три четверти жертв терактов в Западной Европе погибли при «автомобильных атаках».

В Барселоне террорист выбрал фургон марки «Фиат» (Fiat). Он проехал в начало пешеходного бульвара Рамбла, который является частью главной туристической улицы Барселоны, и врезался в толпу прохожих. Как сообщает сайт газеты «El País», водитель вел автомобиль 530 метров зигзагами, чтобы зацепить как можно больше людей. Машина двигалась со скоростью 80 км/ч. Действия преступника привели к смерти как минимум тринадцати человек, ранения получили больше сотни людей. Водитель фургона скрылся с места происшествия. Ответственность за атаку почти сразу взяла на себя ИГ.

В Ницце летом 2016 года 31-летний выходец из Туниса Мохаммед Лауэж-Булель арендовал грузовик для доставки продуктов марки «Рено» (Renault) и врезался на нем в людей в центре города. Это произошло в День взятия Бастилии, потому на улицах Ниццы было много народа. В результате теракта погибли 86 человек, еще 308 получили ранения.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации, одним из направлений деятельности по противодействию терроризму является борьба с ним, которая заключается в выявлении, предупреждении, пресечении, раскрытии и расследовании террористического акта.

Эта деятельность в аспекте использования возможностей экспертных исследований МО ТС, реализуется по следующим направлениям: привлечение экспертов силовых ведомств в качестве специалистов при введенном режиме контртеррористической операции (КТО)[6] в связи с допустимыми ограничениями, среди которых проверка документов, досмотр на въезде и выезде из зоны действия режима, для выявления угнанных, похищенных автомобилей; на месте происшествия при осуществлении следственного осмотра, в частности, автомобилей или их частей на предмет наличия изменения МО и (по возможности) идентификации ТС и его владельца; производство экспертиз МО ТС.

Привлечение экспертов силовых ведомств для выявления угнанных, похищенных автомобилей производится в целях выявления, предупреждения и пресечения террористического акта. Специфика перечисленных задач определяется формой привлечения специалистов. Она представляет собой экспресс-

исследование идентификационного номера ТС, остановленного по требованию сотрудника ГИБДД и подлежащего проверке, например, на блокпостах, оживленных магистралях и т.п. на предмет изменения первоначального содержания и способа имеющегося изменения. Очевидно, такая работа для сотрудников правоохранительных органов сопряжена с высоким риском для жизни и здоровья.

Экспертная работа на месте происшествия строится в связи с обстановкой самого происшествия. Осмотр места происшествия, например, место взрыва ТС осуществляется с целью поиска промаркированных деталей или их частей, определения вида МО, следовательно, возможности его последующей идентификации. При наличии автомобиля на месте происшествия могут быть решены задачи по определению наличия изменения МО и (по возможности) идентификации ТС экспертами, являющимися сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений МВД России в статусе специалиста. Результаты такой работы способствуют установлению, как самих преступников, так и их возможных сообщников.

В целях раскрытия и расследования уголовных дел о терроризме, при невозможности проведения качественного исследования МО ТС на месте происшествия и для получения доказательства в виде заключения эксперта в рамках возбужденного уголовного дела производятся экспертизы МО ТС.

Согласно перечню прав, которыми наделен Национальный антитеррористический комитет (далее – Комитет), он имеет право «запрашивать и получать в установленном порядке необходимые материалы и информацию от организаций и должностных лиц, привлекать для участия в работе Комитета должностных лиц и специалистов федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления…». Следовательно, при необходимости использования специальных знаний для деятельности Комитета, у государственных и негосударственных экспертных учреждений, а также частнопрактикующих специалистов, появляется обязанность удовлетворить нужды в информации, произвести консультацию по вопросам, требующим специальных знаний, в том числе и по исследованию МО ТС.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что экспертное исследование МО, закономерно занимает свое место в процессе раскрытия и расследования преступлений о терроризме посредством участия в оперативно-розыскных мероприятиях и следственных действиях, и в статусе специалиста и эксперта при возникающей необходимости в специальных знаниях.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму».

2. Чеснокова Е.В. Экспертное исследование маркировочных обозначений на транспортных средствах по делам, связанным с их незаконным завладением: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.09 / Моск. ун-т МВД РФ. - Москва, 2007. - 26 с.

3. РИА Новости. Случаи предотвращения терактов на территории России в 2017-2018 годах [Электронный ресурс]. – URL: https://ria.ru/20180306/1515851305.html. (дата обращения 12.02.2019).

4. Газета.ru. Как спастись: чему учат теракты в Испании [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gazeta.ru/social/2017/08/18/10837406.shtml. (дата обращения 12.02.2019).

5. Chesnokova E.V. Contemporary challenges of state security: illegal migration as possible terrorist threat / I.E. Nikitina, E.V. Chesnokova // Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues. 2017.T.20.№ Special issue 1

6. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

УДК 343. 98. 067

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АЛГОРИТМА УСТАНОВЛЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ SKH ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ

Храмов С.М.
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин УО БрГУ
им. А.С. Пушкина
tut-2003@tut.by

Аннотация: Настоящая статья посвящена противодействию экстремизму посредством использования нового Алгоритма установления обстоятельств. Алгоритм состоит из семи последовательных шагов и позволяет решать задачи генерирования наиболее вероятных версий расследуемых событий.

Ключевые слова: Алгоритм**,** преступность, экстремизм, версии, проблемы противодействия экстремизму.

Annotation: This article is devoted to countering extremism through the use of a new Algorithm for establishing circumstances. The algorithm consists of seven consecutive steps and allows solving the tasks of generating the most probable versions of the events under investigation.

Keywords: Algorithm, crime, extremism, versions, problems of countering extremism.

В 2017-2018 гг. был разработан авторский Алгоритм установления обстоятельств SKH (SKH - первые буквы имени и фамилии автора; далее – Алгоритм SKH. – Прим. С.М. Храмова). В последующем в 2018-2019 гг. Алгоритм SKH прошел успешную апробацию. Источниковая база Алгоритма SKH – около 10 000 примеров. Основное предназначение Алгоритм SKH – решение поисковых и профилактических задач посредством генерирования и последующей проверки версий.

Алгоритм SKH состоит из 7 последовательных шагов: шаг № 1. Факты без эмоций о событии; шаг № 2. Гипотеза / Анти-гипотеза; шаг № 3. Чек-лист Ганса Гросса; шаг № 4. Сухой остаток; шаг № 5. 19 приемов установления обстоятельств; шаг № 6. Версии; шаг № 7. РЕШЕНИЕ=СОБЫТИЕ.

Он может быть применен в различных социальных сферах, в том числе и в сфере противодействия преступности.

Одним из наиболее опасных проявлений современной преступности является экстремизм (от лат. extremus - крайний). Для того чтобы успешно бороться с экстремистскими проявлениями, необходимо выявлять конкретные обстоятельства преступлений в данной сфере с целью пресечения противоправной деятельности, изобличения виновных лиц, устранения причин и условий этих преступлений.

Согласно ст. 15 Федерального закона от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», «за осуществление экстремистской деятельности граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства несут уголовную, административную и гражданско-правовую ответственность в установленном законодательством Российской Федерации порядке»[1].

Основанием уголовной ответственности за проявления экстремизма является совершение виновно запрещенного УК РФ деяния в виде: «1) оконченного преступления; 2) приготовления к совершению преступления; 3) покушения на совершение преступления; 4) соучастия в совершении преступления» (ст. 10 УК РФ)[2]. То есть основанием уголовной ответственности за экстремизм является совершение преступления в данной сфере. Например, организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ). Рассмотрим на примере этого состава преступления, каким образом можно использовать Алгоритм SKH для формулирования направлений противодействия экстремизму.

Шаг №1. Факты без эмоций о событии. Следует перечислить все установленные факты, имеющие отношение к расследуемому преступлению. На этом этапе какая-либо оценка установленным фактам не дается. Сами факты являются инструментом, необходимым для того, чтобы на последующих этапах сформулировать требуемые выводы. В данном случае, о противодействии экстремизму.

Перечислим некоторые примеры таких фактов.

- наличие вступившего в законную силу судебного решения о запрете той или иной организации в связи с осуществлением экстремистской деятельности;

- фактические данные об активных действиях виновного по склонению граждан к участию в деятельности экстремистской организации (например, проведение индивидуальных бесед или групповых пропагандистских встреч);

- конкретные случаи применения мер насильственного воздействия;

- эпизоды выполнение проверочных заданий экстремистской организации (например, по выявлению лиц, владеющих огнестрельным оружием, в том числе незаконно);

- данные об активном участии в деятельности экстремистской организации (например, в шествиях, массовых беспорядках, применении насилия по национальному признаку).

Шаг № 2. Гипотеза / Анти-гипотеза. В процессе установления обстоятельств экстремистской деятельности могут быть выдвинуты различные версии (гипотезы). Например, лицо выразило добровольное согласие на участие в деятельности экстремистской организации.

В качестве анти-гипотезы будет выступать предположение о том, что лицо было введено в заблуждение относительно истинных целей деятельности организации.

Все версии необходимо проверить. Часть из них окажутся неверными. Важно вовремя отсечь их, поскольку они могут повлиять на правильную уголовно-правовую квалификацию содеянного.

Шаг № 3. Чек-лист Ганса Гросса. Это условное название. Перечень вопросов, о котором пойдет речь, был приведен в систему еще в первом веке нашей эры.

Основатель криминалистики Ганс Гросс в своей книге «Руководство для судебных следователей как система криминалистики» писал: следователь «при первом обнаружении серьезности или сложности работы, составляет для себя такой листок, причем выполнение его пунктов должно идти шаг за шагом, для важнейших же моментов следствия должны иметься отдельные графы. Эти графы для каждого дела должны заключать следующие вопросы: кто, что, где, какими средствами, каким образом и когда»[3, с. 71–72.].

Шаг № 4. «Сухой остаток». В Алгоритме SKH указан ассоциативный термин «сухой остаток», который часто используемый при общении специалистов. «Сухой остаток» обозначает концентрированный результат цепочки предыдущих действий. От «сухого остатка» цепочку можно условно «размотать» обратно. Приведенное определение сформулировано автором. В словарях термин отсутствует.

Пример. Гр-ну Б., являющемуся сторонником националистической идеологии, представителями запрещенной экстремистской организации были даны проверочные задания «по поиску лиц, уклоняющихся от участия в вооруженном конфликте…, а также выявлению лиц незаконно хранящих огнестрельное оружие»[4].

«Сухим остатком» этой деятельности являлось «участие в вооруженном конфликте со стороны организаций, которые пропагандируют возбуждение ненависти либо вражды и унижения человеческого достоинства по признакам национальности»[4].

Шаг № 5. 19 приемов установления обстоятельств произошедшего события. В Алгоритм SKH встроено 19 приемов установления обстоятельств произошедшего события. В данной работе для примера будет приведен только один дополнительный прием, не входящий в перечень 19 основных приемов. Название приема: «Если…, то…». Знание этого приема позволяет построить многоуровневую модель противодействия экстремизму.

Примеры использования приема «Если…, то…».

Если выявлен «капитан» (старший по квартире), то существует «руководитель» района.

Если на съемной квартире проживают совместно не менее 5 молодых человек, то возможно, они объединены в группу (ячейку).

Шаг № 6. Версии. Речь идет уже о наиболее вероятных, приоритетных версиях. К шестому шагу в идеале все ошибочные версии и альтернативные должны быть отработаны и исключены.

Шаг № 7. РЕШЕНИЕ = СОБЫТИЕ. Окончательное решение стоящей поисковой задачи происходит при прохождении седьмого шага. Его начало совпадает с завершением проверки окончательной версии (шаг № 6).

Таким образом, при осуществлении работы по противодействию экстремизму может быть использован Алгоритм установления обстоятельств SKH. Он позволяет систематизировать достоверно установленные факты, установить цепочку действий организаторов и исполнителей преступлений, сгенерировать наиболее вероятные версии произошедшего, разработать меры для профилактики преступлений экстремистской направленности в будущем.

Библиографический список

1. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон Рос. Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Рос. газ. – 2002. – 30 июля.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.,) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М.: ЛексЭст, 2002. 1088 с.

4. Архив Теучежского районного суда Республики Адыгея за 2018 г. Уголовное дело № 1-45/2018.

УДК 343.301

ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ С ЭКСТРЕМИЗМОМ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Ботвин И.В.
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России
botviniv@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются особенности уголовно-правовой борьбы с экстремизмом на примере Алтайского региона. Автор, анализируя современные тенденции законодательного регулирования ответственности за экстремистские посягательства делает вывод о их бессистемности и противоречивости.

Ключевые слова: борьба с преступностью, экстремистские посягательства, законодательные тенденции, концепция преобразований.

Annotation: The article discusses the features of criminal law struggle against extremism on the example of the Altai region. The author analyzes the current trends in the legislative regulation of responsibility for extremist attacks and concludes that they are unsystematic and contradictory.

Keywords: the fight against crime, extremist attacks, legislative trends, the concept of transformation.

В современном российском государстве поддерживается жесткая уголовная политика государства, направленная на борьбу с преступными проявлениями, однако проблема их законодательной регламентации остается приоритетной, что актуально и для посягательств экстремисткой направленности.

В стране развиваются новые технологии, укореняется информатизация и гаджетизация общества, порождая новые виды и способы преступных деяний. Зачастую такие посягательства на шаг впереди деятельности законодателя по установлению уголовно-правовых запретов, что, в конечном счете, приводит к внесению хаотичных точечных изменений, не отвечающих критерию системности.

В последние годы сформировался некий тренд по привлечению к уголовной ответственности за деяния, выражающиеся в так называемых лайках, репостах и иных комментариях в сети Интернет, которые носят критический характер не только в отношении отдельных чиновников, решений государственных органов и прочих событий в стране.

С каждым годом число лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 282 УК РФ растет, при этом правоприменителями не в полной мере учитываются разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, которые изложены в постановлении от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным де-

лам о преступлениях экстремистской направленности», в котором говорится, что «критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды».

Таким образом, как нам представляется, критика в сети Интернет в отношении действий (бездействий) чиновников, политических, законодательных процессов по своей сути не может квалифицироваться как посягательство, связанное с унижением человеческого достоинства, поскольку в отношении указанных лиц рамки возможной критики гораздо шире, чем в случае с частными лицами.

Такую позицию принял и Верховный суд России в постановление от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», в котором указывается, что размещение в социальных сетях, а также иных средствах массовой информации различных материалов может быть признано экстремистским преступлением лишь при уяснении сознательно-волевой составляющей предполагаемого виновного, т.е. доказыванию должно подлежать установление цели на возбуждение ненависти или вражды и т.д.

Следующий шагом законодателя стала череда запретов на оскорбление власти в Интернете и, так называемых, фейковых новостях, предусмотрев административную ответственность вплоть до административного ареста на 15 суток.

Представляется, что следующим шагом станет новая волна протестов (следует отметить, эта тема уже активно муссируется в сети Интернет) относительно запретов на критику чиновников. Такая тенденции будет продолжаться до тех пор, пока законодатель не определится в необходимости охранять разматываемые общественные отношения, а также в выборе средств по достижению этой цели.

Еще одна проблема, которую хочется затронуть касается относительно новых понятиях уголовного права, которые до сих пор не могут встроиться в систему уголовного законодательства России. Речь идет о терминах «экстремистское сообщество», «экстремистская организация» и «террористическое сообщество», «террористическая организация».

Данные явления никак не вписываются в положения общих начал уголовного права о соучастии в преступлении. Это некий самостоятельный феномен Особенной части УК РФ, который явно противоречит фундаментальным правилам закона. Такая норма стала новеллой в 2002 году, когда началась активная борьба с экстремистскими проявлениями, по большей части совершаемыми в соучастии, поскольку это существенно повышает общественную опасность содеянного.

Избирая те или иные уголовно-правовые средства, законодатель стремится решить лишь узкую конкретизированную задачу по борьбе с отдельно взятыми явлениями, оставляя в стороне тенденции развития и динамику преступности, криминальную ситуацию в стране и отдельных ее регионах, что приводит к разрушению устоявшейся системы уголовно-правового запрета. Следовательно,

отсутствие или неверная постановка концептуальной цели противодействия преступным проявлениям влечет за собой избрание неэффективных средств ее достижения, приводя к спонтанным и противоречивым изменениям и дополнениям действующего уголовного законодательства.

Таким образом, бурно протекающие процессы криминализации и декриминализации, а также существенные изменения в пенализации приобрели скорее эмоциональный характер, между тем, рассогласованность законодательства в вопросах борьбы с экстремизмом достигает критических масштабов. Законодатель, опираясь на некие тренды в обществе, сконцентрирован на принятие слабо осмысленных противоречивых решений, зачастую не отвечающих признаку системности.

В сложившейся ситуации представляется необходимым разработать концепцию комплексного преобразования уголовного закона по борьбе с экстремизмом. Изменения и дополнения, вносимые в УК РФ должны носить системный характер, а обсуждение существующих и прогнозируемых проблем следует проводить на учреждаемых Государственной Думой научно-практических конференциях и форумах, с учетом мнения ведущих ученых в области уголовного права и профилактики преступности. Только решения, отвечающие требованиям целесообразности и системности, будут способствовать достижению поставленных перед законом целей, что позволит эффективно оптимизировать процесс борьбы с экстремизмом в современных условиях.

УДК 343

ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Виноградов А.В.
кандидат исторических наук, заместитель начальника кафедры гуманитарных и социальных наук Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
vinograd@rambler.ru

Суховецкая Е.Ю.
кандидат педагогических наук, доцент, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
suhoveckaya74@mail.ru

Аннотация: В статье проведен анализ динамики преступлений экстремистской направленности в России, а также рассмотрена проблема квалификации

данных преступлений в правоприменительной практике. Авторами обозначены вопросы несовершенства уголовного законодательства в данной области.

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремистской направленности, правоприменительная практика, проблемы квалификации.

Annotation: This article analyzes the dynamics of extremist crimes in Russia, as well as the problem of qualification data crimes in law-enforcement practice. The authors identified questions of imperfection of the criminal legislation in this field.

Keywords: extremism, extremist crime, law-enforcement practice, problems of qualification.

Одним из важных направлений уголовной политики России настоящее время является противодействие экстремизму. Экстремистская деятельность представляет собой сложное и распространенное явление, охватывающее множество преступлений и административных правонарушений.

В 21 веке, экстремизм стал угрозой современного общества. В современных исследованиях констатируется: «прямые или косвенные последствия экстремизма затрагиваю все основные сферы общественной жизни – политическую, экономическую и социальную»[1, с. 337]. Поэтому неслучайно в стратегии национальной безопасности РФ[2], в числе основных источников угроз национальной безопасности указывается на деятельность террористических и экстремистских организаций.

Как показывает российская правовая статистика, количество преступлений экстремистской направленности увеличивается с каждым годом. Так в 2012 году было зарегистрировано 696 преступлений экстремистской направленности, в 2013 году – 896, в 2014 году – 1024, в 2015 году – 1308, в 2016 году – 1410, в 2017 году – 1521, в 2018 году – 1265 [3].

Ведущее место среди совершаемых по экстремистским мотивам преступлений занимают деяния, предусмотренные ст. 282, ст. 280, п. «е» ч.2 ст. 111, п. «е» ч.2 ст. 112, п. «б» ч.2 ст. 115 УК РФ. Очаги возгорания экстремизма наблюдаются в таких субъектах Российской Федерации, как Москва, Московская область, Свердловская область, Республика Дагестан, Красноярский край, Кабардино-Балкарская республика, Республика Татарстан и Ростовская область, что, несомненно, свидетельствует о необходимости выявления причин возникновения и условий существования экстремистской преступности, а также формировании комплекса мероприятий по ее профилактике.

На сегодняшний день кроме вопросов профилактики преступлений экстремистской направленности, много проблем возникает в правоприменительной практике в процессе квалификации данных деяний.

Так, согласно указания Генеральной прокуратуры РФ № 853/11 и МВД России № 5 от 25 декабря 2018 г «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» к преступлениям экстремисткой направленности относятся:

1. без дополнительных условий: п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, п. «б» ч. 1 ст. 213, ст. 280, ст. 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 357 УК РФ.

2. Преступления, относящиеся к перечню при наличии в статистической карточке отметки о совершении преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы: ч.ч. 3 и 4 ст. 111, ст. 116, 136, 148, 149, 212, ч. 2 ст. 213, ч. 2 ст. 214, ст. 239, 243, 244, 335, 336, 354.1 УК РФ[4].

Квалифицируя данные деяния необходимо учитывать дополнительные признаки субъективной стороны состава преступления: мотив и цель преступления, что вызывает определенные трудности в судебной практике. Специальной целью данных составов выступает возбуждение ненависти или вражды, а также унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождении, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе. Мотивом выступает национальная, расовая, религиозная или межрегиональная ненависть или вражда.

Хотелось бы подчеркнуть, что по анализируемым мотивам могут быть совершены различные преступления, предусмотренные в разных главах УК РФ. При этом в одних статьях изучаемый мотив указан в диспозиции статьи как обязательный признак состава преступления, в других указан как квалифицирующий признак, в-третьих, не указан как обязательный или квалифицирующий признак состава преступления, однако совершение этих преступлений возможно только по указанному мотиву, в-четвертых, может быть признан обстоятельством, отягчающим наказание.

На наш взгляд, значение установления мотива национальной, расовой, религиозной или межрегиональной ненависти или вражды при расследовании преступлений, обусловлены следующими обстоятельствами. А именно, правильной квалификацией преступного деяния. Особенность конструкции составов норм УК РФ такова, что при расследовании рассматриваемой категории преступлений, установление и доказательство анализируемых мотивов обязательно.

В случаях, когда эта работа не сделана или сделана не на должном уровне, деяние не может быть признано совершенным по мотивам национальной, расовой, религиозной или межрегиональной ненависти или вражды. Соответственно, по составам, в которых анализируемый мотив указан как обязательный признак, деяние не будет являться преступлением; по составам, в которых мотив предусмотрен как квалифицирующий состав, деяние может быть прекращено в части и переквалифицировано.

Кроме этого квалификация по анализируемому мотиву возможна только в том случае, когда ненависть или вражда являлись доминирующим мотивом преступления, а не внешне присутствовали в преступлении, совершенном на почве личных неприязненных отношений или из хулиганских побуждений.

По мнению Кунашева А.А. «невнимательное отношение к установлению истинных мотивов преступной деятельности приводит к неправильной квалификации и нарушению принципа справедливости при назначении наказания за совершенное преступление» [5].

Таким образом, проведенный анализ вышеперечисленных проблем квалификации свидетельствует о необходимости совершенствования уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям экстремистской направленности

Библиографический список

1. Хомяков И.Д. Деятельность войск национальной гвардии в противодействии экстремизму. // Новации юридической науки и практики как фактор гармонизации взаимоотношений личности, общества и государства: Материалы междунар. науч.-практич. конференции. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. – С. 336-338.

2. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. №683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ от 4 января 2016 г. № 1 (часть II) ст. 212.

3. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики [Электронный ресурс] // http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 05.04.2019).

4. Указание Генеральной прокуратуры РФ № 853/11 и МВД России № 5 от 25 декабря 2018 г «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности».

5. Кунашев А.А. Мотивы ненависти или вражды в уголовном праве России. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 3.

УДК 343.6

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКАХ ПРЕСТУПНОГО НАСИЛИЯ

Верченко Н.И.
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и национальной безопасности юридического факультета ФГБОУ ВО Новосибирский государственный университет экономики и управления
n.verchenko@yandex.ru

Аннотация: Понятие преступного насилия в уголовном праве до сих пор является сложным и спорным моментом, так как его дефиниция не закреплена, что создаёт множество разногласий в значениях: способа или средства, цели или мотивации, основным и др. Для насильственных преступлений обязательным и основным элементом будет выступать – насилие, поэтому, когда насилие входит в объективную сторону преступления, это преступление трансформируется в «насильственное».

Ключевые слова: объект, насилие, вред, потерпевший, угроза

Annotation: The concept of criminal violence in criminal law is still a complex and controversial point, as its definition is not fixed, which creates a lot of differences in the values: the method or means, purpose or motivation, etc. For violent crimes mandatory and the main element will be – violence, therefore, when violence enters the objective side of the crime, this crime is transformed into a "violent".

Keywords: object, violence, harm, victim, threat

В фундаменте характеристики преступного насилия лежат признаки объекта и объективной стороны, в свою очередь субъективные признаки выходят на второй план[6]. Законодательство предусматривает правовые нормы защиты общественных благ, в отношении объекта преступления, которому может быть причинён вред. Общественная опасность насилия выражается в том, что оно направлено на человека как на био-психо-социальное существо, являющегося личностью. В таком случае объектами общественно опасного насилия против личности, выступают такие ценности, как жизнь, здоровье, свобода, достоинство, честь, физическая и психическая неприкосновенность[1, с. 9; 2, с. 128].

Родовым объектом преступного насилия являются общественные отношения, обеспечивающие незыблемость личных благ человека. Нанесение вреда таким отношениям возможно только посредством причинения физического и психического вреда потерпевшему.

Если рассматривать охрану личности как субъекта общественных отношениях, то помимо обеспечения охраны жизни, так же обеспечивается охрана здорового функционирования жизнедеятельности человеческого организма, его органов и систем.

Преступление, направленное на причинение вреда здоровью потерпевшего, осуществляется путём физического воздействия на ткани и органы, а также их функции, организма потерпевшего лица, когда субъект преступления использует физические, химические, механические и биологические, материальные факторы из внешней среды. При этом зачастую встречаются случаи усложнения объективной стороны физического насилия, а именно комбинация субъектом преступления как физических, так и психических средств для достижения своего преступного умысла. К числу таких преступлений, причинения физического вреда, хотя и в результате энергетического воздействия, но с использованием субъектом информационных средств, в первую очередь относятся: злоупотребление доверием, обман и использование психической беспомощности потерпевшего лица. К примеру, довольно распространённый случай причинения вреда (смерти, расстройства здоровью) путём обманного введения в организм потерпевшего химических препаратов отравляющего или снотворного действия.

Так, ФИО1 и ФИО2 находившиеся в преступном сговоре, договорились совершить хищение имущества у ФИО3 с применением к нему насилия, опасного для здоровья путем введения в организм ФИО3 сильнодействующего вещества клозапина, действие которого приведет человека в беспомощное со-

стояние. ФИО1 незаметно для ФИО3 поместила в бутылку с шампанским, которое употреблял ФИО3, сильнодействующее вещество клозапин, являющееся опасным для здоровья человека [4].

Таким образом, субъекты данного преступления осуществили свой преступный умысел с помощью физического и психического насилия путём обманного введения в организм жертвы сильнодействующего вещества, влекущее беспомощное состояние.

Возвращаясь к случаям причинения физического вреда человеку путём информационного воздействия, признаются ситуации, когда виновный оказывает влияние на психологическую сферу жертвы путём передачи ему информации вызывающие негативные психические процессы (страх, тревогу, стресс и т.д.) порождающие психосоматическое расстройство. К примеру, Х. Ф., с целью хищения чужого имущества путем вымогательства, созвонился с ФИО1 и обратился к ней с требованием передачи ему денег в сумме 30000 рублей, под угрозой распространения позорящих ее сведений, а именно, интимных фотоснимков с ее изображением во время интимных встреч с ФИО2 [5].Таким образом, мы видим наглядный пример того, как Х. Ф. осуществляя свой преступный умысел, реализовывал его через психологическую сферу жертвы, путём шантажа интимными фотоснимками, чем вызвал психические расстройства жертвы (страх, тревогу).

Важно отметить разницу между применением силы в отношении потерпевшего, воздействуя на его внутренние или внешние органы, части тела или же на применение силы не в отношении потерпевшего, а для внезапного захвата сумки, срывания ожерелья, шапки и т.д. В этом случае насильственное преступление против личности будет отсутствовать и данное преступление является грабежом, а не разбоем.

На основании изложенного выше можно сделать вывод, о том, что видовым объектом насильственных преступлений являются общественные отношения, обеспечивающие его безопасное физическое существование, а точнее незыблемость, состояние защищенности (неприкосновенности) таких физических благ как жизнь, здоровье и физическая свобода[6].

Непосредственным объектом будут выступать такие ценности личности, как жизнь (ст. ст. 105-108 УК), здоровье, телесная неприкосновенность (ст. ст. 111-117 УК), половая неприкосновенность (ст. ст. 131-135 УК). В случае если причиняется вред здоровью различной степени тяжести, то основным объектом будет являться здоровье, а дополнительным - телесная неприкосновенность.

Не всегда посягательства на жизнь и свободу выступают одновременно с посягательством на телесную неприкосновенность. К примеру, запирание потерпевшего путём обмана в комнате, без применения физической силы следует рассматривать как насильственное преступление, т.к. идёт насильственное воздействие на психику человека.

Из судебной практики можно привести пример по делу № 2-13/2014 о похищении без применения насилия. В одном из эпизодов дела, участник организованной группы представился сотрудником милиции (на тот момент) и под

обманным предлогом необходимости проследования в отдел милиции, забрал у потерпевшего паспорт, посадил в автомобиль, на котором похитил лицо против его воли. Не давая возможности покинуть автомобиль, перевёз в частный дом, в котором в последующем незаконно удерживался потерпевший[3].

Таким образом, субъекты данного преступления осуществляли свой преступный умысел, направленный на завладение чужим имуществом, осуществляя его через посягательство на свободу жертв, но без посягательства на телесную неприкосновенность.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, о том, что объектом насильственных преступлений являются общественные отношения, регулирующие личную безопасность человека, под которой понимается физическая и психическая неприкосновенность лица. Насильственные преступления могут совершаться активным поведенческим актом человека, а также в пассивной форме (бездействие). Насильственные преступления влекут общественно-опасные последствия в виде физического (нарушение анатомической цельности тела) и психического (нарушение душевной деятельности) вреда.

Библиографический список

1. Иванцова, Н. В. Отражение и оценка общественно опасного насилия в уголовном праве: вопросы теории и практики, 2015. С. 9.
2. Лямкина Н.И. Проблемы допроса иностранных граждан в уголовном судопроизводстве /Н.И. Лямкина // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2018. № 16-1. С. 128-130.
3. Приговор Санкт-Петербургского городского суда от 26 февраля 2015 г. по делу № 2-13/2014 [Электронный ресурс]. - URL: http://sudact.ru/regular/doc/GhQnINhKOCJ1/. (дата обращения: 16.04.2018).
4. Приговор Свердловского районного суда от 18 июня 2015 г. по делу № 1-148/201 [Электронный ресурс]. - URL: https://rospravosudie.com/court-sverdlovskij-rajonnyj-sud-g-kostromy-kostromskaya-oblast-s/act-539979899/. (дата обращения: 16.02.2019).
5. Приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Дагестан от 03 мая 2011 года по дело № 22-585/2011 [Электронный ресурс]. - URL: https://rospravosudie.com/court-verxovnyj-sud-respubliki-dagestan-respublika-dagestan-s/act-103539813/. (дата обращения: 19.02.2019).
6. Шарапов, Р.Д. Насилие как уголовно-правовая категория и его виды /Р.Д. Шарапов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2006. № 1 [Электронный ресурс]. -URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nasilie-kak-ugolovno-pravovaya-kategoriya-i-ego-vidy. (дата обращения: 16.02.2019).

УДК 343.33

ВОПРОСЫ ОБОСНОВАННОСТИ ИЗМЕНЕНИЙ СТ. 282 УК РФ

Ермакова О.В.
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Барнаульского юридического института МВД России
кандидат юридических наук, доцент
ermakova_alt@mail.ru

Аннотация: В представленной статье рассматривается вопрос об обоснованности законодательных трансформаций состава возбуждения ненависти или вражды, а равно унижения человеческого достоинства. Автором на основе анализа понятия административной преюдиции, а также рассмотрения общественной опасности преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, представлен вывод о целесообразности изменений указанной уголовно-правовой нормы.

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности, возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства, преступления с административной преюдицией.

Annotation: In the present article, the question of the validity of legislative transformations of the composition of incitement to hatred or hostility, as well as the humiliation of human dignity, is examined. The author on the basis of the analysis of the concept of administrative prejudice, as well as consideration of the public danger of a crime, provided for by Art. 282 of the Criminal Code of the Russian Federation, a conclusion is presented on the advisability of changing the said criminal law provision.

***Keywords*:** extremist crimes, incitement to hatred or hostility, as well as the humiliation of human dignity, crimes with administrative prejudice.

Регламентация состава возбуждения ненависти или вражды, а равно унижения человеческого достоинства в последние годы активно подвергалась существенным изменениям, каждое из которых декриминализировало определенную часть данного общественно опасного деяния.

В частности, можно проанализировать следующие трансформации состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ: при первоначальной редакции рассматриваемой нормы уголовно наказуемым считалось любое действие, возбуждающее ненависть по экстремистским мотивам или унижающее достоинство; в последствии круг деяний был ограничен способом совершения преступления, включающим в себя исключительно публичные действия либо с использованием средств массовой информации либо сети «Интернет». И, наконец, изменения, внесенные Федеральным законом от 27 декабря 2018 года №519-ФЗ частично декриминализировали указанное преступление, ограничив применение ст. 282 УК РФ исключительно случаями совершения деяния лицом, ранее привлекавшимся к административной ответственности за аналогичные факты в течение 1 года.

Очевидно, что действующая редакция состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ использует институт административной преюдиции, предполагающий наличие преступления только в том случае, когда деяние совершается лицом, ранее привлекавшимся к административной ответственности. Соответственно, совершение данного действия в отсутствии административного наказания не образует преступление, а переведено в разряд правонарушений.

В научной литературе отношение к подобному законодательному приему неоднозначное.

Так, А.П. Шергин считает административную преюдицию правовым средством борьбы не только с административными проступками, но и с преступными деяниями, а также приемом, способным оживить неработающие нормы уголовного права, помочь в разграничении проступков и правонарушений от уголовно наказуемых деяний[1, с. 299].

Н.А. Лопашенко высказывает мысль о том, что все административные правонарушения, совокупность которых провозглашается законодателем преступной по признаку повторяемости и накоплению самостоятельных административных правонарушений, никак не связаны между собой, так как каждый раз воля лица реализуется в указанном отдельном правонарушении до конца[2, с. 64-71].

По нашему мнению, прежде, чем представить вывод о целесообразности использования института административной преюдиции необходимо проанализировать те причины, по которым законодатель переоценил общественную опасность преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ.

По нашему мнению, основной причиной частичной декриминализации и изменения содержания общественной опасности данного преступления выступает возросшее в последние годы количество уголовных дел по написанию комментариев в сети Интернет, копированию изображений, когда лицо, совершившее подобные действия, даже не осознает их опасность и сущность и не преследует экстремистские мотивы.

Например, Евгения Корта обвинили в публикации в социальной сети «ВКонтакте» за картинку с националистом Максимом Марцинкевичем (Тесаком) и человеком, похожим на поэта Александра Пушкина. На картинке «Тесак» прижимает Пушкина к стене, сопровождая это комментарием с ксенофобным оскорблением. В ходе расследования было установлено, что изображение содержит «совокупность психологических и лингвистических признаков унижения нерусских». Подсудимый утверждал, что не публиковал изображение, а случайно сохранил его в альбом на своей странице.

Полагаем, что в подобных примерах вообще не идет речь о преступном деянии в связи с тем, что объективная сторона части 1 ст. 282 УК РФ содержит признаки двух самостоятельных составов преступлений:

1) действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды.

При этом возбуждающей является такая информация, которая содержит отрицательную эмоциональную оценку и формирует негативную установку в отношении определенной этнической (национальной), расовой (антропологиче-

ской), конфессиональной (религиозной) группы, подстрекает к ограничению их прав или к насильственным действиям против них. Она порождает напряженность в обществе, формирует негативные стереотипы, создает питательную почву для конфликтов[3, с.454].

2) действия, направленные на унижение достоинства человека по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо к какой-либо социальной группе[4, с. 26].

При этом преступление должно совершаться только с прямым умыслом, т.е. виновный осознает характер совершаемых действий по возбуждению ненависти или унижению достоинства и желает их совершения.

По нашему мнению, вопрос соответствия приведенных в примерах действий и обозначенных признаков, достаточно спорный. В частности, очень сложно при проведении экспертизы «мема», «картинки» определить умысел публикующего и цель. Кто-то сохраняет картинки нечаянно, кто-то видит в картинках сарказм. Но с правовой точки зрения необходимо закрепить перечень запрещённой символики, которая бы четка, определяла ненависть или вражду, а также унижение человеческого достоинства. Кроме того, необходимо в обязательном порядке проведение психологической экспертизы лиц, публикующих записи в Интернете для выявления признаков экстремисткой направленности.

Что касается использованного института административной преюдиции в рамках ст. 282 УК РФ, считаем, что, безусловно, совершение таких действий повторно повышает общественную опасность содеянного, однако, даже первичное действие может обладать не меньшей вредоносностью в том случае, если оно на самом деле совершается с умыслом и экстремистским мотивом. В связи с чем, следовало бы вернуться к первоначальной редакции ст. 282 УК РФ и признать преступлением любое возбуждение ненависти или вражды, которое содержит признаки общественно опасного, виновного, противоправного деяния.

Библиографический список

1. Шергин А.П. Административная юрисдикция. М.: Акад. экон. безопасности МВД России, 2005.

2. Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 3 (23). – С. 64-71.

3. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. В.М. Лебедева. - М.: ЭКСМО, 2013. – 629 с.

4. Ермакова, О.В., Манянин, П.А., Мамаев Н.Ю. Квалификация составов преступлений экстремистской направленности с использованием результатов лингвистических экспертиз: учебное пособие / О.В. Ермакова, П.А. Манянин, Н.Ю. Мамаев. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2016. – 55 с.

УДК 343.33

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Забавко Р.А.
кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры общеправовой подготовки Восточно-Сибирского института МВД России
zra1985@gmail.com

Аннотация: В статье рассмотрены проблемы дифференциации уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности. Отмечается повышенная роль Пленума Верховного Суда Российской Федерации в формировании и реализации уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности.

Ключевые слова: уголовная политики, экстремизм, дифференциация уголовной ответственности, малозначительность преступлений

Annotation: The article contains an analysis of the problem of differentiating criminal responsibility for crimes of an extremist nature. The importance of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation for the formation and implementation of criminal responsibility for crimes of an extremist nature is noted.

Keywords: criminal policy, extremism, differentiation of criminal responsibility, insignificance of crimes

Один из наиболее сложных вопросов реализации уголовной ответственности за совершение преступления экстремистской направленности – назначение справедливого, учитывающего все обстоятельства содеянного виновным лицом, особенности его личности, а также характер и степень общественной опасности преступления, наказания, позволяющего при этом обеспечить достижение целей восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и обеспечения предупреждения новых преступлений [1, с. 135]. Кроме того, принимая во внимание тот факт, что Россия является многонациональным государством, развитие которого во многом зависит от сохранения согласия в обществе, отметим, что нормы Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) должны выполнять не только охранительную, но и регулятивную функцию, минимизируя негативное воздействие на общество межнациональных конфликтов[2, с. 9]. В этой связи решение проблем дифференциации уголовной ответственности за совершение преступлений экстремисткой направленности, под которой следует понимать установление наказания, соответствующего характеру и степени общественной опасности данных преступлений, – одна из наиболее актуальных задач современного уголовного права.

В УК РФ отсутствует точный перечень преступлений экстремистской направленности. Вместе с тем, Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) в постановлении от 28.06.2011 N 11 указал, что «к числу пре-

ступлений экстремистской направленности относятся преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ (например, ст.ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ, п. "л" ч. 2 ст. 105, п. "е" ч. 2 статьи 111, п. "б" ч. 1 статьи 213 УК РФ), а также иные преступления, совершенные по указанным мотивам, которые в соответствии с п. "е" ч. 1 ст. 63 УК РФ признаются обстоятельством, отягчающим наказание». В свою очередь, п. «е» ч. 1 ст. 63 УК ПФ в качестве отягчающего обстоятельства предусматривает: «совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». Тем самым, перечень преступлений достаточно широк.

Вместе с тем проблема уголовной ответственности за совершение указанных преступлений напрямую связана с реализацией свободы слова, мысли и информации – излишне строгие запреты способны навредить данным правам и свободам, нарушить конституционно-правовые основы демократического государства в России, на что Пленум ВС РС обращает особое внимание (См. абз. 2 п.1 постановлении от 28.06.2011 N 11 (в ред. от 20.09.2018)). Контент-анализ материалов средств массовой информации, новостных и тематических сайтов сети Интернет, а также материалов правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что правоохранительные органы заняли достаточно жесткую позицию относительно применения норм УК РФ об ответственности за преступления экстремистской направленности. Это, в свою очередь, вызвало ответную реакцию общества, которое весьма болезненно отнеслось к такому «ограничению» указанных прав и свобод.

Вместе с тем, Пленум ВС РФ обратил на данную проблему повышенное внимание и внес в вышеуказанное постановление от 28.06.2011 N 11 изменения, которые существенно изменили практику применения уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности. Данные разъяснения оказались столь существенны, что практика применения норм УК РФ отреагировала снижением количества регистрируемых преступлений экстремистской направленности. В определенной степени возник феномен, когда дифференциация уголовной ответственности была достигнута не законодательным изменением соответствующих норм, а их судебным толкованием. В науке уголовного права существует точка зрения на то, что дифференциация уголовной ответственности – исключительно прерогатива законодателя: только он имеет возможность влиять на наказания посредством изменения санкций соответствующих статей Особенной части УК РФ, введением дополнительных квалифицированных или привилегированных составов, новых отягчающих или смягчающих обстоятельств и т.д.[3, с. 36; 4, с. 39; 5, с. 8; 6, с. 75]. Вместе с тем, с принятием вышеуказанного постановления Пленума ВС РФ практика применения норм об ответственности за преступления экстремистской направленности

существенно изменилась – многие конструктивные и квалифицирующие признаки получили иное толкование, что изменило подход к криминализации и пенализации соответствующих деяний в такой степени, что даже потребовалось задействовать механизм обратной силы уголовного закона для переоценки ранее принятых процессуальных решений.

С целью точной оценки потенциала дифференциации уголовной ответственности посредством судебного толкования рассмотрим наиболее значимые изменения и дополнения более подробно.

В введенном п. 2.1 Пленум ВС РФ отмечает, что особое внимание следует обратить «на наличие не только повода, но и основания для возбуждения дела, что предполагает представление в суд материалов, содержащих достаточные данные, указывающие на признаки соответствующих преступлений». Само по себе данное нововведение не дифференцирует уголовной ответственности, лишь заостряет внимание на обстоятельства, которые и ранее требовалось устанавливать в соответствии с требованиями УПК РФ, однако вместе с абз. 2 этого же пункта приобретает статус обстоятельства, существенно влияющего на квалификацию. Пленум ВС РФ заостряет внимание на том, что само по себе размещение в сети "Интернет" или иной информационно-телекоммуникационной сети материалов, объективно возбуждающих межнациональную рознь не образует состава преступления экстремистской направленности – для этого необходимо установление мотива преступления и учета иных обстоятельств, указывающих на наличие общественной опасности. Это частично соотносится с общими началами назначения наказания, приведенными в ст. 60 УК РФ – для назначения наказания необходим учет общественной опасности содеянного, которая, в свою очередь, зависит от признаков конкретного состава преступления.

Существенным изменениям и дополнениям подвергся п. 8 постановления. В его обновленной редакции содержится указание не просто на наличие прямого умысла и цели на совершение преступления экстремистской направленности, но и раскрывается содержание интеллектуального элемента этого умысла. В частности, обращается внимание на тот факт, что лицо должно осознавать направленность деяния на нарушение основ конституционного строя, а также иметь цель возбудить ненависть или вражду либо унизить достоинство человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе. Суд также указывает, что сам материал, даже и представляющий угрозу экстремистского характера, не может быть оценен отдельно от иных важных факторов – контекста их размещения, факта личного участия в их создании, комментариев к ним и т.д. С другой стороны, именно контекст и комментарии к тому или иному материалам, внешне не являющихся экстремистскими, придают им такой характер.

Добавлен в постановление п.8.1, который обращает внимание на тот факт, что содеянное, внешне имеющее признаки преступления экстремисткой направленности, может не являться преступным в силу малозначительности. Повторяя содержание ч. 2 ст. 14 УК РФ, Пленум также конкретизирует их приме-

нительно к рассматриваемым составам, указывая, что о малозначительности могут свидетельства «в частности, размер и состав аудитории, которой соответствующая информация была доступна, количество просмотров информации, влияние размещенной информации на поведение лиц, составляющих данную аудиторию».

Интересным ведется новый абз. 2, которым дополнен п. 23 постановления и в котором изложен факт недопустимости исключительности в общей массе доказательств заключения эксперта или специалиста о том, что размещенные материалы являются экстремистскими.

Несмотря на относительно небольшой объем изменений и дополнений, внесенных в вышеуказанное постановление Пленума ВС РФ 20.09.2018, мы можем отмечаем столь высокий потенциал их влияния на квалификацию преступлений, что они фактически явились фактором, дифференцирующим уголовную ответственность за преступления экстремистской направленности. Это, в свою очередь, позволяет сделать принципиально важный для всей отрасли уголовного права России вывод: Пленум ВС РФ как высшая судебная инстанция, имеющая возможность давать судебное толкование нормам УК РФ и контролирующая факт их применения на практике, получил возможность влиять на процессы криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, то есть дифференцировать уголовную ответственность. С одной стороны, это имеет положительную сторону: именно Пленум ВС РФ имеет максимальные опыт и возможности объективно оценить практику применения уголовного закона и скорректировать ее реализацию. С другой стороны, это как минимум повышает значение судебного прецедента, а как максимум способствует монополизации судебной властью не только в части применения, но и формулирования норм УК РФ.

Библиографический список

1. Смирнов А.Е., Кузнецов А.А. Проблема толерантности в российском обществе [Текст] / А.Е. Смирнов // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2010. № 1 (52). С. 128–135.

2. Грибунов О.П. К вопросу о противодействии экстремизму на объектах транспорта [Текст] / О,П, Грибунов // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2013. № 3 (66). С. 9–16.

3. Рогова Е.В. Дифференциация уголовной ответственности и категоризация преступлений [Текст] / Е.В. Рогова // Пролог: журнал о праве. 2013. № 3 (3). С. 35–37.

4. Лапшин В.Ф. Очередные изменения в российском Уголовном законе: дифференциация уголовной ответственности или ответственности в уголовном праве? [Текст] / В.Ф. Лапшин // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2018. № 7 (7). С. 39–46.

5. Хомич В.М. Уголовная ответственность как объективная правовая реальность: содержание и дифференциация [Текст] / В.М. Хомич // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2016. Т. 2. № 9. С. 8–18.

6. Рогова Е.В. Криминологические основания закрепления признаков, дифференцирующих уголовную ответственность [Текст] / Е.В. Рогова // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2015. № 4 (75). С. 74–81.

УДК 343.34

СОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (СТ. 205.1 УК РФ): НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Малетина М.А.
Адъюнкт БЮИ МВД России
mamaletina85@mail.ru
Научный руководитель: д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации Абызов Р.М.

Аннотация: В статье освещаются проблемы соотношения ч. 3 с ч.ч. 1 и 1.1 ст. 205.1 УК РФ. Принимая во внимание, что основанные на нормах уголовного закона и доктринальных положениях правила квалификации при конкуренции указанных норм противоречат принципу справедливости, автором выработаны предложения по совершенствованию уголовного законодательства в части регламентации пособничества террористической деятельности.

Ключевые слова: Содействие террористической деятельности, вооружение, подготовка, финансирование терроризма.

Annotation: The article highlights the problems of the relationship between Part 3 and Parts 1 and 1.1 of Art. 205.1 of the Criminal Code. Taking into account that the rules of qualification based on the norms of criminal law and doctrinal provisions in the case of competition of these norms contradict the principle of justice, the author made reasonable proposals for improving criminal legislation in terms of regulating complicity in terrorist activities.

Keywords: Assistance in terrorist activities, arming, training, financing of terrorism.

В настоящее время терроризм продолжает оставаться одной из главных проблем современности. Осознание общественной опасности данного явления способствует активизации деятельности российского законодателя по формированию полноценной нормативной базы, направленной на борьбу с ним, основу которой составляет Конституция РФ и общепризнанные принципы и нормы международного права.

Установление ответственности за содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ), связано с исполнением международно-правовых обязательств, принятых Россией в соответствии с Международной Конвенцией о борьбе с финансированием терроризма[1] и Конвенцией Совета Европы о предупреждении терроризма[2].

С момента введения ст. 205.1 в российское уголовное законодательство данная норма получила неоднозначную оценку со стороны научной общественности. В частности, исследователями указывалось на нарушение принципа соответствия состава содействия террористической деятельности институту соучастия[3; 4].

После многочисленных изменений, внесенных законодателем в содержание ст. 205.1 УК РФ, связанных с корректировкой санкций, расширением перечня преступлений, за подстрекательские действия к которым лицо подлежит уголовной ответственности, крайне негативную оценку в уголовно-правовой литературе вызвало дополнение рассматриваемой нормы ч. 3, устанавливающей ответственность за пособничество в совершении преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ (с последующим добавлением в 2016 г. ч. 3 ст. 206 и ч. 1 ст. 208 УК РФ). Данное законодательное решение породило конкуренцию ч. 3 с ч. 1 (а позже и с ч. 1.1) рассматриваемой нами нормы, в которой предусмотрены такие разновидности пособничества совершению преступлений террористического характера, как вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из преступлений, перечисленных законодателем в диспозиции ст. 205.1 УК РФ, а также финансирование терроризма.

Остановимся на обозначенной проблеме более подробно.

Понимание вооружения и подготовки лица в целях совершения преступлений террористической направленности как альтернативных действий объективной стороны состава содействия террористической деятельности вряд ли можно назвать дискуссионным. Согласно п. 15 постановления Пленума Верховного Суда «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» под вооружением понимается снабжение лиц, участвующих в террористической деятельности, оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами, радиоактивными веществами, ядерными материалами и т.п. в целях совершения хотя бы одного из преступлений, перечисленных в этой статье [5].

Подготовка лиц в целях совершения преступлений, перечисленных в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, согласно этому же пункту, заключается в обучении правилам обращения с оружием, боеприпасами, взрывными устройствами, радиоактивными веществами, ядерными материалами, боевой техникой, средствами связи, правилам ведения боевых действий, а также в проведении соответствующих инструктажей, тренировок, стрельб, учений и т.д.[5].

Проводя сравнительную характеристику разъяснений высшего судебного органа России и примечания 1.1 к ст. 205.1 УК РФ, несложно заметить что действия, охватываемые понятием «вооружение», являются содействием совершению преступлений террористического характера путем предоставления орудий

совершения преступления. Подготовка лиц, в свою очередь, является ничем иным, как содействием совершению преступлений террористического характера советами и указаниями, а также путем предоставления информации. Таким образом, вооружение и подготовка лиц в целях совершения преступлений, перечисленных в ч.ч. 1 и 1.1. ст. 205.1 УК РФ, являются разновидностями деятельности пособника.

Кроме того, в науке уголовного права к одной из форм деятельности пособника относят и финансирование терроризма, понятие которого дается законодателем в примечании 1 к ст. 205.1 УК РФ[6; 7].

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что в случае содействия лица совершению преступлений, перечисленных в ч. 3 ст. 205.1 УК РФ, в форме вооружения, подготовки либо финансирования, содеянное одновременно будет охватываться признаками ч.ч. 1, 1.1 и 3 ст. 205.1 УК РФ. В силу ч. 3 ст. 17 УК РФ квалификация должна осуществляться по специальным нормам, которыми в данном случае являются ч.ч. 1 и 1.1 ст. 205.1 УК РФ, поскольку они предусматривают ответственность за конкретные формы деятельности пособника.

Вместе с тем, стоит отметить, что подобная квалификация, полностью соответствуя положениям о конкуренции уголовно-правовых норм, выработанных доктриной уголовного права, все-таки не может быть признана справедливой. Подтверждением обозначенной позиции является анализ санкций за совершение указанных преступлений. Так, за содействие совершению преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ, в форме вооружения или подготовки, установлено наказание в виде лишения свободы сроком от 5 до 15 лет (ч. 1 ст. 205.1 УК РФ), за содействие совершению преступлений, предусмотренных ст. 205 и ч. 3 ст. 206 в форме вооружения, подготовки и финансирования – в виде лишения свободы сроком от 8 до 15 лет (ч. 1.1 ст. 205 УК РФ). В то время как содействие совершению обозначенных преступлений, совершенное в такими формах, как обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно обещание приобрести или скрыть такие предметы, уступающих, на наш взгляд, в степени общественной опасности вооружению, подготовке и финансированию, наказывается лишением свободы на срок от 10 до 20 лет (ч. 3 ст. 205.1 УК РФ).

Таким образом, специальные нормы о содействии террористической деятельности, которыми являются ч. 1 и 1.1 ст. 205 УК РФ, содержат более мягкие санкции по сравнению с ч. 3 этой же статьи, являющейся по отношению к ним общей нормой.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что в своем стремлении повысить эффективность уголовно-правовых норм, направленных на борьбу с террористической деятельностью, законодатель зачастую принимает поспешные решения. При включении ч. 3 в ст. 205.1 УК РФ в 2010 г. вопрос ее соотношения с ч. 1 данной статьи, очевидно, не получил должного внимания, что является результатом ошибки законодателя при изменении уголовно-правовой регламентации пособничества в совершении преступлений террористического характера.

В качестве возможного решения обозначенной проблемы предлагаем исключить из перечня преступлений террористической направленности, содержащегося в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, ч. 1 ст. 208 УК РФ, а из перечня преступлений, содержащегося в ч. 1.1 данной статьи – ст. 205 и ч. 3 ст. 206 УК РФ. Подобное законодательное решение исключит имеющуюся на настоящий момент конкуренцию норм и позволит квалифицировать любые действия пособника в совершении преступлений, предусмотренных ст. 205, ч. 3 ст. 206 и ч. 1 ст. 208 УК РФ по ч. 3 ст. 205.1 УК РФ. Составы преступлений, предусмотренные ч.ч. 1, 1.1 и 3 ст. 205.1 УК РФ станут смежными, содержащими взаимоисключающие признаки, что полностью будет соответствовать структуре статей Особенной части УК РФ.

Библиографический список

1.Международная Конвенция о борьбе с финансированием терроризма [Электронный ресурс]. - URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml. (дата обращения: 26.03.2019).

2.Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма [Электронный ресурс]. - URL: http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/mezhdunarodnye-pravovye-akty/konvenciya-soveta-evropy-o.html. (дата обращения: 26.03.2019).

3.Докуев А.А. Соотношение уголовно-правовой нормы об ответственности за содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ) и норм о соучастии в преступлениях террористического характера / А.А. Докуев // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2015 – № 4 (48). С. 102-113.

4.Ершов С.А. Оценка регулирования пособничества в Особенной части УК РФ / С.А. Ершов // Вестник Ярославского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2014 – № 1 (27). С. 52-54.

5.О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1. (в ред. постановления Пленума Верховного суда от 03.11.2016 № 41). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6.Антонова Е.Ю. Преступления террористического характера и экстремистской направленности: вопросы криминализации и пенализации / Е.Ю. Антонова // Российский следователь. – 2016 – № 13. С. 21-25;

7.Туганов Ю.Н., Ульянова В.В. Проблемы реализации уголовной ответственности за содействие террористической деятельности в форме финансирования терроризма / Ю.Н. Туганов, В.В. Ульянова // Актуальные проблемы российского права. – 2014 – № 3. С. 442-447.

УДК 329.7

ВЕРБОВКА В ЭКСТРЕМИСТСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ (ХИЗБ УТ-ТАХРИР, НУРДЖУЛАР, ДЖАМААТ ТАБЛИГ): ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Моисеев С.В.
доцент кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД России, кандидат исторических наук, доцент
moiseev-tpg@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена вопросам противодействия деятельности исламистских экстремистских организаций проявляющих активность на территории нашей страны и сопредельных государствах Центральной Азии, а также проблеме вербовки в радикальные религиозные структуры на примере религиозных группировок Хизб ут-Тахрир, Нурджулар и Джамаат таблиг. Данная работа представляет собой краткое изложение комплексного научного исследования по актуальной современной проблематике противодействия международному экстремизму. В статье отражены история возникновения, религиозная составляющая деятельности, особенности способов пропаганды и вербовки наиболее известных и активных экстремистских исламистских группировок.

Ключевые слова: экстремизм, исламизм, терроризм, вербовка, пропаганда, терроризм, экстремистские группировки.

Annotation: The article is devoted to countering the activities of Islamist extremist organizations active in our country and neighboring states of Central Asia, as well as the problem of recruitment to radical religious structures using the example of Hizb ut-Tahrir, Nurdzhular and Jamaat religious groups. This paper is a brief summary of a comprehensive scientific research on current contemporary issues of countering international extremism. The article reflects the history of the emergence, the religious component of the activity, the features of the methods of propaganda and recruitment of the most famous and active extremist Islamist groups.

Keywords: extremism, Islamism, terrorism, recruitment, propaganda, terrorism, extremist groups.

Составляющим элементом системы привлечения новых адептов, проповедников, боевиков, смертников-шахидов является пропагандистская работа «специалистов» находящихся на службе в экстремистских организациях. Фактически каждая экстремистская религиозная организация стремится привлечь на свою сторону максимальное количество сторонников, для этого используются приемы пропаганды, похожие на первый взгляд, но имеющие свои особенности.

«Хизб ут-Тахрир» (Партия освобождения ислама)[1, с.6]. В настоящее время члены «Хизб ут-Тахрир» концентрируют внимание общественности на исключительно мирных способах своей деятельности, в частности на распространении исламской литературы, не призывающей к джихаду.

Первоочередной задачей сторонников «Хизб ут-Тахрир» является «завоевание умов религиозно неграмотных людей путем проведения всесторонней агитационной работы, склонения молодежи на свою сторону, с целью заручиться поддержкой различных слоев населения». Существует вероятность, что «тахрировцы» для достижения поставленных целей готовы взять в руки оружие и в качестве «воинов ислама» или «шахидов» и встать на путь «джихада»[2, с.7].

Вербовка новых членов в ряды организации ведется поэтапно:

1 этап**.** Подбор и воспитание будущих членов партии, принесение клятвы на Коране в верности остальным «бурадарам» (братьям, единомышленникам);

2 этап**.** Создание материальной базы организации усилиями всех её членов, 1/5 дохода каждый член группы выделяет в общую казну, которая распределяется в виде помощи для многодетных адептов «Хизб ут-Тахрир», новобранцам, сочувствующим;

3 этап**.** Постоянные «духовные общения» со строго определённым (в целях конспирации) кругом братьев. Беседы и коллективные моления ведут «наибы» (заместители) главы местного отделения «Хизб ут-Тахрир»;

4 этап**.** Фактическая «легализация» общины во властных структурах путём «духовной вербовки» государственных чиновников, или внедрением своих людей. Этот этап считается самым ответственным в процессе расширения и легализации статуса общины;

5 этап**.** Установление контроля над обществом и переход власти к лидерам группировки.

Увеличение численности партии является одной из основных задач лидеров и участников партии. Привлечение в ряды осуществляется методом убеждения, при этом вербовщиками эффективно используются социально-бытовые проблемы населения, имеющиеся недостатки и упущения в деятельности официальных религиозных структур, в том числе моральную нечистоплотность отдельных духовных руководителей, их слабую религиозную подготовку. Деятельность группировки выгодна различным международным террористическим организациям. Вербовка, обучение, идеологическая и психологическая подготовка будущих террористов-смертников. Жестких требований к будущим адептам «Хизб ут-Тахрир» не выдвигается, даже «неверный», принявший ислам может стать соратником «тахрировцев», обязанности возлагаются «на каждого по способностям»[3, с.8-14].

«Нурджулар» (Люди света) особенности пропаганды. Турецкая религиозная секта «Нурджулар»[4, с. 7-11]. Развитие сетевых ячеек «Нурджулар» в условиях нелегальной работы и давления со стороны государства привело к формированию своеобразной спецслужбы. Организация занимается сбором информации в политической, экономической, межконфессиональной и других сферах, в регионах и государствах, где проживают тюркоязычные народы, использует методы жесткой конспирации, осуществляет внедрение и дальнейшее продвижение своих адептов в органы власти и управления непосредственно в Турции, странах СНГ и в России.

Особое внимание «Нурджулар» уделяет пропаганде пантюркистских идей в различных странах в ходе создания подконтрольных светских и религиозных учебных заведений различного уровня. Организация длительное время «осваивает» территорию государств Центральной Азии, Закавказья, субъектов Российской Федерации, где проживают тюркоязычные народы.

Характерной чертой движения «Нурджулар» является его активная общественная деятельность. Суть, которой заключается в учреждении учебных заведений – лицеев, школ и колледжей и полным контролем над образовательным процессом. В процессе обучении они применяют современные достижения, методики педагогической науки и психологии, широко используя английский язык. Все это создает респектабельный имидж нурджистов в обществе. В Российской Федерации движение «Нурджулар» носит целенаправленный и четко структурированный характер. За каждым регионом страны закрепляется тот или иной фонд или фирма, которые являются ответственными за распространение в нем идеологии группировки. Вся территория России фактически поделена между структурными подразделениями на секторы. Деятельность их контролируется руководящими функционерами «Нурджулар». В ходе учебного процесса учащиеся подвергаются протурецкой обработке, для наиболее способных из них организуются выезды в Турцию за счет средств фондов, перед ними строятся перспективы получения высшего образования за границей.

«Джамаат Таблиг» (Странствующие проповедники) С 1944 г. движение «Джамаат таблиг» распространилось в Индии[6, с. 43-55]. Главной целью движения считается духовное преобразование в исламе посредством работы участников на уровне широких масс людей и обращения к мусульманам вне зависимости от их социального и экономического статуса с целью приблизить их к религиозной практике ислама. Круг проповедников неоднозначен по своему составу: среди участников движения есть простые мусульмане, занятые физическим трудом или торговлей, преподаватели университетов, судьи, чиновники, общественные деятели и т.д. Часть из них из посвящают этому большую часть своего времени. Среди таблиговцев также много тех, кто принимает участие в разовых акциях. Этнический состав и география участников также различны.

В настоящее время «Джамаат Таблиг» является организацией проповедников ислама. Собираясь в группы таблиги направляются в разные регионы мира для осуществления проповедей, останавливаются в мечетях. В группах поддерживается жесткая дисциплина и строгое подчинение лидеру. Адепты «Джамаат Таблиг» подчиняют свою жизнь движению и становятся профессиональными миссионерами. От активистов партии требуется посвятить сорок дней в году, три дня в месяц, две вторые половины дня в неделю и два часа каждый день работе на организацию; кроме того, они обязаны неукоснительно соблюдать правила ежедневных молитв.

В идеологии таблигов существует положение, допускающее уход в экстремистские организации, - это Джихад. Джихад является одной из основ этого движения. Наиболее активных адептов начинают вербовать для выполнения экстремистских и террористических акций. В «Джамаате» может оказаться один специалист, имеющий связи с террористами, другие члены группы часто не подозревают о характере и целях его деятельности.

«Джамаат Таблиг» не признает государства в качестве легитимного образования, с исламской точки зрения. Вместо этого оно имеет дело со всем сообществом мусульман – уммой. Джамаат рассматривает объединение мусульман не как ближайшую задачу, а как «естественный результат» исламизации мира, не ставя в ближайшей перспективе более определенных задач по созданию «единой» политической структуры мусульман («Халифата» – теократического государства). К тому же внешняя стратегия распространения и внедрения таблигов в другие страны делая акцент на неконфликтонсти «на новом месте» с политическими структурами, правоохранительными органами или «иноверцами» не вызывает негативную реакцию в обществе.

В то же время, незнание специфики исламского вероучения, его течений и доктрин становится причиной того, что в оценке религиозной ситуации допускаются неверные выводы о деятельности той или иной организации или объединения в целом. Государственные структуры могут и должны вести диалог с мусульманским сообществом. Кроме того, при должном уровне религиозной просвещенности у официального духовенства для него стало бы возможным установление контактов с участниками рассматриваемых движений. В силу того, что основополагающие принципы идеологии имеют достаточно дискуссионный характер и вполне позволяют общественным организациям и специализированным учреждениям работать с ними и эффективно проводить профилактику религиозного экстремизма.

Библиографический список

1. Верхоглядов Я.Е. О некоторых проблемах государственно-правового регулирования противодействия экстремизму в пенитенциарной системе. Вестник Кузбасского института ФСИН России № 3 (24). Новокунецк, 2015. С. 34-39.
2. История происхождения и деятельность экстремистской организации «Хизб ут-Тахрир»: учебно-методическое пособие / сост С.В. Моисеев, М.О. Тяпкин. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2013. 32- с.
3. Экстремистская религиозная партия «Джамаат таблиг»: история происхождения, деятельность, проблемы противодействия. Учебно-методическое пособие / Моисеев С.В., Шаганян А.М. - Барнаул: БЮИ МВД России, 2015.- 29 с.
4. Экстремистская организация «Нурджулар»: история происхождения, деятельность, проблемы противодействия. Аналитический обзор / Моисеев С.В., Шаганян А.М. - Барнаул: БЮИ МВД России, 2015.- 41 с.
5. Экстремисты – неофиты: происхождение, деятельность, проблемы противодействия. Учебное пособие / Моисеев С.В., Шаганян А.М. - Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. - 44 с.
6. Моисеев С.В. Возникновение и деятельность исламистских экстремистских организаций в России. Профилактика экстремистских проявлений участковыми уполномоченными полиции: монография / С.В. Моисеев, А.М. Шаганян. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. – 86 с.

УДК 343.2.7

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКСТРЕМИСТСКИХ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Малыхина Т.А.
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО ВСИ МВД России
malykhina_t@mail.ru

Аннотация: Данная статья посвящена анализу криминологической характеристики лиц, относящихся к категории современной молодежи, которые оказываются участниками экстремистских и террористических движений. В ней рассмотрены психологические особенности таких лиц с целью последующей разработки мер профилактики экстремистских и террористических проявлений в современной молодежной среде.

Ключевые слова: молодежь, молодежная среда, экстремизм, терроризм, профилактика экстремизма и терроризма.

Annotation: This article is devoted to the analysis of criminological characteristics of persons belonging to the category of modern youth, who are participants in extremist and terrorist movements. It examines the psychological characteristics of such persons with the aim of the subsequent development of measures to prevent extremist and terrorist manifestations in the modern youth environment.

Keywords: youth, youth environment, extremism, terrorism, prevention of extremism and terrorism.

Проблемы, связанные с противодействием экстремизму и терроризму среди современной молодежи всегда стояли достаточно остро. Данный тезис обусловлен статистическими показателями. Согласно им, начиная с 2010 года, количественные показатели преступлений террористической направленности имеют устойчивую тенденцию к росту. Актуально отметить также, что, с 2003 года по 2007 год, отмечается заметное снижение их количества. В период с 2007 по 2013 г.г. данный показатель находился примерно на одном уровне. Однако, начиная с 2013 года начал резко увеличиваться (к 2016 году количество таких преступлений по сравнению с 2010 возросло более чем в 3,8 раза). Вместе с тем, уровень раскрываемости рассматриваемых преступлений за последние 10 лет снизился более чем в 2,5 раза.

Экстремизм (и терроризм, как крайняя форма его проявления) «вбирает» в себя все новые слои населения, в том числе такой огромный социальный пласт как молодежь. Экстремистская деятельность, нередко, являясь детерминантой преступлений террористического характера, безусловно, оказывает влияние на их статистические показатели.

Анализ данных криминологических, социологических и иных исследований указывает на то, что чаще всего в экстремистскую деятельность вовлекаются лица, принадлежащие к такому социальному слою как молодежь. В криминологии под данной категорией лиц принято понимать людей в возрасте от 18 до 30 лет. Криминологический портер данных лиц имеет свои особенности, диктуемые, главным образом, возрастными критериями. Криминогенные особенности данных лиц и их всесторонний анализ смогут сформировать основные меры профилактики рассматриваемого объекта. Итак, молодежь – есть особая категория, специфический объект предупредительной деятельности. Развитие экстремизма и терроризма в молодежной среде, прежде всего, оказывается результатом низкого уровня социальной адаптации молодежи, который влечет за собой асоциальное поведение молодых людей. Особенно сказываются проблемы семьи и социализация личности[1, с. 175-177].

Специалисты указывают на то, что в последние годы именно молодежный экстремизм характеризуется кризисным и наиболее опасным проявлением жестокости современного общества[2, с. 54]. При осуществлении указанных задач, основной акцент должен быть сделан на выявлении и устранении или ослаблении причин и условий возникновения данных явлений с учетом специфических особенностей молодежи. Принимая во внимание тот факт, что ее представители склонны к фанатичности, беспрекословности, бездумности в выполнении каких-либо действий за счет психологической уязвимости, излишней доверчивости и внушаемости, важно акцентировать внимание на анализе факторов, прямо или косвенно формирующих сознание молодых людей, их мировоззрение, мотивацию.

Как показывает анализ социологических исследований, а также судебно-следственной практики, на сегодняшний день интернет ресурсы, а в особенности социальные сети, являются основным источником криминогенных факторов, способствующих распространению и реализации экстремистский и террористических идей. Современный «Интернет переполнен шовинистической пропагандой, видео с расправами и убийствами представителями славянского или, напротив, неславянского населения, демонстрируя массу возможностей для передачи не только вербальной, но и невербальной информации, формирующей «образы врага»»[3, с. 16-21; 4, с. 18].

На просторах социальных сетей Интернета активно функционирует огромное множество так называемых групп по интересам, которые под видом групп, пропагандирующих сорт и здоровый образ жизни, вербуют в свои ряды все большее количество молодых людей. Многие из них направлены, завуалированно или открыто, на формирование у молодых, спортивных, амбициозных и физически подготовленных людей нацистских идей, настраивая против лиц неславянского, например, происхождения. Вместе с тем, наличие в обществе различных социальных противоречий, сопровождающихся ярко выраженной поляризацией населения по этническим и социальным критериям, способствует активному распространению экстремизма в современной молодежной среде. Членами экстремистских и террористических движений чаще всего становятся маргинальные группы молодых людей.

Эффективное осуществление предупредительных мер, способствующих формированию экстремистских убеждений при работе с молодыми людьми, освобожденными от уголовной ответственности и осужденными условно во многом способно предотвратить распространение экстремизма и терроризма в молодежной среде. Также, надо отметить, что особую профилактическую функцию в рассматриваемой сфере выполняет формирование «правильной» стратегии государственной молодежной политики на федеральном уровне.

Согласно исследованиям НИИ комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета около трети молодых людей в России восприимчивы к экстремисткам лозунгам. В основном таковыми являются выходцы из детских домов и неблагополучных семей. Это лишний раз подтверждает значимость профилактической работы именно с такими лицами с целью заложения в их сознании «правильных» установок, чтобы сделать все возможное для предотвращения становления их участниками экстремистских группировок и течений.

Чаще всего участниками радикальных экстремистских группировок становятся воспитанные в неполноценных семьях молодые люди, а также люди, которые по различным причинам испытывали трудности в рамках существующих общественных структур, потеряли или никогда не имели работу. У таких людей чаще возникает желание примкнуть к какой-либо группе, которая на их взгляд способна побороть чувство некоего отчуждения, возникающее в подобных ситуациях, являясь при этом столь же асоциальной, как и он сам. Для таких лиц характерной является потребность во включенности в подобные группы и, следовательно, основная работа с ними должна быть основана на оказании помощи в «обретении себя», формировании личностной и гражданской самоидентификации. Механизм формирования и динамика поведения личности, вовлеченной в экстремистко-террористические группировки, в большей мере основываются на таких факторах, как воспитание, образование, миропонимание, возможности к самореализации в обществе, особенности микросреды и других. Экстремистские и террористические наклонности заложены, как правило, достаточно глубоко в человеческой психике, а толчком к активным действиям служит желание подавить «чувство безвыходности из той ситуации, в которой оказалось некое меньшинство, психологический дискомфорт, побуждающий его оценивать свое положение как драматическое.

Итак, профилактическая деятельность, направленная на снижение уровня преступлений экстремисткой направленности, совершаемых при участии молодежи, должна в первую очередь, осуществляться с учетом психологических особенностей данной категории лиц и, кроме то, основных факторов, детерминирующих такие противоправные проявления.

Библиографический список

1. Тенгизова Ж.А. Причины и условия распространения экстремизма в молодежной среде// Пробелы в российском законодательстве. 2017. №3. С. 43-44

2. Арестова О.Н. Борьба с экстремизмом в молодежной среде как основополагающая идея в развитии общества и укреплении его структуры. // Российский следователь. 2017. № 14. С. 52-56.

УДК 343.3/.7

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ В СВЕТЕ БОРЬБЫ С ЭКСТРЕМИЗМОМ

Морозова Н.А.
директор Новосибирского филиала ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации»
ashka-911@mail.ru

Кондраткова Н.В.
кандидат экономических наук, доцент кафедры гражданско-правовых и гуманитарных дисциплин ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации»
Kondratkova_N@mail.ru

Аннотация: На основе анализа теоретических изысканий и следственно-судебной практики авторы рассматривают проблему определения «социальной группы» для целей статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда других статей и формулируют предложения по ее разрешению путем совершенствования действующего законодательства.

Ключевые слова*:* социальная группа, мотив ненависти или вражды, экстремизм, уголовная ответственность, проблемы правоприменения.

Annotation: Based on the analysis of theoretical studies and investigative judicial practice, the authors consider the problem of defining a “social group” for the purposes of article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation and a number of other articles and formulate proposals for its resolution by improving the current legislation.

Keywords: social group, motive of hatred or hostility, extremism, criminal liability, problems of law enforcement.

В 2013 году уголовно-правовой запрет, установленный статьей 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), претерпел существенные изменения – наряду с возбуждением национальной, расовой или религиозной вражды была криминализована экстремистская деятельность по признакам пола, языка, происхождения, принадлежности к социальной группе. Закономерным следствием расширения сферы действия указанной статьи стал значительный рост обвинительных приговоров. Так, если, в 2010 году по ч. 1 ст. 282 УК РФ осуждено 62 человека, в 2011 году – 82 человека, в 2012 году –

118 и в 2013 году – 174 человека, то в 2015 году числа осужденных возросло до 369, в 2016 и 2017 годах до 389 и 461 человека соответственно[1].

В большинстве случаев основанием для привлечения к уголовной ответственности все также служили действия, направленные на возбуждение вражды и ненависти к мусульманам и представителям кавказских народов, лиц еврейской и цыганской национальностей посредством публикации в сети Интернет материалов информационного характера. Распространение уголовно-правовой защиты на всю совокупность общественных отношений, гарантирующих признание и уважение достоинства личности независимо от физических или социальных признаков, привело к формированию и «новой» судебной практики. Например, в 2018 – 2019 годах в ряде регионов России по ст. 282 УК РФ были вынесены приговоры в отношении лиц, придерживающихся экстремисткой позиции и националистических взглядов, публичного распространяющих идеи, направленные на возбуждение вражды и ненависти к лицам женского пола (в последствии отменены ввиду частичной декриминализации состава). Осужденные как правило имели отношение к интернет-сообществу «Мужское государство» (в конце 2018 года в него входило около 155 тысяч человек), выступали за «расовую чистоту», опираясь на ультраконсервативные ценности, пропагандировали установление запрета на допуск женщин к государственным постам, ограничение их свободы и т.д.

Необходимость установления уголовной ответственности за подобного рода высказывания представляется неоспоримой, поскольку они формируют негативное отношение к неопределенному кругу лиц, которое впоследствии может перерастать в открытую конфронтацию, посягательства на жизнь и здоровье, собственность и другие права, как отдельных граждан, так и целых групп, объединенных по какому-либо признаку. Показательным является приговор Челябинского областного суда от 05.09.2018 года по делу №2-5/2018 в отношении Г. по ч. 1 ст. 212, ч. 2 ст. 282 УК РФ, в результате высказываний которого на рок-фестивале «Торнадо-2010» произошло нападение на зрителей в несколько сотен человек, являющихся участниками социальной группы неформального типа, объединенных общими интересами - увлечение рок-музыкой. Потерпевшим был причинен вред здоровью разной степени тяжести.

Несмотря на отмеченные достоинства изменений 2013 года, они поставили перед правоприменителем ряд вопросов, решению которых посвящено множество научно-исследовательских работ, но ввиду отсутствия нормативного закрепления последних лишь усугубляющих ситуацию, приводящих к формированию разрозненной следственно-судебной практики.

Наиболее дискуссионным является вопрос, связанный с определением понятия «социальная группа», употребляемым законодателем помимо ст. 282 УК РФ в ряде статей, предусматривающих ответственность за преступления против жизни, здоровья и общественной нравственности. Однако ни в уголовном законе, ни в актах судебного толкования данное понятие не раскрывается. В теории уголовного права высказывались различные точки зрения, базирующиеся без исключения на достижениях социологической науки.

Ряд авторов в качестве базовой рассматривают дефиницию Р. Мертона, согласно которой «социальная группа» - есть «совокупность людей, которые определенным образом взаимодействуют друг с другом, осознают свою принадлежность к данной группе и считаются членами этой группы с точки зрения других людей»[2, с.3]. На основе чего социологи выделяют основные признаки социальной группы: объективно существующий определенный способ взаимодействия между ее членами; осознание членами группы принадлежности к ней; осознание единства на основе принадлежности к группе не только ее членами, но и другими лицами, не относящимися к данной группе.

Отечественные социологи определяют «социальную группу» как: объединение более двух лиц, связанных общением и общей целью, ориентированных на общие ценности и обособленных от иных социальных групп; совокупность людей, имеющих общий социальный признак и выполняющих общественно необходимую функцию в структуре общественного разделения труда и деятельности[2]; совокупность индивидов, взаимодействующих определенным образом на основе разделяемых ожиданий каждого члена группы в отношении других[4] и т.д.

Не менее важной для определения сущности социальных групп является их классификация. По роли в обществе Иванов С.Н., Устинов А.А. подразделяют социальные группы на социально-положительные (благотворительность, охрана окружающей среды), нейтральные (поклонники какой-либо музыкальной группы, спортивного коллектива) и антисоциальные (употребление наркотиков, деструктивная религиозная деятельность)[3]. Считая возможным объединение индивидов в социальную группу на основе любого социально значимого критерия, авторы не поддерживая точку зрения ученых, выступающих за исключение признака «социальная группа» из диспозиции ст. 282 УК РФ [5, с.6], предлагают распространять его лишь на крупные социальные группы, имеющие существенную общественную значимость (например, национальные или конфессиональные общности), а возбуждение ненависти или вражды к малым социальным группам (семья, трудовой коллектив и т.п.) квалифицировать при наличии оснований как подстрекательство к преступлениям против личности. Следуя данной логике они критично относятся к рассмотрению «представителей государственной власти» как социальной группы, поскольку посягательства на лиц по данному признаку не подрывают основы безопасности государства и общества.

Шхагапсоев З.Л., напротив считает, что одним из значимых критериев для выделения социальных групп является профессиональная принадлежность[2], в связи с чем, предлагает дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» №11 от 28.06.2011 года понятием социальной ненависти или вражды, определив его как острое неприятие личности в силу каких-либо ее общественных признаков, в том числе, профессия.

Интересной представляется точка зрения А.Г., Хлебушкина согласно которой: «из числа признаков, указанных в конституционно-правовой норме, в ст. 282 УК РФ нашли прямое отражение признаки пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии. Соответственно, «не охваченными» остались имущественное и должностное положение, место жительства, убеждения, принадлежность к общественным объединениям, а также «другие обстоятельства». Представляется, что именно эти признаки и могут лежать в основе выделения социальных групп по смыслу ст. 282 УК РФ, поскольку так положения ч. 2 ст. 19 Конституции РФ находят свое более полное уголовно-правовое обеспечение»[7]. Под группой он предлагает понимать объединение лиц, осуществляющих совместную деятельность, вступающих в общественные отношения как представители группы, т.е. устанавливающих в качестве таковых социальную связь с другими субъектами.

Спорной позиции придерживается Паршин В.А., предлагающий «заменить абстрактное понятие социальной группы на конкретный перечень групп, интересы которых действительно нуждаются в защите со стороны государства»[8]. Помимо прямо выделенных в ст. 282 УК РФ признаков, автор относит к социальным группам сообщества людей, объединенных по признакам возраста, территории проживания, состояния здоровья, сексуальной ориентации, профессии и пр. Данный перечень он предлагает включить в ст. 282 УК РФ, дополнив последнюю примечанием. Представляется, что данная мера приведет к чрезмерному загромождению законодательной конструкции и неоправданному сужению сферы действия уголовно-правового запрета.

Подводя итог, отметим что, для обеспечения конституционного запрета провоцирования социальных конфликтов в уголовном праве под социальной группой следует понимать общность людей, образованную по какому-либо социально значимому основанию, и принадлежность к которой мотивирует стремление лица к общественно опасному поведению. Указанное определение позволит относить к социальной группе в том числе «представителей государственной власти»; согласуется с судебной практикой последних лет. Так, приговором Ленинского районного суда города Ульяновска от 06.02.2018 года по делу № 1-6/2018 М. была осуждена по ч. 1 ст. 282 УК РФ[5]. В апелляционной жалобе М. просила приговор отменить, ссылаясь на заключения социологических судебных экспертиз, согласно которым представители власти не являются социальной группой. Апелляционным Постановлением Ульяновского областного суда от 28.03.2018 года по делу № 22-524/2018 жалоба М. оставлена без удовлетворения, поскольку «представители российской власти являются отдельной социальной группой - объединением людей, имеющих общий значимый социальный признак, основанный на их участии в некоторой деятельности, связанный системой отношений, которые регулируются формальными или неформальными социальными институтами».

Библиографический список

1. Статистические данные судебного департамента Верховного суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79. (дата обращения 10.04.2019).

2. Шхагапсоев З.Л. Дефиниция социальной группы в преступлениях экстремисткой направленности // Общество и право. - 2011. - № 5. С. 143-150.

3. Иванов С.Н., Устинов А.А. Социальная группа как поисковый криминологический и уголовно-правовой признак преступлений экстремистской направленности // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». - 2018. - № 28 (3). С. 401-405.

4. Авдеева Е.А. Понятие социальной группы в контексте ст. 282 УК РФ / Е. А. Авдеева // Вестник Алтайской академии экономики и права. - 2013. - № 4. С. 100-103.

5. Батанов А.Н. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). Тамбов: Грамота. - 2012. - № 10. Ч. 1. С. 28-31.

6. Меркулова С.В. Проблемы определения мотива ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы // Молодой ученый. - 2017. - №25. С. 237-239.

7. Хлебушкин А.Г. Установление признаков социальной группы при квалификации преступлений экстремистской направленности: теория и судебная практика // Уголовное право. - 2013. - № 6. С. 74-81.

8. Паршин В. А. Понятие социальной группы в статье 282 УК РФ // Молодой ученый. - 2017. - №13. С. 471-474.

УДК 343.301

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ.282 УК РФ И СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.

Потапов Д.П.
кандидат юридических наук, доцент кафедры права, философии и социологии
ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет»
potapov.pdp6304@yandex.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена вопросам квалификации преступлений относящимся к группе преступлений экстремисткой направленности, в частности, понятие данной группы преступлений и соотношения п. «а» ч.2 ст.282 УК РФ и преступлений против личности, имеющих квалифицирующий признак экстремистской мотивации. Разбираются возможные случаи квалификации данной группы деяний по совокупности.

Ключевые слова: Преступления экстремистской направленности, квалификация преступлений, ст.282 УК РФ, совокупность преступлений.

Annotation: This article is devoted to the issues of qualification of crimes related to the group of crimes of extremist orientation, in particular, the concept of this group of crimes and the ratio of p. "a" part 2 of article 282 of the criminal code and crimes against the person having a qualifying sign of extremist motivation. Possible cases of qualification of this group of acts on set are considered.

Keywords: Extremist crimes, qualification of crimes, article 282 of the criminal code, a set of crimes.

На сегодняшний день термин «экстремизм» употребляется достаточно часто по отношению к различным общественно опасным деяниям. К сожалению, в России он на сегодняшний день достаточно актуален, в связи с возникновением националистических настроений у некоторой части населения. На наш взгляд, экстремизм в России вызывается не только и не столько ростом национального сознания, сколько проблемами экономического характера и культивированием в части населения мысли о поиске внешнего врага и решения своих вопросов за счет других. Под экстремизмом (от лат. крайний) понимается приверженность к крайним взглядам и мерам, главным образом в политике [1, с. 936].

В соответствии с Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 года (№ 114 - ФЗ) под экстремисткой деятельностью (экстремизмом) понимается достаточно большой перечень действий, охватывающих деяния уже указанных в Уголовном кодексе РФ как преступления. К сожалению, закон и не даёт общего понятия экстремизма, а содержит лишь перечисление действий подпадающих, по мнению законодателя, под понимание «экстремизма». К ним отнесены, различные общественно опасные деяния, относящиеся к различным разделам и главам уголовного закона.

Несмотря на то, что эти деяния и относятся к различным главам УК РФ, объединяющим их показателем является наличие единого для всех признака, который и выступает объединительным для всех в одну группу, независимо. Таким признаком вступает показатель субъективной стороны – мотив поведения лица, который является экстремистским. Поэтому нам представляется верным утверждение авторов о том, что для данной группы составов мотив ненависти и вражды является обязательным[2, с.33].

Условно указанные выше деяния можно разделить на три группы. Во-первых, составы главы 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», с указанием на их экстремистскую направленность (ст. 280, ст. 282.1, ст. 282.2), во-вторых, названные в качестве экстремистских в соответствующем законе, (например, ст. 136 «Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина», ст. 277 Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля», и т.д.)[3], и в-третьих, деяния в которых экстремистская направленность деяния выступает в качестве квалифицирующего признака (например, соответствующие части ст. 105 «Убийство», ст. 213 «Хулиганство» и т.д.).

Одним из вопросов, возникающих при рассмотрении проблем квалификации рассматриваемых преступлений, это вопрос об объеме действия ст.282 УК РФ, как основополагающей, фактически системообразующей, на наш взгляд, для деяний экстремистской направленности. В ныне действующей редакции данной статьи, определяющей стала часть 2, которая сформулирована следующим образом: «Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет": а) с применением насилия или с угрозой его применения; б) лицом с использованием своего служебного положения; в) организованной группой, -...»[4].

Анализ положений данного состава в полном объеме не входит в задачу нашей работы. Мы остановимся всего на двух показателях. Во-первых, в статье используется термин «действие» как обозначение всех возможных вариантах поведения лица, их осуществляющих, следовательно, можно сделать вывод, о том, что данная статья является общей нормой для всех деяний экстремистской направленности. Соответственно, все иные статьи данной группы, являются специальными нормами по отношению к ней. Тем более, что и законодатель далее уточняет и добавляет «..в том числе..», то есть указывает на открытый перечень вариантов действий субъекта. Действия эти могут быть самыми различные, от высказываний, размахивания плакатами, публикации и т. д. В том, и числе с использованием «насилия или с угрозой его применения» (п. «а» ч.2 ст.282 УК РФ). Об этом также прямо указывается в Постановлении Пленума Верховного суда РФ:, «…Под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать, …, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц.»…[5]. То есть, применение насилия, является одним из способов выполнения действий, предусмотренных ч.2 ст.282 УК РФ.

В подобном случае, как нам представляется, действует следующее правило квалификации: «Преступление, способ совершения которого, указанный в законе, является самостоятельным преступлением, квалифицируется только по статье УК, наиболее полно охватывающей содеянное. Дополнительная квалификация по статье УК, предусматривающей ответственность за сам способ совершения преступления, в данном случае не требуется.»[6, с. 299].

И, во - вторых, ст.282 УК РФ, во второй части относится к преступлениям тяжким, так как является умышленным и максимальный размер наказания превышает пять лет лишения свободы, в данном случае он составляет шесть лет(ч.4 ст.15 УК РФ). В подобных случаях, как мы знаем так же действует правило, что при квалификации деяний, включающих как составную часть иное самостоятельное деяние, но имеющее меньшую категорию опасности преступления, например, деяние средней тяжести, охватывает преступления небольшой тяжести и не требует дополнительной квалификации. Из чего, можно сделать

вывод, что ст.282 УК РФ, в части «применения насилия или угрозы его применения» охватывает преступления, небольшой и средней тяжести, это побои (ст.116 УК РФ) причинение легкого вреда здоровью (ст.115 УК РФ), относящиеся к деяниям небольшой тяжести, а также умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст.112 УК РФ), относящаяся к преступлениям средней тяжести. Выше сказанное позволяет утверждать, что в случае совершения преступления, предусмотренного п. «а» ч.2 ст.282 УК РФ даже при причинении вреда здоровью средней тяжести не требует дополнительной квалификации и охватывается это статьей.

Кроме того, указанное выше Постановление отмечает следующее: «В отличие от предусмотренных главой 16 Уголовного кодекса Российской Федерации насильственных преступлений против жизни и здоровья, совершаемых по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. "л" ч. 2 ст. 105, п. "е" ч. 2 ст. 111, п. "е" ч. 2 ст. 112, п. "б" ч. 2 ст. 115, п. "б" ч. 2 ст. 116, п. "з" ч. 2 ст. 117 УК РФ), насилие, применяемое при совершении преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, является не только выражением ненависти в отношении конкретного потерпевшего, но и направлено на достижение специальной цели - возбуждение ненависти или вражды в других людях (о чем, например, может свидетельствовать применение в общественных местах в присутствии посторонних лиц насилия в отношении потерпевшего (потерпевших) по признаку принадлежности к определенной расе или национальности, сопровождаемое расистскими или националистическими высказываниями).»[5].

Из выше указанного можно сделать вывод о возможности квалификации ст.282 УК РФ по совокупности со статьями преступлений против личности в следующих случаях:

1. В случае совершения убийства (п. "л" ч. 2 ст. 105 УК РФ) либо причинения тяжкого вреда здоровья (п. "е" ч. 2 ст. 111 УК РФ) во всех случаях, независимо от того является ли совокупность реальной либо идеальной.

2.При причинении вреда в виде средней тяжести вреда здоровью и менее опасного насилия, если присутствует реальная совокупность данных деяний. Например, выкрикивал националистические лозунги, а затем избил, либо наоборот.

3.Следуя буквальному толкованию п.9 Постановления, где указано, «насилие, применяемое при совершении преступления, предусмотренного статьей 282 УК РФ, является не только выражением ненависти в отношении конкретного потерпевшего, но и направлено на достижение специальной цели - возбуждение ненависти или вражды в других людях» возможна и идеальная совокупность, когда одновременно присутствуют два состава преступления. Так, Оренбургский областной суд квалифицировал действия лица по совокупности ст.282 и ст.116 УК РФ, при следующих обстоятельствах: … Желая отомстить…, Б. В.П. решил организовать избиение последнего по мотиву национальной ненависти и вражды и из личных неприязненных отношений,. …он предложил

З.А.В. и С.Р.Р. и У.А.А. избить сапожника-узбека из мести за его поведение в ходе конфликта, а также по мотиву национальной ненависти и вражды. …

Действуя согласно достигнутой договоренности, Б.В.П., С.Р.Р., У.А.А. и вооруженный деревянной битой З.А.В. … напали на последнего, …»[7].

Таким образом, признается, что в случае, когда лицо, одновременно преследует две цели своих действий, отомстить по личным мотивам и экстремистскую, необходимо квалифицировать по совокупности указанных преступлений, независимо от степени тяжести причиненного физического вреда потерпевшему.

С учетом последнего вывода, можно утверждать, что квалификация по п. «а» ч.2 ст.282 УК РФ без дополнительной квалификации по статьям против личности возможна лишь в случае, когда присутствует лишь цель «возбуждение ненависти или вражды в других людях», о чем по утверждению Верховного суда РФ, может свидетельствовать «применение в общественных местах в присутствии посторонних лиц насилия в отношении потерпевшего (потерпевших) по признаку принадлежности к определенной расе или национальности, сопровождаемое расистскими или националистическими высказываниями)»[5].

Однако нам представляется, что подобное понимание существенно сужает поле применения п. «а» ч.2 ст.282 УК РФ. Ведь в таком случае возможна ситуация, когда лицо хотя и по экстремистским мотивам причиняет легкий вред здоровью в не публичном месте и без высказываний, но стремясь вызвать ненависть и вражду и его действия квалифицируются по совокупности, а если тоже самое делает публично и с высказыванием, то только по ст.282 УК РФ, хотя не требуется даже обоснования, что второй случай представляет большую общественную опасность.

Представляется, что Верховному суду надо более четко выразить свою позицию, исключая подобную двойственность высказываний в правовых документах и затрудняющих обеспечение реализации принципа справедливости ответственности.

Библиографический список

1.Новейший словарь иностранных слов и выражений. – М.: Современный литератор, 2003 – 976 с.

2. Кашепов В. Квалификация преступлений экстремистской направленности / В. Кащепов// Журнал Уголовное право. - М.: АНО "Юридические программы". – 2007- № 3. - С. 30-34

3.О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ (с изм. и допол.). Консультант Плюс [Электронный ресурс]: справочно-правовая система. - Электрон, дан. - Режим доступа:http://www.consultant.ru (дата обращения 14.04.2019)

4.Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) Консультант Плюс [Электронный ресурс]: справочно-правовая система. - Электрон, дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения 12.04.2019)

5.О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. N 11 (ред. 20.09.2018. Консультант Плюс [Электронный ресурс]: справочно-правовая система. - Электрон, дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения 12.04.2019)

6.Л.Д. Гаухман. Квалификация преступлений: закон, теория, практика./ Гаухман Л.Д. 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. 448 с.

7.Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 4.02.2010 по уголовному делу № 47-009-82 / Банк судебных решений. [Электронный ресурс]: Электрон, дан. – Режим доступа: http://vsrf.ru. (дата обращения 12.04.2019). (Мы не цитируем полностью определение изъята лишь часть необходимая для данного исследования).

УДК 343.14.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ, ПРИМЕНЕНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Пашаев Х.П.
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры права, философии и социологии ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет»
p_khalik@mail.ru

Пашаева Э. Х.
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России
p_elmira@mail.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена актуальным вопросам, применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности по делам о преступлениях экстремистской направленности, с учетом разъяснений постановления Пленума Верховного суда РФ. Авторами осуществлена попытка отграничения преступлений экстремистской направленности от других уголовно наказуемых деяний.

Ключевые слова: Экстремизм, расовая, национальная, религиозная ненависть и вражда, пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства, преступление.

Annotation: This article is devoted to topical issues, the application of legislation governing the specifics of criminal responsibility in cases of extremist crimes, taking into account the clarifications of the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. The authors have attempted to distinguish extremist crimes from other criminal acts.

Keywords: Extremism, racial, national, religious hatred and enmity, propaganda of social, racial, national, religious or linguistic supremacy, crime.

Конституция Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защиту - обязанностью государства (ст.2) и устанавливает, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только соразмерно конституционно значимым целям (ст.55).

В Российской Федерации признаются идеологическое и политическое многообразие, многопартийность; никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ст.13).

Согласно Конституции Российской Федерации государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств; запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ст.19).

Конституция Российской Федерации, гарантируя свободу мысли и слова, запрещает пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (ст.29)[1].

Верховный Суд Российской Федерации в своем Постановлении № 11 от 28 июня 2011 года «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» указал, что к числу таких преступлений относятся деяния, предусмотренные, статьями 280, 282, 282. 1, 282. 2 УК РФ, пунктом "л" части 2 статьи 105, пунктом "е" части 2 статьи 111, пунктом "б" части 1 статьи 213 УК РФ, а также иные преступления, совершенные по указанным мотивам, которые в соответствии с пунктом "е" части 1 статьи 63 УК РФ признаны судом обстоятельством, отягчающим наказание.

Преступления, в которых экстремистский мотив фигурирует в качестве квалифицирующего, разделяются на две разновидности. Во - первых, это случаи, когда такой мотив прямо указан в качестве отягчающего обстоятельства в конкретной статье УК РФ. И во - вторых, это ситуации, когда судом будут обнаружены экстремистские мотивы при совершении иных преступлений, что порождает применение пункта "е" ч. 1 ст. 63 УК РФ. В данном случае в полной мере действует закрепленное в ч. 2 ст. 63 УК РФ правило о том, что, если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части Кодекса в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания.

Преступления экстремистской направленности необходимо классифицировать следующим образом.

- Преступления, при совершении которых экстремистские мотивы входят в основной состав преступления. К ним относятся деяния, предусмотренные следующими статьями УК РФ: ст. 136 "Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина"; ст. 280 "Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности"; ст. 282 "Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства"; ст. 282. 1 "Организация экстремистского сообщества"; ст. 282. 2 "Организация деятельности экстремистской организации", ст. 282.3. "Финансирование экстремистской деятельности".

- Преступления, в которых экстремистские мотивы фигурируют в качестве отягчающего обстоятельства непосредственно в текстах соответствующих статей. К ним относятся деяния, предусмотренные следующими статьями УК РФ: п. "л" ч. 2 ст. 105 "Убийство"; п. "е" ч. 2 ст. 111 "Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью"; п. "е" ч. 2 ст. 112 "Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью"; п. "б" ч. 2 ст. 115 "Умышленное причинение легкого вреда здоровью"; п. "б" ч. 2 ст. 116 "Побои"; п. "з" ч. 2 ст. 117 "Истязание"; ч. 2 ст. 119 "Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью"; ч. 4 ст. 150 "Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления"; п. "б" ч. 1 ст. 213 "Хулиганство"; ч. 2 ст. 214 "Вандализм"; п. "б" ч. 2 ст. 244 "Надругательство над телами умерших и местами их захоронения".

- Прочие преступления, если в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства будет установлено, что они были совершены по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой - либо социальной группы. К таким преступлениям теоретически может быть причислено большинство умышленных деяний, однако в каждом конкретном случае наличие таких мотивов должно быть доказано в установленном законом порядке и отражено в приговоре суда.

Данная классификация позволяет отграничить преступления экстремистской направленности от других уголовно наказуемых деяний и сосредоточить усилия правоохранительных и судебных органов на доказывание соответствующих мотивов[2].

Некоторые вопросы, возникающие при применении законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности получили разъяснение в последующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 сентября 2018 г. N 32 "О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года N 11 "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности".

Так, в связи с возникшими в правоприменительной практике вопросами Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года N 3-ФКЗ "О Верховном Суде Россий-

ской Федерации", были внесены изменения и дополнения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года N 11 "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности" (в редакции постановления Пленума от 3 ноября 2016 года N 41) следующего содержания:

1) пункт 1 дополнен абзацем следующего содержания: "Обратить внимание судов на то, что гарантированные Конституцией Российской Федерации и международно-правовыми актами свобода мысли и слова, а также право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом могут быть ограничены только в исключительных случаях, прямо закрепленных в федеральном законе, в той мере, в какой это необходимо в демократическом обществе в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, общественного порядка, территориальной целостности (часть 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, часть 3 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, часть 2 статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и др.).";

2) дополнено пунктом 21 следующее содержание: При рассмотрении в порядке статьи 125 УПК РФ жалобы на постановление о возбуждении уголовного дела о преступлении экстремистской направленности суду необходимо тщательно проверять наличие не только повода, но и основания для возбуждения дела, что предполагает представление в суд материалов, содержащих достаточные данные, указывающие на признаки соответствующих преступлений. При этом обратить внимание судов, что с учетом содержания диспозиции статьи 282 УК РФ к таким данным относится не только сам факт размещения в сети "Интернет" или иной информационно-телекоммуникационной сети изображения, аудио - или видеофайла, содержащего признаки возбуждения вражды и ненависти, унижения достоинства человека либо группы лиц по признакам, содержащимся в данной статье, но и иные сведения, указывающие на общественную опасность деяния, мотив его совершения.";

3) в пункт 8: а) дополнен абзацем вторым следующего содержания: "Размещение лицом в сети "Интернет" или иной информационно-телекоммуникационной сети, в частности, на своей странице или на страницах других пользователей материала (например, видео-, аудио-, графического или текстового), созданного им самим или другим лицом, включая информацию, ранее признанную судом экстремистским материалом, может быть квалифицировано по статье 282 УК РФ только в случаях, когда установлено, что лицо, разместившее такой материал, осознавало направленность деяния на нарушение основ конституционного строя, а также имело цель возбудить ненависть или вражду либо унизить достоинство человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе."; б) абзацы второй, третий, четвертый и пятый, теперь считаются абзацами третьим, четвертым, пятым и

шестым; в) абзац третий изложить в следующей редакции: "При решении вопроса о наличии или отсутствии у лица прямого умысла и цели возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства при размещении материалов в сети "Интернет" или иной информационно-телекоммуникационной сети суду следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, форму и содержание размещенной информации, ее контекст, наличие и содержание комментариев данного лица или иного выражения отношения к ней, факт личного создания либо заимствования лицом соответствующих аудио-, видеофайлов, текста или изображения, содержание всей страницы данного лица, сведения о деятельности такого лица до и после размещения информации, в том числе о совершении действий, направленных на увеличение количества просмотров и пользовательской аудитории, данные о его личности (в частности, приверженность радикальной идеологии, участие в экстремистских объединениях, привлечение ранее лица к административной и (или) уголовной ответственности за правонарушения и преступления экстремистской направленности), объем подобной информации, частоту и продолжительность ее размещения, интенсивность обновлений.";

4) дополнены пунктом 81 следующего содержания: Обратить внимание судов на то, что при правовой оценке действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по соответствующим признакам, судам следует исходить из характера и степени общественной опасности содеянного и учитывать положения части 2 статьи 14 УК РФ о том, что не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

При решении вопроса о том, является ли деяние малозначительным, то есть не представляющим общественной опасности, судам необходимо учитывать, в частности, размер и состав аудитории, которой соответствующая информация была доступна, количество просмотров информации, влияние размещенной информации на поведение лиц, составляющих данную аудиторию.";

5) пункт 23 дополнен абзацем шестым следующего содержания: "При оценке заключения эксперта по делам о преступлениях экстремистской направленности судам следует иметь в виду, что оно не имеет заранее установленной силы, не обладает преимуществом перед другими доказательствами и, как все иные доказательства, оценивается по общим правилам в совокупности с другими доказательствами. При этом вопрос о том, являются те или иные действия публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности или к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, а также возбуждением ненависти либо вражды, а равно унижением человеческого достоинства, относится к компетенции суда"[3].

Таким образом, Пленум Верховного суда принял постановление о судебной практике по делам о преступлениях экстремистской направленности, которое уточняет критерии возбуждения уголовных дел за лайки и репосты в соцсетях. Сама по себе публикация или репост материала - даже признанного экстремистским по решению суда – еще не может быть подтверждением желания разжечь вражду. Для наличия такой цели необходимо собрать совокупность доказательств и при этом судьям необходимо выяснять, имел ли обвиняемый прямой умысел на возбуждение ненависти и вражды, а также оценивать, насколько размещение информации было общественно опасно.

«Факт размещения экстремистской информации, репоста или тем более какие-то лайки не могут стать основанием для возбуждения уголовного дела», — подчеркнул заместитель председателя Верховного суда РФ В.А. Давыдов. Верховный суд рекомендовал судам учитывать контекст публикации, наличие и содержание комментариев, содержание всего аккаунта и данные о количестве просмотров постов. Пленум Верховного суда РФ уточнил, что сразу после возбуждения уголовного дела по статье 282 его фигурант может подать жалобу на это. Судьям предлагается в этом случае тщательно проверять наличие не только повода, но и основания для возбуждения уголовного дела, к которому относится не только сам факт размещения информации, но и иные сведения, в том числе личность обвиняемого[4].

Библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. N 11 "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности" (с изменениями и дополнениями от 3 ноября 2016 г., 20 сентября 2018г.) [Электронный ресурс]. - URL: https://base.garant.ru/58202247/#friends. (дата обращения 20.04.2019).

2. Преступления экстремистской направленности. [Электронный ресурс]. - URL: https://prokuror-kaluga.ru/razyasnenie-5962.html (дата обращения 24.04.2019).

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 сентября 2018 г. N 32 г. Москва "О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года N 11 "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности". 27 сентября 2018 г. Российская газета - Федеральный выпуск №7678 (215).

4. Верховный суд: при возбуждении дел за репосты и лайки нужно учитывать умысел и контекст. [Электронный ресурс]. - URL: https://www.znak.com/2018-09-20/verhovnyy_sud_pri_vozbuzhdenii_del_za_reposty_i_layki_nuzhno_uchityvat_umysel_i_kontekst (дата обращения 24.04.2019).

УДК 343.8

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КАТЕГОРИЙ ОСУЖДЕННЫХ, КАК НАПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ЭКСТРЕМИЗМА

Репьева А.М.,
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Барнаульского юридического института МВД России, к.ю.н.
anna-repeva@yandex.ru

Репьев А.Г.,
заместитель начальника кафедры административного права и
административной деятельности органов внутренних дел
Барнаульского юридического института МВД России, к.ю.н.
repev-artem@yandex.ru

Аннотация: Авторами подвергнуты анализу новеллы законодательства, предусматривающие ужесточение условий отбывания наказания для лиц мужского пола, совершивших преступления экстремистской направленности. Через призму современного состояния учреждений исполнения наказания, а также разумности установления преимуществ для женщин-осужденных, предлагаются меры, направленные на совершенствование механизма реализации положений Уголовно-исполнительного кодекса РФ.

Ключевые слова: экстремизм, тюрьмы, женщины-осужденные, правовые преимущества.

Annotation: Are subjected by authors to the analysis of the short story of the legislation, providing toughening of conditions of serving sentence for the males who committed crimes of extremist orientation. Through a prism of the current state of institutions of execution of the punishment and also rationality of establishment of advantages to female convicts, the measures directed to improvement of the mechanism of implementation of provisions of the Criminal and executive code of the Russian Federation are proposed.

Keywords: extremism, prisons, female convicts, legal advantages.

На современном этапе Уголовно-исполнительный кодекс РФ (далее – УИК РФ)[1] является динамично развивающимся и модифицирующимся нормативным правовым актом. За последние 5 лет в него более 20 раз вносились изменения. Окончание 2018 года также ознаменовалось очередным редактированием норм УИК РФ[2].

Согласно новой формулировке ч. 7 ст. 74 УИК РФ лица, осужденные за совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 205-205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277-279, 281, 317, 360, 361 Уголовного кодекса РФ [3] должны отбывать наказание исключительно в тюрьмах. Кроме того, ч. 4 ст. 73 УИК РФ определя-

ет, что к лицам, осужденным за иные преступления, в отношении которых имеется информация об их приверженности идеологии терроризма, исповедовании, пропаганде или распространении ими такой идеологии (при отсутствии достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела) и оказании ими в связи с этим в период содержания под стражей, отбывания наказания соответствующего негативного воздействия на других обвиняемых (подозреваемых), не применяется общее правило определения места отбывания наказания по месту проживания или осуждения. В таком случае они направляются для отбывания наказания в соответствующие исправительные учреждения, расположенные в местах, определяемых федеральным органом уголовно-исполнительной системы.

Такие меры, как видится, должны стать инструментом, который не позволит вышеуказанным лицам заниматься вербовкой в свои ряды и пропагандировать другим осужденным экстремистскую идеологию. Посыл законодателя состоит именно в сужении круга общения потенциального носителя деструктивных для общества взглядов и ценностей лишь теми окружающими, кто ранее уже был вовлечен в эту противоправную среду.

Предпринимаемые меры государства весьма своевременны и объективны. Однако возникает ряд сложностей и противоречий, которые обращают на себя внимание и, думается, должны быть осмыслены на предмет возможности разрешения.

Итак, один из авторов рассматриваемых поправок А. Шхагошев, указывает, что вследствие изменений законодательства число осужденных в тюрьмах может вырасти от одной до четырех тысяч человек[4]. По состоянию на 1 апреля 2019 г. в восьми существующих на территории РФ тюрьмах отбывало наказание 1 184 лица[5]. Следовательно, с учетом лимита наполняемости указанных учреждений уголовно-исполнительной системы, их численность должна вырасти минимум в 2 раза.

Другим аспектом, над которым следовало бы задуматься законодателю в рамках реформирования политики противодействия экстремисткой деятельности, является избирательный подход к определению круга лиц, помещаемых для отбывания наказания в тюрьмы. Речь идет о женщинах, которые под действие новой редакции УИК РФ не подпадают. На сегодняшний момент они могут помещаться лишь в колонию-поселение либо исправительную колонию общего режима. Фактически состоявшееся решение соответствует политике установления правовых преимуществ для женщин-преступниц, о которых мы ранее писали[6, с. 24-29]. Однако, если отдельного рода послабления, касающиеся режима отбывания наказания для женщин, совершивших преступление общеуголовной направленности, оправдано (количество посылок, возможность отбывания наказания в колониях, где есть дома ребенка и пр.), то в рамках деяний, о которых мы ведем речь, полагаем – нет.

Возникает вопрос: в полной ли мере в такой ситуации изменения законодательства соотносятся с посылом Президента РФ В.В. Путина? Глава государства на недавно прошедшем расширенном заседании коллегии МВД озвучил

необходимость «жестко пресекать попытки распространить идеологию агрессии, насилия, нетерпимости» [7]. Официальная статистика вторит выдвинутому тезису. За 2017 г. по ст.ст. 205-205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277 - 279, 281, 317, 360, 361 УК РФ суммарно осуждено 24 женщины[8].

Кроме того, исследования в этой области показывают, что в силу психологии, социальных аспектов, присущих «слабому полу», их вербовка в ряды подобных организаций существенно упрощается путем: воздействия через детей, близких родственников; неверного толкования норм религии; использования эмоциональной привязанности к мужчинам и пр.

Следовательно, закрепление в законодательстве подобного рода преимуществ, в форме особой правовой процедуры отбывания наказания женщинами за преступления экстремистской направленности в более лояльных условиях, сомнительно и неоправданно.

Сказанное, подталкивает на следующие выводы:

во-первых, на сегодняшний день фактическое состояние учреждений уголовно-исполнительной системы для изоляции лиц, совершивших преступления экстремистской направленности (включая террористическую деятельность), не в полной мере соответствует принятым изменениям в законодательство и требует оперативных организационно-правовых мероприятий;

во-вторых, в качестве альтернативы существенным организационно-правовым изменениям, финансовым затратам по созданию тюрем для отбывания наказания женщинами, можно предложить образование изолированных участков с более «жесткими» условиями отбывания наказания (аналогичными тюрьмам) при женских колониях общего режима;

в-третьих, предусматривая ужесточение условий отбывания наказания для одной из категории осужденных, законодателю следует соизмерять реформирование с общим посылом государства и Верховного главнокомандующего по противодействию экстремистской деятельности, социальной характеристикой лиц, совершающих подобного рода преступления, прогнозируя возможные угрозы.

Библиографический список

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (в ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198; 2018. – № 53 (часть I). – Ст. 8474.

2. О внесении изменений в статьи 73 и 81 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 27.12.2018 № 548-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 53 (часть I). – Ст. 8474.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 01.04.2019) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; Российская газета. – 2019. – 03 апр.

4. Куликов В. Не засиделись // Российская газета - Федеральный выпуск. – 2019. – 02 апр.

5. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс]. – URL: http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/ (дата обращения: 10.04.2019).

6. Репьев А.Г., Репьева А.М. Правовые преимущества как элемент специального правового статуса женщины-осужденной // Уголовно-исполнительное право. – 2015. – № 4 (22). – С. 24-29.

7. Латухина К. Куда ведет следствие // Российская газета - Столичный выпуск. – 2019. – 28 февр.

8. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017 год. Официальный сайт Судебного департамента при верховном суде РФ. – [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572 (дата обращения: 10.04.2019).

УДК 343.57

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Семенюк Р. А.
кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России
ruslanbarnaul@mail.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена актуальным проблемам совершения несовершеннолетними преступлений экстремистской направленности. Основными проблемными сферами при этом остаются политико-идеологические, информационные, социально-психологические, семейные и миграционные группы причин, заключающиеся в недостаточном патриотическом воспитании несовершеннолетних, возможности их вербовки в экстремистские организации посредством сети Интернет.

Ключевые слова: Экстремизм, несовершеннолетний, причины преступлений экстремистской направленности.

Annotation: This article is devoted to current problems of the commission of juvenile crimes of an extremist nature. At the same time, the main problem areas remain political, ideological, informational, socio-psychological, family and migration groups of reasons, which consist in insufficient patriotic education of minors, the possibility of their recruitment to extremist organizations through the Internet.

Keywords: Extremism, minor, causes of extremist crimes.

Проблема экстремистской идеологии на территории Российской Федерации наиболее остро наблюдается в молодежной среде и в частности среди лиц

несовершеннолетнего возраста. Определенная часть молодых людей в силу не сложившейся установки и сформированности личности, отсутствия должного патриотического, нравственного, правового и духовного воспитания, подвержена влиянию экстремистских взглядов, праворадикальной идеологии. Экстремистская идеология, в свою очередь, подогревается недовольством подрастающего поколения, выражающегося в таких общих проблемах, как процесс обнищания населения (заработная плата остается на прежнем уровне, а цены на товары и продукты питания неуклонно возрастают); необоснованно большой разрыв в заработной плате граждан различного социального статуса (например, чиновника высокого ранга и рядового служащего); нерешенность проблем бытового и трудового устройства лиц, находящихся в тяжелой жизненной ситуации и т.п.

Под экстремизмом понимается приверженность к крайним взглядам и мерам[1, с. 908]. Анализ результатов проведенного нами исследования показал, что, экстремизм среди несовершеннолетних в России (по сравнению с взрослым) отличается большей мобильностью, однако неглубокой идеологией, низким уровнем организованности и планированности, совершением необдуманных, излишне жестоких экстремистских акций. Несовершеннолетние, в силу несформированности их личности, не в полной мере осознают тяжесть совершаемых ими экстремистских преступлений и их последствий, поэтому редко задумываются о последствиях и ответственности за содеянное.

На территории России до 2017 г. наблюдался рост преступлений экстремистской направленности, а по результатам 2018 г., наоборот их снижение. Так, в 2018 г. экстремистские преступления снизились на 16,8% и составили 1256 преступлений. Из них было раскрыто 1188 преступлений, что составило 94,6% раскрываемости. По-прежнему большая часть данного вида преступлений совершается несовершеннолетними и молодыми взрослыми.

Наиболее распространенными преступлениями экстремистской направленности, совершаемыми несовершеннолетними, являются публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности; возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Преимущественно они совершаются дистанционно с использованием сети Интернет.

В России экстремизм обусловлен политическими, социальными, религиозными, экономическими, правовыми и другими процессами, которые протекали в течение последних лет. В связи с этим нами предлагается рассмотреть следующие группы причин преступлений экстремистской направленности, совершаемых несовершеннолетними.

1. Политико-идеологические причины. Снижение идеологической составляющей в воспитательном процессе привело к утрате несовершеннолетними нравственных ориентиров. Именно подростковое поколение ввиду отсутствия жизненного опыта, оказалось наиболее подверженным экстремистскому влиянию[2, с. 45]. Поэтому патриотическая идеология должна оказывать значительное влияние на формирование мировоззрения личности несовершеннолетнего. При работе с несовершеннолетними лицами следует обращать самое присталь-

ное внимание на формирование у них достойного отношения к истории России. Нами предлагается воссоздать систему интернационального воспитания, необходимо формирование чувств единства, дружбы, равенства и братства всех народов и народностей, проживающих в России. При этом следует использовать положительные примеры интернационального советского воспитания с помощью возможностей международных детских лагерей (например, «Артек»).

Также следует отметить, что в последние годы из всех мировых религий экстремистами для разжигания национальных и религиозных конфликтов используют мусульманство. И это не случайно, поскольку число приверженцев Ислама более 1,8 млрд. человек, проживающих в более чем 125 странах мира (см. https://ru.wikipedia).

2. Информационные причины. В настоящее время существует множество способов анонимного размещения информации через СМИ и Интернет, чем и пользуются несовершеннолетние экстремисты. Социальные сети, мультимедиа, игровые чаты и флэш-мобы стали использовать для вербовки несовершеннолетних в экстремистскую деятельность.

В итоге подростки-экстремисты получили возможность общаться на националистические темы в Интернет-ресурсах, в процессе участия в массовых акциях, которые в любой момент могут перерасти в экстремистские. Так, например, в 2016 г. семнадцатилетний К. начал увлекаться националистической идеологией, читая в Интернете о народах, придерживающихся националистических взглядов. Его круг общения состоял из пользователей социальной сети «В Контакте», придерживающихся праворадикальной идеологии. В процессе общения К. назначал встречи с единомышленниками, они разговаривали на националистические темы. В результате чего К. начал задумываться о поступлении в полк «Азов» для участия в боевых действиях на территории Украины[3, с. 3].

3. Социально-психологические причины. Специфической особенностью личности несовершеннолетних является необходимость общения со сверстниками, в процессе которого они нередко стремятся к самореализации и самоутверждению. При этом причинами роста экстремистского поведения среди несовершеннолетних могут выступать социальное неравенство, недостаточная социальная зрелость, малый жизненный опыт, недовольство своим социальным положением, обида, злоба на лиц иной национальности. Анализ изученных нами материалов уголовных дел показал, что экстремистские преступления несовершеннолетними в большинстве случаев совершаются в отношении евреев, китайцев, цыган, лиц кавказской национальности, жителей Средней Азии.

4. Семейное неблагополучие несовершеннолетних. Так, анализ результатов проведенного нами исследования показал, что многие виновные подростки на момент преступления не имели родителей, выросли в специальных детских домах, интернатах, находились под опекой пожилых родственников, которые не смогли оказать должный контроль за поведением своих подопечных. Многие преступления экстремистской направленности несовершеннолетние совершали с использованием оружия, которое небрежно хранилось их родителями или другими родственниками.

5. Миграционные причины. Немалую роль играет миграция, стимулируемая политикой дискриминации русских и других этносов. Концентрация мигрантов в определенном месте создает условия для проведения экстремистских акций. В связи с миграционными процессами в некоторых регионах молодые люди не могут трудоустроиться на определенные рабочие места, где закрепились мигранты и местных российских граждан туда уже не пускают.

Таким образом, можно сделать вывод, что основными причинами совершениями несовершеннолетними экстремистских преступлений являются распространение экстремистской идеологии; недостаточный уровень правового, патриотического, интернационального, нравственного и духовного воспитания несовершеннолетних; возможность использования сети Интернет в экстремистских целях; семейное неблагополучие несовершеннолетних; доступ подростков к небрежно хранящемуся оружию.

Библиографический список

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка // С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд., доп. – М., 1997. – 917 с.

2. Попченко А.Р. О проблемных вопросах противодействия экстремизму в молодежной среде / А.Р. Попченко, Т.А. Якуничева // Проблемы противодействия экстремизму в Российской Федерации: сб. мат-лов круглого стола, 28 апреля 2005 г. – М., 2005. – С. 44-48.

3. Архив Змеиногорского городского суда Алтайского края // Уголовное дело № 1-18 (2017).

УДК 343.3

ПОНЯТИЕ МОТИВА «НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕНАВИСТИ ИЛИ ВРАЖДЫ» В НОРМАХ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УК РФ

Тарасова Л.Я.
кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России
Lmila09@mail.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена раскрытию понятия мотива «национальной ненависти или вражды». Данный мотив рассмотрен применительно к составам преступлений, содержащихся в Особенной части Уголовного кодекса РФ. Различная трактовка данного понятия приводит к неоднозначности применения норм Уголовного закона, а также к неправильной квалификации преступлений.

Ключевые слова: мотив совершения преступления, экстремизм, терроризм, «мнимый» мотив, «истинный» мотив.

Annotation: This article is devoted to the disclosure of the concept of the motive of "national hatred or enmity." This motive is considered in relation to the composition of the crimes contained in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. A different interpretation of this concept leads to ambiguity in the application of the norms of the Criminal Law, as well as to the wrong qualification of crimes.

Keywords: motive of the crime, extremism, terrorism, “imaginary” motive, “true” motive.

В российском уголовном праве на протяжении длительного времени, а также в советском уголовном праве практически не применялось такое понятие, как совершение преступлений по мотиву национальной ненависти или вражды.

Если рассматривать экстремизм как социальное явление, то исторически установлено, что он возникает в тех странах, где происходят различного рода кризисы. В том числе и на фоне социальных конфликтных ситуаций, когда в обществе происходит нарушение прав и свобод граждан. Когда со стороны государства снижается контроль, или оно не может осуществлять достаточный контроль, за состоянием общественной безопасности и общественного порядка. И происходит разрушение моральных ценностей[2,с. 178–180]. В настоящее время в РФ возникла необходимость в разработке научно обоснованных подходов к данной проблеме во всех отраслях права, в том числе и в уголовном праве к данной проблеме. Ее изучение может происходить только в правовом поле. УК РФ предусмотрена ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти и вражды, а также унижение достоинства человека или группы. Но толкование понятий, указанных в данных нормах не конкретно. Однако это одно из условий привлечения лица к уголовной ответственности по экстремистским мотивам.

По мнению многих экспертов в данной области, экстремизм приобрел организованные формы. Так, согласно представленным данным в ГИАЦ МВД России наблюдается рост зарегистрированных преступлений экстремисткой направленности.

Однако при изучении судебной практики наблюдаются проблемы, возникающие с определением субъективной стороны преступления. Так как предложенная законодателем конструкция составов, совершаемых по мотивам национальной ненависти и вражды неоднозначно понимается правоприменителями и приводит к ошибкам в квалификации совершенного деяния. Для этого необходимо правильное уголовно-правовое толкование мотивов ненависти или вражды. В теории общей психологии мотив рассматривается как побуждение к деятельности человека, то, почему осуществляется такая деятельность[4,с.138-142]. В литературе встречается определение мотива, как побуждения к умышленной деятельности[1,с. 98.]; мотива, как поведения самого субъекта, присущего только ему, только его личностные побуждения к совершению определенных действий[5,с. 255]; определение мотива, как осознанное поведение, побуждение к действиям, направленное на достижение результата через потребности, окрашенное в эмоциональное и эффективное содержание[3,с. 318].

При совершении преступления мотив является внутренним исходным моментом, толкающим субъекта к действиям, его причиной и поводом. Мотив национальной ненависти или вражды – это феномен, который представляет собой целостную непрерывную цепь взаимосвязанных компонентов.

Мы придерживаемся мнения группы ученых о том, что мотив национальной ненависти или вражды может иметь две формы: первая форма, это «мнимый» мотив национальной ненависти или вражды. Вторая форма это «истинный» мотив национальной ненависти или вражды.

Под первой формой мотива необходимо понимать, что при совершении преступления экстремисткой направленности, лицо якобы реализует свой умысел, направленный на совершение данного вида преступлений. Происходит реализация умысла, направленного на общественные отношения, охраняющие свободу совести, свободу группы лиц определенной расы. Однако на самом деле лицо удовлетворяет свои низменные потребности в корысти, обогащении, уничтожении политических конкурентов. В данном случае мотив национальной ненависти и вражды является формальным. По сути, реализация происходит иных мотивов, только не экстремистских. Данные лица нацелены на совершение корыстно-насильственных преступлений, и относительно их являются общественно-опасными.

Вторая форма мотива, так называемого «истинного» мотива национальной ненависти и вражды, является на взгляд ученых более опасной формой. При совершении преступлений, лицо руководствуется именно своими внутренними побуждениями, которые сформированы на личностно-психологическом уровне. Данные лица истинно верят в превосходстве одной нации над другой. Миссия их в очищении той расы, к которой они принадлежат от иноверцев. Нередко истинный мотив национальной ненависти и вражды перерастает в клинический диагноз. Данные субъекты могут быть психически здоровыми, не иметь установленных и выявленных психических диагнозов. Юридически быть вполне вменяемыми лицами. Они «страшны» тем, что их экстремистские мотивы не зависят от политической обстановки в стране, какая политическая партия правит в стране, каково социальное положение населения страны. Для них главная цель, это реализация умысла национальной ненависти и вражды и достижение любыми способами конкретного результата. Лица, которые обладают истинным мотивом, сохраняют общественную опасность, как во время предварительного расследования, так и при судебном рассмотрении, так и после отбытия наказания, так как сохраняют свою решимость совершать новые преступления именно по мотивам национальной ненависти и вражды [4,с.138-142].

Положения уголовного закона возлагают на следственные органы обязанность установление мотива совершения преступления. Это регламентировано статьей 73 УК РФ. Кроме того Верховный суд РФ в своем Постановлении от 28.06.2011 N 11 (ред. от 03.11.2016) "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности" также указывает на то, установление мотива национальной ненависти или вражды при квалификации преступлений экстремисткой направленности обязательно[6].

Таким образом, на основании анализа мотива национальной ненависти или вражды, в том виде, в котором он представлен в УК РФ, в статьях Особенной части на практике вызывает неоднозначность применения. Это нередко способствует неверной квалификации совершенных деяний. Предлагаем, для устранения такого неоднозначного подхода, данное определение закрепить в виде примечания к статье экстремисткой направленности. При этом будет соблюдены требования не только внутреннего права РФ, но и выполнение Россией международно-правовых обязательств.

Библиографический список

1.Гамезо М.В., Домашенко И.А. Атлас по психологии: информ.-метод.пособие к курсу «Психология человека». – 2.изд., доп. и испр. – М.: ИздвоРос. пед. агентства, 1998. – С. 98.

2.Грушихина В. А. Экстремизм в России: криминалистические аспекты / В. А. Грушихина // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: материалы XIX междунар. науч. - практич. конф. — Иркутск, 2014. — С. 178–180.

3.Киричук А. Основы психологии. – К.: Лыбидь, 2006. – С. 318.

4.Малаев А.П. Мотив национальной, религиозной, расовой ненависти: проблема идентификации в юридической терминологии// Наука и современность.-2016.С.138-142.

5.Немов Р.С. Психология: [Учеб.для студ. высш.пед.учеб.заведений]: в 3 кн. – 4-е изд. – М.: Владос: ИМПЭ, 2001. – Кн. 1: Общие основы психологии. – 2001. – С. 255.

6.Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 (ред. от 03.11.2016) "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности")" [Электронный ресурс]. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 26.03.2019).

УДК 343.326

К ВОПРОСУ ОБ «АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ» В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПРИ РАЗМЕЩЕНИИ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» ФОТОГРАФИЙ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩИХ О НЕПОЛНОЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА ПО ПРИЗНАКУ ЕГО СОЦИАЛЬНОЙ, РЕЛИГИОЗНОЙ ИЛИ ИНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Титаренко А.П.
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии АФ РАНХиГС при Президенте РФ, Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
tapavlovich@mail.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена вопросам уголовно-правовой и административно-правовой ответственности за возбуждение ненависти или вражды, а также унижение человеческого достоинства по признакам пола, расы, национальности, совершенные публично с использованием сети «Интернет». Автором высказывается мнение об отсутствии достаточных оснований для привлечения лиц молодежного возраста к уголовной и административной ответственности при отсутствии целенаправленного, настойчивого формирования в сети «интернет» негативных характеристик групп лиц по их социальному либо иному признаку.

Ключевые слова: экстремизм, административная преюдиция, малозначительность, криминализация, декриминализация.

Annotation: This article is devoted to the issues of criminal-legal and administrative-legal responsibility for the incitement of hatred or enmity, as well as the humiliation of human dignity on the grounds of sex, race, nationality, committed publicly using the Internet. The author expresses the opinion that there are no sufficient grounds for bringing young people to criminal and administrative responsibility in the absence of purposeful, persistent formation in the Internet of negative characteristics of groups of persons on their social or other features.

Keywords: extremism, administrative prejudice, insignificance, criminalization, decriminalization.

Вовлеченность России в глобальные экономические и политические процессы, предполагает открытость отечественных общественных отношений для влияния таких процессов. Наряду с положительными достижениями взаимопроникновения культур, в нашем обществе проявляются негативные тенденции по сужению возможностей индивида, в результате нестабильного экономического роста страны, значительного имущественного расслоения населения, повышенной агрессивности отдельных граждан. Различия в материальном и ду-

ховном развитии личности, наличие значительных разрывов в возможностях представителей разных слоев населения создает питательную среду для вовлечения молодежи в радикальные течения.

Наиболее репрессивной мерой воздействия на негативные процессы, связанные с экстремизмом и терроризмом является уголовная ответственность, предусмотренная главами 25 и 29 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ). В целом уголовно-правовые институты, предназначенные для борьбы с экстремизмом и терроризмом следует признать успешно способствующими решению, стоящими перед уголовным законодательством задач, таких как охрана прав и свобод граждан, предупреждение преступлений, обеспечение мира и безопасности человечества (статья 2 УК РФ). Наиболее устоявшимися в этом плане следует признать нормы, направленные на противодействие терроризму. Однако, в сфере борьбы с экстремизмом к настоящему времени наблюдается нестабильность законодательного подхода в определении степени общественной опасности лица, совершающего действия, которые по объективным признакам относятся к разряду экстремистских. В частности, следует обратить внимание на Федеральный закон № 519-ФЗ от 27 декабря 2018 г. «О внесении изменений в статью 282 УК РФ». Одним из новшеств данного закона стало включение в часть первую указанной нормы специального субъекта выделенного по административно-правовому признаку. Так, после вступления данного закона в силу (7 января 2019 года), привлечь к уголовной ответственности за действия, направленные на возбуждение ненависти или вражды, а также унижение человеческого достоинства по признаками пола, расы, национальности и т.д., совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», можно только лицо, которое за аналогичное деяние в течение года привлекалось к административной ответственности.

Анализируя в целом, происходящие изменения в уголовно-правовой политике государства за последнее десятилетие следует констатировать что, с принятием Федерального закона № 519-ФЗ, в УК РФ увеличилось количество преступлений, с так называемой административной преюдицией.

Не оценивая в целом положительные и отрицательные последствия возвращения в уголовное законодательство специального субъекта с административно-правовыми признаками[1,с. 86], полагаем необходимым проанализировать саму возможность привлечения к уголовной ответственности за размещение в сети «Интернет» фотографий, свидетельствующих о неполноценности человека по признаку его социальной, религиозной или иной принадлежности в зависимости от совершения аналогичного административного правонарушения.

Напомним, для внедрения в норму уголовного закона, направленную на противодействие возбуждению ненависти либо вражды по отдельным признакам человека «административной преюдиции», законодателю пришлось дополнить законодательство РФ об административных правонарушениях, ранее не существовавшей нормой, предусматривающей административную ответственность за аналогичные действия без признаков уголовно наказуемого деяния

(См. Федеральный закон № 521-ФЗ от 27 декабря 2018 года «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее КоАП РФ)). Вследствие принятия данного закона в КоАП РФ появилась статья 20.3.1. «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Следовательно, с принятием федеральных законов № 519-ФЗ и № 521-ФЗ в Российской Федерации произошла декриминализация действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение достоинства человека либо группы лиц, по признакам пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, происхождения, либо принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использование средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», лицом, не привлекавшимся к административной ответственности за аналогичное деяние, либо привлекавшимся к ней более года назад.

Беря во внимание предысторию, обусловившую декриминализацию указанного деяния следует вспомнить широко обсуждавшиеся в прессе в 2018 году уголовные дела, возбужденные в разное время в отношении трех жителей молодежного возраста города Барнаула[2]. Им в числе прочих деяний вменялось совершение преступления, предусмотренного частью 1 статьи 282 УК РФ за размещение в сети «Интернет» снимков возбуждающих чувство ненависти и вражды по признаку расы и вероисповедания, признанные лингвистической экспертизой экстремистскими.

Таким образом, сложилась ситуация при которой формально все признаки преступления и присутствовали в каждом конкретном случае, но привлечение к уголовной ответственности виделось чрезмерной мерой воздействия. То есть, говоря уголовно-правовым языком деяние само по себе не представляло общественной опасности (часть 2 статьи 14 УК РФ). Поэтому согласно принципу законности (статья 3 УК РФ), лица не могли быть привлечены к уголовной ответственности. Чтобы не оставлять подобные случаи без внимания, выход из данной ситуации правоприменителю указал законодатель через ведение признака административного наказания лица за аналогичное правонарушение.

Представляется что, введение в уголовный закон «административной преюдиции» возможно, только если административные меры не могут нейтрализовать соответствующее противоправное явление. Иными словами, административную преюдицию в уголовном праве можно приветствовать только как процесс криминализации деяния. Законодатель же в случае с изменениями части 1 статьи 282 УК РФ, предусмотренными Федеральным законом № 519-ФЗ избрал обратный путь. И как мы полагаем, его следует признать ошибочным направлением вектора развития уголовно-правовой политики.

На наш взгляд, размещение в сети «Интернет» фотографий, создающих негативную эмоциональную оценку представителям какой-либо группы не может быть признано ни общественно опасным, ни общественно вредоносным явлением, которое должно быть пресечено только через государственное вмешательство. Юридическая ответственность за подобное размещение может быть

не выше уровня гражданско-правовой юрисдикции. То есть, каждый человек должен решать для себя сам, каким образом унижено его достоинство через размещение подобного рода фотографий. И если он полагает, что оно унижено или влечет в отношении него ненависть либо вражду, тогда может обращаться за правовой защитой и компенсацией вреда от такой демонстрации.

Главным же сдерживающим фактором от размещения в сети «Интернет» фотографий, свидетельствующих о неполноценности человека по признаку его социальной, религиозной или иной принадлежности должны стать педагогические меры, направленные на повышение правосознания граждан.

Библиографический список

1. Лопашенко, Н.А. Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и их оценка [Текст] / Н.А. Лопашенко // Уголовное право. - 2017. - № 4. - С. 84 - 93.

2. «Мне 23 года, и я — экстремистка»: как россиян судят за картинки в соцсетях [Электронный ресурс]. - URL: https://news.rambler.ru/community/40504022-mne-23-goda-i-ya-ekstremistka (дата обращения 31.03.2019).

УДК 343.33

ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИЕЙ (НА ПРИМЕРЕ СТ. 282 УК РФ)

Федоров А.Ф.
кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института
МВД России

Федорова Е.А.
курсант 3 курса Барнаульского юридического института МВД России

Аннотация: В представленной статье рассматривается сущностная характеристика преступлений с административной преюдицией на примере ст. 282 УК РФ. Авторы анализируют признаки преюдициальных преступлений, а также те проблемы, которые может породить использование таких конструкций.

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности, возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства, преступления с административной преюдицией.

Annotation: The presented article considers the essential characteristics of crimes with administrative prejudice on the example of art. 282 of the Criminal Code. The authors analyze the signs of prejudicial crimes, as well as the problems that may arise from the use of such structures.

Keywords: extremist crimes, incitement to hatred or hostility, as well as the humiliation of human dignity, crimes with administrative prejudice.

Анализ Уголовного кодекса РФ (далее УК РФ) свидетельствует о повышенном внимании к такому правовому институту, как административная преюдиция.

Несмотря на том, что составы с административной преюдицией были известны еще УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР 1926 г. (в котором их количество увеличилось), УК РСФСР 1960 г., при разработке УК РФ 1996 г. было решено отказаться от использования таких составов, поскольку их наличие, по мнению разработчиков, противоречило концепции Кодекса и Конституции РФ. Отмечалось, что наличие административной преюдиции в нормах уголовного закона нарушает конституционный принцип о том, что никто не может быть повторно осужден за одно и то же правонарушение (ст. 50 Конституции РФ).

Повторное введение данного института в российское уголовное законодательство датируется 2009 годом, когда Президент РФ Дмитрий Медведев в послании Федеральному Собранию Российской Федерации выдвинул тезис о том, что следует шире использовать административную преюдицию, то есть привлекать к уголовной ответственности только в случае неоднократного совершения административного правонарушения со схожим составом[1, с. 58-60].

В последние годы в УК РФ появилось большое количество составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за повторное совершение административного правонарушения. В том числе использование данного института коснулось и преступлений экстремистской направленности, в частности состава возбуждения ненависти или вражды (ст. 282 УК РФ).

С одной стороны, введение преступлений с административной преюдицией является мерой противодействия данным правонарушениям, с другой стороны, общественная опасность, характерная для преступлений не может складываться из количественной составляющей, а образует качественную категорию, показывающую причинение вреда общественным отношениям.

Признаки преступлений с административной преюдицией также не нашли детальной разработки в науке уголовного права.

Преступления с административной преюдицией обладают следующими признаками:

1) деяние, составляющее объективную сторону – административное правонарушение, предполагающее ответственность согласно административному законодательству;

2) лицо было привлечено к административной ответственности за первое (последнее из совершенных) правонарушение;

3) лицо совершает последнее правонарушение в срок непогашенного административного наказания за прошлое правонарушение[2, с. 64-71];

4) любое последующее совершение административного правонарушения, входящего в преступление с административной преюдицией, образует новое преступление.

Таким образом, если проанализировать конструктивное строение состава преступления с административной преюдицией, можно заметить, что уголовный закон в точности повторяет все признаки состава административного правонарушения (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона). Отличие же административного правонарушения состоит в кратности совершаемого противоправного деяния и наложении наказания за предыдущие правонарушения. Эти условия являются криминообразующими признаками и основаниями уголовной ответственности.

Использование института преюдиции в рамках тс. 282 УК РФ следует признать правильным и обоснованным, поскольку совершение данного деяния впервые не обладает достаточной общественной опасностью, необходимой для преступления.

Библиографический список

1. Карпова Ю.С. Административная преюдиция в российском уголовном праве // Перспективы науки. – 2017. – № 5 (92). – С. 58-60.

2. Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 3 (23). – С. 64-71.

УДК 343.98

ПОНИМАНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И ЛИЧНОСТНЫХ ДЕТЕРМИНАНТ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Черкасова Е.С.
кандидат психологических наук, доцент кафедры криминалистики Новосибирского филиала ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
cherkasova75@mail.ru

Аннотация: Публикация посвящена проблеме понимания совокупности диагностических и классифицирующих признаков экстремистской деятельности. По мнению авторов, установление триады психологических детерминант экстремистской направленности личности по основным классифицирующим признакам, позволит получить объемное представление о внутреннем мире экстремисткой личности, будет способствовать пониманию ее эмоционально-чувственной сферы, поведенческой направленности, когнитивным установкам и ментальной сфере экстремиста.

Ключевые слова: экстремизм, поведение, детерминанты, мотивация, девиации, аддикция, диагностика, деятельность.

Annotation: The article is devoted to the problem of understanding the set of diagnostic and classifying features of extremist activity. According to the authors, the establishment of a triad of psychological determinants of extremist personality on the main classifying features, it will provide a comprehensive view of the inner world of the extremist personality, will contribute to the understanding of its emotional and sensual sphere, behavioral orientation, cognitive attitudes and mental sphere of the extremist.

Keywords: extremism, behavior, determinants, motivation, deviation, addiction, diagnostics, activity.

Актуальность исследования проблемы психологических мотивационных и предрасполагающих факторов экстремистской деятельности обусловлена тем, что в социальных и политических реалиях сегодняшнего времени, экстремизм в виде крайнего варианта деструктивного человеческого поведения занимает лидирующие позиции в мировом сообществе в качестве наибольшей опасности максимального разрушительного воздействия.

Триада психологических детерминант экстремистской направленности личности представлена следующими составными классифицирующими признаками:

1) Предпосылки эмоционально-чувственной сферы;
2) Предпосылки поведенческой направленности;
3) Когнитивные установки и ментальная сфера личности

Более детальное раскрытие каждой психологической детерминанты необходимо с позиции не только глубинного понимания экстремисткой направленности, но и представляется важным и необходимым условием, объективного диагностического комплекса экстремисткой деятельности и личности эту деятельность реализующей, например, в условиях комплексных психолого-психиатрических экспертиз.

Диагностика эмоционально-чувственной сферы должна осуществляться с позиции того, что эмоциональные состояния играют определяющую и ведущую роль как во внешнем поведении личности, так и в его психической деятельности, а чувства в свою очередь оказывают непосредственное влияние на содержательную и внутреннюю сущность переживаний, проходящих через призму духовных потребностей человека [5, с. 23]. Вопрос, на который предстоит ответить психологам-экспертам: что происходит с эмоционально-чувственной сферой личности еще до того момента, когда эта личность принимает решение начать заниматься экстремистской деятельностью? По мнению автора, важным моментом, способным стать информативно-полезным является понимание экспертами ситуации системного социального кризиса. Суть данного кризиса заключается в определенных эмоционально-психологических переживаниях у всех социальных групп, но особую остроту данного кризиса начинают испытывать социальные группы, реально находящиеся под угрозой социального исчезновения, или же те, в чью ментальную систему сознательно и с определенной целью внедряется идея социального исчезновения (угнетения, насилия и т.д.),

что неминуемо приводит к развитию следующей симптоматики: психологическая фрустрация, астения, подавленность, угнетение (в том числе с физиологическими симптомами), страх и психоэмоциональное напряжение, бессилие и т.д. Постепенное ухудшение состояния приобретает элементы амбивалентности, что способствует переходу от выше названных симптомов к стеническим чувствам, замещаясь ненавистью, агрессией, жестокостью. В реальной жизни человек попадает в очень сложный и неоднозначный «эмоциональный котел», в который подливают «кипяток агрессии и ненависти» отлично обученные «проповедники», «наставники», «учителя», «Вуду» и т.п.[3, с. 166], проводящие свою агитационную и разъяснительную работу психологическими техниками и методами, вызывая и усиливая исключительно разрушительные тенденции. Как показывает практика, именно экстремистские организации, изначально создававшиеся под националистическими, сепаратистскими или религиозными лозунгами, перерастают в дальнейшем в террористические [2, с. 163].

Важно, что в большинстве случаев, речь идет о влиянии на молодых людей, не достигнувших возраста психологической и личностной зрелости. Агитационная работа проводится техниками, способными еще больше расшатать незрелую психику молодых людей, а стимулирование выплеска агрессии приводит к формированию поведенческой агрессивной направленности[4,с. 83-92]. Поведенческие реакции строятся на основе девиантного и делинквентного поведения, которое при первых проявлениях приносит личности ощущение облегчения (агрессия находит выход), психика расслабляется, накал психоэмоционального напряжения снижается по типу разрядки. Но, спустя незначительное время у молодого человека формируется определенная форма агрессивной аддикции, которая имеет внешнее социальное одобрение в экстремистской среде, формируя «порочный круг экстремизма».

Применительно к пункту поведенческих реакций и их девиантного исполнения, интересно рассмотреть мнение известного итальянского криминолога Э. Ферри[6, с. 123-127], который с позиции детерминизма, основываясь на исследованиях Ч. Ломброзо вводит новый термин «антропобиологические аномалии». Суть этих аномалий, по мнению ученого, заключается в понимании «преступного типа поведения», который характеризуется признаками анормальности, явного несоответствия биологическим и социальным задачам человеческого бытия. В качестве негативно влияющих предпосылок на проявления «преступного типа поведения», Э. Ферри называет сочетанное значение социальных, политических и экономических факторов, в том числе и определенным образом интерпретированных и внедренных в ментальную структуру личности.

Исходя из пары пунктов юридического определения экстремизма[1], можно говорить о том, что сфера когнитивных и ментальных установок национальной психологии изначально имеет определенный зачаток идей превосходства одних наций над другими, а в условиях «грамотно» организованной пропаганды данные идеи становятся исключительно выпуклыми, что ведет к: публичному оправданию терроризма и иной террористической деятельности, приводит к возбуждению социальной, расовой, национальной или религиозной розни.

Сложность преодоления экстремистских установок поведения состоит в том, что сформированное и внедренное в сознание убеждение об исключительном влиянии насильственных и жестких мер и действий, способных радикально исправить критическое положение данной социальной группы (нации, народа и т.д.) требует комплексного подхода, социально-политические вопросы в котором должны занимать приоритетное значение.

Важно понимать, что психологическая превенция экстремистских когнитивных и ментальных установок, должна заключаться в контр формировании законности, нормативности, духовно-нравственных ограничениях и запретов, с комплексом неминуемых юридических (вплоть до уголовно-наказуемых) последствий, следующих за нарушениями.

Распознавание и диагностика специфической природы эмоциональных состояний экстремисткой личности, возможна посредством установления его жизнедеятельности. В этом аспекте жизнедеятельность экстремистской личности является процессом психического переживания ею определенной ситуации. Установив на первоначальном этапе элементы экстремистской направленности и экстремистские мотивы, ориентированные на экстремистскую идеологию, возникает четкое понимание эмоциональных переживаний в основе которых лежит негативно-требовательный характер отношения к внешнему миру, идентичный его восприятию внешнего мира, выражающийся в определенных формах взаимодействии его внутреннего мира с внешним миром. В процессе диагностики необходимо уловить рассогласование между представлениями о «правильном» устройстве мира и реальной действительностью, в которой экстремист находится. Важно, что рассогласование является осознаваемым и стимулирующим экстремистскую идеологию, что в совокупности реализуется в экстремистской деятельности. В процессе отстаивания и пропагандирования экстремисткой идеологии, неминуемо возникают конфликтные отношения с представителями других социальных, политических, национальных групп, данные экстремистские конфликты в базисе имеют идеологическую подоплеку, выражающуюся в разнице мировосприятия и мироощущения. По способу реализации это всегда внешняя форма агрессивного и репрессивного реагирования без критического осмысления своих поступков и без толерантного отношения к мотивационным, идеологическим, политическим и социальным механизмам оппонентов.

Социально-экономические и политические причины изначально порождают психологические детерминанты экстремизма, по мере развития формирования и развития которого, вновь негативно влияют на национальное массовое сознание, формируя дальнейшее развитие экстремистской идеологии.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» ч.1 ст.1.

2.Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. - 2006. С. 163.

3.Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. - С. 166.
4.Нуруллаев А.А., Нуруллаев Ал. А. Религиозно-политический экстремизм // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». – 2000 - № 4. С.83-92.
5.Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 2015. - С. 23.
6.Ferri E. Socialism and Positive Science. Milan. – 1894, p. 123-127.

УДК 334.3

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОХОЖДЕНИЕ ОБУЧЕНИЯ В ЦЕЛЯХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО УК РФ И УК РК: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Шаганова О.М.
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Барнаульского юридического института МВД России
olga.shaganova@yandex.ru

Аннотация: В статье отражается сравнительный анализ уголовно-правовых норм Российской Федерации и Республики Казахстан об ответственности за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности.

Ключевые слова: терроризм, преступления террористической направленности, сравнительный анализ, уголовное законодательство Республики Казахстан, прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности.

Annotation: The article reflects a comparative analysis of the criminal law of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan on the responsibility for undergoing training in order to carry out terrorist activities.

Keywords: terrorism, crimes of a terrorist orientation, comparative analysis, the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan, training in order to carry out terrorist activities.

Противодействие преступлениям террористической направленности, а именно прохождению обучения в целях осуществления террористической деятельности, осуществляется не только в Российской Федерации, но и в Республике Казахстан[1]. Уголовное законодательство указанных стран имеют одни и те же исторические корни (Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.). И даже при принятии в 1996 году уголовных кодексов уже самостоятельных государств (участников СНГ) их законодатели опирались на общий нормативный правовой акт – Модельный уголовный кодекс[2].

Таким образом, представляется интересным сравнение ст. 205.3 УК РФ «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельно-

сти» и ст. 260 УК РК «Прохождение террористической или экстремистской подготовки» в целях нахождения общих и отличительных признаков составов.

Месторасположение указанных норм в рамках Особенных частей УК РФ и УК РК схожи. Так, ст. 260 УК РТ изложена в главе 10 «Уголовные правонарушения против общественной безопасности и общественного порядка». В свою очередь в российском уголовном законодательстве ст. 205.3 размещена в разделе «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Таким образом, можем сделать вывод о том, что виновный, совершая посягательство, предусмотренное ст. 205.3 УК или ст. 260 УК РФ, тем самым причиняет вред общественным отношениям в сфере общественной безопасности и общественного порядка.

Объективные стороны рассматриваемых составов УК РФ и УК РК выражаются в активных действиях. По УК РФ преступным действием выступает прохождение *обучения*, по УК РФ – прохождение *подготовки.*

Толкование данных понятий позволяет сделать вывод, что они по своей сути примерно схожие и подразумевают получение определенных знаний, умений и навыков в любой области. Так, в словаре С.И. Ожегова «обучение» толкуется также как и слово «учить», т.е. занимаясь, усваивать, запоминать[3], а «подготовка» – это запас знаний, полученный кем-нибудь[4].

Отметим, что в диспозиции ст. 205.3 УК РФ перечисляются возможные проявления прохождения обучения, например, приобретение знаний, практических умений и навыков в ходе занятий по физической и психологической подготовке, при изучении способов совершения указанных преступлений, правил обращения с оружием, взрывными устройствами, взрывчатыми, отравляющими, а также иными веществами и предметами, представляющими опасность для окружающих.

Статью 260 УК РК законодатель сформулировал более кратко, поскольку закрепил в ее диспозиции лишь одно проявление прохождения подготовки – приобретение умений и навыков совершения террористического и экстремистского преступления.

С другой стороны в ст. 260 УК РК подробнее расписаны условия, относящиеся к месту прохождения подготовки, чего нет в ст. 205.3 УК РФ. Так, место похождения подготовки (на территории Республики Казахстан или за ее пределами) для привлечения к ответственности виновного значения не имеет.

Составы преступления, что ст. 205.3 УК РФ, что ст. 260 УК РК по конструкции объективной стороны сформулированы по типу формальных. Следовательно, они будут окончены с момента начала обучения и момента прохождения обучения соответственно.

Субъект преступления, предусмотренного ст. 205.3 УК РФ, выступает физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет.

Возраст субъекта преступления, предусмотренного ст. 260 УК РК, выше, чем по УК РФ, поскольку лицо, совершившее его, должно достигнуть 16 лет. И, конечно же, требуется быть вменяемым.

Субъективные стороны рассматриваемых составов имеют свои особенности.

Например, субъективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 205.3 УК РФ, характеризуется прямым умыслом и специальной целью – осуществление террористической деятельности либо совершения одного из преступлений, предусмотренных статьями 205.1, 206, 208, 211, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ.

Субъективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 260 УК РК характеризуется прямым умыслом. Это означает, что виновное лицо осознает общественную опасность прохождения подготовки и желает ее осуществить.

Кроме того, в рассматриваемых нормах наличествуют специальные условия освобождения от уголовной ответственности. Так, согласно примечанию ст. 260 УК РК либо освобождается от уголовной ответственности в случаях, если:

1. а) добровольно сообщило о прохождении подготовки;

б) способствовало выявлению других лиц, прошедших такую подготовку, осуществлявших, организовавших или финансировавших такую подготовку;

в) предоставило информацию о месте ее проведения.

2. В действиях лица не содержится иного состава преступления.

В соответствии с примечанием ст. 205.3 УК РФ виновное лицо освобождается от ответственности при совокупности нескольких условий. Если лицо:

1. а) сообщило органам власти о прохождении обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях осуществления террористической деятельности либо совершения одного из преступлений, предусмотренных статьями 205.1, 206, 208, 211, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ;

б) способствовало раскрытию совершенного преступления или выявлению других лиц, прошедших такое обучение, осуществлявших, организовавших или финансировавших такое обучение, а также мест его проведения;

2. В действиях лица не содержится иного состава преступления.

Таким образом, сравнительный анализ норм, предусматривающих ответственность за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности по УК РФ и УК РК, свидетельствует о наличие как общих черт, так и отличительных особенностей в объективных и субъективных признаках.

Библиографический список

1. Уголовное законодательство стран СНГ. [Электронный ресурс]. URL: http://continent-online.com. (дата обращения: 25.03.2019).

2. Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ // Известия вузов. Правоведение. 1996. № 1. С. 92–150.

3. Словарь Ожегова. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] URL: http://www.ozhegov.org/words/37872.shtml. (дата обращения 25.03.2019).

4. Словарь Ожегова. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] URL:http://www.ozhegov.org/words/24110.shtml. (дата обращения 25.03.2019).

УДК 316.4, 316.61

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА: ФОРМЫ, МЕТОДЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Величко Г.А.
кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург
gala_g07@list.ru

Аннотация: Статья посвящена обоснованию роли этнического самосознания в профилактике молодежного экстремизма, автор рассматривает этническое самосознание как фактор, позволяющий преодолевать риски, связанные с маргинальным положением молодежи в условиях манипулятивного влияния идеологов национального экстремизма, раскрывает суть понятий - этническая идентичность, этническое самосознание и роль традиционных институтов социализации в их формировании, анализирует формы, методы и социальные практики, получившие распространение в образовательных учреждениях и общественных организациях, осуществляющих этническое воспитание молодежи.

Ключевые слова: экстремизм, молодежный экстремизм, социализация, социальная идентификация, этническая идентичность, этническое самосознание, методы формирования этнического самосознания, социальные практики этнического самосознания.

Annotation: The article is devoted to justification of the role of ethnic identity in the prevention of youth extremism, the author considers ethnic self-consciousness as a factor that allows to overcome the risks associated with the marginal position of youth in terms of the manipulative influence of the ideology of nationalist extremism, reveals the essence of the concepts - of ethnic identity, ethnic self-consciousness, and the role of traditional institutions of socialization in their formation, analyzes the forms, methods and social practices, which are widespread in educational institutions and public organizations, engaged in ethnic education of young people.

Keywords: extremism, youth extremism, socialization, social identification, ethnic identity, ethnic self-consciousness, methods of formation of ethnic consciousness, social practices of ethnic self-consciousness.

В конце XX начале XXI веков в России экстремизм получил массовое распространение. По данным Генпрокуратуры только за последние три года в России было совершено более 4 тыс. преступлений экстремистской направленности: в 2016 году 1450 преступлений, в 2017 – 1521 преступление и в 2018 году таких преступлений было зарегистрировано более 1265 тыс.[1]. В официальной статистике отсутствует субъектный анализ данной группы преступлений, однако, по оценкам экспертов, основным носителем экстремистских настроений и действий выступает молодежь, в среднем 80 % участников организаций экстремистского характера составляют лица в возрасте до 30 лет[5].

Радикальная направленность деятельности экстремистов во многом психологически близка молодежи, решительной, готовой идти до конца, склонной к максимализму в оценках происходящего, пренебрежительно относящейся к нормам, характеризующейся недостаточно развитым аналитическим мышлением, действующей импульсивно, под влиянием эмоций, зачастую сформированных внешним субъектом, преследующим свои цели.

Эксперты полагают, что современное российское общество создает предпосылки для экстремизма, формируя так называемый «фон экстремизма» (А.А. Козлов, 2011), обусловленный трансформацией духовно-нравственных основ общества, социальной аномией, деструкцией патриотической идеологии, социальной поляризацией, явной и скрытой безработицей, обострением межэтнических конфликтов, негативными социальными настроениями, маргинализацией населения, разобщенностью членов общности и социальных групп, нестабильностью общей концепции образования и воспитания, снижением уровня и качества образования, падением общего уровня культуры, влиянием массовой культуры, стимулирующей жестокость, насилие и агрессивность.

Помимо влияния «фона экстремизма», формировать экстремистскую модель поведения могут факторы, связанные с воздействием ближайшего социального окружения: это влияние родителей, которые в своем повседневном поведении демонстрируют радикальные убеждения; влияние референтной группы сверстников, которые являются приверженцами экстремистских взглядов; влияние авторитетов - преподавателя, тренера, руководителя секции, лидеров молодежных организаций; межличностные конфликты со сверстниками, особенно конфликты, относящиеся к типу «группа-личность», вызывающие стресс, формирующий психологическую травму, следствием которой является дезориентация и дезинтеграция подростка.

Анализируя перечень значимых особенностей экстремизма с целью определения направлений и методов его профилактики, целесообразно выделить те из них, которые связаны с процессом формирования личности. В первую очередь, по мнению экспертов, это маргинальная природа данного явления. Экстремизм постоянно подпитывается неопределенностью статуса молодого человека, его неустоявшимися взглядами на происходящие события. Помимо этого, эксперты отмечают, что данный феномен проявляется чаще в тех общностях и группах, где проявляется низкий уровень самоуважения или игнорируются права личности[5]. Учитывая данные обстоятельства, необходимо укреплять роль

традиционных институтов и агентов в процессе социализации, снижать и контролировать влияние стихийных фактов и манипулятивных воздействий субъектов, преследующих деструктивные цели.

Процесс социализации включает в себя процессы приобщения к культуре через коммуникацию и научение, с помощью которых человек обретает социальную природу и способность участвовать в социальной жизни. Не единственным, но значимым механизмом социализации является идентификация, которая помогает личности осознать свое место в социуме, обрести чувство принадлежности к группе, сформировать ощущение устойчивости в стремительно меняющейся реальности.

Важнейшей составляющей социальной идентификации является этническая идентификация личности, которая связана с отнесением и отождествлением себя с определенной этнической общностью, её социокультурной средой, её нормами и ценностями, а также с осознанием индивидами своего группового единства и отличия от других этнических групп. Данный процесс имеет ценностное и эмоциональное значение, которое индивид придает этому членству. Именно национально-этнический компонент, в случае позитивной социализации, обеспечивает становление сбалансированной системы ценностей личности, формирование социальных установок, помогающих принимать решение и действовать в многообразных жизненных ситуациях, формирует у индивида чувство уверенности, самоуважения, адекватной самооценки, одним словом - снижает риски, связанные с маргинальностью положения молодого человека, формирует основу для профилактики экстремистского поведения.

Этническая идентичность непосредственно связана с этническим самосознанием, под которым в системе современного гуманитарного знания принято понимать «самосознание индивида в форме тех идей, чувств, мотивов поведения, которые формируются в ходе непосредственного его бытия - под воздействием языка, этнокультуры, образа жизни, традиций, символов веры, обычаев и привычек, присущих тому или иному этносу»[2]. По данным мониторинга, проведенного ИС РАН в 2015 году, были установлены основные индикаторы этнической идентичности: родная земля, территория, природа (84%), язык этноса (75%), культура (63%), обычаи, праздники (47%), историческое прошлое (49%) [3, С.16]. В структуре этнокультурной идентичности выделяют несколько компонентов: когнитивный – знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя как ее члена на основе определенных характеристик; ценностный – позитивная или негативная оценка группы; эмоциональный – принятие или отвержение «своей» этнической группы; поведенческий – реальный механизм не только осознания, но и проявления себя членом определенной группы. Которые необходимо развивать в процессе этнического воспитания.

На современном этапе перед семьей, школой, учреждениями профессионального образования всех уровней, учреждениями дополнительного образования, общественными объединениями, СМИ стоит задача создания условий для развития толерантной, социально ответственной, успешной личности, ориенти-

рованной на ценности гражданственности и патриотизма, характеризующейся развитым этническим и национальным самосознанием, позитивной системой ценностей, способной выстраивать эффективные коммуникации в полиэтничной среде. Особенностью современного экстремизма является то, что именно фактор национальности, этнической принадлежности становится оной из приоритетных «мишеней» идеологов экстремистских течений. В связи с этим формирование позитивного этнического самосознания обоснованно выступает важным направлением социальной профилактики экстремизма и терроризма, создающим предпосылки для формирования личности, опирающейся на систему этнокультурных ценностей, традиций и норм морали.

Условиями эффективной профилактики экстремизма в регионе являются: организация ранней профилактики экстремистских проявлений, ее системность и целенаправленность; сочетание индивидуальных форм работы и комплексного подхода к проведению воспитательных и профилактических мероприятий; непрерывность процесса профилактической деятельности; направленность на всех участников профилактического процесса[6].

Конструирование этнической идентичности средствами образования не содержит угроз возникновения националистических установок накопления межэтнической напряженности, если данный процесс исходит из логики сохранения культурного многообразия народов России и нацелен на подготовку подрастающих поколений к функциональному сотрудничеству в составе полиэтнических гражданских сообществ регионального, российского, международного масштаба, предполагающих формирование этнической, гражданской и общечеловеческой (общекультурной) идентичностей[4].

На сегодняшний день в регионах накоплен успешный опыт формирования и развития этнического самосознания, основанный на использовании эффективных форм и методов работы с молодежью в образовательных и досуговых учреждениях. К ним относятся: проектные формы работы; межрегиональные молодежные лагеря; игровые формы и методы работы, в том числе ролевые игры, имеющие большее значение для формирования толерантного отношения к другой культуре; тренинги, позволяющие формировать умение контролировать и проявлять свои эмоции; мастер-классы, приобщающие к народному творчеству и позволяющие сохранять традиции и обычаи; методы моделирования и реконструкции (этнических праздников, обычаев и обрядов); кружковые формы работы, включающие в себя фольклор, народное творчество (изготовление оберегов, кукол, украшений, элементов народного костюма), этнические танцы и виды спорта; экскурсии и этнический туризм; организованные площадки для развивающего досуга молодежи.

Процесс формирования позитивного этнического самосознания предполагает включение индивида в социальные практики, позволяющие органично проходить процесс этнической самоидентификации, благодаря участию в совместной деятельности со сверстниками, родителями, педагогами, с местным сообществом. Практика участия в народных гуляниях, посвященных национальным праздникам, организованным на уровне местного сообщества, позво-

ляет личности, проходящей свое становление, познакомиться с народными обычаями и традициями, попробовать себя в народных забавах, состязаниях, пережить единение с представителями своего этноса. В связи с этим представляет интерес практика организации «Хоровода славянских народов», сложившаяся в Санкт-Петербурге в рамках фестиваля славянских культур, позволяющая представителям славянских этносов воссоздать народный костюм и продемонстрировать его в общем хороводе.

Организация конкурса народной частушки «Звени Приморская частушка», получившая распространение благодаря деятельности руководителей досугового отдела ДДТ Приморского района Санкт-Петербурга, позволила вовлечь учащихся школ района и города в процесс знакомства, сохранения и развития народного музыкального творчества, количество детских коллективов, желающих принять участие в этом творчестве растет год от года.

В условиях многонационального города, заслуживают внимания и социальные практики, развивающие межкультурную коммуникацию, построенные на основе взаимодействия представителей различных этнических общностей. Так, например, включение в репертуар фольклорного коллектива русского народного творчества «Алёнушка» нескольких песен на мокшанском и эрзянском языках привело к тесному сотрудничеству с мордовской диаспорой. Концертную группу детского коллектива «Алёнушка» приглашают на встречи представителей мордовской диаспоры, традиционно проходящие несколько раз в году в связи с основными праздниками. Это позволяет детям знакомиться с культурой другого этноса, понимать её истоки, формировать толерантное и уважительное отношение к её представителям.

На творческих встречах мордовского землячества, целью которых является сплочение детско-взрослой общины по этническому принципу, сохранение мордовского языка, обычаев и традиций народов эрзя и мокша, проводятся мастер-классы по изготовлению народных игрушек, жаворонков для праздника «Встреча весны», в которых с удовольствием участвуют и дети из фольклорного коллектива «Аленушка», это позволяет им сравнивать и находить общее в культуре славянских и финно-угорских народов, повышать свою этнокультурную компетентность, конструктивно взаимодействовать с представителями другой культуры.

В рамках деятельности мордовской диаспоры привлекает к себе внимание опыт этнической самоидентификации через процесс поэтического творчества. Стихи Екатерины Огарёвой, представляющие собой гармоничный сплав двух культур: русской и эрзянской, являются продуктом, свидетельствующим о поиске и оформлении своей этнической и национальной идентичности, об осознании значимости этого акта в процессе становления глубокой, сильной личности профессионала и гражданина.

Таким образом, этническое воспитание, построенное на принципах системности, целенаправленности, непрерывности и комплексном подходе, является условием формирования позитивного этнического самосознания, которое должно выступить в качестве психоэмоционального «якоря», позволяющего

молодежи противостоять влиянию националистических экстремистских организаций.

Библиографический список

1. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. Показатели преступности России. Зарегистрировано преступлений экстремистской направленности [Электронный ресурс]. - URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения 14.04.2019)
2. Грузков В. Н., Грузков И. В. Этнический экстремизм: к вопросу специфики функционирования в массовом сознании молодежи, особенности профилактики и противодействия [Электронный ресурс]// Alma Mater. - 2017. - № 1. - С.18-24. - URL: https://idp.nwipa.ru:2197/browse/doc/48301995 (дата обращения 14.04.2019)
3. Дробижева Л.М., Рыжова С.В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России [Текст]/Л.М. Дробижева // ПОЛИС. Политические исследования. 2015. - №5. - С.9-24.
4. Как рождается гражданская идентичность в мире образования: от феноменологии к технологии [Текст]: монография в 2 ч. / А. Г. Асмолов и др. под ред. А. Г. Асмолова. – М., 2011. – Ч.1 – 112 с.
5. Методические рекомендации по профилактике и противодействию экстремизму в молодежной среде (разработаны Минспорттуризмом РФ совместно с МВД РФ и ФСБ РФ) [Электронный ресурс]/Сайт МВД. - URL: https://випк.мвд.рф/upload/site152/document_file/Metodicheskie_rekomendacii_po_profilaktike_i_protivodeystviyu_ekstremizmu_v_molodezhnoy_srede.pdf (дата обращения 14.04.2019)
6. Профилактика экстремизма, национализма и укрепление межнациональных и межкультурных отношений в условиях работы образовательных организаций общего образования: метод. рекомендации [Электронный ресурс] / [сост. Т.А. Ичеткина]. – Сыктывкар: КРИРО, 2015. – 104 с. - URL: http://viro.edu.ru/attachments/article/5107/Profilaktika_extremizma_nacionalizma.pdf (дата обращения: 14.04.2019).

УДК 329

СУБКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Дегальцева Е.А.
доктор исторических наук, профессор Бийского технологического института (филиал) АлтГТУ им. И.И. Ползунова
katerina3310@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются субкультурные предпосылки молодежного экстремизма, рассматривается их проявление, опосредованное данным фактором. Анализируется субкультурное влияние на формирование сетевых форм молодежного экстремизма, опасности радикальной сетевой политической коммуникации.

Ключевые слова: сетевизация, экстремизм, молодежь, социализация, субкультуры, глобализация, Россия, политическая культура, политическое сознание**.**

Abstract: In the article is examines the subculture background of youth extremism, discusses their manifestation, mediated data factor. Examines the subculture impact on the formation of network forms of youth extremism, the dangers of radical political communication network.

Keywords: networking, extremism, youth, socialisation, subculture, globalization, Russia, political culture, political consciousness.

Политический экстремизм сегодня уходит от контактно-криминальных форм в сети, однако это не меняет его сущностной основы и основного ресурса – субкультурного фактора. Виртуальные группы радикального толка, существующие в сети, становятся реакцией на не всегда толерантные повседневные взаимодействия в рамках конкретной субкультуры[1, с. 116].

Понятие «субкультура» отражает сложность и неоднородность культурного пространства, ставшей особенно очевидной в медиатизированном обществе. Особой разновидностью субкультуры является контркультура. Она не просто отличается от доминирующей, но противостоит ей, находится в конфликте с господствующей системой ценностей и норм. Такова, например, субкультура экстремистской организации. Теория субкультур – одно из средств современного описания явлений культурного конфликта и культурной дифференциации современного общества. А. Коэном, Р. Клоуардом и Л. Олином было замечено, что делинквентные, т.е. склонные к систематическому совершению преступлений подростки не стремятся освоить ценности и принципы доминирующей культуры (группы субкультур), присущей представителям среднего класса, и формируют собственные «делинквентские» субкультуры. Сегодня таким примером являются группы «мизантропик дивижн», созданные в сетях для организации поездок в т.н. сафари – «горячие» точки, где можно выйти из режима игры и начать убивать реально.

Т.Б. Щепанская рассматривает молодежную субкультуру в рамках модели культуры как коммуникативную систему, самовоспроизводящуюся во времени[2, с. 28]. Е. Омельченко говорит о субкультурах как ярком открытии «молодежи» и ее исследователей. В классических теориях они представлены культурами различных молодежных меньшинств в пределах плюралистических обществ, аутентичными формами, независимыми идентичностями, отражавшими новые измерения послевоенной классовой структуры, стилистические различия которых объяснялись разрывом преемственности в воспроизводстве классовых культур.

С методологических позиций субкультурные факторы молодежного экстремизма можно рассмотреть в рамках сетевой теории, поскольку в политическом процессе всё меньшее значение приобретает верховная власть и большее другие игроки, такие как интернет-сообщества. Это пространство, включающее расширенные сети и более интерпретируемое, с учетом историй людей, их понимания, ценностей и убеждений, выражаемых языком и поведением, становится полем приложения интересов авторов сетевых теорий.

Субкультурное разнообразие в сети отражает не только потребности общества в закреплении различного положения социальных групп как носителей субкультур, но и стремление представителей данных групп изменить существующее положение. Поэтому наибольшее количество субкультур формируются в среде представителей наименее обеспеченных и отчужденных от принятия общественно значимых решений представителей т.н. «низших классов». По тем же причинам выходцы из данных слоев общества более терпимо относятся ко многим формам девиантного поведения.

Субкультурная идентичность молодежных экстремистских организаций становится одним из существенных моментов этнического разногласия и может стать поводом возникновения этнических молодежных конфликтов. Субкультура задает ценностные и поведенческие установки, которые влияют на конструирование ксенофобной или толерантной картины мира. В этом контексте можно говорить о большей или меньшей нормативно предписанной склонности разных субкультур к проявлениям ксенофобии, принятию любых других идентичностей или жесткому разделению на «своих» и «чужих».

Рассмотрение экстремизма через субкультурные конфликты должно идти с учётом того, что сами эти субкультуры являются подвижными. Так, например, применительно к субкультуре скинхедов в России, можно отметить следующие тенденции: регионализация, политизация, криминализация. В этом контексте необходимо обратиться к дискурсу о безопасности, в котором формируется понятие о границе. Так, термин *экстремизм*, имеет в связи с этим двоякое политическое звучание. Во-первых, с позиций субкультурного конфликта нельзя не увидеть возможности его широкого толкования: многие европейские эксперты предлагают включить в него такие разные явления, как антисемитизм, исламофобию, дискриминацию в отношении сексуальных меньшинств и пр.

Неизбежная политизация термина «экстремизм» является оборотной стороной кажущейся на первый взгляд его концептуальной пустоты: за этим сло-

вом скрывается лишь форма, а не суть. Но здесь-то и важно увидеть второй аспект политизации: экстремальным может быть все, что имеет свои *границы*. Соответственно, концепт экстремизма важен именно как одно из самых точных указаний на то, где пролегают границы нашего символического порядка, за которыми начинается нечто, угрожающее его основаниям. Экстремизм – это своего рода социальный индикатор: если бы не он, мы могли бы и не знать, где находится эта граница, сколь бы условной и мобильной она ни была. Пересечение этих границ во многом связано с субкультурным конфликтом[3, с. 21]. Однако определение экстремизма часто зависит от нашего понимания смысла этой воображаемой границы между различными культурами и субкультурами, хаосом и порядком, стабильностью и нестабильностью, разрешенным и запрещенным[4, с. 136].

Для лучшего понимания сетевых субкультур можно привлечь понятие «проблемные сети» – непостоянные, крайне изменчивые, аморфные политические коалиции (альянсы, ассоциации, группировки и т.д.), которые создаются для объединения по интересам, решения каких-либо проблем, выдвижения угроз и т.п.. Фрагментация кластеров, представленных всевозможными структурами предполагает наличие у них разных возможностей (ресурсов), что неминуемо приводит к неравенству их влияния на процесс принятия политических решений. Таким образом, для молодежи в сети референтной становится та группа, которая способствует реализации наиболее выгодных стратегий [5, с. 33]. Так происходит институциализация сетевых взаимодействий, т.е. создается сетевой институт молодежного экстремизма.

Сетевизация гражданской активности, включая её деструктивные формы, на примере последних событий (выборы, пожары, экологические проблемы, коррупционные сюжеты, протестные движение, взрывы в метро) позволяет говорить о создании новых параллельных сетевых структур. Понимание этих процессов позволяет диагностировать фактическое состояние молодежного экстремизма, его способность воздействовать на власть, выстраивать модели профилактики.

В целом понимание субкультурных основ молодежного экстремизма маркирует реальную политическую силу несистемной оппозиции и её социальную «стоимость». Сетевая политическая коммуникация демонстрирует собой новый тип политической активности, связанный со всем полем политического спектра и является важным фактором постматериальных движений начала XXI вв. На фоне критики западными специалистами традиционных групп гражданского общества, которые выглядят все более неэффективными, усталыми из-за их искусственности, вызванной иностранным финансированием и поддержкой, неспособностью поддерживать себя на местном уровне, радикальные группы в сети приобретают все большую популярность среди молодежи[6]. Сетевая политическая коммуникация при этом включает в себя мультифункциональные группы, основанные на сочетании разных субкультурных факторах. Рост таких групп, по-видимому, отражает решимость граждан во всем мире привлекать к ответственности свои правительства. Граждане становятся менее терпимыми к

кумовству и коррупции, они мобилизуются в рамках сетевой политической коммуникации во многих социальных сетях или на форумах, чтобы взять на себя груз ответственности, на которую не способны официальные политические партии или эгоистичные элиты.

Многие авторы при этом говорят о морально-этической противоречивости этих политических площадок[7, с. 8]. Они заявляют, что в сетевых политических технологиях постмодерна используется огромное число «виртуальных личностей» – ботов (киберсимулякров), не имеющих ничего общего с конкретными личностями, но симулирующих реальных людей, от имени которых боты участвуют в виртуальных общественно-политических дискурсах.

Нередко, идя на радикальные действия, молодежь считает, что при этом проявляет гражданскую активность в поисках более справедливых решений. То, что некоторые аналитики называют новую сетевую политическую коммуникацию спорной политикой, прижилась. Это не ограничивается конкретными регионами, странами или типами режимов, но становится все более глобальным. Крупномасштабные протесты в сети вспыхнули во множестве государств во всех регионах. Многие из них возникли с большой долей спонтанности, в которой участвуют десятки и сотни тысяч граждан, которые ранее не были политически активными. Такова вездесущность сетевой политической коммуникации, она даёт место выражению самых разных субкультурных черт. Сегодня такого рода протесты в сети стали определяющей чертой современной политики. Пока экстремистские молодежные организации занимают в них незначительную часть, но даже, если она вырвется из виртуальной в настоящую реальность, стабильность политической системы может сильно пошатнуться.

Библиографический список

1.Дегальцева Е.А. Признаки экстремизма: историко-когнитивные аспекты // Молодежный экстремизм: современное состояние и методы противодействия. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 25–27 апреля 2018 г.). – Уфа: «Мир печати», 2018. – 452 с. С.116-123. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bspu.ru/files/34329

2.Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. – М.: ОГИ, 2004.

3.Дегальцева Е.А. Концепт «Чужой» в практиках экстремизма // Власть. – 2013. – № 2. – С. 20–25.

4.Жижек Славой. Интерпассивность. – СПб: Алетейя, 2005.

5.Абезгильдин Р.Р. Концепция политических сетей: понятие и эволюция // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 33-41 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elibrary.ru/download/elibrary_27020911_84513070.pdf

6.Youngs R. Global Civic Activism in Flux (2018) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://carnegieeurope.eu/2017/03/17/global-civic-activism-in-flux-pub-68301

7.Чирун С.Н., Николаев А.В., Зайцева В.А. Политические технологии в сетевой реальности постмодерна // Власть. – 2018. - № 3. – С. 7-13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://jour.isras.ru/upload/journals/2/articles/5721/submission/original/5721-10627-1-SM.pdf.

УДК 323.22/.28 – 053.81:004.738.5

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ ТЕРРОРИЗМА С ПОЗИЦИЙ «СВОЕГО», «ЧУЖОГО» В КУЛЬТУРЕ И СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Кокина М.Н.
начальник информационно-аналитического отдела ФГБОУ ВО
«Алтайский государственный медицинский университет»
Kokina_MN@mail.ru

Аннотация: В современном обществе разрастаются противоправные явления, в том числе воздействующие на целые социальные группы людей. Сущность терроризма: это противоправное, антиобщественное явление, его цель – запугивание населения и дестабилизация общественной жизни, прежде всего, по религиозному и национальному направлениям. Терроризм – инокультурное явление. Исконная правовая российская культура нацелена на добрососедские отношения русского и других народов и неконфликтные религиозные отношения. Поэтому в отношениях «Своего» и «Чужого» в культуре надо опираться на приоритет «Своего». Для успешного противостояния терроризму необходима здоровая правовая культура, развившаяся на традиционной российской основе.

Ключевые слова: терроризм, «Свое» и «Чужое» в культуре, российская правовая культура, антитеррористический культурно-правовой блок.

Annotation: In modern society, illegal phenomena are growing, including those affecting entire social groups of people. The essence of terrorism: This is a wrongful, antisocial phenomenon, its goal is intimidation of the population and destabilization of public life, first of all, along religious and national lines. Terrorism is a cultural phenomenon. Primordial legal Russian culture is aimed at good-neighborly relations between the Russian and other nations and non-conflicting religious relations. Therefore, in the “His” and “Alien” relations in culture, it is necessary to rely on the priority of “His”. For a successful confrontation, terrorism requires a healthy legal culture that has developed on a traditional Russian basis.

Key words*:* terrorism, “Own” and “Alien” in culture, Russian legal culture, anti-terrorist cultural and legal bloc.

Практически ни у кого в мире не вызывает сомнения тот факт, что терроризм – это антиобщественное, противоправное явление, требующее пресечения для налаживания социального спокойствия[1, 2, 5, 6]. Однако далее возникает

резонный вопрос: почему же тогда терроризм вновь и вновь, с завидным постоянством дает о себе знать во всех уголках земного шара. Ведь известно: если какое-либо социальное явление регулярно повторяется, значит, это кому-то нужно, значит, существуют и действуют те социальные силы, которым терроризм выгоден. Это значит: «социальное зло в виде терроризма, о котором сегодня так много говорят, отнюдь не является случайностью. На самом деле, корни его кроются в глобальном социальном неравенстве. Эксплуатация как форма жизни наиболее развитых государств эгоцентричного типа (социальных систем-аккумуляторов) на рубеже XX-XXI веков из внутреннего фактора превращается во внешний. Ответная реакция на такую эксплуатацию – мировой терроризм»[6, с.150].

Мы согласны с рядом специалистов в области изучения теории и практики терроризма в том, что терроризм прежде всего преследует цель дестабилизации социальной обстановки и запугивания населения, чтобы затем решить ряд конкретных задач в определенных социумов[1, 5]. Это может быть разжигание межэтнической, межнациональной, межрелигиозной розни, запугивания и устрашения на почве экономических отношений, криминально-коррумпированных разборок и т.д. Далее деструктивные воздействия могут усиливаться другими методами, и в итоге может происходить смена управления и власти, ослабление целых государств и регионов, разрушение социальных систем.

В целом терроризм связан с дестабилизацией общественных отношений, социальных систем, жизни населения. Существуют целые социокультурные направления, которые во главу угла своих целей ставят захват чужих ресурсов, территорий, финансов, власти и т.д. В частности, это характерно для западной культуры, имеющей сегодня глобальное распространение. Если в другом государстве, в том числе России, в отношении которого осуществляется постоянное давление, в том числе, и с помощью терроризма, не будут предприняты комплексные меры безопасности в виде противостояния агрессивной культуре самыми разными методами – гуманитарно-культурными, социально-политическими, правовыми, национальной безопасности и т.д., то терроризм обязательно войдет на территории этих стран как один из эффективных способов экспансии «Чужого» – в «Свое» родное.

Противостоят этому, как отмечено, необходимо на всех уровнях. Очень важное значение имеет культурное противостояние-защита, которое обеспечивает интеллектуальный, духовный и волевой потенциал населения такой агрессии «Чужого» по отношению к «Своему»[1, 2]. Это относится как к общей культуре страны, ее населения, так и к более частным видам культуры, в том числе, к правовой культуре. В этом смысле традиционная русская правовая культура должна противостоять инокультурным правовым и иным воздействиям для самосохранения народа страны, потенциала жизни. Особое место здесь принадлежит социальным структурам национальной безопасности, правоохранительным органам, органам федеральной и региональной власти, самоорганизации и развитому мировоззрению, а также правосознанию населения.

К сожалению, в ряде стран часть находящейся у власти коррумпированной элиты, поддерживаемой и управляемой глобальным капиталом, в основе которого лежит западный экспансионизм, ради самообогащения и в страхе за собственную карьеру потворствует терроризму, не оказывая ему должного сопротивления. На моральном уровне причиной такого поведения части правящих кругов ряда стран (и Россия в этом смысле не является исключением) является крайний эгоизм антипатриотичной части правящей элиты. Такого рода функционеры от власти, почему-то забывают, что все богатства страны созданы не ими, а народом. Эта жажда власти и наживы, коррупция и недальновидность части бюрократических структур приводят к тому, что подобные управленцы в погоне за собственными благами совсем забывают о людях, населяющих страну. Забывают они и о том, что если исчезнут люди данного государства, то и сама российская бюрократия также исчезнет с лица Земли. Здесь будет уже иное государство (или государства) и иная бюрократия. Иными словами, в пылу эгоцентризма и ослепления от жажды обогащения и власти, часть бюрократии способна интенсивно «отпиливать сук, на котором сидит». Нельзя также забывать, что в условиях нескончаемых реформ, которые более четверти века ослабляют страну, терроризм на наших территориях становится особо опасным. Терроризм России в таких условиях оказывается промежуточным звеном между стабильностью и распадом государства. Не пресеченный терроризм с указанных позиций – это мощный индикатор болезни бюрократической системы страны. «Можно лишь сожалеть, что история не учит ничему эгоистичный (эгоцентричный) рассудок, опьяненный гордыней, магнитами наживы и власти. А терроризм – это вершина айсберга разлагающейся цивилизации, показатель тяжелой болезни реального управления социума, закономерно порождающей все нелегальные формы власти или противоправные мафиозно-коррумпированные и военизированные (террористические) структуры. Попытка скрыть, с помощью двойной морали, истинные причины терроризма как социальной болезни ни к чему хорошему не приводит и не приведет (это показывает, например, сегодняшняя обстановка в передней Азии...). Как известно из медицины, от того, что мы будем скрывать симптомы болезни или не обращать на них внимания, болезнь не исчезнет, но лишь усугубится и может принять характер смертельной. Точно также, полумеры, лечение лишь внешних симптомов, без устранения или лечения главного очага заболевания системы (и индивидуального организма, и социальных систем разных уровней общности), только отодвигает агонию гибели, но ни в коей мере не устраняет ее»[6, с.151].

Необходимы жесткие, своевременные и эффективные меры противодействия терроризму, опирающиеся на ряд главных принципов. Противодействие преступности и терроризму – это деятельность общества и государства, которая включает в себя систему разноплановых мер, направленных на выявление и устранение (блокирование, нейтрализацию) причин и условий, их порождающих. Такое противодействие: а) предупреждение (профилактику) преступности в целом, как негативного социального явления, видов преступности и отдельных преступлений; б) неотложное предупреждение, направленное на пресече-

ние преступлений на стадиях формирования умысла, приготовления, покушения; в) постпреступное противодействие, то есть воспрепятствование дальнейшей преступной деятельности лиц, уже совершивших (совершающих) преступления[2].

Для восстановления нормальной социальной жизни и предотвращения угрозы расползания терроризма по территории страны необходима устойчивая современная правовая культура как федеральных, региональных структур, так и всего населения страны. В отношении сравнительного анализа правовых культур разных регионов планеты и стран, заслуживают специального внимания труды В.И. Лафитского и других исследователей, которые обосновывают необходимость выделения особой славянской правовой семьи и культуры по отношению к западным правовым культурам и семьям (романно-германской, англо-американской и др.), а не их искусственное слияние-соединение, что не дает возможности идентифицировать главные принципиальные отличия русской правовой культуры, по сути своей нравственно-ориентированной и в этом смысле человечной. Данный вопрос является принципиальным, поскольку от него зависят качественные характеристики всего процесса взаимодействия правовых культур, законодательств, юридической практики стран, рецепторства-донорства, связанных с Россией, на международной арене. Исследователи данного направления убедительно доказывают, и мы с ними солидарны, что западный правовой менталитет, западная (западноевропейская и североамериканская) цивилизационная стратегия, либеральная по сути, в целом принципиально альтернативны исконно российской правовой культуре, патернальной по сути, ее конституционализму. Отмеченные правовые культуры и связанные с ними цивилизационные стратегии либерализма (индивидуалистического общества) и патернализм (коллективистического общества) являются альтернативными. Следовательно, в культурно-правовых взаимодействиях их следует рассматривать в оппозиции «Чужое» – «Своё».

Подход, предложенный В.И. Лафитским, позволяет выявить в международно-правовой реальности ряд стран, объективно сходных по принципам их социального существования, традициям, идеям, концепциям, правовым культурам и цивилизационным стратегиям. Он обстоятельно обосновывает специфику и необходимость выделения в числе правовых культур – славянской правовой семьи. По мнению ученого, группу государств, где все более оформляется славянское право в Евразии, составляют Россия, Украина и Беларусь, Чехия и Словакия, Хорватия и Словения, Сербия и Черногория, Болгария и Македония, Босния и Герцеговина[4, с.267]. Кроме того, в данную правовую семью входит часть азиатских и кавказских территорий бывшего СССР, т.е. стран СНГ по признаку комплементарности их менталитета, общей культуры, правовых культур, в результате чего они вполне могут участвовать в совместных процессах содружественного донорства-рецепторства, укрепляя «Своё» в государственности родственных по духу стран. На основе сходства правовых культур у народов этих стран можно специфически анализировать проявление на этих территориях терроризма и вырабатывать сходные эффективные меры противодейст-

вия ему на социально-политическом, социально-правовом и социально-культурном уровнях.

С социокультурных позиций, появится более четкое понимание того, что в современных очень динамичных социально-правовых отношениях между государствами считать «Своим», а что «Чужим» и соответственно этому выстраивать межгосударственные социально-правовые отношения на международной арене. Понимать, что «Чужое» способно не только ослабить, но и разрушить конституционализм, всю правовую систему России, подорвать ее суверенитет как целостного государства. Следует вскрывать внешние и внутренние причины терроризма в собственной стране и правовой культуре с тем, чтобы искоренять это крайне опасное антиобщественное явление. При этом опираться на лучшие собственные отечественные основы, на российские традиции неконфликтного дружественного сосуществования народов, верующих разных конфессий, людей страны, вовлеченных в общее дело ее созидания, укрепления и развития.

Библиографический список

1.Гусейнов О.М. Экстремизм и терроризм как антиподы общественной и личной морали // Исламоведение. – 2015. – №4. – С. 36-42.

2.Кузьмин А.В. Противодействие экстремизму и терроризму: социально-культурный подход // Вестник МГУККИ. – 2011. – № 4(42). – С.156-160.

3.Лафитский В.И. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 1. Правовые системы Восточной Европы / Под ред. В.И. Лафитского. – М.: Контракт: ИЗиСП, 2012. – 528 с.

4.Лафитский В.И. О правовом наследии России и его возрождение в борьбе за право. Монография. – М: Юстицинформ, 2018. – 106 с.

5.Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом: материалы научно-практической конференции. – М.–Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. – 350 с.

6.Ушакова Е. В. Результаты исследований по Системной философии и системной философско-научной картине мира / Труды Философского общества Алтая Российского философского общества Российской академии наук. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – Вып. 2. – С.137-151.

УДК 323.2

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН[1]

Мамараев Р.М.
Научный сотрудник Отдела социологии
Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН
ruslan070@inbox.ru

Аннотация: Статья написана на основе полученных результатов массового политолого-социологического опроса среди молодого поколения (от 18 до 25 лет) Республики Дагестан в 2017 году, который охватил 1220 респондентов молодого поколения. Опрос проводился по всему Дагестану, среди городской и сельской молодежи, среди мужского и женского пола.

В проведенном исследовании затронуты вопросы оценки религиозного возрождения, характеристики религиозной ситуации в Дагестане, обострения религиозной обстановки в республике, предпочтительность молодежи общественному и государственному устройству, ориентированности контактов с исламскими государствами, отношения молодежи к ИГИЛ и вероятность участия дагестанской молодежи в рядах ИГИЛ/ДАИШ и других религиозно-террористических организациях, отношения молодежи к военным действиям России в отношении ИГИЛ в Сирии.

***Ключевые слова*:** молодежь, ислам, религиозность, светскость, религиозное поведение, религиозные ориентиры, терроризм, Ближний Восток, ВКС РФ.

Abstract: The article was written on the basis of the results of a mass political-sociological survey among the young generation (from 18 to 25 years old) of the Republic of Dagestan in 2017, which covered 1220 respondents of the young generation. The survey was conducted throughout Dagestan, among urban and rural youth, among male and female. The study addressed the issues of assessing religious revival, the characteristics of the religious situation in Dagestan, the exacerbation of the religious situation in the republic, the preference of young people for public and state structure, orientation of contacts with Islamic states, the attitude of young people to ISIS and the likelihood of Dagestan's participation in the ranks of ISIS and other religious-terrorist organizations, the attitude of young people to Russia's military actions against ISIS in Syria.

Keywords: youth, Islam, religiosity, secularism, religious behavior, religious orientation, terrorism, the Middle East, the Russian Aerospace Forces (VKS)

Одним из основных факторов, влияющих на современное состояние и будущее развитие северокавказского общества, является процесс политизации и

[1] Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 17-03-50026 «Установки религиозно-политического радикализма в массовом сознании дагестанской молодежи».

радикализации ислама в регионе. Опасение исламизации молодежи, заключается в ее повышенном уровне восприимчивости и подверженности влияния.

Исходя из полученных автором политолого-социологических результатов исследования, можно сказать, что, не смотря на мощный религиозный подъем в Дагестане в постсоветский период, на высокую религиозно-политическую активность арабо-мусульманского мира и попыток распространения своего влияния на регион, распространением деструктивных религиозно-политических идей, крайние радикальные религиозно-политические идеи не повлияли на религиозно-политические ориентации дагестанской молодежи. Молодежь Дагестана в большинстве своем остается приверженцем светского государственного устройства, со свободой вероисповедания; отдает предпочтение светскому Дагестану со свободой вероисповедания, проявляя опасение в отношении того, что религиозный общественно-политический уклад в республике не приведет к оздоровлению в обществе, а только ухудшит религиозную ситуацию в республике, будет способствовать регрессу в обществе; внешнеполитически ориентирована на поддержание и укрепление связей со всеми государствами независимо от их религиозной, культурной, политической, экономической принадлежности; основными источниками религиозной информации являются внутренние ресурсы; дагестанская молодежь четко отделяют культовую сферу от политической, экономической, культурной. Более того, им характерно ставить выше экономическую составляющую, над религиозной, культурной и политической.

При этом обращает на себя внимание позиция «убежденно верующих» и «верующих», которые составляют основную массу респондентов, у которых выражены ориентации на религиозно-политическое государственное устройство, в том числе и Республики Дагестан. Данные позиции связаны скорее не с религиозным фактором, а с внутренними общественно-политическими и социально-экономическими проблемами, которые сложились и накопились в дагестанском обществе в постсоветский период. Данное суждение связано с желанием данных категорий респондентов установления в республике религиозного общественно-политического устройства по причине того, что он верующий, которое у них не является доминирующей и с тем, что у данных категорий лиц на низком уровне выражены позиции установления Республикой Дагестан связей исключительно с мусульманскими государствами и регионами, с которыми выгодно религиозное сотрудничество. А внутренние проблемы, вызывающие религиозно-политические ориентации, связаны со справедливостью в обществе; условиями жизни людей; общественной, религиозной, межнациональной стабильностью; с использованием религиозного фактора в своих корыстных целях определенными религиозными и политическими кругами, что не может не дестабилизировать общественную ситуацию; неэффективным государственным регулированием и налаживанием общественной жизни и т.д. Возможно, данные негативные общественные явления также способствуют поиску религиозной информации, ответов на интересующие вопросы в интернет-источниках, в которых также имеется достаточное количество негативной составляющей. Возможно, данная категория молодежи и хочет жить в светском государстве со

свободой вероисповедания, но из-за того что светская государственная система общественного регулирования в Республике Дагестан неэффективна, молодежь пытается найти в религии решение проблем на микро- и макроуровне.

Начиная с конца XX века проблема религиозно-политического экстремизма и терроризма в исламе приобретает важное значение для мирового сообщества, т.к. она затрагивает практически все страны мира. На сегодняшний день учеными во многих странах мира активно изучается данное опасное для мирового сообщества явление. Для России эта проблема имеет большое значение, т.к. Россия напрямую столкнулась с международным терроризмом на своей территории и сталкивается с ним у своих границ.

На сегодняшний день имеются большое количество религиозных террористических организаций, использующих исламское вероучение, которые представляют угрозу не только национальной безопасности России, но и всему миру. По этой причине важным является выявление отношения дагестанской молодежи к различным запрещенным террористическим организациям.

Полученные результаты исследования по данному вопросу говорят, что в массовом сознании дагестанских верующих в отношении к так называемому «Исламскому государству» (ИГИЛ/ДАИШ) независимо от типа религиозности превалирует негативная оценка, с мотивировкой, что данная организация не имеет никакого отношения к исламу и исламским ценностям, которая использует в своих корыстных целях, применяя террор. По этой причине у представителей дагестанской молодежи доминирует категоричная позиция в отношении гипотетического участия в деятельности террористических организаций, использующих исламское вероучение и, соответственно, в основной своей массе негативно настроены к дагестанцам, которые принимают участие в террористических организациях, в том числе и ИГИЛ. Также дагестанская молодежь в большинстве своем поддерживает политику российского государства в Сирии с мотивацией, что Россия борется с террористами, которые угрожают России и Северному Кавказу соответственно. Также стоить сказать не оправдались опасения, связанные с волной недовольства и возмущения по поводу политической и военной позиции российских властей в Сирии из-за внутриконфессиональных различий и противостояния в исламе между суннитами и шиитами.

Помимо этого стоит отметить, что статистически низкий процент опрошенных позитивно оценивают ИГИЛ с мотивацией, что они защищают исламскую религию и стремятся объединить всех мусульман; допускают вероятность участия в религиозно-террористических организациях, использующих исламское вероучение, в основном по религиозным и экономическим мотивам; положительно относятся к дагестанцам в рядах различных религиозно-террористических организациях; не поддерживают политику России в Сирии, что в первую очередь связано с экономическим фактором. Но больше всего определенный интерес представляет категория затруднившихся ответить на данные поставленные вопросы, которые составляют более значительную цифру и могут являться группой риска.

Данные позиции, возможно, вызваны имеющимися у данной категории респондентов определенных религиозно-политических убеждений по данным вопросам или аполитичностью, отсутствием понимания геополитических и международных процессов, озабоченностью своими проблемами или с предположением респондентов о случайном характере попадания дагестанцев в ряды религиозно-террористических организаций, из-за жизненных обстоятельств или обмана. Возможно, данные позиции вызваны имеющимся комплексом проблем в современном в дагестанском обществе, т.е. из-за внутренних, а не внешних и фанатично-идеологических причин.

УДК 159.9.072.592

ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИЧИНА ЭКСТРЕМИЗМА И ЕЕ ПРОФИЛАКТИКА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Разгоняева Е.В.
кандидат психологических наук, доцент Бийского технологический институт (филиал) АлтГТУ им. И.И. Ползунова
rev@bti.secna.ru

***Аннотация*:** Статья посвящена актуальной для современного общества проблеме – экстремизму. Делается попытка проанализировать социально-психологические причины возникновения этого феномена. Итоги анализа позволяют говорить о том, что интолерантность – фактор, способствующий возникновению экстремистских убеждений. Приводятся результаты собственного эмпирического исследования индекса толерантности у студентов. Даются рекомендации относительно профилактики экстремизма в молодежной среде.

***Ключевые слова*:** экстремизм, радикализм, агрессивность, толерантность, интолерантность, молодежь, студенты.

Annotation: The article is devoted to actual problem of the modern society – extremism. The attempt to analyze the social-psychological causes of this phenomenon is made. The results of the analysis let us speak that intolerance is the factor giving the rise to extremist contention. The results of own empirical survey of the student's tolerance index are shown. The recommendations connected with the prophylactic treatment of extremism in youth environment are given.

Keywords: extremism, radicalism, aggression, tolerance, intolerance, youth, students.

Расширение и углубление связей между различными государствами, народами и культурами приводит к усилению тенденции нарастания экстремизма и терроризма в современном мире. Сложность явления и многообразнее форм его проявления, поспособствовали тому, что в науке изучение данного феномена

привлекает специалистов из многих областей, прежде всего, социологов, юристов, политологов, философов, психологов (Аминов Д.И., Оганян Р.Э, 2005; Баева Л.В., 2010, Бурковская В.А., 2005; Цупров В.И., Зубок Ю.А., 2009, В.А. Соснин, 2010 и др.).

Термин «экстремизм» (происходит от фр. exremisme, от лат. extremus «экстремус» – край, предел) чаще всего трактуется как приверженность к крайним взглядам и мерам. Изначально экстремизм связывали с политической деятельностью, но постепенно термин стали применять не только к политическому, но и религиозному радикализму, а затем вообще ко всем радикальным идеологиям, не вписывающимся в либеральную демократию. В настоящее время, у подавляющей части населения, особенно под влиянием СМИ, возникло новое понимание «экстремизма» – это любая форма экстремального социального поведения.

В исследованиях, посвященных изучению феномена экстремизма, можно встретить различное его толкование: форма отчуждения от общечеловеческих, общекультурных ценностей[1, с.52]; осознанная деятельность, направленная на достижение крайних, предельных состояний человеческого сознания, выражающаяся в системе деструктивной активности и провоцирующая конфликт[2, с.23]; форма и результат человеческой агрессии[3, с.221]; деструктивная форма мировоззрения и поведения, крайняя форма интолерантности, соединенная с агрессией и насилием[4]; агрессивное поведение в отношении «чужих», обоснованное враждебными установками[5], вид насилия, целенаправленное преднамеренное агрессивное поведение личности (речевое или деятельное) по отношению к другому человеку или социальной группе, связанное с нарушением базового чувства доверия к миру, мотивированное идеологией личного превосходства, нетерпимостью и ксенофобией к объекту насилия[6]. Несмотря на различия в подходах к определению феномена, обращает внимание то, что многие авторы, указывают агрессивность как основную черту экстремистского поведения. Чтобы понять причины насильственных действий небольшой группы людей против большинства, следует сосредоточиться не только на изучении идеологии, приводящей в ряды экстремистов, а, в том числе и на раскрытии социально-психологических причин, порождающих этот феномен.

В современной России проблема экстремизма также приобрела особую значимость и особенно его распространение в молодежной среде. Увеличение количества молодых людей, разделяющих крайние взгляды, является результатом не только проникновения идеологии экстремистских движений в сознание молодежи, но и проявлением недостаточной социальной адаптации данной возрастной группы. Э.С. Ахъядов полагает, что в качестве основных причин роста экстремистского поведения молодежи следует назвать следующие: недостаточную социальную зрелость, социальное неравенство, желание самоутвердиться, недостаточный профессиональный и жизненный опыт, невысокий социальный статус[7, с. 254]. Поиск глубинных причин экстремистского поведения, по мнению Д.Г. Давыдова, может быть связан с особым характером активности в юношеском возрасте, актуальностью задачи поиска и становления идентично-

сти, формированием авторитарных черт личности в ходе воспитания, принятием культуры насилия (транслируемой обществом), социальной деривацией и фрустрацией потребностей[8].

В молодежной среде экстремизм имеет свои особенности. Центральная задача этого возрастного периода – жизненное и личностное самоопределение – призвана обеспечить интеграцию молодого человека в общественную структуру. При ее решении, молодой человек часто сталкивается с проблемами, непониманием, неприятием, разочарованием, а поиск выхода из противоречивых ситуаций может привести к деструктивным, в том числе экстремальным формам поведения. Именно экстремальность, которая выражается в максимализме и крайностях в поведении, по мнению Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова, характеризует поведение молодежи: «Экстремальный тип сознания проявляется в специфических формах поведения, характеризующихся импульсивностью мотивации, агрессивностью, склонностью к риску, эпатажу, отклонениями от принятых норм…»[9, с. 40]. Кроме того, негативная социально-экономическая ситуация в стране, разрушение системы традиционных ценностей, крах нормативных образцов поведения приводят к маргинализации большого количества молодежи и, как следствие, формирование девиантного поведения, вплоть до экстремистского (особенно политического). Также следует заметить, что тенденцией современного момента является то, что в экстремистские организации очень часто вступают молодые люди из благополучных семей с достаточно высоким уровнем образования, а их активность переносится, благодаря развитию информационных и коммуникационных технологий, в виртуальное пространство. Социальное неблагополучие, экономические потрясения, кризис института семьи порождают контакты и взаимодействия с девиантными лицами, поддерживающими, в том числе, и экстремисткою идеологию и предлагающими радикальные решения, встающих на жизненном пути проблем – уничтожение или нейтрализация всего, что мешает идти к цели. Бесконтрольное использование интернета, легкий доступ к любым веб-ресурсам, юношеская любознательность создают предпосылки для знакомства с сайтами экстремисткой направленности, которых только в русскоязычном секторе «международной паутины» более двухсот. Именно информационный экстремизм многие исследователи в недалеком будущем рассматривают как основную форму проявления данного вида девиации (Р.В. Упорников, 2007; Н.К. Воронович, 2012; Е.О. Кубякин, 2013, Лазарев Д.А., 2017). Крайне часто в своей склонности к крайним формам поведения молодые люди ориентируются не на идеологию (о которой могут иметь весьма смутное представление), а на внешнюю атрибутику, громкие заявления, секретность отношений и пр.

Склонность к экстремистским взглядам и деятельности у молодого поколения реальна, поэтому мы решили изучить, как у современных студентов – наиболее передовой и активной части молодежи – выражена одна из основных составляющих, провоцирующих нетерпимое отношение к другим людям и социальным группам – интолерантность. Нетерпимость в отношениях и поведении при взаимодействии с другими людьми, по мнению ряда авторов, склады-

вается на основе этноцентризма, предубеждений, предрассудков и может проявляться в дискриминации, ксенофобии, национализме и других формах отклоняющегося поведения. Эти феномены, «составляя психологическую основу интолерантных отношений, опираются на бессознательное деление людей на «своих» и «чужих» – непохожих по внешности, других по поведению, иных по взглядам и ценностям»[10, с. 287]. По мнению Л.В. Баевой экстремизм является крайней формой интолерантности, соединенной с агрессией и насилием и его причина – психологический барьер «свой-чужой», страх перед непохожим на себя[4].

Для достижения поставленной цели мы использовали экспресс-опросник «Индекс толерантности»[11]. В опросе приняли участие 52 студента технического вуза первого курса обучения разных направлений подготовки. Распределение по половому признаку: 41 (79%) – юноши и 11 (21%) – девушки. Возраст испытуемых 18-24 года (средний – 19,2).

Полученные в ходе обработки результаты позволили нам сделать следующие выводы. У подавляющего большинства молодых людей (90%) общий уровень толерантности выражен средне. Это свидетельствует о том, что для респондентов характерно сочетание как толерантных, так и интолерантных черт. Только 6% молодежи имеет высокий уровень общей толерантности и представители это группы обладают выраженными чертами толерантной личности. Лишь 4% опрошенных имеют низкий уровень толерантности. У них выражена высокая нетерпимость по отношению к окружающему миру и людям, сформированы интолерантные установки. Поскольку основной уровень выраженности общей толерантности у студентов получился средний, мы проанализировали, показатели внутри него, чтобы понять к какому краю приближаются полученные результаты. Оказалось, что 21% опрошенных ориентированы к высокому уровню, и только 2% – к низкому.

Далее мы рассмотрели, как у студентов выражена толерантность разных видов: этническая, социальная, личностная. По каждой из трех субшкал есть шкала баллов низкого, среднего и высокого уровня. Оказалось, что указанные виды толерантности выражены у респондентов на среднем уровне: 28,8, 27,6 и 28,9 балла соответственно.

Таким образом, полученные в исследовании результаты, позволяют сделать вывод о том, что основная часть студентов имеет средний уровень толерантности. Проявляется это в том, что в одних ситуациях они могут вести себя терпимо по отношению к другим людям и социальным группам, а в других проявлять интолерантность. И если они ведут себя нетерпимо к образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям других, то проявляется это ситуативно. Однако полученные данные не отменяют необходимости осуществлять мероприятия в студенческой среде по профилактике молодежного экстремизма. Такая работа обычно предполагает информационное антиэкстремисткое просвещение, формирование правой культуры, создание благоприятных условий для социализации молодых людей. Но, на наш взгляд, она должна быть, в первую очередь, направлена на организацию совместной деятельности по выра-

ботке навыков взаимодействия в реальной социальной среде, воспитание толерантного отношения к иному мировоззрению, образу жизни, поведению, развитие компетентностного реагирования в экстремальных ситуациях без конфликтов и насилия.

Библиографический список

1.Томалинцев В.Н. Человек в XXI веке: поиск на грани творчества и экстремизма. – СПб.: Издательство СПб университета, 2001. – 69 с.

2.Хоровинников А.А. Экстремизм как социальное явление (философский анализ): автореф. дис … канд. филос. наук. – Саратов: Саратовский государственный ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 2007. –28 с.

3.Красиков В.И. Экстрим: Междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов экстремистского сознания – М.: Водолей Publishers, 2006. – 496 с.

4.Баева Л.В. Философия молодежных движений: от пацифизма до экстремизма: монография. URL: file:///C:/Users/1/Downloads/Philosophy-of-youth-movement.pdf (дата обращения 08.04.2019).

5.Маланцева О.Д., Дозорцева Е.Г. Ксенофобия и молодежный экстремизм: истоки и взаимосвязи. URL: http://psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2012_2_2930.pdf (дата обращения 05.04.2019).

6.Муращенкова Н.В., Гриценко В.В. Экстремизм как социально-психологическое явление. – URL: http://www.nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=28062 (дата обращения 08.04.2019)

7.Ахъядов Э.С. Криминологическая характеристика личности молодежного экстремиста. URL: https://moluch.ru/archive/48/6070/ (дата обращения 08.04.2019)

8.Давыдов Д.Г. Причины молодежного экстремизма и его профилактика в образовательной среде. URL: http://samlib.ru/d/dawydow_denis_gennadxewich/davydov_6.shtml (дата обращения 13.04.2019).

9.Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/884/633/1219/ Zubok_4.pdf (дата обращения 08.04.2019).

10.Безносов Д.С., Почебут Л.Г. Психологические аспекты экстремизма и терроризма. // Вестник СПбГУ. – Серия 12. – 2010. – Вып. 1. – С. 287–299.11.Эксперсс-опросник «Индекс толерантности» (Г.У. Соладтова, О.А. Кравцова, О.Е. Хухлаев, Л.А. Шайгерова). http://kit68.ru/files/Vospit_rabota/prof_rabota/test/Тест%20индекс%20толерантности.pdf (дата обращения 08.04.2019).

УДК 32.019.57

ПРОБЛЕМА ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В АСПЕКТЕ НОРМАЛЬНОГО И АНОМАЛЬНОГО В СОЦИУМЕ

Ушакова Е.В.
доктор философских наук, профессор кафедры физической культуры и здорового образа жизни ФГБОУ ВО
«Алтайский государственный медицинский университет»
foaushakova@gmail.com

Пашаев Х.П.
кандидат философских наук, доцент кафедры права, философии и социологии
ЭЮФ Горно-Алтайский государственный университет»
p_khalik@mail.ru

Аннотация: В статье исследована социально-правовая сущность экстремизма и терроризма с позиций социальной философии и философии права. Предлагается социально-правовая сфера, структурно-функциональная организация общества, включающая диалектически противоположные и промежуточную сферы. Это: 1) нормосфера (нормосозидающая сфера, правовая); 2) маргиносфера (с отчужденными от права формами бытия людей); 3) криминосфера (противоправная). Предполагается, что корни идей экстремизма лежат в маргиносфере, а корни терроризма как реальных актов – в криминосфере.

Ключевые слова*:* экстремизм, терроризм, социально-правовая структура общества, нормосфера, маргиносфера, криминосфера, корни экстремизма и терроризма.

Annotation: The article examines the socio-legal essence of extremism and terrorism from the standpoint of social philosophy and legal philosophy. A socio-legal sphere, structural and functional organization of society, including dialectically opposite and intermediate spheres, is proposed. These are: 1) the normosphere (norm-creating sphere, legal); 2) the marginosphere (with the forms of human existence alienated from the right); 3) criminosphere (illegal). It is assumed that the roots of the ideas of extremism lie in the marginosphere, and the roots of terrorism as real acts - in the criminosphere.

Key words: extremism, terrorism, socio-legal structure of society, normosphere, marginosphere, criminosphere, roots of extremism and terrorism.

В обществе XXI века нарастает не только более сложная организация, но и расколотость, увеличивается социальная динамика как позитивного, так и негативного характера. В таком обществе становится все более сложно управлять правовыми методами. Разрастаются такие опасные явления как *экстремизм и терроризм*, в целом имеющие дезоптимизирующий (первое явление) и деконструктивный характер (второе). В настоящее время этим социальным феноме-

нам уделяется очень пристальное внимание как в теоретическом, так и в прикладном аспектах (правовом, политическом, социокультурном, религиозном, этническом и др.).

С теоретических позиций, наиболее значимым оказывается вопрос о сходстве или разграничении данных понятий. Это безусловно важно для обоснования соответствующих практических действий. Например, в юридической практике экстремизм может приравниваться к терроризму с соответствующими идентичными мерами пресечения и наказания (если их сближать в теории как синонимы). Или напротив, если дифференцировать понятийно, по сути, экстремизм и терроризм, то меры пресечения и наказания при указанных разных деяниях также будут различными.

Вспомним, уже ставшее крылатым, научно-философское выражение о том, что если, при изучении какого-то явления, мы не разберемся с общими вопросами, то в каждом частном случае исследования, расследования данных явлений мы будем наталкиваться на эти общие вопросы. Поэтому решение общих, в том числе, философско-правовых вопросов становится наиболее актуальным для понимания и разрешения проблем для большого круга сходных социальных, социально-правовых явлений. Считаем, что данное положение вполне применимо к феноменам экстремизма и терроризма. У большинства авторов, исследующих их, не возникает сомнения, что это деструктивные социальные явления и процессы. Тогда нам необходимо с общих философско-правовых позиций определить их место в сложных социально-правовых структурах и процессах.

По нашему мнению, совершенно верно ставят проблему юристы А.В. Варданян и Р.В. Кулешов. Они пишут: «На наш взгляд, в современным условиях настоятельно назрела потребность в разработке обобщенных (базовых) теоретико-методологических положений концептуального характера, представляющих собой руководящие начала для совершенствования криминалистических аспектов антитеррористической и антиэкстремистской деятельности... для разработки криминалистических рекомендаций... эти теоретические положения должны, во-первых, отражать диалектическое единство указанных явлений, во-вторых, – учитывать специфику именно конкретных видов террористической и экстремистской деятельности»[1, с.117].

Для такой постановки проблемы и ее решения нам необходимы некие философско-правовые подходы, позволяющие в целом охватить структуру, динамику и законы управления обществом с социально-правовых позиций. Вспомним, что полифункциональность и полиструктурность социальных систем в современных гуманитарных науках принято выражать на основе *сферного принципа*. При этом обосновывается, что сложноорганизованное общество имеет некие всеобщие, основные сферы жизнедеятельности, т.е. *структурно-функциональную организованность*. При этом речь идет, например, о политической, правовой, духовно-культурной, экономической сферах и т.д. Различные сферы общественной жизни выделяются в зависимости от того, какие основные виды общественных отношений людей они охватывают. Но, в свою очередь, и

каждая сфера по-своему охватывает общество. Тогда мы можем полагать, что вполне правомерно выделять сферную организацию общества на базе его отдельных важнейших сфер.

На основе предложенной идеи можно вести речь *о социально-правовых сферах общества*, т.е. о делении всего общества на структурно-функциональные части (сферы) относительно его общей правовой организации. При таком делении следует определить такой важный классификационный признак, который может разделить общую социально-правовую структуру на некие основные части. Исходя из того, что в праве выделяются нормы, которые характеризуют нормальную сбалансированную, здоровую жизнь общества, а также нормы, отражающие правонарушения, т.е. отклонения от нормальной, сбалансированной здоровой жизни общества, т.е. нормы характеризующие патологические социальные явления и процессы, выделим соответствующий классификационный признак. Этот признак двойственный (диалектический полярный): позволяет выделить конструктивно-деструктивные социально-правовые отношения и сферы общества. Согласно ему, в обществе может быть: 1) правосозидающая, здоровая часть (сфера), и противоположная ей 2) праворазрушительная, патогенная часть общества в его общей социально-правовой сферной организации.

Когда в социуме идет речь о конструктивных сферах общественных отношений, присущих здоровому обществу, можно вести речь о выделении *нормосозидающей сферы общества, или нормосферы*. Напротив, когда речь идет о деструктивных сферах общественных отношений, присущих конфликтному или даже распадающемуся обществу, можно говорить о выделении *криминогенной сфере общества* (от лат. criminalis – преступный)*, или о криминосфере* (Х.П. Пашаев)[2]. Криминосфера связана с концентрацией в ней преступных элементов, готовых к актам правонарушений, насилию или же непосредственно совершающих их. Здесь складываются специфические общественные отношения, негативного характера по отношению к жизни людей нормосозидающей сферы. Таким негативным феноменом, например, является, общественно-опасное преступное посягательство (преступление). Преступность может носить как общеуголовный характер, так и организованный. В общем, криминосфера отражает преступное пространство общества. Подобное социальное образование носит очевидный антисоциальный паразитический или «хищническо-паразитарный» характер.

Однако согласно диалектике, в мире существуют не только противоположности (или – или), но и промежуточные зоны между ними, где одна противоположность может преобразовываться в другую. В социально-правовой структуре общества мы также можем выделить такую промежуточную сферу. Обозначим ее как *маргиносфера*. Это отдельные субъекты, социальные группы и слои маргиналов – людей, по тем или иным причинам выпавших из нормальной общественной жизни. Это, например, люди, лишившиеся работы, семьи, близких людей, земельного участка, квартиры, родины, беженцы и т.д. В разных социальных исследованиях эти слои или их части называются по-разному –

люмпен-пролетариат, безработные, маргиналы, бомжи, асоциальные элементы и т.п. Но суть их общая – это люди, выпавшие по тем или иным обстоятельствам из здоровой нормосозидающей сферы общества. Это «отверженные» люди, отчужденные от нормальной жизни, десоциализированные элементы и слои. И.В. Лысак пишет: «Характерной чертой информационного общества запада является тотальное отчуждение, существенные признаки которого – отчуждение человека от самого себя, от других людей и от общества в целом… отчуждение является мощной детерминантой деструктивной деятельности человека» [3, с.8]. Положение в обществе и продолжение существования таких людей в маргиносфере также пограничное. Одни из них, наконец, находят опору в отдельных точках нормосозидающей сферы и возвращаются к нормальной жизни. Другие погибают от утраты смыслов и средств к существованию. А третьи, чтобы выжить (вначале, возможно, неосознанно, а затем сознательно) переходят к иной жизнеобеспечивающей, но противоправной, т.е. криминальной жизнедеятельности, попадая при этом в криминосферу.

Таким образом, при сферном социально-правовом подходе к обществу можно определить важный общий признак – двойственное нормально-аномальное социальное существование. Одна (здоровая) сторона социума – его нормосозидающая сфера. Другая, противоположная (патогенная) сторона – криминальная сфера. Промежуточной между ними является маргиносфера как сфера отвергнутых, отчужденных от нормальной жизни субъектов и социальных общностей. В целом *социально-правовая структура общества* состоит из следующих диалектически взаимосвязанных частей*:* 1) *нормосфера* (правовая); 2) *маргиносфера* (с отчужденными от права формами бытия людей); 3) *криминосфера* (противоправная)[4, с.250-251]. В здоровом обществе основную часть составляет нормосозидающая сфера (нормосфера), а маргиносфера и криминосфера – минимальны. В дезоптимизированном и в этом смысле больном социуме нарастает маргиносфера, соответственно уменьшается нормосфера и разрастается криминосфера. В коррумпированном обществе все большую силу приобретает криминосфера, которая срастается с социальным «ядром» – либеральными правящими кругами, внедряется в систему управления – «генетический аппарат общества», заражает его коррупцией, деформирует его в направлении паразитарно-хищнического существования и дезоптимизации всей общественной жизни. Соответственно, еще сильнее разрастаются маргиносфера, коррумпированная криминосфера, а в маргиносфере формируется, в том числе, часть экстремистских идей по отношению к коррумпированной власти, которая лишила их возможности нормальной жизни в данном социуме. Очевидно, что первопричиной такого рода экстремистских идей выступает коррупция с обществе, где деформированные законы начинают защищать не простых граждан, а коррумпированные элементы, что в целом характеризует сложный социальный кризис, порой близкий к катастрофичному для данной, ставшей патогенной, социальной организации.

В нормосозидающей сфере люди чувствуют себя уверенно, относительно спокойно за свое настоящее существование и за будущее себя и своих близких.

Их сознание наиболее здоровое, уравновешенное. Противоправные мысли и поступки минимальны, в основном происходят из-за недостаточно сформированного правосознания и правовой культуры. В маргинальной сфере отверженных социумом людей, индивидуальное и общественное сознание последних дестабилизируется. Н.Н. Самохина и С.Г. Гутова обосновывают, что при этом в целом появляются «одиночество, утрата чувства безопасности, тревожность, потеря социальных связей. Все это представляет собой благоприятную почву для распространения экстремистской идеологии даже в относительно развитых, социально и политически стабильных странах» [5, с.149]. Именно маргиносфера становится главной питательной средой для экстремистских идей. В криминальной сфере ее основным объективным признаком становится целенаправленное осуществление противоправных действий паразитарно-хищнического характера (разных видов мошенничества и насилия). В том числе, криминосфера является главной питательной средой для терроризма как целенаправленно организуемых актов социального насилия, которые могут пресекаться правоохранительными органами как на стадиях разработки, организации данных актов, так и при их блокировании в реальных террористических актах.

Мы солидарны с мнением А.В. Варданяна и Р.В. Кулешова, Е. В. Сальникова и других специалистов, которые не рассматривают экстремизм и терроризм как синонимичные понятия и однотипные явления. Нам импонирует точка зрения о том, что характерной чертой терроризма в философском аспекте является исключительно действие. «Терроризм … всегда актуален как явленное материальное воплощение идеи или же как ее квазиматериальная явленность» (Е.В. Сальников). Экстремизм же формирует «идеальную среду», являя собой «систему идей, обосновывающих применение силы для достижения поставленных целей». Экстремизм в данном контексте выступает как идеологическая и психологическая «легитимация власти силы; среда терроризма диалектически и порождающая, и порожденная им» (Е.В. Сальников)... «автор делает вывод о «неразрывном бытии экстремизма и терроризма, их явленности одного в другом» [1, с.116-117]. К мнению данных авторов добавим следующее. Если исходить из сферной социально-правовой (нормально-аномальной) структуры общества, то можно сказать, что экстремизм зарождается в маргиносфере, а терроризм проявляется в криминосфере. Поэтому профилактика правосознания и правонарушений должна учитывать данное состояние дел.

Библиографический список

1. Варданян А.В., Кулешов Р.В. Диалектическое единство экстремизма и терроризма как философская предпосылка для совершенствования подходов к криминалистической научному обеспечению антитеррористической и антиэкстремистской деятельности // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 8. – С.115-117.

2. Пашаев Х.П. Социально-философский анализ соотношения нормосозидающей и криминальной сфер общественной жизни. Дис. на соиск. … канд. филос. наук. – Барнаул: АлтГУ, 2007. – 168 с.

3. Лысак И. В. Философско-антропологический анализ деструктивной деятельности современного человека. Ростов-на-Дону – Таганрог: Изд-во СКНЦ ВШ; Изд-во ТРТУ, 2004. – 160 с.

4. Пашаев Х.П., Ушакова Е.В. Валеологический подход к исследованию сфер общественной жизни / Философия, методология, история знаний. Сб. науч. тр. Вып.11. – Барнаул–Москва: АГМУ, Издательство, 2014. – С.248-252.

5. Самохина Н.Н., Гутова С.Г. Идеология экстремизма и терроризма как форма деструктивного поведения: философский анализ. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. (Тамбов: Грамота). – 2016. – № 12(74): В 3-х ч. Ч. 2. – С. 145-149.

УДК 172.15+304.2+008+130.2

НЕОНАЦИСТСКАЯ И НЕОЯЗЫЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖНАЯ СИМВОЛИКА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Хвастунова Ю.В.
кандидат философских наук, доцент кафедры права, философии и социологии
ЭЮФ Горно-Алтайский государственный университет»
hvastunovoy@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию современной версии неонацистской и неоязыческой символики и атрибутики в социальных сетях. Молодежь как самая активная группа относительно легко воспринимает модные тенденции и одновременно неглубоко (поверхностно) знает историю нацизма, язычества и соответственно неонацизма и неоязычества в классической науке. Отсюда именно молодежь не редко становится средой для манипулирования и распространения экстремизма и терроризма, как в интернет пространстве, так и в обществе.

Ключевые слова*:* Неонацизм, неоязычество, символика и атрибутика, молодежь, социальные сети, экстремизм.

Annotation: The article is devoted to the study of the modern version of neo-Nazi and neo-pagan symbols and attributes in social networks. Young people as the most active group relatively easily perceives fashion trends and at the same time shallow (superficially) knows the history of Nazism, paganism in classical science. It is from here that young people become the medium for manipulating and spreading extremism and terrorism both on the Internet and in society.

Keywords*:* Neo-Nazism, neo-paganism, symbols and attributes, youth, social networks, extremism.

В социальных сетях прослеживается определенная закономерность в плане представленности неоязыческой и неонацистской символики и атрибутики. Все

многообразие демотиваторов, текстов (заголовков, комментариев), фотографий и роликов можно классифицировать по ряду оснований.

Во–первых, по носителю информации: отдельный пользователь и его деятельность на личной странице, на форумах и комментарии в сетях; группы пользователей на отдельной странице, где регистрируются единомышленники по конкретной теме или отношению к какому–либо событию; профессиональные заинтересованные манипуляторы, которые под видом обычных пользователей ведут идеологическую работу на своей странице или тематической странице и распространяют соответствующую информацию, комментарии, фейки (провокационные темы, вбросы) и тому подобное. Часто такие профессионалы зарегистрированы не на территории Российской Федерации (или не проживают в том субъекте, к которому относится большинство комментаторов сайта или страницы) и их довольно сложно привлечь к ответственности.

Во–вторых, это сама информация. Здесь можно условно разделить ее на виды: неонацизм, политические темы, радикальные взгляды, как правило, с расистским и националистским уклоном в молодежной среде; неоязычество и религиозная тематика, поиск истины, возвращение к «основам», увлечения альтернативной историей, оккультные и магические интересы, музыкальные пристрастия, здоровый образ жизни и неоязыческие сообщества в сети; смешанные варианты, когда молодежь увлекается синтетическими проектами, включающими в себя смесь скандинавского или немецкого неоязычества и неонацизма по линии оккультной истории нацизма, арманизма (вотанизма). Это упоминания, фрагменты работ и идеи Гвидо фон Листа, Йорга Ланса фон Либенфельса, Рудольфа фон Зеботтендорфа, общества Туле, Карла Хаусхофера (Karl Haushofer), Карла Марии Вилигута (личный оккультист Г. Гиммлера (ирминизм)) и общества Аненербе[1, с. 18-26; 2].

Сторонники такой линии носят одежду с символикой вотанизма или делают татуировки, например «Черное солнце», «Один одноглазый», «Секира Одина», «руна Вирд» и тому подобное.

Существует и проросийский проект в виде создания славянской версии неоязычества и национализма с почитанием славянских божеств, славянской рунической системы (славянские чиры и ставы) и народной магии. Здесь с точки зрения профессиональных историков большинство работ принадлежит нечистоплотным амбициозным лидерам–основателям той или иной неоязыческой группы. Именно такие авторы, не редко с самоприсвоенными степенями и званиями, преподносят сомнительную историю, «факты» без каких–либо доказательств, документы, сфальсифицированного происхождения (например, одно из российских неоязыческих движений, возглавленное лидеров и писателем альтернативной истории П.М. Хомяковым «Северное братство». П.М. Хомяков сам разработал версию происхождения якобы древнего символа «Сварогов квадрат», без каких–либо доказательств его использования славянами в дохристианский период).

Следует отдельно выделить тематику неонацизма или расизма с элементами сатанизма или чистый сатанизм или сатанизм с атеизмом. Например, демо-

тиваторы с пентаграммами, с перевернутыми крестами, с фотографиями лидеров: Энтони Ла–Вея, Алистера Кроули, Элифаса Леви, Чарльза Мэнсона и других. Пропаганда сатанизма, сатанинских обрядов, например обряда вызывания демона. Демотиваторы, пропагандирующий вики–культуру (например, цветные пони в пентаграмме, ведьмы и колдуны, магические обряды).

Среди российской молодежи встречаются пользователи, предпочтения которых выстраиваются в логические схемы, например: 1.русский национализм – славянский национализм – ультраправый национализм – нацизм (неонацизм) – национализм белой расы (расизм); 2.Русский национализм как реакция в молодежной среде активных, ведущих здоровый образ жизни людей, не согласных с действующим режимом (властью) в РФ, татуировки «Стрит эйдж»; 3.Русский национализм, стремящийся к объединению со всеми славянскими народами, в частности с украинскими националистами / славянский национализм; 4.Разновидность национализма, где нет резкого противостояния (неприятия) христианства, но присутствуют элементы неоязычества: коловрат и колядник, крест лады–богородицы, яровит, световид и другие свастики. Также публикуют фото языческих идолов или главных божеств например Одина. Пропаганда (размещение, демонстрация, популяризация) рун (неотъемлемая часть скандинавской языческой магии) и другие. Разнообразные солярные знаки, славянские буквы, оформленные под скандинавские руны, божества (Перун – Один; Марена – Хель); 5.Подборка символики и атрибутики, говорящая о четкой симпатии к нацизму времен Третьего Рейха; 6. Другая группа пользователей может демонстрировать четкие националистически ориентированные симпатии, но при этом резкое негативное отношение к нацизму (фашизму)[3, с. 104].

Особое внимание следует уделять сетевому сленгу. Когда в комментариях или заголовках текстов встречаются нецензурные слова и выражения, задача которых – это критическое восприятие неодобряемых в группе явлений и процессов. Так встречается сленговый термин «Толерастия – неодобрительная толерантность. В националистических кругах понимается как соглашательство, принятие всего ненавистного, опасного для жизни сообщества. Например, соглашательство (несопротивление) с преступной деятельностью, с педофилией, с пропагандой ЛГБТ движения и т.п. Наряду с «толерастией» используются такие же понятия, производные от терминов в западной идеологии: демократия, либерализм, толерантность – соответственно: «демократы», «либерастия», «толерасты». Используются татуировки в виде аббревиатуры неонацистских девизов.

Зачастую у молодых людей на страницах выложены не только старые нацистские фотографии, тексты с отсылкой к вождям (Гитлеру, Гиммлеру), но и фиксируются фотографии и комментарии с четкими симпатиями к современным неонацистам: присутствие кода 14/88 (номера букв: Хайл Гитлер!, 88 заповедей белых расистов), также символика движений: НСДРН «Черное солнце», идей Варга Викернеса, Дэвида Лейна, Ку-клукс-клан, девиз и теория «White pride («Белая гордость»)».

Отдельно следует выделить демотиваторы и фотографии в социальных сетях ярко иллюстрирующие установку на агрессию, физическое насилие, борьбу с другими расами и национальностями насильственными методами: часто изображен окровавленный нож или любое оружие: нож, топор, автомат в руках человека или даже ребенка. Цветовое решение в большинстве случаев агрессивное: черное, красное, дуальное (черно–белое). Здесь встречается еще одна разновидность увлеченных неоязыческой и/или неонацистской символикой – это синтез неоязыческих, неонацистских и тюремных символов. Считается, что тюремная символика и атрибутика интерпретируется иначе, не смотря на внешнюю схожесть, например с нацистской свастикой. Так встречаются татуировки со свастикой или большим количеством свастик на груди, на плечах и такой человек воспринимается как авторитет на зоне.

Завершая небольшой экскурс в тему неонацистской и неоязыческой информации в молодежной среде, следует подчеркнуть ее модернизационный характер, постоянное формирование новых символов с «архаической историей» и новых форм коммуникации, конспирации и интерпретации, в том числе в связи с ужесточением экстремистского законодательства.

Библиографический список

1. Гудрик – Кларк Николас. Оккультные корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию. – М. Эксмо, 2004.- 576 с.

2. Гвидо фон Лист. Тайна Рун. Пер.с анг. М., София, Гелиос, 2001 .- с.144.

3. Савельева Е.Н. Художественно–образные формы неявной пропаганды нацизма как предмет культурологической экспертизы. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 393. С. 104-108.

УДК 343

ПОНЯТИЕ УГОЛОВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Алембаев К.О.
Доктор PhD, доцент кафедры «Права и международных отношений» КАСУ,
Казахстанско-Американский свободный университет,
Усть-Каменогорск, Республика Казахстан
kairat_kafu@mail.ru

Аннотации:. В статье рассматривается понятие и виды уголовных правонарушений по законодательству Республики Казахстан. Раскрываются понятия уголовного проступка и преступления, их признаки и категории.

Ключевые слова: уголовное правонарушение, проступок, преступление, наказание, противоправность.

Annotation: The article discusses the concept and types of criminal offenses under the laws of the Republic of Kazakhstan. The concepts of criminal misconduct and crimes, their signs and categories are revealed.

Keywords: criminal offense, offense, crime, punishment, wrongfulness.

Уголовное правонарушение является основной категорией уголовного права, являющейся базой таких понятий, как ответственность и наказание, основание уголовной ответственности, обстоятельства исключающие противоправность и наказуемость деяния, основания освобождения от ответственности и наказания и т.д..

В действующем уголовном законодательстве Республики Казахстан уголовное правонарушение представлено в виде преступлений и уголовных проступков.

Так, ч.1 ст.10 УК РК закрепляет, что уголовные правонарушения в зависимости от степени общественной опасности и наказуемости подразделяются на преступления и уголовные проступки[1].

Ч.2 данной статьи дает следующее определение преступления: «преступлением признается совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ограничения свободы, лишения свободы или смертной казни».

При этом не обошел законодатель стороной и дефиницию проступка. Ч.3 ст.10 УК РК гласит: «Уголовным проступком признается совершенное виновно

деяние (действие либо бездействие), не представляющее большой общественной опасности, причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, организации, обществу или государству, за совершение которого предусмотрено наказание в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ареста, выдворения за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства»[1].

Таким образом, мы видим, что уголовное правонарушение (будь то преступление или проступок) — это, прежде всего поступок человека, какое-либо деяние, акт поведения конкретного человека, имеющего свободу принятия решения, т. е. свободу выбора между двумя вариантами поведения, осуществляемый под контролем его сознания и воли.

Из всего вышеизложенного следует, что понятие уголовного правонарушения не включает такие категории как намерения, мысли и убеждения, если они не были воплощены в поступке.

Все действия людей, не контролируемые их сознанием (в силу различных факторов) не образуют уголовного правонарушения.

Отсутствие воли у субъекта при совершении деяние исключает образование состав уголовного правонарушения. Например, лицо сознает характер своих действий (контролирует их сознанием), но не может руководить ими (в результате физического или психического принуждения). Это закреплено в ч.1 ст. 37 УК РК: «Не является уголовным правонарушением причинение вреда охраняемым настоящим Кодексом интересам в результате физического или психического принуждения, если вследствие такого принуждения лицо не могло руководить своими действиями (бездействием)». При этом, факт утраты возможности руководить своими действиями должен быть реальным, а не мнимым.

Таким образом, преступное деяние — это конкретный акт поведения человека, совершаемый под контролем сознания и воли. Каждое преступное деяние необходимо обладает указанными свойствами, но, разумеется, не каждый поступок является уголовным правонарушением[2, с.74].

Деяние проявляется в двух формах: действии и бездействии. Действие — активная форма поведения человека, бездействие — пассивная.

Часть 2 ст.10 УК РК в качестве признаков преступного деяния называет: 1) общественную опасность; 2) уголовную противоправность; 3) виновность; 4) наказуемость.

Общественная опасность - объективная категория, она не зависит от воли законодателя. Последний призван выявлять только те деяния, которые являются общественно опасными, и правильно отражать их в нормах уголовного закона. Общественная опасность определяется, прежде всего, важностью объекта преступного посягательства, характером и размером преступных последствий, способом, формой вины и т.д..

Общественная опасность, как и любое явление, имеет свою сущность и содержание. Сущность преступного посягательства заключается в том, что каждое преступление всегда нарушает какие-либо общественное отношение (охраняемое уголовным законодательством).

Необходимо помнить, что на степень общественной опасности преступного деяния влияют также форма вины субъекта совершенного преступления. Преступления, совершенные по неосторожности, представляют меньшую общественную опасность, чем преступления умышленного характера. Мотив и цель совершенного деяния также влияют на степень общественной опасности[3].

Следующим признаком преступления является противоправность. Уголовная противоправность деяния означает нарушение требования уголовного закона. Уголовная противоправность - необходимое качество любого преступления. Каким бы общественно опасным ни был поступок человека, он не может рассматриваться в качестве преступления, пока он не запрещен соответствующей нормой уголовного закона под страхом уголовного наказания. Из этого следует, что уголовной противоправностью обладают все деяния, закрепленные в Особенной части УК РК.

Неотъемлемым признаком преступления является также виновность (виновность лица в его совершении). Преступлением должно быть признано не просто общественно опасное и уголовно-противоправное действие (бездействие), но и обязательно совершенное лицом виновно.

Виновность означает, что лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается.

Следующим признаком преступления является наказуемость. Это означает, что лицо виновно совершило общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом. Признак наказуемости неразрывно связан с признаком уголовной противоправности. Если противоправность выражается в диспозициях статей Уголовного кодекса, то наказуемость выражена в санкциях. Однако признак наказуемости не означает, что за каждое совершенное преступление с неизбежностью должно следовать наказание. В ч.2 ст. 2 УК РК закреплено положение, согласно которому за совершенное преступление могут быть применены и иные меры уголовно-правового воздействия.

Поскольку преступление — это деяние, запрещенное уголовно-правовой нормой, сила запрета обеспечивается санкцией нормы. Санкция предупреждает, угрожая наказанием[4]. Угроза наказания не равнозначна самому наказанию за то или иное преступление, наказание — это реализованная угроза. Наказание — следствие совершения преступления. При этом, совершенное преступление порождает не ответственность и наказание, а основание ответственности и наказания, т. е. является юридическим фактом, порождающим уголовно-правовые отношения[5, с.63].

Часть 3 ст.10 УК РК в качестве признаков уголовного проступка называет: 1) уголовную противоправность; 2) виновность; 3) наказуемость: 4) небольшая общественная опасность; 5) незначительный вред.

Как мы наблюдаем, признак общественной опасности в прямом смысле этого понятия отсутствует. Законодатель указывает, что деяния является уго-

ловным проступком, если не представляет большой общественной опасности, причиняет либо создает угрозу причинения незначительного вреда личности, организации, обществу или государству.

Признаки проступка как уголовная противоправность, виновность и наказуемость аналогичны соответствующим признакам преступления.

Однако, если говорить о наказуемости (о мерах наказания за проступки), следует отметить что ч.3 ст.10 УК РК гласит, что за проступки применяются штраф, исправительные работы, привлечение к общественным работам, арест, выдворения за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства.

За преступления применяются следующие виды наказания (ч.2 ст.10 УК РК): штраф, исправительные работы, привлечение к общественным работам, ограничение свободы, лишение свободы, смертная казнь.

Из изложенного видно, что арест является специфической мерой наказания, применяемой только за уголовные проступки. За уголовные проступки не могут применяться такие виды наказаний как: ограничение свободы, лишение свободы, смертная казнь. Это обоснованно, поскольку проступки не представляют большой общественной опасности.

Если совершенное деяние является малозначительным и не представляет общественную опасность, то оно не является уголовным правонарушением. Это закреплено в нормах УК РК. В соответствие с ч.4 ст. 10 УК РК не является уголовным правонарушением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности[1].

Продолжая дальнейшее обсуждение соотношения уголовного проступка и преступления, хотелось бы отметить, что проступки не имеют категорий, в отличие от преступлений. Ч.1 ст. 11 УК РК указывает, что преступления в зависимости от характера и степени общественной опасности подразделяются на преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие преступления:

- преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК, не превышает двух лет лишения свободы, а также неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК, не превышает пяти лет лишения свободы (ч.2 ст. 11 УК РК);

- преступлениями средней тяжести признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК, не превышает пяти лет лишения свободы, а также неосторожные деяния, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пяти лет (ч.3 ст. 11 УК РК);

- тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК, не превышает двенадцати лет лишения свободы (ч.4 ст. 11 УК РК);

- особо тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых УК предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двенадцати лет, пожизненного лишения свободы или смертной казни (ч.5 ст. 11 УК РК)[1].

Деление преступлений на категории имеет важное значение, так как учитывается как при квалификации преступлений, так и при назначении наказания.

Отсутствие категорий у уголовных проступков по характеру и степени общественной опасности представляется верным, постольку это вытекает из определения понятия проступка и применяемым мерам наказания за подобные уголовные правонарушения.

Библиографический список

1. Уголовный Кодекс Республики Казахстан от 03 июля 2014 года [Электронный ресурс]. // online.zakon.kz (дата обращения 21.03.2019).

2. Бекмагамбетов А.Б., Ревин В.П. Уголовное право Республики Казахстан. Общая часть. Изд-е 2. – Алматы: Жеті Жарғы, 2015. – 504с.

3. Каиржанов Е. Уголовное право Республики Казахстан: Учеб.: Общая часть. - 2-е изд.,доп.. Алматы, 2004. [Электронный ресурс] (дата обращения 21.03.2019).

4. Уголовное право Республики Казахстан. Общая и Особенная части: Курс лекций в 3-х томах /Под ред. И.Ш. Борчашвили. - Караганды, 2006. [Электронный ресурс] (дата обращения 21.03.2019).

5. Рогов И.И., Рахметов С.М. Уголовное право Республики Казахстан. Общая часть. Учебник. - Алматы: ТОО Издательство «Норма-К», 2005.- 296 с.

УДК 347.97

УЧАСТИЕ ПЕРЕВОДЧИКА КАК ГАРАНТИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА СУДОПРОИЗВОДСТВА

Адильмуратова Р.А.
докторант факультета «Юриспруденция» Казахстанско-Американского свободного Университета (КАСУ), Казахстанско-Американский свободный университет, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан
rita_zkriyanova.76@mail.ru
Научный руководитель: д.ю.н., профессор Абдрасулов Е.Б.

Аннотация: Научная статья посвящена процессуальному статусу переводчика в казахстанском уголовном процессе. И отмечено, что участие переводчика позволяет обеспечить реализацию принципа языка уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: Переводчик, судопроизводство, язык судопроизводства, специальные знания, судебный перевод.

Annotation: The scientific article is devoted to the procedural status of an interpreter in the Kazakhstan criminal process. And it is noted that the participation of a translator allows to ensure the implementation of the principle of the language of criminal proceedings.

Keywords: Translator, legal proceedings, court language, special knowledge, judicial translation.

Проблема терроризма волнует сегодня каждого человека, независимо от того, в какой стране он живет, коснулась ли трагедия его родных и близких, или нет. Для эффективного противодействия этому многоликому злу в Казахстане разработана Государственная программа по противодействию религиозному экстремизму и терроризму на 2018-2022 годы, одной из задач которой является повышение эффективности выявления и пресечения проявлений религиозного экстремизма и терроризма, в том числе деятельности специальных государственных правоохранительных органов. Назарбаев Н.А.: «На сегодняшний день противодействие терроризму представляет одно из приоритетных направлений в обеспечении национальной безопасности Казахстана»[1]. Терроризм не имеет чисто силового, полицейского решения. Локализация и подавление террористов - лишь часть борьбы с этим злом. Единственно перспективными являются политические, социальные и культурные преобразования, которые снимают основания для радикализации общества и обращения к терроризму. Каждый сотрудник должен быть вооружен антитеррористическими знаниями и навыками, необходимыми для обеспечения борьбы с экстремизмом и терроризмом.

В настоящее время Республика Казахстан имеет безвизовый и визовый режим со многими государствами мира, что позволяет их гражданам посещать, проживать и работать на территории нашей страны. Каждое государство имеет свои национальные культуру и языки. Рост числа иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывших в нашу страну, к сожалению, сопровождается увеличением как преступлений, совершенных ими на территории нашей страны преступлений, так и криминальных деяний, совершенным в отношении них.

В соответствии с ч. 2 ст. 14 Конституции Республики Казахстан государство должно гарантировать равенство прав и свобод человека и гражданина, независимо от пола, расы, национальности, языка и происхождения, имущественного и должностного положения места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Положения ч.2 ст. 19 Конституции Республики Казахстан провозглашают и гарантируют право каждого пользование родным языком и культурой, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества[2].

Приведенные конституционные нормы выражают высшие ценности государства, и именно поэтому они нашли свое воплощение в действующем Уголовно - процессуальном кодексе Республики Казахстан. Таким образом, в системе принципов уголовного судопроизводства в ст.30 УПК Республики Казахстан закреплен принцип языка уголовного судопроизводства. Его конституци-

онная природа служит гарантией соблюдения и обеспечения прав участников уголовного судопроизводства. Кроме того, конституционный принцип изложенный в ч. 2 ст.19 Конституции РК нашел свое нормативное выражение в п. 9 ст.64 УПК РК предусматривающий право подозреваемого давать показания и объясняться на родном языке или языке, которым они владеют.

Право на пользование национальным языком закреплено во Всеобщей декларации прав человека, в которой указано: «равенство прав и свобод гарантируется государством независимо как от национальности, так и от языка граждан. Каждый человек имеет право на пользование родным языком».

Ежегодно в Казахстан приезжают огромное количество иностранцев, но, к сожалению, далеко не все они оказываются всего лишь безобидными туристами. Встречаются среди них и довольно опасные преступники.

Согласно официальным данным МВД Республики Казахстан в 2016 году в Казахстане было зарегистрировано 361 689 преступлений и из 117 743 лиц, совершивших преступления, иностранцы составили всего 3066 человек (2844 человек из СНГ и 222 лица из дальнего зарубежья). В 2017 году въехало в Казахстан 4 729 450 иностранцев. Привлечены к административной ответственности за нарушение правил пребывания 113 261 иностранец.

К уголовной ответственности в 2017 года уже привлечены 78 человек. В 2017 году органами внутренних дел зарегистрировано 263 уголовных дела по преступлениям, связанным с торговлей людьми. Жертвами преступлений иногда оказываются и иностранцы. В Казахстане принуждаются к труду и занятию проституцией граждане стран Центральной Азии, России (в 2015-м - два человека, в 2016-м -15 человек, за 2017 год - три человека). Жертвы подвергаются сексуальной, трудовой эксплуатации, торговле в целях усыновления (удочерения), принуждению к занятию попрошайничеством и другие[3].

По данным Управления миграционной службы сначала 2018 года за нарушение миграционного законодательства Республики Казахстан к административной ответственности привлечено 587 граждан, в том числе за нарушение правил пребывания — 532 иностранца, из них граждан СНГ — 499, дальнего зарубежья — 33[4].

Как видим, если в уголовном судопроизводстве участвовали иностранные лица, можно сказать о том, что досудебное и судебное производства прошли с участием переводчика.

Каждый имеет право на защиту в суде. Однако если обвиняемый не понимает, в чём его обвиняют, то с реализацией его прав будут проблемы: сложно добиться справедливости, если говоришь на разных языках с судом, уверены эксперты. Но настоящих судебных переводчиков слишком мало, профессионалов, разбирающихся в праве, среди них ещё меньше, а их загруженность и стоимость услуг снижает доступ к правосудию. И эта проблема существует не только в Казахстане.

Благодаря помощи переводчика участникам, не владеющим или недостаточно владеющим языком судопроизводства, реально гарантируется их право пользоваться родным языком в уголовном процессе.

Так, при соблюдении процессуальных гарантий, заложенных в содержание принципа языка судопроизводства, переводчик бесплатно оказывает помощь участникам, не владеющим или недостаточно владеющим языком судопроизводства, в разъяснении их процессуальных прав, помогает делать заявления, ходатайства, давать объяснения и показания по делу, знакомиться с материалами уголовного дела, приносить жалобы, выступать в суде. Участие переводчика в доказывании находится в прямой связи с институтом непосредственности в собирании и исследовании доказательств.

Применение принципа языка судопроизводства является правовой гарантией обеспечения защиты прав и свобод лиц, участвующих в судебном процессе.

В соответствии со статьей 7 Конституции Республики Казахстан в Республике Казахстан государственным языком является казахский язык. В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык. Государство заботится о создании условий для изучения и развития языков народа Казахстана. На сегодняшний день в стране языком межнационального общения остается русский язык, т.е наравне с казахским официально употребляется русский язык, а при необходимости и другие языки.

К необходимым случаям применения других языков относятся обстоятельства, в силу которых совершение процессуальных действий и принятие решений на том или ином языке обеспечат соблюдение прав и законных интересов участников судопроизводства.

При производстве по уголовным делам с участием иноязычных граждан организационная работа по поиску и привлечению переводчиков к уголовному делу ложится на следователя либо дознавателя. Следователь или дознаватель, привлекающие переводчика к участию в следственных действиях, обязаны убедиться в наличии у него необходимых знаний, однако в УПК РК не регламентировано каким образом и какие именно документы необходимы. Поэтому прежде чем решить вопрос об участии переводчика в судебном разбирательстве, в беседе с ним необходимо выяснить, насколько свободно он владеет языками, знание которых потребуется при производстве по делу, имеет ли опыт и навыки перевода с одного языка на другой. От точности перевода речи, вопросов и ответов, а также документов зависит правильность оценки доказательств. В случае необходимости целесообразно навести справки о лице, которого планируется привлечь в качестве переводчика, по месту работы или учебы, проверить наличие документов, подтверждающих его способности переводить с конкретного языка и наоборот, владение им как устной, так и письменной речью (например, дипломы, подтверждающие определенное лингвистическое образование, национальность такого лица и пр.).

По своему содержанию принцип языка уголовного судопроизводства представляет сложное структурное образование, или совокупность взаимосвязанных нормативных правил, устанавливающих государственный язык в уголовном судопроизводстве и гарантии для лиц, не владеющих языком судопроизводства. Обязательным субъектом правоотношений, при вовлечении в про-

цесс иноязычных граждан, становится переводчик, участник процесса, обеспечивающий, по мнению Р.Д. Рахунова, "осуществление принципа национального языка судопроизводства"[5, с. 208].

Переводчик играет важную роль в процессе обеспечения и защиты прав и свобод лица, не владеющего языком, на котором ведется производство по уголовному делу. Без переводчика невозможно осуществлять следственные и судебные действия, а также защиту прав и свобод человека и гражданина в случаях, когда кто либо из участников процесса не владеет или недостаточно владеет государственным языком. Выполненный переводчиком перевод - "это единственное средство, с помощью которого лицо, производящее дознание, следователь, судьи и другие участники процесса получают возможность непосредственно допросить лиц, не владеющих языком судопроизводства, выслушать и понять их заявления, ходатайства". Значимость данной уголовно- процессуальной фигуры проявляется в том, что несоблюдение норм об участии переводчика в производстве по делу, когда его помощь по закону является обязательной, влечет отмену приговора.

Право на пользование в уголовном процессе национальным языком закреплено и в ряде международных правовых актов. В правовом демократическом государстве вопросы возможности реализации гражданами своих прав относятся к числу первоочередных. Очевидно, что от того, насколько будет обеспечена реализация принципа языка судопроизводства при расследовании и судебном разбирательстве уголовного дела с участием переводчика, можно будет говорить и о защищенности лиц, не владеющих языком судопроизводства. В свою очередь обеспечение реализации прав и законных интересов переводчика как участника уголовного судопроизводства - необходимое условие достижения задач уголовного процесса.

Библиографический список

1.Об утверждении Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018 - 2022 годы Постановление Правительства Республики Казахстан от 15 марта 2018 года №124 [Электронный ресурс]. //http://adilet.zan.kz/rus/docs/ K1400000231/history (дата обращения 04.04.2019).

2.Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года с изменениями и дополнениями от 23.03.2019 г. [Электронный ресурс].//http://adilet.zan.kz/rus/docs/ K1400000231/history (дата обращения 04.04.2019).

3.Kazakhstan Today. В Казахстане число зарегистрированных уголовных правонарушений [Электронный ресурс].-https: //www.kt.kz/rus/society/vkazahstane_chislo_zaregistrirovannih_ugolovnih_pravonarushenij_v_2016_godu_snizilosj_na_6_5_1153634708.html (дата обращения 04.04.2019 г).

4.ИА Тотал Казахстан. 587 иностранцев нарушили миграционное законодательство РК в 2018 году [Электронный ресурс] https: //total.kz/ru/news/obshchestvo_sobitiya /587_inostrantsev_narushil (дата обращения 04.04.2019 г).

5.Джафаркулиев М.А. Проблемы национального языка в уголовном судопроизводстве. - Баку, 1989. - 208 с.

УДК. 343.1/98; 159.95

К ВОПРОСУ О ПОЛУЧЕНИИ ВЕРБАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ ОТ ЛИЦ С ОСОБЕННОСТЯМИ КОГНИТИВНОГО РАЗВИТИЯ

Бертовский Л.В.
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы, касающиеся получения вербальной информации в ходе производства по уголовному делу. Обращено внимание на важность учета когнитивных особенностей лиц в процессе получения такой информации. Отмечена необходимость разработки отдельных криминалистических рекомендаций по получению вербальной информации от лиц с особенностями когнитивного развития и единой правовой основы посредством внесения соответствующих дополнений в нормы действующего уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: Получение вербальной информации, когнитивные особенности, уголовное судопроизводство.

Annotation: The article deals with the issues related to the receipt of verbal information in the course of criminal proceedings. Attention is paid to the importance of taking into account the cognitive characteristics of persons in the process of obtaining such information. The necessity of development of separate criminalistics recommendations on obtaining verbal information from persons with cognitive development and a single legal basis by making appropriate additions to the norms of the current criminal procedural legislation is noted.

Keywords: Obtaining verbal information, cognitive features, criminal proceedings.

Несмотря на большое количество публикаций, в той или иной степени затрагивающих проблемы получения вербальной информации в уголовном процессе, проблема повышения продуктивности процессуального закона, а также качества криминалистических рекомендаций остаются актуальными как в теоретическом, так и в практическом отношениях. В частности это касается и получения информации от лиц, имеющих определенные когнитивные ограниче-

ния. К таким субъектам можно отнести детей, престарелых, лиц, страдающих психическими и физическими заболеваниями, находящихся в стрессовых ситуациях и пр. Необходимость их допроса часто возникает тогда, когда другие источники информации отсутствуют.

Как показывает судебно-следственная практика при принятии решения о привлечении к уголовной ответственности и вынесении обвинительного приговора судом за совершенное преступление большое влияние на следователей и судей оказывают показания потерпевших, в том числе из вышеперечисленных категорий, которые становятся краеугольным камнем обвинения. Именно поэтому вопрос о том, насколько можно доверять таким показаниям представляется очень важным. Хотя и раньше этот вопрос привлекал повышенное внимание.

Так, к использованию в расследовании преступлений показаний детей с самого начала становления криминалистики учёные и практики относились поразному. Одна часть, такие как немецкий психолог О.Липман и русский криминалист В.Лобзин[5; с.7] считали, что показания детей являются абсолютно недостоверными. Другие, такие как Ганс Гросс[3], занимали диаметрально противоположную позицию, полагая, что «Дети в возрасте не свыше 7-9 лет самые правдивые свидетели. Любовь и ненависть, честолюбие и коварство, вероисповедание и сословие, положение в обществе и богатство – все это чуждо столь юному возрасту»[1].

Профессора В. Внуков и А. Брусиловский еще в 1929 году писали [2; с.8-9], что, имея дело с душевно-больным свидетелем, перед судебными инстанциями встает в первую очередь вопрос, можно ли верить такому больному? Исходя из чисто психиатрического опыта, можно сказать, что в определенных случаях следует доверять показаниям душевно-больного. При этом мерилом достоверности показаний такого больного будет служить не только более или менее правильная оценка им окружающего, но и само его состояние.

Некоторые формы психических заболеваний в виде, например, маниакально-депрессивного психоза, оставляют личность больного нетронутой, таким больным можно и должно верить. Больше того, ряд проградиентных заболеваний (как, например, некоторые формы шизофрении, текущие в мягкой форме) также на сравнительно большом промежутке оставляют личность больного без особых и значительных сдвигов и они (больные) остаются в пределах восприятия реальности. И здесь мы верим и доверяем показаниям душевнобольного[1].

Некоторые современные исследователи не делают большой разницы между допросом несовершеннолетнего ребенка и человека с умственной неполноценностью, а иногда и пожилых людей, в связи с чем, считают возможным использовать одинаковые методы допроса[6]. Представляется что это не совсем правильный подход.

В самом общем виде умственную неполноценность можно представить как самый низкий уровень интеллекта. Следует отметить также и тот факт, что у умственно неполноценных людей могут возникать и расстройства личности.

Что касается ребенка, то он не является умственно неполноценным, его интеллект с возрастом меняется. В первые десять лет жизни человека интеллект постепенно повышается. Интеллект человека 18-20 лет достигает своего пика, хотя, конечно, человек совершенствует свой интеллект на протяжении всей жизни, учится, приобретает опыт и т.п. Многие исследователи интеллекта полагают, что интеллект 5-летнего ребенка составляет половину интеллекта взрослого, а интеллект 8-летнего ребенка достигает уже 80% интеллекта взрослого.

У этих двух категорий допрашиваемых имеются особенности в: восприятии окружающей действительности, кодировании, сохранении и извлечении из долговременной памяти, хранящейся там информации.

Специфически работает память и воспринимается окружающая действительность пожилыми людьми. По данным геронтологов максимальная работоспособность у лиц умственного труда наблюдается в возрасте от 35 до 45 лет, а к возрасту 50-60 лет из-за старения мозга она снижается на 20-40%.

До 50-ти лет снижение психических функций носит плавный и незаметный характер, а после 50-ти лет и, особенно, после 55-ти лет признаки ослабления памяти, внимания, мышления дают о себе знать во все более явной форме, причем не только в быту, но и в профессиональной деятельности. Так, на примере пилотов гражданской авиации установлено:

Имеется статистически достоверная связь между опасными отклонениями в пилотировании и возрастом пилотов. За допустимые параметры полета по собственной вине наиболее часто совершали выходы пилоты старше 55 лет.

Поэтому сдерживание темпов мозгового старения имеет высокую важность для безопасности полетов. В ходе обследования 500 пилотов авиакомпании «Аэрофлот - Российские Авиалинии»[7] отмечено:

- в возрасте 50-ти лет снижение интеллектуальных функций у каждого 10-го пилота;
- в возрасте 55-ти лет - у каждого 5-го пилота;
- в возрасте 60-ти лет - у каждого 2-го пилота.

Подводя итог, можно сказать, что в целях оптимизации деятельности по получению доказательственной информации от каждой из вышеуказанных категорий допрашиваемых, необходимо использовать разные, предназначенные только для конкретной группы интервьюируемых тактические приемы. А вот, что касается процессуальной регламентации производства следственных действий с их участием, то, судя по всему, настало время подумать о разработке общих подходов с целью наиболее полного обеспечения прав и законных интересов лиц с особенностями когнитивного развития, что соответствовало бы и нормам международного законодательства [4], и внести соответствующие изменения в нормы уголовно-процессуального законодательства.

Библиографический список

1. Бертовский Л.В. Особенности допроса детей в возрасте до 7 лет / Л.В. Бертовский // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2015. № 3. С. 113-133.

2.Внуков В. Психология и психопатология свидетельских показаний малолетних и несовершеннолетних / В.Внуков, А. Брусиловский Ленинград: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1929.С.8-9

3.Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики» / Г.Гросс. М.: «ЛексЭст», 2002.

4.Курбатова С.М. Нормы международного права как основа формирования содержания правового статуса участников уголовного судопроизводства из числа лиц с ограниченными возможностями / С.М. Курбатова // Вестник Восточно-Сибирской Академии. 2019. № 31. С.8.

5.Лобзин В. Допрос несовершеннолетних дошкольного возраста / В. Лобзин. М., 1912.

6.Nathan J.Gordon,WilliamL. Fleisher Effective interviewing and interrogation techniques / Interviewing Children and the Mentally Challenged. 3rd ed. ISBN 978 0 12 381986 4. 2011. P. 209-218. http://moikompas.ru/compas/psycology

УДК 347.57

КАКОЙ ДОЛЖНА БЫТЬ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ МЕТОДИКА РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ?

Давыдов С.И.
доктор юридических наук, доцент
заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
davidov_ord@mail.ru

Аннотация: Рассмотрены вопросы формирования частных методик раскрытия преступлений экстремисткой направленности. Определены требования к формированию методик. Обоснована целесообразность разработки рекомендаций применительно к типовым ситуациям, в виде алгоритмов действий по раскрытию преступлений. Приводятся обстоятельства, обуславливающие необходимость формирования комплексных методик раскрытия преступлений для оперативных сотрудников и следователей.

Ключевые слова: раскрытие преступлений, экстремистская направленность, оперативно-розыскная методика, типовые ситуации.

Annotation: Problems of formation of private methods for crime detection of extremist orientation are considered. Requirements for formation of operational–investigating methods are determined. Usefulness of recommendations development for typical situations in form of action algorithms for crime detection is justified. Required circumstances for formation of integrated methodology of crime detection for operational officers and investigators are given.

Keywords: crime detection, extremist orientation, operational-investigating methods, typical situations.

Проблема структурно-содержательного построения комплексов методических рекомендаций по раскрытию преступлений является достаточно сложной и практически не исследованной в оперативно-розыскной науке. Между тем около 40 % опрошенных оперативных сотрудников испытывают затруднения при использовании в своей практической деятельности предлагаемых в учебной литературе методик раскрытия преступлений. Основная причина их низкой востребованности – общий характер и оторванность рекомендаций от практики. Не являются исключением и описанные в учебниках методики выявления и раскрытия преступлений экстремисткой направленности.

На наш взгляд, важно выделить три основных требования, которые должны учитываться разработчиками оперативно-розыскных методик раскрытия преступлений экстремистской направленности: 1) ориентация рекомендаций на типичные ситуации, возникающие в процессе выявления и раскрытия преступлений; 2) изложение рекомендаций в виде алгоритмов действий; 3) комплексный характер рекомендаций, которые должны быть предназначены не только для оперативных сотрудников, но и для следователей.

Рассмотрим подробней каждое из требований. Представляется, что с точки зрения потребностей практики использование ситуационного подхода в разработке и построении рекомендаций по раскрытию преступлений является наиболее продуктивным. Из числа опрошенных сотрудников более половины (52 %) к достоинствам методической литературы относят ситуационную ориентированность рекомендаций и 70 % полагают, что это облегчает их использование в практической деятельности. Эффективность ситуационного подхода обусловлено тем, что создаваемые комплексы рекомендаций увязаны с определенными типами ситуаций и рассчитаны на аналогичные реальные ситуации, складывающиеся в процессе раскрытия преступлений. Причем речь идет не только о ситуациях, характеризующих в целом состояние раскрытия преступлений на различных этапах, но и о ситуациях на уровне проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий. Применительно к преступлениям экстремисткой направленности, комплексы оперативно-розыскных мероприятий и действий целесообразно разрабатывать с учетом следующих типичных ситуаций: в правоохранительные органы поступило сообщение о преступлении экстремисткой направленности; информация о преступлении получена в результате инициативной работы по выявлению фактов преступных действий; информация о преступлении поступила от лица, содействующего оперативно-розыскным органам на конфиденциальной основе. Возможно выделение и других типичных ситуаций.

Использование ситуационного подхода к разработке методических рекомендаций является предпосылкой алгоритмизации деятельности по раскрытию преступлений экстремисткой направленности. Известно, что в процессе раскрытия преступлений возникает много различных ситуаций, требующих разрешения. Далеко не всегда оперативные сотрудники имеют практический опыт, благодаря которому они в состоянии разрешить ту или иную сложившуюся ситуацию. В связи с этим при разрешении ситуаций они руководствуются пре-

имущественно здравым смыслом, основанным на опыте старших коллег. Однако такой подход малопродуктивен. Необходимы какие-то начальные готовые схемы, на которые можно было бы опираться при разрешении ситуаций.

Таким образом, существует насущная проблема: необходимо средство, с помощью которого появилась бы возможность такие готовые схемы разрабатывать, а рекомендации излагать лаконично, в виде описания последовательных действий, которые оперативные сотрудники могли бы усвоить, запомнить и использовать в своей практической деятельности. Думается, таким средством является метод алгоритмизации. О целесообразности разработки алгоритмов действий для схожих, повторяющихся ситуаций ОРД высказались 85% опрошенных.

Опираясь на алгоритмы, даже не очень опытные оперативные сотрудники, имеющие пробелы в профессиональной подготовке и малый стаж работы по специальности, смогли бы успешнее решать оперативно-розыскные задачи.

Еще один вопрос, требующий пояснения - почему методические рекомендации по раскрытию преступлений должны быть комплексными, едиными, рассчитанными и для оперативных сотрудников и для следователей? Изучение оперативно-розыскной практики противодействия экстремистским преступлениям, опросы оперативных сотрудников, следователей, других участников уголовного судопроизводства, а также анализ результатов ранее проведенных исследований позволили выделить ряд обстоятельств, свидетельствующих о необходимости разработки комплексной методики оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства по делам о преступлениях экстремисткой направленности. Целесообразно было бы разрабатывать комплексные рекомендации не только по выявлению, документированию указанных преступлений, но и по оперативному сопровождению их расследования и судебному разбирательству по уголовным делам. С нашей точки зрения к таковым обстоятельствам относятся:

1) характеристика преступлений экстремисткой направленности;

2) единство целей и задач оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности;

3) низкий уровень взаимодействия оперативных подразделений и органов предварительного следствия в работе по делам о преступлениях экстремисткой направленности;

4) потребность у участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения в знаниях об особенностях получения в процессе оперативно-розыскной деятельности информации, имеющей доказательственное значение;

5) трудности, связанные с исследованием в суде доказательств, полученных в процессе оперативно-розыскной деятельности;

6) активное противодействие со стороны заинтересованных лиц, средств массовой информации на этапах досудебного и судебного производства по уголовным делам о преступлениях экстремисткой направленности.

УДК 343.1

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Дежнев А.С.
доктор юридических наук, доцент, начальник учебно-научного комплекса подготовки сотрудников оперативных подразделений ФГКОУ ВО «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»
omsk-das@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, указывающие на законодательные недочеты, связанные с порядком наложения ареста на имущество при производстве по уголовным делам. Предлагается авторские видение путей совершенствования правового регулирования избрания и реализации указанной меры принуждения. Проводится связь сформулированных суждений с правоприменительной деятельностью.

Ключевые слова: Наложение ареста на имущество, меры уголовно-процессуального принуждения, обеспечение исполнения приговора, имущественные отношения.

Annotation: The problems of legal lack concerning seizure in criminal actions' activity are dealt in the article. The author's point of view on legal regulation improvement of choosing and realization of such law enforcement measure is given here. There is relation between formulated thoughts and law enforcement activity.

Keywords: *seizure, law enforcement measures, providing of sentence enforcement, property relations.*

В последнее время проблемы защиты права собственности становятся все более актуальными. Они имеют существенное значение во многих сферах деятельности, в том числе вопросах безопасности, предотвращения современных угроз, вызванных различными проявлениями преступной деятельности, включая экстремизм и терроризм. Законодатель реагирует на эти преступные проявления. Они учтены в системе оснований наложения ареста на имущество (ч. 3 ст. 115 УПК РФ). Тем не менее, современный характер правового регулирования рассматриваемой области отношений далек от совершенства. Он плохо адаптирован к сложившимся социально-экономическим условиям. Многие положения, затрагивающие имущественную сферу, были фактически продублированы из УПК РСФСР 1960 г., рассчитанного на иной формат общественных отношений и не смогли в полной мере обеспечить реализацию прав, предусмотренных Основным законом страны.

Существует неопределенность в уяснении сущности рассматриваемой меры принуждения, ее места в системе уголовно-процессуального законодательства, оснований применения и установления соответствующих сроков. Не вы-

ходящие за рамки закона решения органов предварительного расследования и суда иногда приводят к серьезным убыткам юридических лиц и предпринимателей. Острота проблемы усиливается тем, что такого рода последствия затрагивают интересы не только обвиняемых (подозреваемых), но и потерпевших, чьи права должны обеспечиваться в приоритетном порядке (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), а также иных лиц. Возникшее противоречие, проявившись в несовершенстве механизма ареста имущества, привело к необходимости неоднократного вмешательства в данную сферу Конституционного Суда РФ. Даже после этого говорить о решении многих проблем в рамках заявленной темы исследования преждевременно

Так, законодатель не дает развернутой дефиниции оснований наложения ареста на имущество. В части 1 ст. 115 УПК РФ акцент сделан на целях применения данной меры принуждения. Вместе с этим при наложении ареста на имущество суд должен указывать на конкретные фактические обстоятельства, на основании которых он принял такое решение. Связывая основания наложения ареста на имущество с фактическими обстоятельствами, разработчики УПК РФ ограничились достаточно общей, оценочной категорией. В таких условиях определение законности действий суда при обжаловании вынесенного решения во многом осуществляется без опоры на формальные предписания законодателя.

Указанное обстоятельство привело к конкуренции оснований наложения ареста на имущество. Каждое из них предполагает введение исчерпывающего объема ограничений. Так, при обеспечении гражданского иска ориентиром, как правило, выступает объем исковых требований, при штрафе – санкция соответствующей статьи УК РФ, при конфискации – преступный характер происхождения имущества, при других имущественных взысканиях – расходы, связанные с производством по уголовному делу. Указанные обстоятельства хотя и вытекают из одной статьи закона (ст. 115 УПК РФ), но имеют существенные отличия. Данный фактор проводит к смешению целей уголовно-процессуальной деятельности в части принудительного воздействия на личность. Применение одной меры принуждения фактически рассредоточено в разных направлениях. Имеются основания для выделения указанных имущественных ограничений в самостоятельные сферы правового регулирования. Их индивидуальная нормативно-правовая регламентация позволит сократить недочеты законодательной техники при наложении ареста на имущество.

Основания наложения ареста на ценные бумаги также обладают своей спецификой. Статья 116 УПК РФ не связывает применение данной меры уголовно-процессуального принуждения исключительно с доказательствами по уголовному делу. Соответствующие требования не сформулированы. Опираясь на положения ст. 115 УПК РФ, с учетом их определяющего значения в исследуемой области, решение принимается при наличии в деле определенных фактических обстоятельств. Отсутствие конкретных формулировок, обусловливающих необходимость наложения ареста на ценные бумаги, отчасти восполняется в других нормативно-правовых актах. Как отмечается в письме Генеральной прокуратуры РФ [1], решение о наложении ареста на ценные бумаги может быть

принято на основе доказательств, подтверждающих, что деньги или иное имущество, вложенное в ценные бумаги, получены в результате преступления, либо доказательств, подтверждающих причинение подозреваемым (обвиняемым) вреда, который подлежит возмещению.

Данный документ ориентирует правоприменителя на получение следователем, дознавателем доказательств, обусловливающих необходимость ареста ценных бумаг. Иные сведения, по мнению разработчиков указанного акта, не представляются достаточными для принятия решения в порядке ст. 116 УПК РФ. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что указанное определение сформулировано достаточно узко. Не учтены обстоятельства, связанные с обеспечением возможной конфискации имущества, указанного в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, а также обеспечением исполнения наказания в виде штрафа. Указанные особенности правового регулирования приводят М.В. Соколову к справедливому выводу о том, что требования, сформулированные в ст. 116 УПК РФ, нуждаются в корректировке, учитывающей профильное гражданское законодательство[2, с. 143, 144].

В целом, следует признать, что особенности наложения ареста на ценные бумаги, сформулированные в УПК РФ, далеки от совершенства. Они определяют правила работы следователя, дознавателя, судьи без учета множества специфичных аспектов, предусмотренных гражданским правом и другими отраслями законодательства, регламентирующими обращение указанного вида имущества. В этих условиях трудно надеяться на введение специальных обобщающих рассматриваемую область отношений норм в УПК РФ. Их жизнеспособность с учетом меняющихся правил оборота ценных бумаг будет под большим вопросом. В связи с этим решение ряда проблем видится не только в законодательной корректировке отдельных положений ст. 116 УПК РФ, но и в повышении уровня профессионализма правоприменителей.

В контексте исследуемой проблемы важно обратить внимание на неопределенность круга «других лиц» при принятии решения о наложении ареста на имущество (ч. 3 ст. 115 УПК РФ). Отсутствует ясность в правовом статусе данных субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Допуская применение к ним мер принудительного характера, законодатель не устанавливает возможные способы защиты их интересов. Между тем нельзя не учитывать то обстоятельство, что сам по себе арест имущества позволяет применять меры принудительного характера. Не исключено, что в ходе его производства могут ограничиваться интересы хранителей указанных материальных ценностей. Полномочия, связанные с защитой их интересов, законодатель не предусматривает. К тому же, помимо чужого имущества, в протокол могут попасть вещи, действительно принадлежащие «другим лицам». Полагаем, что этот недостаток законодательства нуждается в разрешении. Субъекты, к которым применяются установленные ч. 3 ст. 115 УПК РФ меры, должны иметь возможность обжаловать действия соответствующих должностных лиц в части защиты своих имущественных интересов.

Библиографический список

1. О направлении Методических рекомендаций «Основания и порядок применения временного отстранения от должности, наложения ареста на имущество и ценные бумаги, денежного взыскания»: Письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30 марта 2004 г. № 36-12-04 // СПС КонсультантПлюс.

2. Соколова М.В. Деятельность следователя по наложению ареста на имущество: дисс. канд. юрид. наук. М., 2018. 216 с.

УДК 343.1/98; 159.95

КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ОБЪЕМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Курбатова С.М.
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и основ судебной экспертизы Юридического института ФГБОУ ВО Красноярского государственного аграрного университета
sveta_kurbatova@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы, касающиеся понятия и сущности когнитивных особенностей личности вообще, а также их значение для уголовного судопроизводства в контексте проблематики возможности надлежащей реализации правового статуса участников уголовно-процессуальных отношений, с учетом имеющихся у них данных особенностей.

Ключевые слова: Когнитивные особенности, уголовное судопроизводство, участники уголовно-процессуальных отношений, правовой статус.

Annotation: The article deals with the issues related to the concept and essence of cognitive characteristics of the person in General, as well as their importance for criminal proceedings in the context of the possibility of proper implementation of the legal status of participants in criminal procedural relations, taking into account these features.

Keywords: Cognitive features, criminal proceedings, participants in criminal procedure relations, legal status

Способность человека воспринимать и перерабатывать информацию, которая поступает к нему из внешнего мира, называется в психологии когнитивной. Данное понятие характеризует психические процессы личности применительно к восприятию действия, памяти, воображения. Когнитивными функциями врачи называют функции головного мозга, являющиеся особенно сложными, с их помощью происходит рациональное познание мира. Когнитивные функции – это речь, память, гнозис, праксис и интеллект[1].

Так как когнитивные функции связаны непосредственно с деятельностью мозга, то, оценивая их, можно говорить о двух ситуациях:

1) о нормальном уровне когнитивных способностей лица;

2) о когнитивной недостаточности, которая может возникнуть как вследствие диффузных и очаговых поражениях головного мозга (болезней), так и в силу влияния естественных процессов его развития – в последнем случае речь идет о несовершеннолетних[2] и пожилых людях [3]. Так, нередко когнитивные расстройства обнаруживаются у пожилых людей - до двадцати процентов пациентов, возраст которых превышает шестьдесят пять лет, страдают довольно тяжелыми когнитивными расстройствами в виде деменции. Более легкие когнитивные расстройства у пожилых встречаются еще чаще, согласно некоторым данным, это от сорока и до восьмидесяти процентов лиц, с учетом возраста[1].

Если же рассмотреть лицо с подобного родом когнитивными нарушениями и (или) особенностями как участника уголовно-процессуальных правоотношений, то возникает правомерный вопрос о его возможности полноценно реализовывать свои права и обязанности, которыми его наделяет законодатель. Например, «дача показаний» потерпевшим, подозреваемым, обвиняемым, свидетелем и др. участниками неразрывно связана с процессом формирования показаний, состоящим из восприятия, запоминания и воспроизведения в рамках следственного действия (допрос и др.) обстоятельств расследуемого преступления. Восприятие представляет собой процесс отражения в человеческом сознании события преступления или его отдельных деталей на основе зрительных и слуховых, реже обонятельных, осязательных и вкусовых ощущений. Запоминание еще более сложный процесс образования в человеческой памяти образов (представлений), связанных с воспринятыми фактами. Воспроизведение состоит в том, что лицо, в процессе получения от него показаний, оживляя в своей памяти образы (представления), запечатлевшиеся в результате восприятия и запоминания, сообщает соответствующие сведения следователю, дознавателю, суду. И в данном контексте важен не процессуальный статус лица, о чем справедливо отмечает в своей работе профессор Л.В. Бертовский, анализируя разные классификации допросов, используемые в теории[4; с. 22-28], а важна сама сущность процесса дачи/получения показаний.

В связи с этим возникает правомерный вопрос о равенстве возможностей при реализации своих правовых статусов участниками с полноценным развитием когнитивных функций и участниками, у которых имеется когнитивная недостаточность вследствие возраста, болезни или физиологического или функционального состояния (например, беременность).

Адекватное восприятие лицом действительности напрямую коррелируется с его возможностью реализовать свой правовой статус участника уголовно-процессуальных отношений. Соответственно, если данное лицо не в состоянии осуществить это надлежащим образом, то тогда на государство должна быть возложена обязанность по предоставлению ему соответствующих гарантий для компенсации этого, что соответствует положениям Всеобщей декларации ООН прав человека [5], Международного пакта ООН об экономических, социальных

и культурных правах 1966 г. [6], иных международных правовых актов, а также Конституции Российской Федерации[7; ст. 7], так как в данном случае должна проявляться социальная сущность государства, а самих этих лиц следует рассматривать как социально незащищенную категорию граждан. Применительно к уголовному процессу, в частности, речь должна идти о предоставлении таким участникам права на представителя-адвоката по назначению (по аналогии с защитником-адвокатом по назначению для подозреваемого, обвиняемого, в случаях, предусмотренных УПК РФ), а также обязательном участии психолога при производстве процессуальных действий с такими лицами и о других правовых гарантиях.

Таким образом, считаем необходимым:

- признать имеющуюся взаимосвязь между когнитивными способностями лица и его возможностью реализовывать свой правовой статус как участника уголовного процесса в полном объеме;
- рассматривать участников уголовного судопроизводства с когнитивными особенностями как социально незащищенную категорию со всеми вытекающими последствиями по наделению их специальным правовым статусом и предоставлению им дополнительных правовых гарантий;
- проведение дальнейшего комплексного исследования вопросов теории и практики, касающихся когнитивных особенностей личности участников уголовного судопроизводства, а также их правового урегулирования.

Библиографический список

1.Что такое когнитивность и когнитивные навыки [Электронный ресурс] https://www.psyportal.net/18273/chto-takoe-kognitivnost-i-kognitivnyie-navyiki/

2.Бертовский Л.В. Технология получения уголовно-релевантной информации от малолетних и несовершеннолетних / Л.В. Бертовский, В.Н. Билян // Бизнес. Образование. Право. 2016. № 2(35). С. 174-179.

3. Лебедев Н.Ю. Совершенствование тактики допроса людей пожилого возраста как мера предупреждения конфликтов / Н.Ю. Лебедев //Закон и право. 2017. № 4. С. 75-78.

4.Бертовский Л.В. Допрос: тактика и технологии: монография. / Л.В. Бертовский. М.: Экзамен, 2015. 303 с.

5.Всеобщая декларации ООН прав человека 1948 г. // СПС Консультант Плюс.

6.Международный пакт ООН об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. // СПС Консультант Плюс.

7.Конституция Российской Федерации 1993 г. // СПС Консультант Плюс.

УДК 343.98.067

ТИПИЧНАЯ МОДЕЛЬ МЕХАНИЗМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Кустов А.М.
заведующий кафедрой криминалистики и уголовного права
ФГБОУ ВО «Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева», доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации, академик РАЕН
Amkustov@bk.ru

Аннотация: В статье описана типичная модель механизма преступлений террористического характера в своем поэтапном развитии. Показана деятельность членов террористической организации с момента замысла до сокрытия следов криминала – последствий террористического акта.

Ключевые слова: Механизм преступления, террористическая организация, этапы формирования механизма террористического акта, преступная деятельность, следы преступления.

Annotation: The article describes the typical model of the mechanism of crimes of a terrorist nature in its gradual development. Shows the activities of the members of the terrorist organization from the moment of conception to conceal traces of crime-the consequences of a terrorist act.

Keywords: The mechanism of the crime, the terrorist organization, the stages of formation of mechanism of a terrorist act, criminal activity, evidence of a crime.

Знание механизма преступления (как целостной системы обстоятельств, процессов и факторов, обусловивших возникновение носителей материальной и интеллектуальной информации о самом преступлении и его участниках) обеспечивает возможность выдвижения общей и частных версий, планирования расследования, а также возможность целенаправленного поиска материальных последствий преступления, установления преступника, потерпевшего, способствует правильной квалификации преступного деяния, исследованию всех обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с требованиями закона (ст. 73 УПК РФ).

Установление механизма преступлений террористического характера во многом предопределяет пути поиска заказчика, выявления организаторов, исполнителей, пособников криминального явления и лиц, случайно втянутых в преступное событие, в целях установления следователем объективной истины по делу, защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ст. 6 УПК РФ).

За последние четыре десятилетия XX в. зафиксировано более 10 тыс. преступлений террористического характера. Из статистических данных МВД и ФСБ России следует, что члены преступных организаций наиболее часто со-

вершают преступления с использованием взрывов (около 50%) или химических и биологических боевых припасов (немногим более 20%), несколько снизились – до 10%, нападения и захваты транспортных средств (самолетов, морских судов, пассажирских автобусов).

Бурный рост населения крупных городов, увеличения числа государственных чиновников, присутствие иностранных граждан, усиление влияния средств массовой информации, наличие современных технических средств ведения боевых действий, техническая и материальная поддержка общественных организаций и физических лиц и другие факторы создают возможности для повышения идеологической и преступной активности террористических организаций, которые на определенной территории (или в определенной сфере деятельности) и по долговременной финансируемой программе совершают террористические акты или угрожает их совершением.

Лидеры такой организации с помощью современных средств коммуникации могут вовлечь в ее преступную деятельность значительное число участников. В своей подготовительной деятельности, они используют передовые компьютерные технологии, современные средства теле- и радио- вещания, мобильную связь (в том числе – спутниковую), которые позволяют эффективно и безопасно общаться между собой, усиливать действенность пропаганды идей террористов.

Члены террористических групп через компьютерную сеть Интернет обмениваются информацией со своими единомышленниками, проживающими в различных точках страны или за рубежом. В этой же сети они могут обнаружить рецепты изготовления взрывных устройств, информацию об оружии массового поражения или программы с компьютерными вирусами. Общедоступные компьютерные базы данных используются террористами для распространения подстрекательских призывов, способных повлиять на настроение людей и спровоцировать экстремистские проявления.

Механизм начального этапа деятельности террористической организации, как правило, характеризуется возникновением конфликтной ситуации политического или экономического характера и объединением отдельных преступных групп в организацию со своей материальной базой и идеологией.

Начальный этап формируется как из открытых действий (в отдельных случаях), так и из действий, совершаемых в условиях строжайшей конспирации, со стороны преступников и включает в себя следующие элементы:

постановка программной цели совершения акта (актов) террора политико-идеологического или шовинистического характера;

подбор и принятие в террористическую организацию новых членов – бойцов, исполнителей, пособников; создания в структуре организации специализированной группы бойцов;

разработка плана дальнейшей деятельности (отражение в плане мотивов, целей, сроков и средств реализации, а также исполнителей, приемов конспирации);

выработка норм поведения в сфере взаимоотношений членов такой группы между собой и с окружающим миром; ознакомление с этими правилами всех

членов группы, закрепление факта согласия с ними через клятву, дачу расписки или иную процедуру.

В ситуации, когда террористическая организация обладает финансовыми ресурсами, то осуществляется идеологическая обработка и боевая подготовка бойцов и накапливание огнестрельного оружия, взрывных устройств или взрывчатых веществ. Когда же достаточные финансовые ресурсы отсутствуют, то совершаются корыстно-насильственные преступления с целью получения денежных и технических средств для оснащения преступной деятельности. При этом часто совершаются такие преступления, как сбыт наркотиков или части имеющегося оружия, разбойные нападения (в том числе и на воинские склады), с целью хищения оружия или взрывчатых веществ, захват заложников для получения выкупа и т.д.

При реализации второй ситуации многие нападения на юридические или физические лица с целью приобретения денег или иных средств, как показывает анализ следственной практики, совершаются преступниками после тщательной предварительной подготовки.

Механизм начального этапа террористической деятельности характерен такими действиями, как организация и осуществление побегов из мест отбывания наказания лиц, являющихся наиболее активными членами террористической группы, участие которых запланировано в проведении террористических актов; убийство лиц, создающих препятствия проведению террористических актов; совершение крупных краж, разбойных нападений, уничтожения имущества и т.д.

Вместе с тем, на данном этапе помимо вышеперечисленных действий, террористы подготавливают совершение террористических актов, для чего совершают следующие действия:

определяют объекты преступного террористического посягательства, т.е. лиц, в отношении которых планируется осуществление актов террора, мест наибольшего скопления людей, где также могут совершаться террористические акты и др.;

осуществляют приискание технических средств осуществления террористических актов, незаконную выписку или подделку паспортов либо других документов, ввоз в страну, приобретение, хранение фальшивых документов;

определяют места и время осуществления актов терроризма; приемы и направления отхода с места совершения преступления;

формулируют (согласовывают) требования заказчика террористического акта;

реализуют механизм регенерации (восстановления) функции криминальных звеньев, потерявших часть своих членов в ходе подготовки или осуществления актов террора;

осуществляют действия по сокрытию следов подготовительной деятельности группы;

внедряют членов преступной группы на объекты планируемых актов террора;

с использованием современных средств устанавливают и отрабатывают возможные варианты связи между обособленными группами.

На данном этапе, для предотвращения террористических актов, возможно выявление объективных признаков преступной деятельности террористических организаций в общем массиве регистрируемых преступлений, выработка и реализация приемов и методов провоцирования их на проявление своей активности, раскрытие и расследование уже совершенных преступлений.

Механизм основного этапа террористической деятельности характеризуется актом применения насилия над личностью для достижения целей террористов, которые прибегают к самым различным видам насилия (например, физическому, морально-психологическому и др.). При анализе преступной деятельности террористов трудно четко разграничить виды применяемого насилия, тем не менее, в каждой акции террора тот или иной вид насилия фигурирует в качестве доминирующего:

способы физического насилия при использовании террористических методов (лишение жизни, нанесение телесных повреждений, лишение или существенное ограничение свободы определенного лица) рассчитаны на то, чтобы изменить правовое состояние, политику путем физического отстранения конкретного лица или группы лиц от выполнения ими государственной или общественной деятельности;

способы морально-психологического насилия (шантажа, угрозы клеветы), реализация которых рассчитана на отстранение того или иного лица от соответствующей деятельности или на изменение ее характера и содержания, либо входят как составной элемент в вышеназванные способы, поскольку преступники всегда стремятся к устрашению противника;

способы имущественного насилия (имеется такая точка зрения ученых-юристов) над личностью имеют те же цели, но осуществляются путем посягательства на государственное, общественное или личное имущество, чтобы лишить конкретного деятеля или организацию материальной базы для проведения в жизнь избранной политической или экономической линии и т.д.

Механизм основного этап преступной деятельности террористической организации формируется из следующих элементов:

прибытие на место запланированного преступления;

ознакомление с обстановкой на месте;

уточнение ролевых функций и распределение членов группы по местам дислокации;

корректировка плана дальнейших действий членов группы и т.д.

Затем следует открытое совершение террористического акта (актов):

умышленный взрыв, диверсия;

поджог, наводнение, затопление, разрушение и порча сооружений или приспособлений, предназначенных для спасения людей и нейтрализации тяжких последствий;

распространение удушливых и смертоносных веществ;

самовольный перерыв нормальной работы транспорта, средств сообщения, железных дорог, телеграфа, телефона или почты;

умышленная порча гидравлического оборудования, освещения, отопления или двигательной силы общественного пользования или назначения, создающих опасность гибели людей или причинения значительного материального ущерба;

осквернение, порча или отравление питьевой воды или средств питания первой необходимости;

вызов или распространение инфекционных болезней, эпидемий или болезней растений, имеющих значение для земледелия и лесоводства (мнение А.Н. Трайнина);

покушение или умышленное убийство главы государства, правительства или дипломатических ответственных должностных лиц государства;

разрушение или повреждение государственного имущества или средств транспорта;

захват или угон транспортных средств (хайджекинг), в том числе захват или угон воздушных судов; насилие в отношении лиц на борту судна в полете (если такой акт может угрожать безопасности этого судна); а также, разрушение воздушного судна, находящегося в эксплуатации, или причинение ему повреждения (которое его выводит из строя или может угрожать безопасности в полете) или иное действие, создающее опасность наступления тяжких последствий); помещение на воздушное судно, находящееся в эксплуатации, устройства или вещества, которое может разрушить такое судно или причинить ему повреждение, угрожающее безопасности в полете; разрушение или повреждение аэронавигационного оборудования или вмешательство в его эксплуатацию (если такой акт может угрожать безопасности); сообщение заведомо ложных сведений, создающих угрозу безопасности воздушного судна в полете.

Если в 60-х годах XX в. террористы осуществляли захваты воздушных судов, то в 90-х и вначале XXI в. их количество резко сократилось. Причины такого явления в том, что правительства большинства государств стали занимать боле твердую позицию в отношении требований преступников, а специальные антитеррористические подразделения приобрели опыт и стали успешнее противостоять таким преступным действиям, как захват пассажиров в качестве заложников или попытки угона воздушных судов.

Более того, преступники реже прибегают к этой мере, поскольку захваченный самолет не может бесконечно находиться в воздухе, а решение приземлиться руководители страны дают неохотно, опасаясь быть публично обвиненными в поддержке террористов, да и сам факт захвата воздушного судна приносит все меньше и меньше желаемых результатов.

Современный террористы, потеряв ряд провалов, стали чаще прибегать к тактике совершения взрывов, похищений и убийств людей. Они, как правило, осуществляют нападения не на конкретные объекты, а совершают взрывы жилых домов, массовые убийства случайных посетителей рынков, магазинов, вокзалов и использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ.

В последние годы возросло количество таких бесчеловечных и жестоких преступлений, как взрывы в местах массового скопления людей, например, в магазинах, кафе, кинотеатрах, вокзалах, аэропортах, на кладбищах или в общественном транспорте. Жертвами этих преступлений, как мы уже говорили, становятся случайные люди. Однако именно бессмысленная с общечеловеческой точки зрения жестокость в отношении ни в чем не повинных людей, среди которых оказывается немало женщин, детей и стариков, гарантирует в средствах массовой информации широкую рекламу целей и требований, выдвигаемых террористами.

С использованием взрывчатых веществ и взрывных устройств совершаются заказные убийства руководителей государств и правительств, лидеров ведущих партий и иных общественных организаций.

К другим элементам основного этапа преступной деятельности террористической организации относятся:

экспроприация (ограбление), осуществляемое в том числе для пропаганды политических идей террористов;

акты самоубийства (традиционный терроризм предполагает героический жест, готовность пожертвовать жизнью в доказательство верности идеи, как правило, это акт самосожжения или взрыв специального устройства на себе);

похищение значительных фигур (известных политиков, чиновников, журналистов, дипломатов, артистов) или их близких, захват заложников или незаконное лишение свободы, захват зданий;

вступление в боевые действия с представителями правоохранительных органов и (или) специальных служб;

нападение на компьютерные сети (кибертерроризм).

Согласно плану осуществления террористического акта, до или после его совершения, преступники выдвигают (передают) согласованные с заказчиком требования политико-идеологического или национально-шовинистического характера; вступают в переговоры с представителями властных структур, после согласования некоторых позиций требований чаще всего преступники освобождают часть или всех заложников.

На основном этапе также осуществляются действия по сокрытию следов преступной деятельности на месте совершения террористического акта, но, как показало изучение следственной практики, данные действия осуществляются крайне редко.

Механизм завершающего этапа преступной деятельности террористической организации формируется из следующих элементов:

ухода с места совершения террористического акта с быстрым переодеванием;

сокрытия или уничтожения использованной одежды и орудий преступления;

уничтожения (в исключительных случаях) заложников, используемых ранее похищенных автомашин и другой техники;

выезда (вылета) по заранее приобретенным билетам за границу или другую местность (используются поддельные документы);

восстановления кадрового потенциала террористической группы для совершения новых актов террора.

На данном этапе, если задержаны соучастники террористического акта и в отношении их проводится расследование, то осуществляется противодействие следствию путем угрозы или посягательства на жизнь работника следственного подразделения, угрозы или насилия в отношении иного должностного лица и его родственников, свидетеля и других лиц.

Таким образом, можно сказать, что типичная модель механизма преступлений террористического характера является источником криминалистически значимой для расследования информации, а знание способов подготовки, совершения террористических актов и сокрытия следов преступников; действий других участников преступного события; закономерностей, обусловивших возникновение материальных и интеллектуальных следов; обстоятельств, благоприятствующих или препятствующих его реализации; последствий преступной деятельности – является условием, которое делает возможной дальнейшую разработку более эффективных средств и методов борьбы с терроризмом.

УДК 343.985.7

СТОЛКНОВЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ – ОДНА ИЗ ОСНОВНЫХ ПРИЧИН ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНФЛИКТОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Лебедев Н.Ю.
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского военного института им. генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
lebedevnu@rambler.ru

Аннотация: Несмотря на значимость и глобальность объективных противоречий при производстве по уголовному делу, в основе большинства возникающих конфликтов лежат субъективные противоречия интересов, полностью зависящие от воли и сознания людей. Негативное отношение к праву (правовой нигилизм), различия в мировоззрениях и ценностных ориентациях находят своё отражение в действиях по противодействию осуществлению предварительного расследования со стороны лица, обвиняемого в совершении преступления, что порождает постоянные конфликты с лицом, в производстве которого находится уголовное дело.

Ключевые слова: предварительное расследование, столкновение интересов, противоречие, противодействие, конфликт.

Annotation: Despite the importance and globality objective contradictions within the framework of criminal proceedings, at the heart of most conflicts lie subjective conflicts of interest, entirely dependent on the will and consciousness. Negative attitude towards law (legal nihilism), differences in worldviews and value orientations are reflected in actions on counteraction to implement preliminary investigation by a person accused of committing a crimes, resulting in constant conflicts with the person in charge of the criminal case.

Keywords: a preliminary investigation, conflict of interest, conflict, resistance, contradiction a preliminary investigation, conflict of interest, conflict, resistance, contradiction.

Характеристика причин участия различных лиц в ходе предварительного расследования различна и разнообразна. Разнообразны и интересы, и цели участников следственных отношений при производстве по уголовному делу. С одной стороны, быстрое и качественное раскрытие и расследование преступления, возмещение причинённого вреда, восстановление нарушенных прав, реализация принципа неотвратимости наказания за преступление, а с другой – противодействие расследованию, создание условий, препятствующих осуществлению производства по уголовному делу. Столкновение указанных интересов приводит к возникновению различных конфликтов предварительного расследования.

Интерес – это форма, в которой проявляется познавательная потребность индивида, обращенная на тот или иной объект, его отношение к нему как к чему-то представляющему ценность для него, значительному, привлекательному, актуализированная потребность[1, с. 181; 2, с. 106].

Профессор В. П. Ратников подчёркивает, что фундаментом столкновения интересов являются противоречия. А по своему содержанию и характеру они могут быть субъективными и объективными; антагонистическими и неантагонистическими; внешними и внутренними, и др.[3, с. 87].

При производстве по уголовным делам внутренние противоречия могут возникнуть между следователем и сотрудником подразделения уголовного розыска, следователем и прокурором, дознавателем и начальником подразделения дознания, т.е. так называемые внутренние *конфликты предварительного расследования* могут возникнуть между участниками, хотя и относящимися к органам, основные интересы которых направлены на раскрытие и расследование преступления, но имеющими разные подходы к процессу расследования. Из опрошенных следователей и дознавателей 70% признались, что не всегда указания руководителя следственного органа или прокурора, по их мнению, обоснованы и необходимы, и это вызывает у них как минимум раздражение.

Внешние противоречия неизбежно присутствуют между участниками предварительного расследования, осуществляющими функцию обвинения и функцию защиты в ходе производства по уголовному делу.

Неантагонистические противоречия между интересами различных участников предварительного расследования предполагают возможность «примире-

ния», достижения соглашения, заключения компромисса. Следователь (дознаватель) и оперуполномоченный уголовного розыска выдвигают единые версии, разрабатывают совместные планы расследования, разрабатывают оперативно-криминалистические комбинации, потерпевший примиряется с обвиняемым, обвиняемый возмещает причинённый вред, является с повинной, осуществляет деятельное раскаяние.

Например, конфликт между потерпевшим и обвиняемым был разрешён без вмешательства лица, осуществляющего предварительное расследование (по ч. 2 ст. 330 УК РФ «Самоуправство»). Потерпевший высказал требования, выполнить которые обвиняемый согласился. После чего потерпевший заявил ходатайство о прекращении уголовного дела в связи с примирением с обвиняемым. Ходатайство было удовлетворено, и конфликт был исчерпан[4].

К сожалению, чаще всего между лицом, подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления, и лицом, в производстве которого находится уголовное дело, присутствуют антагонистические противоречия.

Профессор В. П. Ратников обращает внимание на то, что «антагонистические противоречия порождаются непримиримыми, противоположными, а порой и враждебными интересами, которые выливаются в конфликт»[3, с. 88].

Обвиняемый не признаёт свою вину, активно противодействует расследованию, не является по вызовам к следователю, не соблюдает избранную меру пресечения (подписка о невыезде), предпринимает попытки по уничтожению следов преступления, угрожает потерпевшему или свидетелям и др. Ю. М. Антонян подчёркивает, что специфической характеристикой лиц, совершающих насильственные преступления, является повышенный уровень жестокости и агрессии, игнорирование интересов других лиц, отсутствие сочувствия и сопереживания к жертвам, им свойственен отказ от общечеловеческих ценностей[6, с. 44]. Разрешение *конфликтов предварительного расследования*, в основе которых лежат антагонистические, сугубо деструктивные противоречия, путём консенсуса невозможно, стороны не примиряются даже после вынесения судебного решения.

Столкновение интересов, возникающих в ходе расследования и раскрытия преступления, также необходимо рассмотреть с точки зрения объективных и субъективных противоречий.

Объективные противоречия не зависят от воли и сознания человека. Уйти от объективных противоречий в интересах участников следственных отношений при производстве по уголовному делу невозможно. Правовое положение каждого из них регламентируется огромным количеством уголовно-процессуальных норм.

Наличие пробелов в законодательстве, неоднозначное толкование содержащихся в нормах прав и обязанностей, противоречивость в разъяснениях Пленума Верховного суда Российской Федерации, противоречия как во внутриведомственных нормативных правовых актах, так и в нормативных правовых актах МВД РФ и Прокуратуры РФ свидетельствуют о несовершенстве правовой системы, регулирующей отношения между лицом, осуществляющим производ-

ство по уголовному делу, и лицами, вовлекаемыми в результате данной деятельности.

Указанные противоречия становятся причиной формирования негативного отношения как к самому уголовно-процессуальному или оперативно-розыскному законодательству, так и к деятельности всех органов, задействованных в расследовании преступления и установлении истины по делу. Подтверждением являются регулярно поступающие в Конституционный суд Российской Федерации жалобы и представления с ходатайствами о проверке соответствия норм или отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РФ конституционным принципам.

Несмотря на значимость и глобальность объективных противоречий при производстве по уголовному делу, в основе большинства возникающих конфликтов лежат субъективные противоречия интересов, полностью зависящие от воли и сознания людей. Субъективным причинам формирования противоправного поведения личности посвящено значительное количество работ в криминалистике, криминологии, психологии и др. Негативное отношение к праву (правовой нигилизм), различия в мировоззрениях и ценностных ориентациях находят своё отражение в действиях по противодействию осуществлению предварительного расследования со стороны лица, обвиняемого в совершении преступления, что порождает постоянные конфликты с лицом, в производстве которого находится уголовное дело.

Рассмотренный перечень противоречий интересов не является исчерпывающим, и В. П. Ратников добавляет, что «бывают: основные и факультативные; беспрерывные и промежуточные; групповые и единичные противоречия»[3, с. 88].

Описывая противоречия интересов и целей участников расследуемого преступления, можно подчеркнуть, что между ними существуют взаимосвязь и взаимодействие. Противоречия имеют возможность перехода одного в другое – внутренние во внешние, объективные в субъективные. В связи с этим можно предположить, что противоречия конфликтов, формирующихся в ходе предварительного расследования, носят диалектический характер.

Следует согласиться с А. В. Дмитриевым в том, что именно учёт различных столкновений, формирующихся на определённом уровне развития общественной системы и в определённое время, позволяет дать объяснения специфики конфликтов и причин их возникновения[8, с. 236].

Распознание главных интересов субъекта, затрагиваемых в конфликте, представляет собой достаточно сложный, но безусловно нужный процесс для своевременного установления всех элементов конфликта, подбора необходимых форм воздействия на конфликтующие стороны, управления конфликтом[2, с. 106-107].

Библиографический список

1.Юридическая психология с основами общей и социальной психологии: учебник для вузов, курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России юридического профиля / под ред. В. Я. Кикотя, В. Ю. Рыбникова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2006. - С. 181;

2.Огнев И. Психологическая безопасность. – Ростов-н/Д: Феникс, 2007. - С. 106.

3.Конфликтология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям экономики и управления и гуманитарно-социальным специальностям / под ред. проф. В. П. Ратникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. - С. 87. – (Серия «Cogito ergo sum»).

4.Дело № 1-992/05 (28724), поступило в суд 26.09.2005 г. // Архив Калининского районного суда г. Новосибирска.

5.Антонян Ю. М., Смирнов В. В. Терроризм сегодня. – М.: ВНИИ МВД России, 2000. - С. 44.

6.Дмитриев А. В. Конфликтология: учебное пособие. – М.: Альфа-М, 2003. - С. 236.

УДК 343.13

ПОДАВЛЕНИЕ ВОЛИ ЛИЦА КАК ЭЛЕМЕНТ СОБЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Лукьянова А.А.
преподаватель кафедры уголовного процесса,
Барнаульский юридический институт МВД России
lok_doc@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблемам доказывания по уголовным делам о преступлениях террористической направленности. Применение насилия, принуждения, момент подавления воли лица представляются значимыми элементами события преступления.

Ключевые слова: терроризм, принуждение, свобода воли, уголовный процесс.

Annotation: The article is devoted to the problems of proof in criminal cases of crimes of a terrorist nature. The use of violence, coercion, the moment of suppression of the person's will are significant elements of a crime event.

Keywords: terrorism, coercion, free will, criminal process.

Глобальный рейтинг терроризма (Global Terrorism Index) – исследование уровня террористической активности стран мира, которое проводится ежегодно с 2012 года. По итогам 2018 года Российская Федерация (Далее - РФ) занимает 34 место (с индексом 5,23) в сводном рейтинге 138 стран[1].

Мировой уровень терроризма вынуждает власти многих стран разрабатывать комплекс мер, направленных на борьбу с указанным негативным явлением. Но, не смотря на все принимаемые меры, проблема терроризма остается актуальной. По числу жертв (Беслан в 2004 г.; Владикавказ в 2010 г.; Москва в 2002 г., 2004 г., 2011 г.; Волгоград в 2013 г. и многие другие теракты) преступления террористической направленности сравнимы с тяжелой болезнью, лекарство от которой до сих пор не найдено. Развитию терроризма способствуют многие социально-экономические факторы, а также сама человеческая природа, в основу которой исторически заложено стремление к власти, завладению большим количеством территорий и материальных ценностей.

Учитывая степень общественной опасности, Уголовный Кодекс РФ (Далее – УК РФ) фактически предусматривает наступление уголовной ответственности за совершение практически любых действий, соприкасающихся с террористической деятельностью. В предмет доказывания по уголовным делам о преступлениях террористической направленности среди прочего входит событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления) – юридическая сторона объективной реальности, факты о произошедшем событии в юридическом преломлении, то есть во взаимосвязи с определенной конструкцией состава преступления, предусмотренного УК РФ.

Терроризм в России в целом определяется как идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [2]. Основополагающими способами осуществления указанной преступной деятельности являются устрашение (запугивание), принуждение и насилие, как предельный уровень унижения чести и достоинства личности, охватывающий своими рамками две разновидности: насилие физическое (непосредственное воздействие на личность, нарушающее ее телесную неприкосновенность) и насилие психологическое (угроза причинения физического вреда личности).

Примечательно, что уголовно-процессуальное право наряду в правом уголовным в своей терминологии также использует понятие «принуждение», которое, по убеждению автора, должно иметь унифицированное значение и представление о нем в обеих обозначенных смежных отраслях права. Содержательно принуждение – воздействие на принуждаемого, вследствие которого он ведет себя определенным образом, отличным от того, как он вел бы себя в отсутствии принуждения. Принуждению характерно многообразие форм и способов воздействия на принуждаемого, а разница между принуждением в праве уголовном (материальном) и уголовно-процессуальном заключается в определении легитимности этого явления.

Государственное принуждение, используемое специальным субъектом при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, изначально законно, обусловлено конкретной причиной применения принудительных мер, их детальной нормативной регламентацией, а также целью применения [3, с. 142].

При этом использование физической силы представляется лишь средством, способом осуществления принудительной деятельности, которая обладает более продолжительными временными рамками и конечным результатом имеет легитимное ограничение того или иного права. Превышение допустимых пределов, использование в отсутствии оснований или в нарушении установленных законом правил, процессуальной формы влечет за собой признание такого принуждения незаконным (в некоторых случаях соотнесение с насилием). Иное принудительное воздействие на личность при урегулировании уголовно-процессуальных отношений находится «вне закона», за редким исключением (например, «гражданский арест»).

Особенная часть УК РФ в принципе характеризует принуждение, как явление противозаконное, которое в объективной реальности устраняет или ограничивает свободу воли лица. Террористическая деятельность, как разновидность запрещенной уголовным законодательством РФ, своим началом может иметь, как насилие в чистом виде (преднамеренное, длящееся, причиняющее человеку физический вред или психические страдания), так и принуждение латентное, внешне скрытое, направленное на формирование искаженного представления о действительности.

Непосредственное воздействие на принятие решения должностным лицом органом власти или международной организацией, понуждение государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения считаются некоторыми из достигаемых результатов террористического акта, захвата заложника (ст. 205 УК РФ, ст. 206 УК РФ). В то же время принуждение к совершению определенных действий может являться непосредственным элементом события преступления. Например, 14 мая 1995 года террористами были захвачены более 1000 человек в Центральной городской больнице г. Буденновска Ставропольского края. При этом в ходе штурма здания больницы участники банды принуждали заложников становиться к окнам и под их прикрытием вели стрельбу по военнослужащим и сотрудникам органов внутренних дел[4].

Однако террористическая деятельность включает в себя не только совершение устрашающих население и создающих опасность гибели человека взрывов, поджогов и иных действий, но и вербовку террористов [5], которая УК РФ причислена к содействию террористической деятельности, означающее склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение преступлений террористической направленности. Указанные действия, а также пропаганда терроризма, то есть деятельность, направленная на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в его привлекательности или допустимости, пронизаны в своем содержании побудительными (с возможностью выбора) и принудительными (без возможности выбора) способами воздействия на сознание и поведение лица.

Ярким тому примером завуалированного (скрытого) способа воздействия на сознание личности является «Дело Варвары Карауловой», осужденной в 2017 году за попытку присоединиться к подразделению ИГИЛ «Бард», гото-

вившему террористов-смертников. Девушка, которой в дальнейшем диагностировано шизотипическое расстройство, была завербована и пыталась сбежать в Сирию, чтобы стать женой террориста. Московский окружной суд усмотрел в действиях Карауловой Ю. стремление стать боевиком ИГ. Расстройству личности, диагностированному у девушки свойственны такие симптомы, как сдержанный аффект (отрешенность и эмоциональная холодность), плохой контакт с окружающими с тенденцией социальной отгороженности, подозрительность, навязчивые рассуждения без внутреннего сопротивления. Указанные характеристики положительным образом могли отразится на процессе подавления, преломления и формирования воли личности в нужном направлении.

Обоснованным представляется следующий вопрос: как разграничить принуждение и добровольную смену поведения, следует ли считать проявлением принудительного воздействия, если лицо полагает, что действует свободно, но под влиянием искаженного представления о реальности? Полагаем, что ответ кроется в определении момента подавления воли лица.

Феномен воли заключается в способности и возможности субъектом регулировать свою деятельность и поведение, а собственно волевое поведение состоит из принятия решения и реализации принятого решения. Философски термины «воля», «свобода» и «свобода воли» неразрывно связаны между собой. Свобода воли есть возможность человека делать выбор вне зависимости от внутренних или внешних обстоятельств (например, насилия или принуждения). Подавление воли - внушение псевдоправдивых мыслей и намерений, влекущее снижение, исключение способности лица воспринимать объективную реальность, контролировать свое поведение, принимать волевые решения и реализовывать их. Установлен факт подавления воли – принуждение имело место быть, а если способность и возможность лица регулировать свою деятельность и поведение сохранена – налицо добровольная смена поведения.

В заключение следует оговорится, что совершение преступлений террористической направленности влечет за собой нарушение комплекса прав и свобод личности, некоторые из которых фактически невозможно восстановить. Уголовно-процессуальные проблемы, возникающие в процессе расследования и доказывания по уголовным делам о терроризме, зачастую кроются в самом существовании этого негативного явления, сложности и многогранности сопряженных с ним событий. Автором умышленно затронута дискуссионная тема, касающаяся соотношения принуждения в уголовной и уголовно-процессуальной отраслях права, в надежде обратить на нее внимание научного сообщества.

Библиографический список

1. Информация новостного сайта «Arzuw NEWS». URL: https://arzuw.news/8747/globalnyy-indeks-terrorizma-2018.html (дата обращения 17.04.2019).

2. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 18.04.2018, с изм. от 29.03.2019) «О противодействии терроризму» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Принципы современного уголовного судопроизводства / науч. ред. И.В. Смолькова; отв. ред. Р.В. Мазюк. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 384 с.

4. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 10.01.2019 № 205-АПУ18-33 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.1

ОБОСНОВАННЫЕ ПОДОЗРЕНИЯ О ПРИЧАСТНОСТИ ЛИЦА К ПРЕСТУПЛЕНИЮ КАК УСЛОВИЕ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

Муравьев К.В.
доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики
ФГКОУ ВО ОмА МВД России, Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации
murki@list.ru

Аннотация: При решении вопроса о применении меры пресечения суд обязан проверить обоснованность подозрения в причастности к совершенному преступлению. Автор анализирует историю появления данной установки, разграничивает категории «обоснованность подозрения» и «доказанность обвинения», делает вывод об архаизме ст. 100 УПК РФ, требующей скорейшего предъявления обвинения лицу, в отношении которого применена мера пресечения.

Ключевые слова: мера пресечения, обоснованность подозрения, доказанность обвинения, заключение под стражу.

Annotation: When deciding on the application of a preventive measure, the court is obliged to check the validity of the suspicion of involvement in the committed crime. The author analyzes the history of the appearance of this installation, differentiates the categories of "validity of suspicion" and " evidence of the charge». The author draws a conclusion about the archaism of article 100 of the code of criminal procedure, requiring early indictment of the person against whom the preventive measure is applied.

Key words: preventive measure, validity of suspicion, proof of charge, detention.

1. Долгое время в уголовном процессе прямо не ставился вопрос о том, что при избрании мер пресечения необходимо исследовать доказательства, которые свидетельствуют о причастности преследуемого лица к совершению преступ-

ления. Ориентация органов предварительного расследования и прокурора на достаточность доказательств обвинения в конкретном преступлении при решении вопроса о применении мер принуждения формулировалась косвенно, через систему логических умозаключений: а) без достаточных доказательств никто не может быть привлечен в качестве обвиняемого; б) поскольку мера пресечения, по общему правилу, применяется к обвиняемому, значит, это может иметь место лишь при наличии в уголовном деле доказательств обвинения.

Вопрос о необходимости исследования уличающих доказательств актуализировался после появления в УПК РСФСР норм, закрепляющих возможность судебной проверки законности и обоснованности ареста и продления срока содержания под стражей (ст.ст. 220^1 и ст. 220^2). Еще до введения данной формы судебного контроля процессуалисты отмечали, что судье будет непросто принять объективное решение по материалам неоконченного расследования. Так или иначе, он должен будет оценивать доказательства причастности обвиняемого (подозреваемого) к совершению преступления, давать оценку достаточности изобличающих данных. После этого он окажется связанным своим решением при рассмотрении дела по существу[1, с. 167]. Хотя в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 1993 г. № 3 и содержалось разъяснение о том, что, проверяя законность и обоснованность ареста, судья не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности содержащегося под стражей лица в инкриминируемом ему преступлении[2], судьи при осуществлении контроля оказались вынужденными проверять доказанность вины обвиняемого, обоснованность предъявленного ему обвинения[3, с. 58].

2. После принятия УПК РФ, закрепившего судебный порядок заключения под стражу и продления его сроков (ст.ст. 108 и 109), проблема «проверки доказанности обвинений» приобрела наибольшую остроту. На основе приведенных выше разъяснений Пленума Верховного Суда РФ руководством судов отдельных регионов были даны рекомендации о том, что, разрешая вопрос о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, суд должен учитывать лишь характеризующие подозреваемого, обвиняемого обстоятельства, но не может касаться оценки доказательств обоснованности подозрения данного лица в инкриминируемом ему преступлении. Такой подход получил критическую оценку в юридической литературе[4, с. 46; 5, с. 86].

3. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 22 впервые дана прямая установка о том, что для решения вопроса о возможности применения меры пресечения суду надлежит в каждом конкретном случае проверять обоснованность подозрения в причастности к совершенному преступлению[6]. В пришедшем ему на смену 19 декабря 2013 г. постановлении № 41 также отмечается, что избрание заключения под стражу допускается только после проверки обоснованности подозрения в причастности лица к преступлению, предполагающему наличие достаточных данных о том, что это лицо могло его совершить (например, указывающих на наличие оснований для задержания). Кроме того, обозначается, что, проверяя обоснованность подозрения, суд не вправе входить в обсуждение вопроса о ви-

новности[7]. Позднее Верховный Суд РФ обратил внимание и на то, что проверка «обоснованности подозрения» не может сводиться к формальной ссылке суда на наличие у органов предварительного расследования достаточных данных о том, что лицо причастно к совершенному преступлению. При рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судья обязан проверить, содержит ли ходатайство и приобщенные к нему материалы конкретные сведения, указывающие на причастность к преступлению именно этого лица, и дать этим сведениям оценку[8].

4. Категории «обоснованность подозрения» и «доказанность обвинения» не являются тождественными. Для избрания заключения под стражу (любой иной меры пресечения) необходимо обладать сведениями, указывающими на наличие самого преступного деяния, т.е. установить признаки объекта и объективной стороны состава преступления. Кроме того, важно располагать данными о субъекте преступления как элементе состава преступления (физическом лице – его содержании). Вопрос о доказанности обвинения не должен разрешаться. Наличие той или иной формы вины может быть установлено только на основе знания и анализа всех объективных обстоятельств дела. Следовательно, признак вины будет устанавливаться на последующих этапах расследования.

Более того, к моменту принятия решения о мере пресечения следует предпринять усилия к установлению возраста и вменяемости лица, подозреваемого в совершении деяния. Однако недоказанность этих обстоятельств не препятствует применению принуждения. На это, в частности, указывает ч. 1 ст. 435 УПК РФ, допускающая при установлении факта психического заболевания у лица, к которому применено содержание под стражей, принятие решения о переводе данного лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. Согласно же ч. 4 ст. 133 УПК РФ положения уголовно-процессуального закона, закрепляющие право на реабилитацию, в том числе право на возмещение вреда, не распространяются на случаи, когда меры процессуального принуждения отменены или изменены ввиду недостижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность.

5. Анализируемое условие применения мер пресечения содержится и в решениях Европейского Суда по правам человека. В ряде его постановлений указывается, что подозрение, как необходимое основание заключения под стражу, должно базироваться на фактах или информации, убеждающей объективного наблюдателя в причастности подозреваемого к совершению преступления[9]. Вслед за ЕСПЧ Верховный Суд РФ упоминает об обоснованности выдвинутого против лица подозрения и в тех случаях, когда состоялось предъявление обвинения: в п. 29 постановления от 19 декабря 2013 г. № 41 отмечается, что суду следует дать оценку обоснованности подозрения в совершении лицом преступления, а также соблюдения порядка привлечения лица в качестве обвиняемого и предъявления ему обвинения, регламентированного гл. 23 УПК РФ.

В этой связи следует констатировать противоречивость и даже некий архаизм положения, в соответствии с которым мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого только в исключительных случаях (ч. 1 ст. 100

УПК РФ). Обвинение должно быть предъявлено не позднее 10 суток (в совершении преступления «террористической направленности», указанных в ч. 2 ст. 100 УПК, – не позднее 45 суток) с момента применения меры пресечения (задержания). Норма, не допускающая на длительное время применение меры пресечения к лицу, пока в его отношении не собраны доказательства, достаточные для предъявления обвинения, имеет охранительную направленность. Однако требование о скорейшем предъявлении обвинения субъекту, в отношении которого применено принуждение в связи с обоснованными подозрениями в совершении преступления, является избыточным. Считаем, что правило, предусмотренное ст. 100 УПК РФ, нуждается в переосмыслении с учетом судебной практики и норм международного права, касающихся оснований избрания мер пресечения.

Библиографический список

1.Чувилев А.А. Актуальные вопросы совершенствования уголовно-процессуального законодательства [Текст] / А.А. Чувилев // Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка : мат-лы Всесоюзн. научн.-координац. конф. – М., 1979 - С.167.

2.О практике судебной проверки законности и обоснованности ареста или продления содержания под стражей : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 1993 г. № 3 // СПС «КонсультантПлюс».

3.Щерба С.И., Цоколова О.И. Заключение и содержание под стражей на предварительном следствии [Текст] / С.И. Щерба [и др.]: учеб. пос. – М., 1996. С.58.

4.Воронин В. Порядок действий судьи при решении вопроса о заключении под стражу [Текст] / В. Воронин // Рос. юстиция. – 2002 - № 12. С.46.

5.Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: монография [Текст] / Б.Б. Булатов. – Омск, 2003. С.86.

6.О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 22 // СПС «КонсультантПлюс».

7.О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 // СПС «КонсультантПлюс».

8.О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 23 // СПС «КонсультантПлюс».

9.По делу Гусинский против России: постановление ЕСПЧ от 19 мая 2004 г. // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.131.7

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЗАЩИТЫ ПРАВ МОЛОДЕЖИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Смирнова И.Г.
доктор юридических наук, доцент, заместитель директора Института государства и права по научной работе, заведующая кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса ФГБОУ ВО «БГУ», Байкальский государственный университет,
smirnova-ig@mail.ru

Аннотация: В статье дается оценка современной уголовно-процессуальной стратегии в части обеспечения прав несовершеннолетних. Кроме того, проводится сравнительный анализ существующего режима уголовно-процессуального регулирования и уголовно-процессуальных стратегий. В статье обоснован вывод о том, что ни одна из уголовно-процессуальных стратегий не является в настоящее время приоритетной и не соответствует принципу состязательности сторон.

***Ключевые слова*:** уголовное судопроизводство, молодежь, государственная политика, уголовно-процессуальная стратегия.

Annotation: The article assesses the modern criminal procedure strategy in terms of ensuring the rights of minors. In addition, a comparative analysis of the existing regime of criminal procedural regulation and criminal procedural strategies is carried out. The article substantiates the conclusion that none of the criminal procedural strategies is currently a priority and does not correspond to the principle of adversarial parties.

Key words: criminal proceedings, youth, state policy, criminal procedure strategy.

В соответствии с Постановлением Верховного Совета РФ от 3 июня 1993 г. №5090-1 «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» государственная молодежная политика как деятельность государства, направленная на создание правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных объединений, движений и инициатив, заключается в выражении в отношении к молодому поколению стратегической линии государства по обеспечению социально-экономического, политического и культурного развития России, по формированию у молодых граждан патриотизма и уважения к истории и культуре отечества, к другим народам, по соблюдению прав человека[1]. Следует отметить, что под молодежью в рамках данного постановления признаются граждане (как имеющие российское гражданство, так и не имеющие его, с 14 до 30 лет).

Анализ основных стратегических направлений государственной молодежной политики позволяет утверждать, что вопросы прав и свобод личности не остались без внимания. Более того, особенности уголовно-процессуального регулирования на современном этапе указывают на акцентирование внимания законодателя в рамках уголовного судопроизводства на проблемах лиц молодого возраста. Так, глава 50 УПК РФ посвящена особенностям производства по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних. Иными словами, особенности уголовного судопроизводства не предусмотрены для лиц, которым к моменту совершения преступления исполнилось 18 лет.

Изучение вопроса о структуре преступности в части исследуемой проблемы указывает, что преступления экстремистской направленности характеризуются положительной динамикой. Так, в России в 2013 году было зарегистрировано 896 таких преступлений; в 2014 году – 1024, в 2015 году – 1329, в 2016 году –1450, а в 2017 году – 1521 преступление соответственно[2, с.777]. К тому же, из 1991532 преступлений, зарегистрированных в 2018 году, 1265 преступлений являются общественно опасными деяниями экстремистской направленности, что составляет 0,06 % от общего количества зарегистрированных преступлений[3]. При этом в 2018 году выявлено 931107 лиц, совершивших преступления. Среди них – 40860 несовершеннолетних лиц, что составляет 4.47 % от общего количества выявленных лиц[4].

Иными словами, можно констатировать, что проблемы экстремизма и преступности несовершеннолетних являются не надуманными, а реальными, требующими адекватной реакции со стороны государства, как в превентивных целях, так и в направлении борьбы с преступностью и противодействия ей.

Особое место в инструментах государственной реакции на вызовы современной преступности занимают меры уголовно-процессуального характера, которые должны в полной мере корреспондировать соответствующей уголовно-процессуальной стратегии, отражающей, с одной стороны, запросы общества, а, с другой стороны, обеспечивающие баланс публичных, общественных и частных интересов, а также гарантирующие соблюдение ст.2 Конституции РФ.

В этой связи интересна предложенная Н.Г. Стойко классификация уголовно-процессуальных стратегий, среди которых выделяются следующие: защита прав и свобод обвиняемого, уголовное преследование, социальная поддержка обвиняемого, социальная поддержка потерпевшего, рациональность и эффективность уголовного судопроизводства, примирение[5,с.24-29]. Анализ уголовно-процессуальных норм и, в первую очередь, ст.6 УПК РФ позволяет утверждать, что существующие особенности уголовно-процессуального регулирования не соответствуют в части полной модели ни одному из предложенных вариантов уголовно-процессуальной стратегии, поскольку имеются нормы, корреспондирующие в какой-либо части каждой из упомянутых стратегий уголовного судопроизводства. Более того, в части обеспечения интересов потерпевшего, с одной стороны, и обвиняемого, с другой стороны, стратегии являются конкурирующими, вступающими в противоречие друг с другом. Именно поэтому, наличие корреспондирующих им норм в действующем процессуальном

законе существенно влияет на степень эффективности уголовно-процессуального регулирования в целом и в отношении несовершеннолетних – в частности.

Закон защищает несовершеннолетних лиц, обвиняемых в совершении преступлений, путем предоставления дополнительных процессуальных гарантий в виде расширенного круга участников уголовного судопроизводства, особого перечня элементов предмета доказывания, дополнительных ограничений по избранию наиболее строгих мер пресечения, особых полномочий судьи в части принятия итогового процессуального решения и.т.п. Такой подход в полной мере соответствует стратегии защиты прав обвиняемого.

Вместе с тем, если предположить ситуацию, что несовершеннолетним является потерпевший, то никаких особых дополнительных гарантий, направленных на соблюдение его прав и реализацию законных интересов, мы в законе не увидим, не считая специфики допроса несовершеннолетних лиц, урегулированных ст.191 УПК РФ. Иными словами, в данном аспекте не реализуется назначение уголовного судопроизводства по защите прав потерпевших – несовершеннолетних лиц (ст.6 УПК РФ). Такой диссонанс приводит к несоответствию уголовно-процессуальной политики ни ст.2 Конституции РФ, ни ст.ст.6, 15 УПК РФ.

Таким образом, сложившуюся ситуацию в части обеспечения прав молодежи в сфере уголовного судопроизводства необходимо унифицировать и приводить в соответствие с провозглашенными приоритетами государственной молодежной политики, а равно с принципом равенства граждан перед законом и судом.

Библиографический список

1. Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации: Постановление Верховного Совета РФ от 03 июня1993 г. № 5090-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – №25. – Ст. 903.

2. Иванцов С.В. Актуальные проблемы совершенствования мер криминологического предупреждения преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей / С.В. Иванцов, С.В. Борисов, Г.И. Узембаева, Т.Л. Музычук, Ю.Ю. Тищенко // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т.12. – №6. – С.776-784.

3. Состояние преступности в 2018 году [электронный ресурс]. – URL: https://putin-slil.livejournal.com/3670736.html (дата обращения 22.03.2019 г.)

4. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2018 года [электронный ресурс]. – URL: https://мвд.рф/reports (дата обращения 28.03.2019 г.).

5. Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Н. Г. Стойко. – Санкт-Петербург, 2007. – 50 с.

УДК 343.98

К ОТДЕЛЬНЫМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИМ АСПЕКТАМ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА ТРУПА

Стукалин В. Б.
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и национальной безопасности НГУЭУ – НИНХ,
доцент кафедры уголовного права и процесса СИУ РАНХиГС

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению различий между осмотром трупа как следственным действием и криминалистическим действием, рассматриваются отдельные понятия, связанные с осмотром трупа, а также разделение действий при осмотре трупа на два комплекса.

Ключевые слова: раздевание трупа, осмотр тела трупа, погибший как участник уголовного судопроизводства, комплексы действий при осмотре трупа.

Annotation: the Article is devoted to consideration of the differences between inspection of the corpse as the investigative action and forensic action, discusses some of the concepts associated with the inspection of the corpse and the separation of action during the inspection of the corpse in two sets.

Key words: stripping of the corpse, the examination of the body of a corpse, the victim as a party to criminal proceedings, action on examination of the corpse.

Рассматривая отдельные аспекты осмотра трупа, следует отметить, что в необходимо разграничивать «осмотр трупа» как действие, предусмотренное уголовно-процессуальным законодательством (ст. 178 УПК РФ «Осмотр трупа. Эксгумация»), и «наружный осмотр трупа на месте его обнаружения» как действие, описываемое в криминалистике. Процессуальным аспектами проведения «осмотра трупа» посвящалось не так много работ [1, 3, 4], при этом рассмотрение вопросов наружного осмотра трупа на месте его обнаружения посвящалось достаточное большое число работ, в частности, к числу учёных, которые обращались к данному вопросу, можно отнести: Р. С. Белкина, Н. М. Букаева, В. К. Гавло, Е. П. Ищенко, А. Г. Филиппова, Н. П. Яблокова, В. В Яровенко и др.[2, 5, 6, 7, 9].

Обобщая различные источники, можно выделить некоторые спорные аспекты тактики осмотра места происшествия, отражаемые учёными-криминалистами связи с тем, что центральным объектом осмотра является труп.

Представляется, что предлагаемые отдельные действия в ходе рабочего этапа осмотра трупа на месте происшествия - некорректны. К числу таких действий, указываемых отдельными авторами, можно отнести:

1. осмотр и описание одежды, находящейся на трупе, при его раздевании[2, С. 215];
2. осмотр и описание тела трупа и повреждений на нём;

3. обнаружение следов и объектов биологического происхождения как на одежде или теле трупа, так и на окружающей территории.

Совершение указанных действий на месте происшествия предполагает раздевание трупа на месте его обнаружения. Возникает закономерный вопрос: «Как содержание предлагаемых действий соотносится с принципом уголовного судопроизводства, закреплённом в ст. 9 УПК РФ?» В частности, «в ходе уголовного судопроизводства запрещается осуществление действий …, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение унижающие его человеческое достоинство …». Хотя, может быть, высказана точка зрения, что это положение не относится к трупу?

Обращаясь к терминам, которые законодатель использовал при формулировке данной статьи, некоторые юристы могу возразить выше изложенному, что труп, который обнаружен и осматривается, не может выступить участником уголовного судопроизводства, достоинство которого унижается. С такой точкой зрения сложно согласиться, поскольку факт смерти не аннулирует значение личности. К тому же следует обратить внимание –потерпевшим в случае смерти лица может выступить кто-либо из близких родственников. Можно сказать, что погибший опосредованно является участником уголовного судопроизводства.

Ещё одним аспектом, на который хотелось бы обратить внимание – это вопрос этичности и моральности совершения предлагаемых авторами действий. Хотя в уголовно-процессуальном законодательстве нигде не указываются данные нравственные категории как требующие соблюдения, но, следует говорить о том, что они должны соблюдаться при осуществлении процессуальных действий.

В учебниках по криминалистике среди рекомендаций о действиях следственно-оперативной группы на подготовительном этапе после прибытия на место происшествия указывается следующее – удаление с места происшествия посторонних лиц. Хочется предположить, что авторы связывают это не только с тем, что данные лица мешают проведению осмотра места происшествия, но и с тем, чтобы исключить наблюдение посторонних лиц за раздеванием трупа. Давайте смоделируем ситуацию, когда труп обнаруживается в людном месте в светлое время суток. Вряд ли удастся удалить посторонних лиц на такое расстояние, с которого они не смогут наблюдать действия участников следственно-оперативной группы по раздеванию трупа. Весьма вероятно, что найдётся «продвинутый» пользователь интернета, который осуществит видеосъёмку этого процесса, а затем «выложит» видео в сеть.

Вряд ли родственники погибшего будут равнодушны к действиям, в результате которых их близкий, хотя и мёртвый, подвергался обнажению. К тому же, если это станет достоянием социальных сетей. Нельзя исключить и вариант обращения родственников с заявлением о возбуждении уголовного дела по статье 224 УК РФ, предусматривающей ответственность за надругательство над телами умерших.

Представляется, что в учебных материалах необходимо разграничить действия по осмотру трупа – на два самостоятельных комплекса, присущих разным процессуальным действиям[8, с. 31]. Первый комплекс может включать действия, связанные с осмотром и фиксаций: положения трупа на месте происшествия и его позы, внешнего состояния одежды на трупе (в том числе имеющихся загрязнений и помарок), орудий причинения смерти (если таковые будут обнаружены на трупе или рядом с ним), ложа трупа, содержимого карманов, состояния открытых участков тела (в том числе наличия, локализации и размеров повреждений на них), следов и объектов биологического происхождения (на одежде, открытых участках тела трупа и на окружающей территории). Фиксация указанных действий и их результатов должна осуществляться в протоколе осмотра места происшествия. По окончанию совершения указанных действий труп должен быть направлен в танаталогическое отделение Бюро судебно-медицинской экспертизы.

Второй комплекс действий должен осуществляться после доставления трупа в бюро СМЭ, и может включать в себя осмотр и описание:

1.одежды, обнаруженной на трупе при его раздевании, в том числе, и изъятие образцов тканей одежды убитого;

2.тела трупа (имеющихся повреждений, особых примет, загрязнений, признаков смерти и т.д.);

3.предметов, обнаруженных в одежде трупа (если они не были обнаружены на месте происшествия).

В предлагаемый комплекс также могут быть включены следующие действия: дактилоскопирование трупа, если его личность не была установлена; осуществление сигналитической фотосъёмки (при необходимости с предварительным «туалетом трупа»); составление карты неопознанного трупа.

Фиксация хода и результатов действий, осуществляемых во втором комплексе, должна осуществляться в протоколе осмотра трупа, в соответствии со ст. 178 УПК РФ.

Библиографический список

1. Белкин А.Р. Осмотр и освидетельствование как следственные действия: проблемы законодательной регламентации // Уголовное судопроизводство, 2015, № 2

2. Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н.П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2001.

3. Лебедев Н. Ю. Теоретические основы конфликтов, возникающих в процессе досудебного и судебного производства по уголовному делу, и пути их разрешения: монография / Н. Ю. Лебедев; под ред. В. К. Гавло. -Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2012. - С. 92.

4. Рыжаков А.П. Осмотр: основания и порядок производства: Учебное пособие / Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2013

5. Снигирев А.Л. К вопросу о криминалистической методике расследования преступлений против общественной безопасности (на примере хулиганства) // Экономика, социология и право. 2016. № 3. С. 75-77.

6. Степанов С.А., Хомяков И.Д. Некоторые аспекты производства осмотра места происшествия при расследовании преступлений насильственного характера не связанных с причинением смерти потерпевшему, совершенных военнослужащими внутренних войск МВД России // Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства Сборник статей по материалам ежегодной международной научно-практической конференции. 2015. С. 551-555.

7. Стукалин В.Б., Лебедев Н.Ю. Обвинение в уголовном судопроизводстве: отдельные вопросы. Монография / Под общей редакцией А.Л. Снигирева. Новосибирск, 2015. 52 с.

8. Стукалин В.Б. Отдельные аспекты осмотра места происшествия // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы одиннадцатой международной научно-практической конференции. - Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2013. - в Ч. 1. - С. 30 - 32.

9. Хомяков И.Д. К вопросу о дефиниции «осмотр места происшествия» // Экономика, социология и право. 2016. № 5. С. 125-126.

УДК 343.985.7

МЕХАНИЗМ ПРИМЕНЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО РЕАГЕНТА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОПРОСА ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Степанов С.А.
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского военного института им. генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
stepanovsa041178@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы применения в ходе следственных действий субъектом поисково-познавательной деятельности, психологического реагента при расследовании преступлений против военной службы

Ключевые слова: Субъект поисково-познавательной деятельности, следственная ситуация, информационная модель.

Annotation: The article deals with the use of the subject of search and cognitive activity during the investigative actions, a psychological reagent in the investigation of crimes against military service

Keywords: Subject of search and cognitive activity, investigative situation, information model.

Составляя план допроса, субъект поисково-познавательной деятельности мысленно создает информационную модель предстоящего следственного действия и, прогнозируя ход его развития, осуществляет планирование предстоящих действий. Созданная таким образом информационная модель способствует тому, что субъект поисково-познавательной деятельности заранее может спрогнозировать различные благоприятные и неблагоприятные ситуации. Одним из основных составляющих элементов такой модели является прогноз поведения допрашиваемого при возникновении конфликтной ситуации, т.е. отказ от дачи показаний, дача только отчасти правдивых показаний, жалобы на болезненное состояние и т.д., и непосредственно модели поведения самого субъекта поисково-познавательной деятельности.

При анализе сделанного прогноза субъект поисково-познавательной деятельности должен мысленно поставить себя на место коммуникатора и просмотреть с его точки зрения на каждый примененный тактический прием, заданный вопрос, каждое сказанное слово, тем самым продумывая его вероятные мысли и действия в процессе предстоящего допроса[2].

«Структурно процесс применения и использования тактического приема состоит из четырех этапов:

–принятие решения о применении тактического приема;

–подготовка к применению тактического приема;

–применение тактического приема и использование его результатов;

–фиксация результатов использования тактического приема (может быть процессуальной и не процессуальной)»[1].

Главной целью примененного тактического приема является оказание воздействия на сложившуюся следственную ситуацию в целом, которая в свою очередь окажет влияние на участников следственного действия. Такое воздействие может быть выражено в физической или психической форме.

Немаловажная тактическая роль при производстве допроса отводится применению субъектом поисково-познавательной деятельности психологического реагента.

Психологический реагент — это информационный комплекс тактически значимой информации, которая предъявляется субъектом поисково-познавательной деятельности допрашиваемому с целью активизации взаимодействия с ним, а также для решения других задач следственного действия.

«Функцию психологического реагента могут выполнять имеющие отношение к исследуемому событию различные объекты вербального характера (вопрос следователя, его сообщение, вопрос специалиста лицу, обследуемому с помощью полиграфа, музыка, песни, звуки и т.д.), а также действия, процедуры, различные по характеру, форме, групповой принадлежности и другим признакам материальной субстанции типа предмета, документа, вещества, а также обстановки места происшествия (например, в случае организации допроса на

месте происшествия), другие виды носителей (источников) информации и сама информация».

Механизм применения психологического реагента состоит из комплекса определенных элементов:

–предъявление психологического реагента коммуникатору;

–восприятие психологического реагента допрашиваемым;

–появление у допрашиваемого определенных психофизиологических реакций;

–выявление и распознавание таких реакций субъектом поисково-познавательной деятельности;

–правильное логическое осмысление и понимание следователем выявленной реакции у коммуникатора;

–выбор вперед коммуникатора (основываясь на результатах выявления и правильного понимания указанных реакций) способов последующего возможного тактико-психологического воздействия на коммуникатора;

–реализация такого способа психологического воздействия с целью активизации последующего информационного взаимодействия, получения наиболее полной и правдивой информации по существу следственного действия.

В качестве психологического реагента при допросе военнослужащего, как мы указывали выше могут выступать достаточно разные информативные объекты, задействующие не только зрительные и слуховые ощущения, но и обонятельные. Обонятельные ощущения человека наравне со слуховыми и зрительными играют огромную роль в его жизни.

Так как запахи тесно связаны ассоциативным путем с различными жизненными ситуациями и переживаниями, применение запахов при допросе позволит оказывать воздействие на его психофизические реакции и подсознание [4].

Военнослужащий, обвиняемый в совершении преступлений исследуемой нами категории, понимает, что ему угрожает реальная возможность быть осужденным к лишению свободы. Такое понимание вызывает у него сильное психологическое волнение. Перед применением в процессе производства допроса запаха этому должно предшествовать, например, производство допроса матери, жены или девушки военнослужащего, в процессе производства которого субъект поисково-познавательной деятельности может восхититься носимым ими запахом духов и поинтересоваться их названием. Позже при проведении допроса использование точно таких же ароматов скорее всего, вызовет у допрашиваемого ассоциативные воспоминания о любимой им женщине, которые выразятся в сильном волнении и переживании того, что он из-за своих неправомерных действий вынуждено будет разлучен с ней. Такая ассоциация спровоцирует его дать правдивые показания[5].

Н.Н. Китаев и Н.П. Ермаков справедливо отмечают, «Следует учитывать, что признание, полученное с применением запахов, может противоречить внутренней установке допрашиваемого на отрицание вины, отчего впоследствии он начнет менять показания. Поэтому при положительном ходе допроса необходимы тщательная детализация показаний и видеозапись следственного действия»[3].

Библиографический список

1.Бертовский Л.В. Допрос: Тактика и технология. – М.: Экзамен, 2016. – С. 68.

2.Зорин Г.А. Методические рекомендации по программированию допроса. – Гродно, 1988. – С. 18.

3.Китаев Н.Н., Ермаков Н.П. Об одном нетрадиционном тактическом приеме допроса // Закон. – 1999.

4.Райков В.Л. Неосознанные проявления психики в глубоком гипнозе // Вопросы философии. – 1978. – № 4. – С. 107.

5.Степанов С.А. Методика расследования преступлений против военной службы, сопряженных с применением физического насилия: дис. … канд. юрид. наук. – Москва: РУДН, 2019. – С. 169 – 172.

УДК 343

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕСООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Цой Л.В.
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
tsoilv@mail.ru

Яковенко Е.А.
студентка юридического факультета Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
yakovenkoelizaveta99@mail.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена квалификации несообщения о преступлении, предусмотренного статьей 205.6 Уголовного кодекса. Данная статья является достаточно противоречивой, в настоящее время существует много проблем с её применением, соотношением с другими статьями Уголовного кодекса, что является последствиями её сравнительно недавнего использования на практике.

Ключевые слова: Несообщение о преступлении, проблемы квалификации, освобождение от уголовной ответственности.

Annotation: This article is devoted to the qualification of a failure to report a crime under article 205.6 of the Criminal Code. This article is rather controversial, at present there are many problems with its application, correlation with other articles of the Criminal Code, which are the consequences of its relatively recent use in practice.

Keywords: Non-reportingof crime, problems of qualification, exemption from criminal liability.

В настоящее время обострилась проблема терроризма и экстремизма. Данная угроза сохраняется на высоком уровне, только за 2018 год в России зарегистрировано в общей сумме 2944 тысячи преступлений террористической и экстремистской направленности[1], поэтому создание дополнительных механизмов пресечения актов терроризма и экстремизма относят к числу главных направлений обеспечения государственной и общественной безопасности.

На всём пути усовершенствования механизма правового регулирования происходят различные изменения и дополнения уголовного кодекса. Так, федеральным законом от 6 июля 2016 года № 375-ФЗ УК РФ был дополнен нормой, предусматривающей ответственность за несообщение о преступлении. Необходимо отметить, что данное преступление носит исторический характер, т.к. УК РСФСР 1960 года содержал нормы о недонесении о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении[2], поэтому можно сказать о возврате некоторых положений советского уголовного права, но с существенными изменениями.

Объективная сторона несообщения о преступлении выражена в форме бездействия, т.е. виновный, несмотря на обязанность сообщить о преступлении, игнорирует и не сообщает её в компетентные органы власти, при реальной возможности это сделать. При этом важно то, чтобы лицо обладало заведомо достоверными, правдивыми сведениями о преступлении. В данном случае необходимо отметить часто встречаемое в литературе мнение о том, что достоверность должна обуславливаться доброкачественностью источников осведомления, а не объемом сведений [3, с.23], тем более теми, которые основаны на догадке или предположении. Так, мотивируя свою позицию, суд города Саранска установил, что Алукаев, не сообщил сведения об участии своего знакомого в деятельности террористической организации, имея об этом достоверно известные сведения, полученные в ходе личного общения, а также объективную возможность сообщить о преступлении в органы власти[4].

Под реальной возможностью сообщения о преступлении понимается состояние, когда лицо не находится под физическим или психическим принуждением в результате которого не может руководить своими действиями[5]. Что касается компетентных органов власти, которые уполномочены рассматривать сообщения о преступлениях, предусмотренные статьёй 205.6 УК РФ, то законодатель никаким образом не ограничивает круг адресатов правомерного сообщения о преступлениях террористической и экстремистской направленности.

Субъективная сторона преступления выражена в форме прямого умысла. Лицо осознаёт общественную опасность своих действий, обладает достоверными сведениями о преступлении и желает их не сообщать[5]. Субъектом преступления, предусмотренного ст. 205.6 УК РФ является любое физическое, вменяемое лицо, достигшее по общему правилу шестнадцатилетнего возраста, если совершило преступления предусмотренное статьями 205.1, 205.2, 220, 221, 277, 278, 279 УК РФ и четырнадцатилетнего возраста, если совершило деяние, предусмотренное 205, 205.3, ч.2 205.4, ч.2 205.5, 206, 208, 211, 360, 361 УК РФ. Но в данном случае возникают сомнения по поводу снижения возраста уголовной ответственности[6], ведь такое закрепление нарушает принцип системности уголовного закона и не учитывает особенностей определения субъекта преступления.

Ещё одной проблемой при квалификации деяний, предусмотренных статьей 205.6 УК РФ, являются категории лиц, которые освобождены от ответственности за данное преступление. Так, помимо перечисленных в примечании статьи лиц, не подлежат уголовной ответственности: адвокат, священнослужитель, и иные лица которые обладают «свидетельским иммунитетом»[7]. Однако А.С. Бенинский считает, что сообщение о подобном преступлении должно стать общественным долгом каждого гражданина[8, с.199].

Следующим важным вопросом является момент окончания преступления. Одни учёные считают, что момент окончания зависит от стадии совершаемого лицом основного преступления[9], так, например, преступление, предусмотренное ч.1 статьи 205 УК РФ считается оконченным в момент совершения взрыва, поджога, и иных действий, устрашающих население[10]. Другие, согласно сложившейся практике, окончанием признают получение достоверных сведений о лице готовящим, совершающим или совершившим преступления[7], предусмотренные статьёй 205.6 УК РФ, и несообщение данной информации в компетентные органы власти[4].

Включение в УК РФ статьи 205.6 предопределило необходимость отграничения несообщения от преступления от смежных составов преступлений, в том числе, преступления, предусмотренного статьей 316 УК РФ. В теории уголовного права многие авторы выделяют общую цель данных преступлений, но на практике укрывательство четко отграничивается от недонесения, ведь само по себе несообщение о совершенном преступлении не образует состава, предусмотренного статьей 316 УК РФ[11].

Из всего выше сказанного следует, что введение статьи 205.6 УК РФ целесообразно и оправдано. Но также следует обратить внимание на некоторые проблемы квалификации данного деяния, которые требуют своего разрешения.

Библиографический список

1. Количество преступлений террористической и экстремистской направленности за 2018 год [Электронный ресурс] //Генеральная прокуратура Российской Федерации - Электрон. дан.- URL: https://genproc.gov.ru (дата обращения 10.04.2019)

2. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996)[Электронный ресурс] // КонсультантПлюс -Электрон.дан.- URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения 10.04.2019)

3. Александров, Г.Н. Ответственность за недонесение по Указам Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года / Г. Н. Александров // Госюриздат. – 1951. - С. 22-24.

4. Ленинский районный суд города Саранска. Дело №1-120/2018 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ -URL: https://sudact.ru/regular/doc/Sz6INpypvlJv/ (дата обращения 10.04.2019)

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ, (ред. от 01.04.2019) [Электронный ресурс] //КонсультантПлюс– Электрон.дан.- URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 10.04.2019)

6. Батанов, А.Н. Уголовная ответственность за несообщение о преступлении / А. Н. Батанов [Электронный ресурс]// Адвокатская практика. – 2016. - № 6. – Электрон. версия печ. публикации. – URL: http://отрасли-права.рф/article/23285(дата обращения 10.04.2019)

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ, (ред. от 01.04.2019) [Электронный ресурс] //КонсультантПлюс - Электрон.дан.- URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 10.04.2019)

8. Беницкий, А.С. Субъект несообщения о преступлении / А. С. Беницкий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. - 2015. - № 2. - С. 199-205.

9. Сичкаренко, А. Ю. Несообщение о преступлении: уголовно-правовая характеристика / А. Ю. Сичкаренко // Уголовное право. – 2016. - №. 6. Электрон.версия печ. публикации. – URL:http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/26692 (дата обращения 10.04.2019)

10. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. №1 [Электронный ресурс] // Гарант - URL: https://base.garant.ru/70137188/ (дата обращения 10.04.2019)

11. Надзорное определение Верховного Суда РФ от 8 июня 2010 года №67 – Д10 – 8сп [Электронный ресурс] // Судебная система Российской Федерации - Электрон.дан.- URL:http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big3/verhsud (дата обращения 10.04.2019).

УДК 343.985.7

ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В НЕЗАКОННЫХ ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ ИНОСТРАННОГО ГОСУДАРСТВА

Цахуев А.В.
эксперт отдела криминалистики следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации по Республике Дагестан,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Юридического института Дагестанского государственного университета
Albert05ck@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается предмет доказывания при расследовании участия граждан Российской Федерации в незаконных вооруженных формированиях на территории иностранного государства. Автором рассматри-

ваются обстоятельства, подлежащие доказыванию в процессе расследования: время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления, личность преступника.

Ключевые слова: незаконные вооруженные формирования на территории иностранного государства, обстоятельства, предмет доказывания.

Annotation: The article deals with the subject of proof in the investigation of the participation of citizens of the Russian Federation in illegal armed formations on the territory of a foreign state. The author considers the circumstances to be proved during the investigation: time, place, method and other circumstances of the crime, the identity of the offender.

Keywords: illegal armed formations on the territory of a foreign state, the circumstances, the subject of proof.

В последние годы на территории Российской Федерации сохраняется большое количество преступлений террористической направленности, которые на современном этапе развития представляют наибольшую угрозу национальной безопасности страны.

Под террористической деятельностью понимается совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 Уголовного кодекса Российской Федерации[1].

По данным Главного информационно-аналитического центра (ГИАЦ) МВД России в 2014 году на территории Российской Федерации зарегистрировано 1 128 преступлений террористической направленности (АППГ +70,5%), в 2015 году – 1 538 (АППГ +35,8%), в 2016 году – 2 227 (АППГ +44,8%), в 2017 году – 1 871 (АППГ –16,0%), а за 2018 год – 1 679 (АППГ –10,3%)[2].

Наибольшую угрозу среди данных преступлений представляет участие граждан России в незаконных вооруженных формированиях (далее – НВФ), особенно на территории иностранного государства.

В качестве наглядного примера приведем военный конфликт в Сирийской Арабской Республике, на территории которой в настоящее время действуют многочисленные НВФ: «Джейш аль-Ислам», «Сабрий Джамаат», «Джейш аль-Мухаджирин валь-Ансар», «Лива ат-Таухид», «Таджамму Ансар Аль-Ислам», «Исламское государство», Хайят Тахрир аш-Шам, деятельность которых является уголовно-наказуемой, запрещенной законом (декретом) № 19 от 12 июля 2012 года и «Всеобщим законом об уголовных наказаниях» Сирийской Арабской Республики, и таким образом, незаконной[3, с. 293].

Имеется реальная угроза, что в случае возвращения в Россию, данные боевики, продолжат свою преступную деятельность, в связи с чем, основным направлением деятельности правоохранительных органов является пресечение их деятельности, фактов вербовки новых членов в ряды НВФ, а также перекрытие каналов их финансирования[4, с. 295].

В настоящее время в правоприменительной практике имеются проблемы доказывания преступной деятельности граждан России, выехавших для участия

в составе НВФ на территории иностранного государства, и поэтому, одной из основных задач следователя является установление всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

В криминалистике, обстоятельства, подлежащие доказыванию, являются одной из составляющих методики расследования данных преступлений. Любое преступление, в том числе и рассматриваемое, имеет свои определенные особенности предмета доказывания.

С учетом криминалистической характеристики рассматриваемого преступления обязательному доказыванию, на наш взгляд, подлежит группа обстоятельств, характеризующих событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления).

Следует отметить, что участие в НВФ на территории иностранного государства может реализовываться в двух формах:

первая форма заключается в том, что лицо, находясь на территории России, вступило в НВФ, действующее на территории иностранного государства, путем принесения присяги («баят»)[5];

вторая форма заключается в том, что лицо пересекло границу России, оказавшись в иностранном государстве, на территории которого действуют НВФ, приняло присягу («баят»).

В обеих формах присягнувшее НВФ лицо может осуществлять различного рода действия по поддержанию деятельности такого НВФ. Эти действия могут выражаться в идеологической агитационной работе, вербовке новых участников, пособничестве, финансировании НВФ, непосредственном участии в боевых действиях и др.

Место совершения данного преступления характеризует материальную обстановку, в которой осуществлялись определенные преступные действия. По делам данной категории преступлений необходимо установить:

а) место вступления в состав НВФ (место принесения присяги);

б) место непосредственного участия в НВФ (территория иностранного государства).

Кроме того, должны устанавливаться места, где скрывался преступник после возвращения с иностранного государства, на территории которого он принимал участие в составе НВФ.

Установление всех перечисленных мест поможет следователю отыскать следы и вещественные доказательства, а также установить иные имеющие значение для дела обстоятельства.

Не менее важным является установление времени совершения преступления: а) когда лицо приняло решение о вступлении в НВФ; б) когда лицо вступило в НВФ (принесение присяги); в) когда лицо пересекло границу России; г) когда лицо пересекло границу иностранного государства, на территории которого действуют НВФ; д) когда лицо принимало непосредственное участие в НВФ; е) когда лицо покинуло территорию иностранного государства и вернулось на территорию России.

Кроме того, устанавливается время задержания лица, подозреваемого (обвиняемого) в участии в НВФ на территории иностранного государства.

Важным является установление способа совершения преступления, который заключается в виде совершения последовательных определенных действий, в конечном итоге приводящие к достижению преступного результата.

Выезду лица в иностранное государство и его участию в НВФ предшествует тщательная подготовка (поиск денежных средств, обмен валюты, подготовка предметов одежды, поиск проводников, сообщников и др.). На этом этапе лицо осуществляют различные маскировочные действия, чтобы при пересечении государственной границы его не заподозрили правоохранительные органы. По возвращении с иностранного государства, на территории которого лицо принимало участие в НВФ, оно осуществляет ряд мероприятий по сокрытию следов его участия в НВФ (удаление мультимедийных файлов с электронных носителей информации, придумывание алиби и др.).

Применительно к расследованию участия российских граждан в НВФ на территории иностранного государства, основными обстоятельствами, подлежащими доказыванию относительно способа совершения преступления, являются следующие: какие действия осуществляло лицо в НВФ; кто еще из жителей России (жителей определенных регионов страны) состоял в НВФ; кто являлся руководителем НВФ; каковы были социально-бытовые условия; проходило ли лицо обучение в террористических лагерях и др.

Изучение следственной и судебной практики расследования уголовных дел указанной категории позволило нам установить, что лица в составе НВФ осуществляли следующие функции: участие в боевых действиях – 47,1%; осуществление охраны лагерей – 20,5%; доставка боевикам оружия, боеприпасов и снаряжения – 12,8%; оказание медицинской помощи – 10,2%; строительство блиндажей, укреплений и иных сооружений, копание окопов – 5,3%; осуществление иных действий (идеологическая работа, доставка продуктов питания и предметов вооружения в лагеря и др.) – 4,1%.

С учетом изложенного, установление времени, места и способа совершения рассматриваемого преступления напрямую зависит от того, где лицо вступило и принимает участие в НВФ, и какими действиями это выражается.

В процессе расследования уголовных дел рассматриваемой категории подлежат установлению данные, связанные с личностью преступника. Следователю необходимо установить все обстоятельства, подтолкнувшие лицо к вступлению в НВФ, мотивы и умысел преступника, корыстную составляющую, его личностные качества, социальное положение, нравственно-идеологическую обстановку в семье, окружении и др.

Анкетирование следователей позволило нам прийти к выводу о том, что указанные лица являются приверженцами религиозно-экстремистских течений в исламе и у них практически всегда отсутствует корыстный мотив совершения рассматриваемого преступления. Таким образом, указанные лица, вступая и участвуя в НВФ на территории иностранного государства, главной целью для себя ставят создание всемирного исламского халифата и ведение войны против «неверных».

Ограниченность объема данной статьи не позволяет нам подробно рассмотреть остальные, указанные в статье 73 УПК РФ обстоятельства, подлежащие доказыванию, и на наш взгляд, они конкретизируют установленный факт участия лица в НВФ на территории иностранного государства.

Правильное определение всех обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании участия граждан Российской Федерации в НВФ на территории иностранного государства, позволит запланировать расследование уголовных дел данной категории, установить возникающие типичные следственные ситуации и определить алгоритм действий следователя, что в свою очередь будет способствовать эффективному раскрытию и расследованию рассматриваемого преступления.

Библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». Российская газета, № 35, 17.02.2012.

2. Состояние преступности в Российской Федерации за 2015-2018 гг. М.: ГИАЦ МВД России, 2018. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-сайт МВД России. URL: https://мвд.рф (дата обращения: 08.04.2019).

3. Меркурьев В.В., Агапов П.В. Уголовная политика в сфере противодействия преступлениям, связанным с участием российских граждан в незаконных вооруженных формированиях на территориях иностранных государств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 4 (36). С. 292-295.

4. Цахуев А.В., Юсупкадиева С.Н. Участие граждан Российской Федерации в незаконных вооруженных формированиях на территории иностранного государства в целях, противоречащим интересам Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. № 5 (108) 2017. С. 294-296.

5. Опубликовано видео присяги участников атаки на дагестанских силовиков лидеру ИГ*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/330906/ (дата обращения: 10.04.2019).

УДК 343.9.018

ЭКСТРЕМИЗМ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Альчина Р.М.
студентка экономико-юридического факультета ФГБОУ ВО ГАГУ,
Горно-Алтайский государственный университет
alchinaregina@gmail.com
Научный руководитель: к.филос.н., доцент. Пашаев Х.П.

Аннотация: Настоящая статья посвящена экстремизму в молодежной среде как политическому феномену. Проблемы экстремизма среди молодежи за последнее время приобрела большую актуальность. Современная молодежь проходит свое становление в очень сложных условиях, в условиях ломки старых ценностей и формирования новых социальных отношений. В сознании части молодых людей преобладают негативная и недостоверная оценка действительности, которая в итоге приводит к развитию экстремизма среди молодежи.

Ключевые слова: экстремизм, молодежный экстремизм, причины молодежного экстремизма, угроза безопасности, политический экстремизм, противодействие экстремизму.

Annotation: This article is devoted to extremism among young people as a political phenomenon. The problems of extremism among young people have recently become very relevant. Modern youth is developing in very difficult conditions of breaking old values and forming new social relations. In the minds of some young people, negative and unreliable assessment of reality prevail, which ultimately leads to the development of extremism among young people.

Keywords: extremism, youth extremism, causes of youth extremism, security threat, political extremism, opposition to extremism.

На данный момент российское государство переживает период реформ во всех сферах жизни, это необходимо для создания истинного правового государства. Для воплощения в жизнь поставленных задач исключительная роль принадлежит молодежи. Молодёжь – это будущее государства. Этот факт является неоспорим. Именно молодое поколение, которое обладает огромным жизненным потенциалом, во все времена была движущей силой развития государства по всем направлениям. Можно перечислить несколько основных причин, почему молодежь движет процессом развития страны. Во-первых, тем, что моло-

дежь представляет собой самый подвижный, самый динамичный социальный слой общества. Во-вторых, молодежь занимает достаточно высокий удельный вес в совокупном населении страны. В-третьих, молодежь - это та социальная группа, которая, вступая в дееспособный возраст, сильнее ощущает на себе несоответствие между декларативностью провозглашаемых в обществе прав и реальными возможностями их осуществления. Обладая недостаточным жизненным опытом, они чувствуют себя уязвимой в политических баталиях общества, нередко вступает в конфликт с законом, вовлекается в криминогенные и экстремистские группы.

Существует много разных юридических и научных определений понятию "экстремизм". Единого определения на сегодняшний день не существует. С философско-социологической точки зрения, экстремизм, по словам А. А. Козлова, представляет собой «социально-биологический и психологический феномен, в основе которого лежит превышение пределов допустимого при наличии злого смысла или умысла»[1, с. 11-17]. Среди других, более узких трактовок экстремизма, можно выделить такие как «приверженность к крайним взглядам, мерам (обычно в политике)»[2], или «приверженность крайним, преимущественно насильственным средствам достижения целей»[3, с. 162]. В большом толковом словаре дается схожее определение экстремизму: экстремизм – это приверженность крайним взглядам и мерам[4]. Однако оно не показывает сути этого явления. Ученые более склонны к тому, что при определении экстремизма акцент должен делаться на действиях, а не на людях, так как именование людей и группировок экстремистами довольно не однозначно, поскольку зависит от позиции и групповой принадлежности человека, использующего этот термин: одну и ту же группу одни могут называть экстремистами, а другие борцами за свободу.

Молодежь как демографическая группа общества является наиболее уязвимым для распространения экстремизма. Низкое качество жизни; отсутствие гарантий устройства на работу и стабильного благополучия, таковы основные факторы подверженности части молодежи экстремистским настроениям.

В последнее время весь мир следит за тем, как экстремистские действия затрагивают все сферы общественной жизни. Но особенно тревожит тот факт, что активными участниками этих действий являются молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет[5]. Проблеме экстремизма уделяют внимание СМИ, правозащитные организации, общественные движения. Изучению экстремизма уделяется особое внимание в современной и зарубежной политологии, политической социологии, правоведении и других науках. Наличие различных подходов к объяснению данного явление подтверждает необходимость научного осмысления и анализа этого феномена.

Экстремизм затрагивает многие сферы, рассмотрим некоторые из них. В политическом плане экстремизм по определению В.В. Устинова проявляется - «как социально-политическое явление, форму политической борьбы, характеризующейся отрицанием существующих государственных и общественных институтов, а также стремлением подорвать стабильность и заменить сложивший-

ся порядок»[6, с. 16]. Современная политическая ситуация показывает, что молодежный политический экстремизм зачастую становится орудием или средством борьбы субъектов политической деятельности в процессе достижения ими своих целей. Политическим организациям и отдельным политическим деятелям оказалось выгодным использовать молодежный экстремизм. Так как типичные экстремисты отличаются набором следующих характеристик: предпочтением силовых вариантов при решении жизненных задач; неспособностью к консенсусу; стремлением идти к цели кратчайшим путем; нечувствительностью к боли и потерям других людей; склонностью в своих действиях руководствоваться принципом «цель оправдывает средства»[7, с. 15].

В области культуры экстремизм проявляется в основном в пропаганде насилия, жестокости, уничтожения исторических памятников, предметов культурного наследия, являющихся национальным достоянием, и других действиях, которые отрицательно влияют на процесс воспитания, и негативно отражаются на уровне культуры российских граждан.

В части экономических отношений экстремизм, также имеет свое место в российской действительности. Проявления экстремизма в экономической сфере нашли свое отражение в деятельности преступных групп, коммерческих предприятий; оказании давления, устрашении руководителей государственных предприятий.

Таким образом, религиозные, национальные и этнические вопросы зачастую используются в качестве инструмента или средства для разжигания конфликта, экстремизм создает реальную угрозу безопасности российского государства.

Что касается противодействия данному явлению, то она должна включать постоянный мониторинг этого социального явления анализ причин и условий, которые привели к совершению указанных преступлений, также развития профилактических мероприятий и исследование поведения преступников и жертв.

Существующая нормативно-правовая база, и реальная система мер молодежной государственной политики, особенно в части гарантий ее реализации, не отвечает социально-политической значимости проблемы молодежного политического экстремизма. Российскую молодежь оградит от влияния экстремистской идеологии эффективная борьба с носителями этой идеологии. Чрезвычайно опасно пытаться «задавить» экстремизм в общественном сознании. Нормативно-правовая база борьбы с проявлениями молодежного политического экстремизма должна включать в себя не только правоохранительную и репрессивную деятельность, но и эффективную профилактическую работу с молодежью. Законодательство должна включать комплекс мер экономического, социокультурного и духовного характера. Задачей государства и общества является не борьба со злом, не подавление экстремизма, в частности, а создание условий, благоприятствующих развитию и самореализации человека. Формирование социально-политической, экономической и социально-психологической обстановки, адекватной созидательному потенциалу молодого гражданина[8].

Таким образом, можно сказать, что проблема молодежного экстремизма является актуальной проблемой не только в России, но и во всем мире. Из этого следует, что решение данной проблемы должно проходить при взаимодействии всех государств. Необходимо проведение реформ, которые будут способствовать снижению распространения данного политического феномена.

Библиографический список

1. Козлов А. А. Проблемы исследования и профилактики экстремизма // Актуальные вопросы исследования и профилактики экстремизма: мат-лы междунар. науч.-практ. конф-и (11-13 октября 2004 г.). СПб., 2004. С. 11-17.
2. Советский энциклопедический словарь / глав. ред. А. М. Прохоров. М.: Сов. энциклопедия, 1988.
3. Ланцов С. А. Террор и террористы: словарь. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 187 с.
4. Большой толковый словарь русского языка. Сергей Александрович Кузнецов
5. Гречкина Евгения Николаевна. Молодежный политический экстремизм в условиях трансформирующейся российской действительности : дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 Ставрополь, 2006 174 с. РГБ ОД, 61:06-23/401
6. Устинов В.В. Обвиняется терроризм / В.В. Устинов. — М.: Олма-Пресс, 2002. — 416 с.
7. Некрасова Елена Владимировна. Экстремизм и его особенности в молодежной среде: УДК 316.485.2+316.758+316.754 Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2011. Вып. 4 // [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremizm-i-ego-osobennosti-v-molodezhnoy-srede (дата обращения 16.04.2019).
8. Гречкина Евгения Николаевна. Молодежный политический экстремизм в условиях трансформирующейся российской действительности : дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 Ставрополь, 2006 174 с. РГБ ОД, 61:06-23/401

УДК 343.9.018

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

Бычкова Е.О.
студентка экономико-юридического факультета ФГБОУ ВО ГАГУ,
Горно-Алтайский государственный университет
bychkova_elena17@mail.ru
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Д.П. Потапов.

Аннотация: В статье рассматривается проблема противодействия экстремизму и терроризму в молодежной среде на территории Республики Алтай. На

примере Антитеррористической комиссии, Районного суда Республики Алтай и Следственного комитета.

Ключевые слова: Противодействие, экстремизм, терроризм, Республика Алтай, молодежная среда.

Annotation: The article deals with the problem of countering extremism and terrorism among the youth in the territory of the Republic of Altai. On the example of the Anti-Terrorism Commission, the District Court of the Altai Republic and the Investigative Committee.

Keywords: counteraction, extremism, terrorism, Altai Republic, youth environment.

Важное место имеет реализация положений Федерального закона от 24 июня 1999 г. №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»[2, с.1-4]. Этим законом регламентирована деятельность таких органов исполнительной власти, как комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органов управления социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания, специализированных учреждений для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, органов управления образованием и образовательных учреждений, органов опеки и попечительства, служб занятости, органов внутренних дел.

Основным законом, регулирующим вопросы, связанные с терроризмом является Федеральный закон "О противодействии терроризму". Он устанавливает основные принципы противодействия терроризму, правовые и организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним, минимизации и ликвидации последствий проявлений терроризма, а также правовые и организационные основы применения Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом[3, с.1-27].

По мнению ученых, данное проявление в молодежной среде носит опасный характер, в настоящее время, чем за все прошлые периоды. Экстремизм в молодежной среде стал в Российской Федерации массовым явлением. Именно молодежь представляет собой группу риска, склонную к агрессивно-экстремистским действиям. В силу своего возраста, молодые люди характеризуются такими психологическими особенностями, как нигилизм, радикализм и нетерпимость, безоглядность и непримиримость, мировоззренческая неустойчивость.

Во-первых, терроризм и экстремизм проявляются в обществах, вступивших на путь социальных изменений. Участниками террористических действий становятся маргинальные группы населения, включая молодое поколение.

Во-вторых, социальные контрасты, резкое расслоение общества на бедных и богатых, а не просто бедность или низкий уровень социально-экономического статуса провоцируют агрессию и создают почву для терроризма.

В-третьих, проявления экстремизма нарастают в начальные периоды социальных модернизаций. На завершающих этапах успешных перемен проявления экстремизма и терроризма резко идут на спад.

Однако мы должны признать, что действия, принимаемые правоохранительными органами, органами образования, культуры, комитетами по молодежной политике и др. по противодействию экстремизму и терроризму, недостаточны. Борьба с терроризмом и экстремизмом представляет собой, прежде всего работу с молодежью. Каждый работник образования и культуры может способствовать недопущению распространения идей терроризма. В связи с этим Министерством образования и науки осуществляется оборудование в зданиях Министерства, федеральных служб, федеральных агентств и организаций уголков наглядной агитации по противодействию терроризму и распространению его идей[5,с.128].

Противодействие экстремизму и терроризму на территории Республики Алтай оказывает определенная система органов, но в данной статье речь пойдет: Антитеррористическая комиссия, Районный суд Республики Алтай и Следственный комитет.

Современный терроризм – это противоправные насильственные действия по устрашению и подавлению во имя достижения социально экономических, территориальных, идейно политических, религиозно-этнических и иных целей[6,с.52].

Антитеррористическая комиссия Республики Алтай является органом, образованным в целях координации деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти и органов местного самоуправления по профилактике терроризма, а также по минимизации и ликвидации последствий его проявлений.

Комиссия в своей деятельности руководствуется Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, постановлениями и распоряжениями Правительства, законами и иными нормативными правовыми актами.

Руководителем Комиссии по должности является высшее должностное лицо (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти) Республики Алтай (председатель Комиссии). Также, в состав антитеррористической комиссии Республики Алтай входят:

-Начальник территориального органа ФСБ Республики Алтай

-Представитель законодательного (представительного) органа государственной власти Республики Алтай (по согласованию)

- Начальник территориального органа МВД России по Республике Алтай

- Начальник Главного управления МЧС России по Республики Алтай

- Начальник Центра специальной связи и информации ФСО России

Комиссия выполняет определенные задачи, по противодействию экстремизму и терроризму в молодежной среде на территории Республики Алтай:

- Мониторинг политических, социально-экономических процессов проходящих как в обществе, так и в молодой среде через социальные сети Республики Алтай, оказывающих влияние на ситуацию в области противодействия терроризму, подготовка предложений Национальному антитеррористическому ко-

митету по формированию государственной политики и совершенствованию нормативно-правового регулирования в области профилактики терроризма, минимизации и ликвидации последствий его проявлений;

- Координация деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти и органов местного самоуправления по профилактике терроризма, а также по минимизации и ликвидации последствий его проявлений;

- Информационное сопровождение деятельности по профилактике терроризма, через социальные сети и посредством СМИ, а также по минимизации и ликвидации последствий его проявлений.

Комиссия осуществляет следующие функции:

- Анализ причин и условий возникновения и распространения терроризма в Республики Алтай, разработка мер по их устранению;

- Мониторинг террористических угроз и террористической активности в Республике Алтай, разработка мер по противодействию этим угрозам;

- Анализ эффективности принимаемых территориальными органами федеральных органов исполнительной власти, органами исполнительной власти и органами местного самоуправления мер по профилактике терроризма, а также минимизации и ликвидации последствий его проявлений, разработка предложений по их совершенствованию;

- Своевременное информирование населения через средства массовой информации, так как за последнее время в молодежной среде сфера интернета стала набирать популярность, о мерах по профилактике терроризма, минимизации и ликвидации последствий его проявлений. Также, о принятии председателем Национального антитеррористического комитета или председателем Комиссии решений об установлении, изменении или отмене уровней террористической опасности, сроках, на которые они устанавливаются в пределах, которого они устанавливаются.

На территории Республики Алтай районные суды также, оказывают противодействие экстремизму. Важно установить, что Федеральный закон "О противодействии экстремистской деятельности" в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, основ конституционного строя, обеспечения целостности и безопасности Российской Федерации определяет правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности, устанавливает ответственность за ее осуществление[4,с.1-17].

Так Онгудайский районный суд, признал экстремистской организацией «Каракольская инициативная группа» вовлекающая множество людей, включая и молодежь для распространения своих идей. Прокурор Республики Алтай обратился в Онгудайский районный суд с административным исковым заявлением о признании Религиозного объединения «Каракольская инициативная группа» (иные наименования «Алтайская вера, Белая вера») экстремистской организацией и запрете его деятельности на территории Российской Федерации. В обоснование требований указано, что с 2000 года в Республике Алтай осуществляет деятельность незарегистрированное Религиозное объединение «Кара-

кольская инициативная группа» в рамках и в интересах которого осуществляется экстремистская деятельность. Цели деятельности Каракольской инициативной группы: привести всех алтайцев к своей вере изгнать, ликвидировать буддийские организации и сам буддизм из Республики Алтай; сократить количество православных храмов, часовен, крестов и в идеале полностью очистить от них Республику Алтай.

Представители религиозного объединения отличаются нетерпимым и агрессивным отношением к другим религиям. Религиозное объединение характеризуется организованностью и устойчивостью, наличием лидера, которого его участники признают духовным наставником, своим пророком, фигурой не меньше Будды или Магомеда. Для распространения информации о своей деятельности его участниками используется незарегистрированное печатное издание «Амаду Алтай» и сеть «Интернет» (группа в социальной сети «Вконтакте»). Деятельность Каракольской инициативной группы подчинена идеям превосходства алтайской нации и ее верования над другими национальностями и традиционными вероисповеданиями, направлена на вытеснение групп лиц, объединенных по признакам отношения к религии или национальности из Республики Алтай. Экстремистская деятельность участников Каракольской инициативной группы носит системный характер и направлена на возбуждение национальной и религиозной розни, пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его национальной и религиозной принадлежности, нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его национальной и религиозной принадлежности, что является экстремистской деятельностью.

Онгудайский районный суд Республики Алтай признал религиозное объединение «Каракольская инициативная группа» экстремистской организацией и запретил его деятельность.

Противодействие экстремизму и терроризму в молодежной среде, также осуществляет Следственный комитет. На территории Республики Алтай проживают представители более чем девяноста национальностей. Следственным управлением по Республике Алтай используются все имеющиеся полномочия с целью недопущения возбуждения социальной, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды, иных проявлений экстремизма, а также для привлечения к ответственности виновных лиц. Следственным управлением обеспечена возможность приема от граждан обращений и сообщений о проявлениях экстремизма и терроризма.

Следователи следственного управления расследуют уголовные дела о тяжких и особо тяжких преступлениях против личности, общественной безопасности и общественного порядка, государственной власти, порядка управления, правосудия и в сфере экономики. Это убийства – статья 105 УК РФ, похищения человека – статья 126 УК РФ, должностные и коррупционные преступления, терроризм, экстремизм и другие составы, отнесенные в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством к подследственности Следственного комитета [1,с.105,126].

Наряду с этим к компетенции следователей относится расследование преступлений, совершенных сотрудниками правоохранительных органов и силовых структур, а также специальными субъектами, к которым относятся депутаты всех уровней, судьи, прокуроры, следователи, адвокаты, лица, занимающие выборные должности в органах местного самоуправления.

Одним из приоритетных направлений деятельности следственных органов Следственного комитета Российской Федерации является расследование тяжких и особо тяжких преступлений совершенных как в отношении несовершеннолетних, так и самими несовершеннолетними, таким образом, осуществляется противодействие, как терроризму, так и экстремизму в молодежной среде.

Целью противодействия терроризму и экстремизму в Республике Алтай является защита личности, общества и государства от террористических угроз и их проявлений. После проведения необходимого комплекса оперативно-розыскных мероприятий собранные материалы, которые содержат признаки преступления, направляются в следственные органы для решения вопроса об уголовном преследовании лица, нарушившего законодательство о противодействии терроризму.

В целях противодействия терроризму, выявления материалов экстремистского и террористического характера следственным управлением осуществляется ежедневный мониторинг СМИ, в ходе которого особое внимание уделяется сети Интернет. Среди населения республики, прежде всего молодежи, на постоянной основе ведется профилактическая работа – сотрудники ведомства посещают образовательные учреждения, где проводят разъяснительную работу среди учащихся, их родителей и педагогов по противодействию терроризму и экстремизму.

Так следователи провели урок правового просвещения в одной из общеобразовательных школ Майминского района. Ученикам было рассказано о недопустимости нарушения законов и неотвратимых последствиях, которые ждут несовершеннолетних в случае совершения преступления, как в случае пропаганды экстремизма либо участия в терроризме. Для убедительности было приведено немало примеров из следственной практики о судьбах подростков, признанных виновными в совершении тех или иных преступлений и оказавшихся в воспитательных колониях и иных учреждениях закрытого типа.

Следственный комитет Республики Алтай разработал специальную памятку по профилактике экстремизма, в которой указал, что эффективность осуществления профилактики экстремизма напрямую зависит от ясного и правильного понимания этого общественного явления. Экстремистская деятельность осуществляется в формах:

- Пропаганды и в публичном демонстрировании нацистской атрибутики или символики;

- В публичных призывах к осуществлению указанной деятельности;

- В финансировании указанной деятельности либо ином содействии в планировании, организации, подготовке и совершении указанных действий (в том числе, путем предоставления финансовых средств, недвижимости, учебной, по-

лиграфической и материально-технической базы, телефонной связи, информационных услуг, иных материально-технических средств)

Необходимо сказать, что решение проблем экстремизма исключительно силами правоохранительных органов невозможно. Эта задача требует целого комплекса организационных, правовых, профилактических, воспитательных мероприятий, совершенствования взаимодействия государственных органов и общественных организаций, к которым, следует отнести следующие:

- Приоритетом в борьбе с экстремизмом должно стать устранение причин и условий, способствующих девиантному поведению.

- Важным аспектом в предупреждении молодежного экстремизма является формирование на федеральном уровне стратегии государственной молодежной политики.

Необходимо отметить, что важную роль в предупреждении террористической деятельности играет участие в этом общественности. Элементарная бдительность и сознательность граждан могут стать ключевым моментом по предупреждению проявлений террористической деятельности на стадиях их приготовления или покушения. Только общими усилиями государство может справиться с таким противоправным явлением, как терроризм.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон № 63-ФЗ от 13.06.1996г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996г. – Ст. 2954.

2. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон №120-ФЗ от 24.06.1999г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999г. – Ст. 3177.

3. О противодействии терроризму: федеральный закон №35-ФЗ от 06.03.2006 г. // Собрание законодательства Российской Федерации – 2006г. Ст. 1146.

4. О противодействии экстремисткой деятельности: федеральный закон № 114-ФЗ от 25.07.2002 г. // Собрание законодательства Российской Федерации – 2002 г.Ст. 3031.

5. Бурова, Ю. В., Е. А. Коваль. Противодействие терроризму в современной России: учебное пособие // Типография «Красный Октябрь», 2014. – С.142 – URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01007543630 (дата обращения: 13.04.2019г.)

6. Соснин, В. А. Психология современного терроризма: учебное пособие // Форум – Москва, 2012. – С.159 URL: https://znanium.com/spec/catalog/author/?id=6c6b9faf-ef9c-11e3-b92a-00237dd2fde2 (дата обращения: 13.04.2019г.).

УДК 343.9.018

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМУ МВД ПО РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ)

Воронина О.М.
студентка экономико-юридического факультета ФБГОУ ВО ГАГУ,
Горно-Алтайский государственный университет
Wmn230499@gmail.com
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Потапов Д.П.

Аннотация: В статье рассматривается противодействие молодежному экстремизму сотрудниками Центра по противодействию экстремизму МВД по Республике Алтай.

Ключевые слова: экстремизм, молодежь, эффективность противодействия, противодействие экстремистской деятельности.

Annotation: The article discusses opposition to youth extremism by employees of the Center for Countering Extremism of the Ministry of Interior in the Republic of Altai.

Keywords: extremism, youth, efficiency of counteraction, countering extremist activities.

Проблемы противодействия экстремизму, в частности распространению идей, отличных от сложившихся правовых норм социального поведения, которые основываются на социальной, расовой, национальной, этнической, языковой и религиозной нетерпимости, розни и ненависти, обесценивании человеческой жизни, или же действия, угрожающие последней, являются актуальными вопросами в сфере соблюдения и защиты прав и свобод человека, законных интересов общества и государства, а также сохранения гармоничных социальных отношений. В таких условиях Россия и субъекты федерации не могут и не должны стоять в стороне от этой проблемы, поскольку волна экстремистской деятельности уже охватила большинство стран как ближнего, так и дальнего зарубежья[1, с. 274].

Актуальная этнодемографическая ситуация в Республике Алтай характеризуется значительным этническим и конфессиональным разнообразием. В Республике Алтай в силу исторических причин 57,4% населения составляют русские, 30,6% - алтайцы, 6% - казахи, 1,2% -теленгиты , 0,8% - тубалары, 0,5% - кумандинцы, 0,4% - челканцы, 0,1% - шорцы, 3% - другие национальности[2]. Именно поэтому обеспечение на основе федерального законодательства и принципов международного права свободного и равноправного развития граждан всех вероисповеданий и национальностей, проживающих в Республике Алтай, содействие адаптации и интеграции в общество ранее депортированных

граждан, удовлетворение национально-культурных потребностей полиэтнического населения - основные задания, которые необходимо решать органам государственной власти и местного самоуправления для нормализации межконфессиональных и межнациональных отношений.

Противодействие проявлениям экстремизма во всех его проявлениях, остаётся одной из приоритетных задач МВД по Республике Алтай, в структуре которого этим занимается специальное подразделение (Центр по противодействию экстремизму). Подразделение осуществляет свою деятельность в соответствии со ст. 3 Федерального закона РФ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и Федеральным законом от 07 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции».

Центром по противодействию экстремизму МВД Республики Алтай противодействие экстремизму осуществляется по следующим основным направлениям:

- принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности;

- выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц;

- взаимодействие с органами государственной власти, органы местного самоуправления в рамках противодействия экстремистской и террористической деятельности;

- борьба с распространением экстремистских материалов (издание и распространение печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных материалов) [3].

Сотрудники МВД, осуществляя свою деятельность, используют гласные и негласные методы работы, которые носят как индивидуальный, так и массовый характер. В этой статье мы рассмотрим только гласные мероприятия, направленные на противодействие экстремизму, носящие массовый характер.

За 2018 год сотрудниками МВД Республики Алтай были проведены некоторые профилактические мероприятия с молодежью по противодействию экстремизму.

Так в мае 2018 года на базе Центра молодежной политики, военно-патриотического воспитания и допризывной подготовки граждан Республики Алтай, прошел обучающий семинар по вопросам выявления противоправного контента в сети Интернет, где приняли участие сотрудники полиции.

По информации сотрудников Центра по противодействию экстремизму МВД по Республике Алтай, на тот момент в регионе отсутствовали молодежные объединения и организации, пропагандирующие экстремистские взгляды. Каких-либо экстремистских проявлений в студенческой среде также не зафиксировано. Однако в 2017 году на территории Республики Алтай было зарегистрировано одно преступление экстремистской направленности совершённое лицом из числа молодёжи. На своей странице в социальной сети в «ВКонтакте»,

молодой человек активно призывал к осуществлению действий, направленных на возбуждение ненависти и вражды, а также на унижение достоинства группы лиц по национальному признаку. На основании собранных МВД по Республике Алтай материалов, которые были переданы в Следственный Комитет по Республике Алтай, было возбуждено уголовное дело. Однако в настоящий момент это деяние отнесено к административному правонарушению.

Участники семинара получили ответы на вопросы, как и куда, обращаться при обнаружении противоправных контентов, а также информацию о том, как не допустить вовлечения подростков в группы антиобщественной опасности.

Также в рамках противодействия экстремистской и террористической деятельности в апреле 2018 года сотрудники МВД по РА приняли участие в заседании межведомственной комиссии по противодействию экстремизму при Администрации г. Горно-Алтайска.

Присутствовавший на совещании заместитель начальника Центра по противодействию экстремизму МВД по Республике Алтай Денис Буренок, отметил, что на территории республики организованных преступных сообществ экстремистской направленности не зарегистрировано. Движения националистической направленности отсутствуют, экстремистских молодежных организаций, групп, объединений не установлено, как и экстремистских проявлений в молодежной среде.

Однако, имеются факты административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.3 КоАП РФ (демонстрация в сети «Интернет» фашистской символики) среди лиц, подписанных на сайты, пропагандирующие распространения идей «АУЕ» (Арестантский уклад един). Это молодёжное сообщество пропагандирует среди подростков воровские, тюремные понятия российской криминальной среды.

По результатам проведения мониторинга интернет-сообществ, в частности социальной сети «ВКонтакте», фиксируется факт осуществления подписок на открытые группы с аббревиатурой АУЕ. На территории Республики Алтай выявлено боле 50 жителей региона, регулярно посещающих указанные электронные страницы[3].

Сотрудники МВД осуществляя даже действия общей профилактики (профилактические беседы с несовершеннолетними, профилактические беседы против коррупции и т.д.), затрагивают темы противодействия экстремизму. Так в ноябре 2018 года, в ходе профилактической беседы «Вместе против коррупции» со студентами Горно-Алтайского государственного университета, сотрудниками МВД был затронут вопрос проявления факторов экстремизма в социальных сетях. Сотрудники, в ходе беседы, пояснили студентам, что при помощи обычных «лайков и репостов» молодые люди причисляют себя к сторонникам экстремизма, ведь при помощи этого по интернету распространяется противоправный контент. Так же студенты получили информацию как правильно вести себя в интерне, чтоб не стать распространителем экстремистских идей.

На сегодняшний день в Республике Алтай проходят обучение 147 иностранных граждан, в том числе из стран, где экстремистские движения имеют

распространение[3]. Сотрудниками МВД по Республике Алтай в отношении указанных лиц осуществляются определенные мероприятия, направленные на недопущение ввоза на территорию региона экстремистской литературы, а также пропаганды взглядов направленных на разжигание межрелигиозной розни и совершения правонарушений рассматриваемой категории в отношении самих иностранных граждан.

Таким образом, на территории Республики Алтай на протяжении ряда лет криминогенная обстановка в отношении преступлений экстремистской направленности остается стабильной, существенного влияния со стороны этнических групп на неё не оказывается, тяжких преступлений против личности совершённых по мотивам рассовой национальной или религиозной вражды не зарегистрировано. Но, не смотря на то, что на территории Республики Алтай имеются единичные факты экстремистских проявлений, ситуация остаётся под контролем органов внутренних дел, а именно Центра по противодействию экстремизма, целью которого является – стабильность и недопущение проявлений экстремизма на территории республики.

Библиографический список

1. Кубякин Е. О. Социальные и социокультурные основы молодежного экстремизма в современной России // Общество и право. - 2011. - № 1 (33). - С. 273-276.

2. Официальный сайт Управления федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. [Электронный ресурс]. - URL: http://akstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/akstat/ru/statistics/ altayRepub Stat/population/ (дата обращения: 01.03.2019).

3. Официальный сайт Министерства внутренних дел по Республике Алтай [Электронный ресурс] - URL: https://04.мвд.рф (дата обращения: 01.03.2019).

УДК 343.9

ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ВЫСШИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ. ПУТИ РЕШЕНИЯ

Джихвадзе Г.В.
магистрант юридического института ФГБОУ ВО АлтГУ
Алтайский государственный университет
gosha-1812@mail.ru
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Мазуров В.А.

Аннотация: Настоящая статья посвящена актуальным проблемам профилактики преступности экстремистской направленности в высших образователь-

ных учреждениях, которая за последнее время приобрела большую актуальность. Указанная ситуация возникла из-за недостаточно эффективной системы профилактики экстремизма, ее непосредственных способов реализации.

Ключевые слова: Экстремизм, преступность, экстремист, профилактика преступности, проблемы противодействия преступности.

Annotation: This article is devoted to topical issues of extremist crime prevention in higher education institutions, which has recently become more relevant. This situation arose due to the insufficiently effective system for the prevention of extremism, its direct methods of implementation.

Key words*:* Extremism, crime, extremist, crime prevention, problems of combating crime.

В настоящее время, информационная сеть «Интернет» (далее – Интернет) становится все более массовым средством реализации конституционных прав, благодаря своей доступности и простоте использования. И важную роль в этом играют социальные сети, предназначенные для общения и связи между пользователями. Однако вместе с тем, как писал сербский дипломат и ученый Й. Курбалийя, Всемирная Сеть является своеобразным «зеркалом» реального мира, где, как мы понимаем, добро не всегда одерживает верх и зло побеждает «добрых ангелов нашей души», по выражению Линкольна. Иными словами, в сети отражаются современные социальные и политические процессы, некоторые из которых несут негативный характер[1]. Так, для современного российского общества и законодателя крайне актуальным является вопрос противодействия преступности экстремисткой направленности в Интернете.

Благодаря анализу Комплексного плана противодействия терроризму в Российской Федерации (далее – РФ) на 2013–2018, нам известен метод противодействия экстремизму – информационное воздействие, просветительская деятельность, направленная на молодежь, целевую аудиторию социальных сетей и Интернета в целом[2]. Данный метод также закреплен в программе профилактики экстремизма в студенческой среде Алтайского государственного университета, которая включает в себя общеизвестные методы информационного воздействия, направленные на формирование правовой и политической культуры обучающихся.

Однако проблемными моментами для правоприменителя являются непосредственные способы такого рода воздействия, его реализация на практике. Поэтому, актуальной является разработка конкретных способов информационного противодействия преступности экстремистской направленности.

Здесь, мы, в первую очередь, отмечаем необходимость корректировки существующей системы профилактики экстремизма, которая основывается на, как правило, проведении обычных лекционных занятий, чтением материала в рамках обозначенной темы, что, на наш взгляд, не принесет желаемых результатов по противодействию преступной деятельности. Как утверждают эксперты НЦПТИ Брайко Д.Н. и Быкадорова А.С., для современной молодежи требуются новые способы информационного воздействия, которые должны включать в се-

бя более тесное взаимодействие с целевой аудиторией, даже в рамках единичного занятия или профилактической встречи[3]. Так, целесообразным представляется проведение профилактических занятий в формате «открытого диалога», деловых игр, которые обеспечат высокую заинтересованность среди молодых граждан и помогут лучше воспринять выдаваемый материал.

Во-вторых, мы подчеркиваем необходимость учитывать, при проведении информационного воздействия, в достаточной степени полиэтнический состав целевой аудитории, школьников старших классов, студентов. Здесь мы соглашаемся с Бредихиным А.В. который утверждает, что моноэтнический состав региона, коими являются Алтайский край и Томская область, не всегда гарантирует такой же моноэтнический состав обучающихся, особенно в высших учебных заведениях[4]. Иными словами, способы информационного воздействия на молодых людей должны быть доступны для понимания, в том числе, представителей неславянских национальных культур.

Также мы полагаем, что наиболее эффективно реализовать план по информационному противодействию экстремизму получится только в случае тесного взаимодействия студенческих организаций с правоохранительными органами, одними силами которых достигнуть данную цель не представляется возможным.

Кроме того, указанные меры необходимо использовать и для профилактики иной социально-негативной информации, размещаемой в сети Интернет. Так, вследствие возникших проблем в правоприменительной практике, а также последующих изменений уголовного законодательства и актуализации Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», уголовно-правовой метод воздействия на преступность экстремистской направленности был значительно усложнен, как и противодействие размещению такого рода контента в Интернете[5].

Однако, данная информация остается в открытом доступе и, так или иначе, влияет на жизнь пользователей. Так, в рамках исследования, нами был проведен социологический опрос, среди студентов-первокурсников Алтайского Филиала РАНХиГС. Учащимся были заданы вопросы, встречают ли они информацию в сети Интернет, которую формально можно было бы определить как информацию экстремистского содержания и как они относятся к этой информации. Из 75 опрошенных лишь четверть не встречала такого рода контент в сети Интернет. При этом, в подтверждение положений Пленума ВС, отмечается тот факт, что оскорбительной эту информацию посчитали лишь 4% опрошенных. Однако отмечаем, и это подтверждает выдвигаемые нами тезисы, что почти половина опрошенных относится к этой информации негативно, как к «мусорному» и вредному контенту и предпочитали бы не встречать его, при нахождении во Всемирной Сети.

Таким образом, мы обращаем внимание на вред такой информации. И, на наш взгляд, негативное воздействие такого рода контента заключается, в первую очередь, в том, что он повышает правовую и политическую безграмотность, порождает в потребителях этой информации циничное отношение к го-

сударству, праву, а также человеку, его правам и свободам, кроме того, негативно воспринимается многими пользователями сети. Поэтому обозначенные нами способы информационного воздействия должны быть также направлены на размещение и распространение такого рода контента в сети Интернет.

Подводя итог, мы приводим слова Председателя Следственного комитета Российской Федерации, А.И. Бастрыкина, который отмечает, что сутью профилактики преступной деятельности, ее «сильной стороной» должна быть заинтересованность целевой аудитории, на которую направлены обозначенные методы. Для по-настоящему эффективной профилактики экстремизма нужно ликвидировать своеобразный барьер между молодежью, целевой аудиторией этой деятельности и органами, занимающимися данной профилактикой, чему поспособствует корректировка существующих способов профилактики экстремизма, а также более широкое вовлечение студенческих и школьных организаций в противодействие преступности экстремисткой направленности.

Библиографический список

1.Курбалийя Й. Управление Интернетом: координационный центр национального домена сети Интернет / Й. Курбалийя // – М.: Проспект, 2010. С. 44.

2.Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013 – 2018 годы: утверждена Президентом Российской Федерации 26.04.13 // Российская газета. – 2013. – 02 мая;

3.Брайко Д.Н. Обзор профилактических методов противодействия идеологии терроризма и экстремизма в образовательной среде / Д.Н. Брайко // Обзор НЦПТИ. – 2018. – № 2. – С. 56-63.

4.Бредихин А.В. Противодействие распространению идеологии экстремизма в полиэтничной среде Ростовской области / А.В. Бредихин // Государственное управление. Электронный вестник. – 2018. – № 67. – С. 31-45.

5.О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 20.09.2018) // Российская газета. – 2011. – 14 июля.

УДК 343.97

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Загороднева Э.Е.
курсант факультета подготовки сотрудников полиции и следователей,
Барнаульский Юридический институт МВД России
ellada.zaghorodnieva@mail.ru
Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права и криминологии,
к.ю.н. Ботвин И.В.

Аннотация: Настоящая статья посвящена актуальным проблемам предупреждения экстремизма в молодежной среде на территории Российский Федерации. Данное положение дел, несомненно, связано с отсутствием в законодательстве мер, регламентирующих профилактику и предупреждение экстремистских проявлений, а также необходимостью создания комплексного подхода, направленного на разрешение данных проблем.

Ключевые слова: экстремизм, молодежная среда, противодействие экстремистских посягательствам.

Annotation: This article is devoted to actual problems of prevention of extremism among young people in the territory of the Russian Federation. This state of Affairs is undoubtedly due to the lack of legislative measures regulating the prevention and prevention of extremist manifestations, as well as the need to create an integrated approach aimed at resolving these problems.

Keywords: extremism, youth environment, countering extremist attacks.

В настоящее время экстремизм во всем многообразии своих проявлений представляет угрозу внутреннего характера для России. Все чаще можно встретить в СМИ сообщение об убийствах на почве расовой и религиозной неприязни и террористических актах. Чаще всего подобные посягательства направлены на достижение одной цели: получить общественный отклик, подорвать авторитет власти и, следовательно, создать нестабильную атмосферу в обществе[1, с.26].

В связи с тем, что представителям молодежи присуща неустойчивость и внутренняя противоречивость психики, данная социальная группа является той частью общества, в которой легче приживаются радикальные взгляды и убеждения.

Существует ряд факторов, способствующих развитию экстремистских проявлений в молодежной среде:

1. обострение социальной напряженности (экстремизм постоянно подпитывается неопределенностью социальное положение молодого человека в связи с его еще не сформировавшимися взглядами на происходящее);

2. криминализация ряда сфер общественной жизни (в том числе широкое вовлечение молодых людей в криминальные индустрии бизнеса);

3. снижение уровня образования и культуры, разрыв преемственности ценностных и нравственных установок различных поколений;

4. использование Интернета в противоправных целях (информация, циркулирующая на телевидении и в социальных сетях, не подвергается должной фильтрации и трансляция современной продукции западной культуры осуществляется без цензуры, поэтому у молодых людей стремительно быстро происходит накопление и реализация негативного протестного потенциала).

На основе вышеперечисленных факторов по всей стране создается большое количество экстремистских объединений, в частности, в городе Барнауле существовали такие группировки как «Волки Одина», «Штурм-88», деятельность которых заключалась в нападениях на граждан на национальной почве.

На сегодняшний день проблема предупреждения и профилактики экстремизма в молодежной среде стоит наиболее остро. Борьба с этим негативным социальным явлением включает в себя целый комплекс мер, направленных на выявление различных предпосылок и факторов (объективного и субъективного характера) возникновения экстремистских настроений среди молодежи, а затем осуществление системной и целенаправленной деятельности по их устранению[2,с.163].

В связи с этим профилактику молодежного экстремизма мы разделили на следующие направления:

1. принятие мер, способствующих повышению иммунитета молодежи к экстремизму;

2. формирование толерантности и неприятие идеологии насилия;

3. создание у молодежи негативного образа экстремистских проявлений.

Данные направления следует применять в первую очередь к учащейся молодежи, поскольку от нее зависит уровень развития государства и возможность формирования гражданского общества [3, с. 194-199]. И именно к этой категории молодежи на протяжении всей социализации личности применимы различные рычаги воздействия и дополнительные средства, включающие возможности образовательной организации[4, с.20].

Как показывает мировой и российский опыт, борьба с распространением молодежного экстремизма при отсутствии четкой программы профилактики этого явления не дает необходимых результатов.

Так в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ говорится, что в целях противодействия экстремизму различные органы государственной власти осуществляют профилактические, в том числе воспитательные и пропагандистские меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности[5]. В тоже время, нигде конкретно не прописано, как осуществляются указанные мероприятия, кто ответственен за их проведение и каково их содержание.

В 2015 году была принята госпрограмма «Противодействие экстремизму и идеологии терроризма в Алтайском крае» на 2015-2019 годы.

При проведении ее анализа оказалось, что среди этапов по реализации программы указаны мероприятия прошлой (2012-2014 г.г.), а именно:

- повышение квалификации государственных и муниципальных служащих по вопросам противодействия экстремизму;
- реализация этнокультурной и миграционной политики;
- семинары-совещания для сотрудников правоохранительных органов;
- подготовка журналистов и блогеров по специальным программам;
- увеличение до 100 телерадио сюжетов в СМИ.

На наш взгляд, подобное дублирование происходит по двум причинам. Во-первых, в обществе существуют все те же проблемы борьбы с рассматриваемой угрозой. А, во-вторых, в ходе реализации предшествующей программы попросту не удалось решить поставленные перед ней задачи. Контроль, возложенный на Главное управление образования и молодёжной политики, осуществлялся, на наш взгляд, не должным образом, что сделало возможным наличие дублирований в госпрограмме.

Таким образом, в рамках проведенного исследования, мы пришли к выводу, что сегодня государство заинтересованно лишь в создании стратегий противодействия экстремизму как на региональном, так и на федеральном уровне и не уделяет должного внимания процессу их реализации, что является огромной проблемой, порождающей те трудности, с которыми сегодня сталкивается практика. А субъекты противодействия экстремизму и его профилактики (федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления) борются с этой проблемой даже не осознавая направления, которым уделяет внимание государство. Таким образом, получается замкнутый круг, ведь государство декларирует задачи, а лицо, уполномоченное их выполнять о ни даже не ведает.

В связи с этим необходимо создание комплексного подхода, а именно:

1. понимание проблемы;
2. формирование задач, способствующих ее решению;
3. создание управленческих распоряжений по реализации данных задач;
4. распределение полномочий среди исполнителей;
5. непосредственная реализация целей, поставленных перед исполнителями.

Библиографический список

1. Зорина П.А. Особенности профилактики экстремизма в молодежной среде // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017 С. 26–27.

2. Балацкий Д. Ю. Меры предупреждения молодежного экстремизма // Власть и управление на Востоке России. 2017–№4 (81). С.162-169.

3. Ботвин И.В. Особенности криминологической характеристики корыстной преступности (по материалам Алтайского края) / Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 194-199

4. Громова Н.С. Профилактика молодежного экстремизма как угрозы безопасности региона // Вестник Прикамского социального института.– 2017. С. 16–23.

5. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 28.10.2018) [Электронный ресурс] // https://base.garant.ru/12127578/. (дата обращения: 13.02.2019).

УДК 342.95

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ И ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА

Захрямин Н.Б.
студент Института экономики и управления
ФГБОУ ВО Алтайского государственного технического университета
имени И.И. Ползунова, специальности «Экономическая безопасность»
nik.zakhryamin@mail.ru
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Ваймер Е.В.

Аннотация: В преддверии предстоящей оценки эффективности национальной системы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма исследуются рекомендации международной организации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег по вопросам финансирования терроризма и противодействия незаконным финансовым операциям и их выполнение на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: национальная система противодействия легализации доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма, Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, Федеральная служба по финансовому мониторингу, оценка эффективности.

Annotation: On the eve of the forthcoming assessment of the effectiveness of the national system of countering money laundering and financing of terrorism, the recommendations of an international organization of the Group to develop financial measures to combat money laundering on the financing of terrorism and countering illegal financial operations and their implementation in the Russian Federation are being studied.

Keywords: the national system of combating money laundering and financing of terrorism, the Financial Action Task Force on Money Laundering, Federal Financial Monitoring Service, effectiveness evaluation.

Российская (национальная) система противодействия финансированию терроризма (далее – НС ПФТ) должна способствовать укреплению национальной безопасности и стабильности финансового сектора.

В связи с имеющейся террористической угрозой, с которой сталкивается все мировое сообщество, необходимость глубокого понимания факторов, обуславливающих наличие и возникновение в государстве случаев финансирования терроризма, выходит на первое место. При этом, в виду ограниченности ресурсов, находящихся в распоряжении НС ПФТ, их расходование и распределение должны быть направлены на минимизацию ключевых рисков. Поэтому в настоящее время назрела необходимость проведения данной национальной оценки рисков финансирования терроризма (далее – НОР ФТ), позволяющей выявить те направления противоправной финансовой деятельности, которым следует уделять первостепенное внимание, а также определить наиболее уязвимые места НС ПФТ[1].

НОР ФТ проводится Росфинмониторингом с привлечением своих межрегиональных управлений и иных участников НС ПФТ, в том числе 7 органов государственной власти РФ, Банка России и 22 организаций частного сектора, являющихся субъектами первичного финансового мониторинга, что позволяет сделать разносторонний анализ существующей ситуации в сфере противодействия ФТ в Российской Федерации. Результаты НОР ФТ рекомендованы для учета в правоприменительной практике при выборе конкретных мер минимизации определенных рисков ФТ и при распределении ресурсов на всех уровнях НС ПФТ[3].

Целями национальной оценки рисков отмывания преступных доходов являются: определение наиболее часто используемых методов отмывания преступных доходов; определение слабых мест национальной «антиотмывочной» системы; формирование единообразного понимания рисков среди всех участников «антиотмывочной» системы; выработка конкретных мер и эффективное распределение ресурсов для минимизации выявленных рисков[2].

Международная организация Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (далее – FATF) периодически проводит оценку соответствия национальной системы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма. Оценка проводится на соответствие рекомендациям FATF [5].

Имеются некоторые рекомендации, помещенные в Раздел С, которые относятся только к финансированию терроризма. Ими являются: Рекомендация 5 (криминализация финансирования терроризма); Рекомендация 6 (целевые финансовые санкции, относящиеся к терроризму и финансированию терроризма); Рекомендация 7, нацеленная на обеспечение соответствия и эффективного применения целевых финансовых санкций; Рекомендация 8 (меры по предупреждению использования некоммерческих организаций в целях финансирования терроризма)[3].

Для получения полноты картины как по эффективности системы ПОД/ФТ страны в целом, так и ее составных частей, FATF проводит оценку по 11 так называемым "непосредственным результатам". "Непосредственные результаты" подробно описываются в специальном документе FATF — методологии оценки технического соответствия рекомендациям и эффективности систем ПОД/ФТ.

Каждый из этих 11 результатов описывает одну из главных целей, которые должна достичь эффективная система ПОД/ФТ[4].

К этим целям, в частности, относятся правильное понимание рисков ОД/ФТ и координация действий по борьбе с ОД/ФТ/ФРОМУ, международное сотрудничество, надзор и регулирование финансовых организаций и "установленных нефинансовых предприятий и профессий", применение частным сектором превентивных мер.

Помимо этого, среди этих целей обеспечение прозрачности юридических лиц и образований, востребованность материалов финансовой разведки различными органами, проведение расследований по ОД/ФТ и применение санкций, конфискация преступных доходов и замораживание активов террористов, а также соблюдение резолюций Совбеза ООН по ФРОМУ[3].

Методические рекомендации по работе оценщиков FATF предусматривают несколько этапов проверки. На первом этапе страну просят заполнить опросник, который является инструментом, позволяющим властям оцениваемой страны предоставить подробную информацию, необходимую для выполнения оценки до выезда экспертов. Такая информация должна включать в себя сведения о мерах, применяемых в настоящее время, о полученных результатах, разрабатываемых изменениях. Страна также вправе добавить любой дополнительный материал, который, по ее мнению, поможет экспертам в оценке. К примеру, она может проанализировать эффективность предпринимаемых мер. Затем этот опросник направляется в секретариат оценщикам FATF для изучения. На основе выводов, сделанных по результатам рассмотрения этого опросника, представители группы вырабатывают план оценки[4].

Далее осуществляется оценка по двум элементам контроля: формальное техническое соответствие рекомендациям и эффективность "антиотмывочной" системы в ликвидации рисков отмывания денег и финансирования терроризма (ОД/ФТ)[1].

По результатам предыдущей оценки России 2008 года эксперты FATF выявили ряд недостатков. Среди них ненадлежащая прозрачность информации о бенефициарных собственниках и контроля в отношении юридических лиц. На основе этого Россию поставили на регулярный мониторинг[4].

В этой связи Банк России и Росфинмониторинг неоднократно напоминали субъектам первичного финансового мониторинга о важности выявления публичных должностных лиц и оценки бенефициарной собственности. Кроме того, ФНС РФ приняла документ о порядке ответа юридических лиц на запросы налоговой службы о раскрытии информации о бенефициарных владельцах. Помимо этого, принят закон, который обязывает всех юридических лиц раскрывать Росфинмониторингу и ФНС информацию о конечных бенефициарных собственниках[2].

На этом же этапе оценивается риск использования высокотехнологичных решений для переводов денежных средств и новые форматы электронных финансовых активов, одним их которых является виртуальная валюта.

В 2018 году FATF обратила внимание на эту сферу: на пленарном заседании было принято решение существенно переработать методологические рекомендации по усилению контроля в этой сфере. Однако в России до сих пор не принят закон о криптовалюте, хотя имеется проект, предложенный Минфином РФ «О цифровых финансовых активах». Здесь же можно обозначить проблему идентификации клиентов при совершении операций, подлежащих обязательному контролю и при совершении подозрительных сделок[5].

В целом, по результатам предыдущих оценок Россия получила высокий уровень соответствия, что позволило ей войти в топ государств-лидеров "антиотмывочного" движения. В связи с этим отношение к России на международной арене в сфере применения процедур ПОД/ФТ/ФРОМУ достаточно уважительное. Более того, в 2013-2014 годах Россия была страной-председателем в FATF, что стало результатом высокой оценки применяемых ею мер в этой сфере. И если Россия в 2019 году получит низкий рейтинг соответствия требованиям FATF, в отношении страны будет введен режим усиленного мониторинга и применения экономических санкций[4].

Библиографический список

1.Шевлоков В. Финансовый контроль как функция финансового управления // Финансы. - 2004. № 1.

2.Национальная оценка рисков легализации (отмывания) преступных доходов 2017-2018 гг.) [Электронный ресурс] - URL: http://www.fedsfm.ru/content/files/documents/2018/%D0%2017-18.pdf. (дата обращения 10.04.2019).

3.Национальная оценка рисков финансирования терроризма 2017-2018 гг.) [Электронный ресурс] - URL: http://www.fedsfm.ru/content/files/documents/2018/%D%D0%BE%D1%82%D1%85%D1%82%2017-18.pdf. (дата обращения 10.04.2019).

4.Перспектива 2019: чего ждать от миссии FATF в России [Электронный ресурс] - URL: https://rosfinsovet.ru/informatsiya/nsfr-v-smi/perspektiva-2019-938 (дата обращения 10.04.2019).

5.Новые риски финансирования терроризма. Отчет ФАФТ. [Электронный ресурс] - URL: https://eurasiangroup.org/files/FATF_docs/.pdf.(дата обращения 10.04.2019).

УДК 343.9

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

Иванова Ю.В.
студентка экономико-юридического факультета ФГБОУ ВО ГАГУ,
Горно-Алтайский государственный университет
ivanova yulya.1998@yandex.ru
Научный руководитель: к.филос.н., доцент Пашаев Х.П.

Аннотация: Данная научная статья посвящена исследованию опыта зарубежных стран, в условиях распространения таких проявлений, как терроризм, преступления, совершаемые по мотивам национальной, расовой и религиозной вражды, что приводит к нарушению норм общественного порядка и дестабилизации нормальной жизни граждан.

Ключевые слова: экстремизм, противодействие экстремизму, терроризм, нетерпимость, экстремистская деятельность.

Annotation: This scientific article is devoted to the study of the experience of foreign countries in the conditions of the spread of such manifestations as terrorism, crimes committed on the grounds of national, racial and religious hostility, which leads to a violation of the norms of public order and destabilization of the normal life of citizens

Keywords: extremism, countering extremism, terrorism, intolerance, extremist activities

Проявление экстремизма охватывает практически все страны мира. Объектом агрессивных нападок экстремистов становятся все современные социально-политические, экономические институты, властные структуры, представляющиеся несовершенными, так как именно они, по мнению идеологов экстремизма, являются главным препятствием на пути установления основ нового порядка.

Современный мировой экстремизм, составными элементами которого выступают нетерпимость, ксенофобия, национализм и фашизм, отрицая этническое и религиозное многообразие, угрожает безопасности общества (безопасному сосуществованию наций и социальных групп) и государств, нарушает права человека, препятствует достижению гражданского согласия, подрывает устои демократических и правовых форм государства. Поскольку экстремизм все более отчетливо проявляется противоправными деяниями, он представляет особую опасность для личности, ведет к ущемлению прав и свобод человека, дестабилизирует жизнь общества.

С ним необходимо бороться, а также проводить профилактические работы. В различных странах борьба с его проявлениями происходит по-разному. В зависимости от формы государства, политического режима и других разнообразных факторов.

В США борьба с различными проявлениями экстремизма объявлена одной из важнейших задач обеспечения внутренней безопасности государства. Вооруженный экстремизм определяется при этом как незаконное использование или угроза силой, вооруженное насилие над людьми или собственностью для принуждения или устрашения правительства и общества, достижения политических, религиозных или идеологических целей[1].

Также в отношении данного государства следует отметить, что, в отличие от европейских стран, местное законодательство пошло по пути ужесточения различных приемов и методов, направленных на противодействие экстремизму. Федеральное законодательство США содержит нормативно-правовые акты, позволяющие специализированным подразделениям полиции по противодействию терроризму и экстремизму без решения судебных и следственных органов помешать под стражу лиц, подозреваемых в причастности к экстремистским и террористическим организациям, и допрашивать их без присутствия лица, оказывающего юридическую помощь[2].

Таким образом, можно сказать, что в США на сегодняшний день прослеживается ужесточение мер, направленных на противодействие экстремизму, особенно в вопросах отслеживания подобной деятельности в сети Интернет, что вполне может быть использовано в отечественной правоприменительной практике.

В Китае система контроля глобальной сети представляет собой системный и эффективный комплекс мер. Фильтрация контента осуществляется как программными, так и аппаратными средствами. Кроме того, власти оказывают прямое давление как на самих пользователей, так и на владельцев сайтов и провайдеров.

С самого начала своего появления Интернет в Китае находится под тотальным контролем со стороны властей. Правительство имеет технические возможности блокировать сайты, на которых появляется информация, идущая вразрез с законами КНР. Периодически в этот "черный список" попадают и некоторые иностранные электронные СМИ.

Отдельно хотелось бы рассмотреть практику противодействия экстремизму в странах азиатско-тихоокеанского региона на примере Сингапура. При регламентации ответственности за преступления, совершенные по мотиву расовой или религиозной ненависти, законодатель опирается на так называемый принцип ужесточения наказания. В уголовном кодексе Сингапура указано, если лицо виновно в совершении преступления, которое отягчено расовым или религиозным мотивом, суд имеет право вынести обвиняемому приговор, в 1,5 раза строже приговора, назначаемого за базовое преступление.

Также следует упомянуть, что на территории Сингапура запрещена деятельность таких религиозных организаций, как «Свидетели Иеговы» и «Церковь объединения», не допускается использование письменных материалов, опубликованных международной ассоциацией «Исследователей Библии» и трактатов общества, как изданий «Свидетелей Иеговы»[3].

На основании этого можно констатировать, что в Сингапуре имеется довольно развитая система норм законодательства, направленных на противодействие различным формам проявлений экстремизма.

Зарубежный опыт показывает, что во многих государствах уже выработан навык противодействия такому опасному социально-политическому явлению как религиозный экстремизм. Данный опыт, безусловно, нуждается в пристальном изучении со стороны компетентных органов Российской Федерации.

Библиографический список

1. Бидова Б.Б. Преступления экстремистской направленности: уголовно-правовой и криминологический анализ. — Монография. - Кисловодск: Изд-во УЦ «Магистр», 2013. - 224 с.

2. Солопченко Д.В. Новые тенденции развития законодательства об экстремизме и терроризме в Российской Федерации и за рубежом // Российский следователь. 2014. № 6.

3. Бешукова З.М. Противодействие экстремизму в странах азиатско-тихоокеанского региона: правовой опыт Сингапура // Библиотека криминалиста. 2014. № 5.

УДК 343.9

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ И РЕЛИГИОЗНЫМ ЭКСТРЕМИЗМОМ В КАЗАХСТАНЕ

Комов С.В.
студент юридического факультета КазГЮИУ,
Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет
ksergei00@mail.ru
Научный руководитель: магистр юриспруденции,
старший преподаватель КазГЮИУ Бактыбеков М.Б.

Аннотация: В данной статье рассмотрены социально-правовые аспекты борьбы с терроризмом и религиозным экстремизмом в Республике Казахстан. Изучены такие основные моменты как: вербовка социально уязвимых граждан в деструктивные религиозные течения, вопросы проведения профилактических, воспитательных и ознакомительных мероприятий с различными слоями населения, а также проблематика легальной деятельности деструктивных религиозных сект на территории Республики Казахстан.

Ключевые слова: Светское и правовое государство, глобальные угрозы, терроризм и религиозный экстремизм, вербовка, религиозные секты.

Annotation: This article discusses the social and legal aspects of the fight against terrorism and religious extremism in the Republic of Kazakhstan. The follow-

ing main points were studied: the recruitment of socially vulnerable citizens to destructive religious movements, issues of preventive, educational and familiarization activities with various segments of the population, as well as the problems of legal activities of destructive religious sects in the Republic of Kazakhstan.

Key words: Secular and leagal state, global threats, terrorism and religious extremism, recruitment, religious sects.

Республика Казахстан является светским и правовым государством, участником ОДКБ. Одной из ключевых задач ОДКБ является противодействие международному терроризму. Данная проблема чрезвычайно актуальна, так как «сегодня государства СНГ в силу их геополитического положения оказались на переднем крае борьбы с международным терроризмом. Это со всей очевидностью подтверждают события на Северном Кавказе и в Центрально - Азиатском регионе. Ситуация может значительно осложниться в связи с крахом далеко идущих планов экстремистов на Северном Кавказе и сосредоточением основных сил «джихада» на Центрально-Азиатском направлении»[1, с.1].

Казахстан испытывает проблемы, связанные с вербовкой наших граждан в террористические и экстремистские организации, которые имеют негативные последствия не только для всей страны, но и для мирового сообщества. Примкнувшие к преступникам граждане отправляются целыми семьями в зоны боевых действий в Афганистан, Ирак, Иран, Сирию и другие государства, подверженные гражданской и религиозной войнам. «По данным на июль 2018 года, в международных террористических организациях в Сирии и Ираке находится 120 казахстанских мужчин, более 250 женщин и 500 несовершеннолетних детей. По данным КНБ, из лагерей и военных баз террористических организаций на Ближнем Востоке в страну возвращено 112 казахстанцев (61 мужчина, 51 женщина). Кроме того, в Казахстан вернули и 81 ребенка»[2]. «На сентябрь 2018 года – «в Казахстане 656 человек осуждены за преступления, связанные с экстремизмом и терроризмом»[3], – сообщила Вера Ткаченко, руководитель программы Управления ООН по наркотикам и преступности.

В нашем государстве также стоит острая проблема вербовки граждан, отбывающих наказание в местах лишения свободы, а также работников уголовно-исполнительной системы. Международная тюремная реформа (PRI) в результате своего исследования заключила: «Места лишения свободы являются благоприятными для вербовки и примыкания к различным радикальным группировкам. Там нет наблюдения общественности, тотального контроля, мы не знаем, какие огромные работы ведутся там. В колониях, закрытых учреждениях, полицейских участках, СИЗО, ИВС человек ощущает большую депрессию. С психологической точки зрения уязвимые люди нуждаются в определённой поддержке и помощи. Они не имеют постоянного контакта с семьёй, но рядом есть лица, обладающие большими знаниями в религии, которые дают им «вредную» духовную пищу. Кроме того, лица, находящиеся в изоляции от общества, имеют определённую злобу и ненависть к тем, кто на свободе. А также к тем госорганам, которые занимаются следствием и судом за несправедливые решения»[4].

Насущным вопросом является эффективность проведения воспитательных бесед и профилактических работ с различными слоями населения. Как правило, такие мероприятия проводятся не регулярно и не охватывают весь возрастной контингент. «Среди террористов встречаются люди самых разных возрастов. Руководителями и организаторами терроризма чаще бывают лица старшего возраста, исполнителями – молодые. Именно молодые члены террористических организаций, непосредственно осуществляющие теракты, наиболее уязвимы и для пуль стражей порядка, и для уголовной юстиции»[5, с. 651]. «Им расписывалась красивая жизнь, которая якобы там существует. Говорили, что там жизнь по справедливости, соблюдаются все религиозные каноны. Они выезжали туда и убеждались, что на самом деле ситуация совсем не такая, что никакой справедливости там и в помине нет. Там мусульмане воюют с мусульманами. А выйти оттуда уже невозможно. За это карают вплоть до смертной казни»[6] – сообщил начальник департамента КНБ Бахытбек Рахимбердиев. Основное негативное воздействие идет на молодых малообразованных граждан с низкой социальной ответственностью. «Образовательный уровень осужденных (%): Малограмотные – 3,2; Образование 4 класса – 4,3; Образование 8 классов – 41,1; Образование 10 классов (среднее) – 33,7; Среднее специальное образование – 4,2; Незаконченное высшее образование – 2,4; Высшее образование – 1,1; Всего: – 100%»[5, с. 650].

Спорным моментом является легальная деятельность некоторых нетрадиционных религиозных сект на территории Республики Казахстан. Например, официально зарегистрированная и осуществляющая свою деятельность в Казахстане секта «Свидетели Иеговы», запрещена в Китае, исламских государствах севера Африки и Ближнего Востока, а также в России, по причинам разжигания религиозных рознь, мошенничества и угроз конституционному строю.

Исходя из всего вышесказанного необходимо: 1. «Я предлагаю официально запретить идеологию салафизма в Казахстане, продолжать изымать из обращения религиозную литературу с пропагандой салафитской идеологии. В ближайшее время также нужно решить вопрос с подготовкой женщин-теологов, потому что в Актюбинской области 30 процентов приверженцев деструктивных течений — это женщины. Также необходимо внести поправки в кодекс о здоровье. К примеру, в Актюбинской области насчитывается две с половиной тысячи детей, родители которых придерживаются идеологии салафизма и не позволяют их прививать. Если не внести поправки в законодательство, ситуация может обостриться. Еще одно мое предложение — нужно начинать готовить теологов в высших учебных заведениях региона»[7], — заявил Бердыбек Сапарбаев, будучи акимом Актюбинской области; 2. Повышать патриотизм и юридическую грамотность населения; 3. «Создавать службу, которая будет противодействовать экстремизму в местах лишения свободы. В Бельгии, Англии, США, есть службы в тюремной системе, которые взаимодействуют с правоохранительными органами непосредственно с КНБ, изучая каждую татуировку, роспись, печать»[4]; 4. Регулярно проводить пояснительно-ознакомительные беседы со школьниками, студентами, а также работниками фирм и предприятий; 5. Усо-

вершенствовать систему социальных льгот и пособий социально-уязвимым группам населения, ставить в приоритете значительное увеличение пособий; 6. Официально запретить нетрадиционные религиозные течения, которые за рубежом признаны опасными.

В целом наша страна является хорошим примером того, как нужно бороться с экстремизмом и терроризмом. И всё это благодаря не только эффективной деятельности органов национальной безопасности, но и самому населению, которое в нашей стране является мирным, многонациональным и толерантным.

Библиографический список

1. Кенжебекова А. Батырбаев А.К. «Международный терроризм и его влияние на Казахстан» // Вестник Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева, Алматы, 2012 г. 4 с.

2. «Радио Азаттык». Сколько казахстанцев находится за решеткой в Сирии и Ираке? [Электронный ресурс]. – URL: https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-siriya-knb-otvet/29401029.html. (дата обращения 23.02.2019)

3. «Казахстанская правда». Число осужденных за экстремизм и терроризм растет в Казахстане. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kazpravda.kz/news/obshchestvo/chislo-osuzhdennih-za-ekstremizm-i-terrorizm-rastet-v-kazahstane. (дата обращения 23.02.2019)

4. «BNEWS KZ». Почему борьба с терроризмом в Казахстане трещит по швам? [Электронный ресурс]. – URL: https://bnews.kz/ru/analysis/reviews/pochemu_borba_s_terrorizmom_v_kazahstane_treshchit_po_shvam. (дата обращения 23.02.2019)

5. Криминология: учебник / Е. О. Алауханов. - СПб.: Юридический центр-Пресс, 2013. с. 650-651.

6. «TENGRI NEWS». Операция "Жусан". Почему казахстанцы уезжают в Сирию и как возвращаются домой. [Электронный ресурс]. – URL**:** https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/operatsiya-jusan-pochemu-kazahstantsyi-uezjayut-siriyu-kak-361135/. (дата обращения 23.02.2019)

7. «Радио Азаттык». Выездное заседание «в регионе с самой сложной религиозной обстановкой». [Электронный ресурс]. – URL: https://rus.azattyq.org/a/aktobe-problemy-religioznogo-radikalizma/28499281 .html. (дата обращения 23.02.2019)

УДК 349.2

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ КАК СПОСОБ ФИНАНСИРОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА И БОРЬБА С НИМ

Колесник А.С.
студентка юридического факультета ГГУ им. Ф. Скорина
Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины
kolesnik_anya2000@mail.ru
Научный руководитель: ст. преподаватель Можаева Л.Е.

Аннотация: Настоящая статья посвящена актуальным проблемам противодействия финансированию терроризма, в частности, вопросам борьбы с перемещением денежных средств террористов как наличным, так и безналичным способом. Современным государствам необходимо выявлять операции, связанные с финансированием терроризма, разрабатывать и использовать эффективные меры борьбы с данным явлением.

Ключевые слова: терроризм, ФАТФ, террористы, террористические организации, перемещение денежных средств.

Annotation: This article is devoted to the actual problems of countering the financing of terrorism, in particular, the fight against the movement of funds of terrorists in cash and non-cash. Modern states need to identify operations related to the financing of terrorism, to develop and use effective measures to combat this phenomenon.

Keywords: terrorism, FATF, terrorists, terrorist organizations, transfer of funds.

Ни для кого не секрет, что терроризм является проблемой, которая существуют с древнейших времен. Первым проявлением терроризма, пожалуй, можно назвать такую древнюю террористическую группировку, как иудейская секта сикариев («кинжальщиков»), которая действовала еще в I веке н.э. в Иудее. Члены этой секты убивали представителей еврейской знати, выступавших за мир с римлянами и обвиненных в отступничестве от религии, национальных интересов и «коллаборационизме» с римской властью.

Следующим историческим примером террористической организации является секта хашашаинов (ассасинов), которая развила искусство тайной войны, диверсионной практики и насильственных средств достижения цели, действовавшая в Средние века.

Однако само понятие «терроризм» появилось сравнительно недавно. Согласно одному французскому словарю 1796 года якобинцы употребляли это понятие устно и письменно по отношению к себе с положительным оттенком[1, с.617]. Однако после 9-го термидора слово «террорист» стало носить уже оскорбительный смысл, превратившись в синоним преступника.

Систематические террористические акции начинаются во второй половине XIX столетия. Особенно в современном мире терроризм набирает обороты и является проблемой, волнующей мировое общество.

Террористические акты влекут за собой многочисленные человеческие жертвы, разрушение культурных, национальных ценностей, которые бывает трудно воссоздать. Эта та проблема, которая требует разрешения. Одним из способов выявления террористических организаций является денежный след. Террористам необходимы денежные средства для совершения деяний, для оружия, для поставок, изготовления взрывчатых веществ и т.д. Такой денежный след, который оставляют террористические организации, предоставляет ценную информацию следователям и часто позволяет им идентифицировать лиц.

Факты использования некоммерческих организаций для финансирования террористической деятельности в Республике Беларусь отсутствуют. Вместе с тем в международной практике некоммерческие организации представляются высокорисковыми в сфере финансирования терроризма[2].

Террористические акты могут быть предотвращены в том случае, если террористы и террористические организации будут лишены доступа к финансам и финансовой системе.

Электронная система безналичных расчетов в настоящее время получает широкое распространение во многих странах. Операции с использованием безналичных денег гораздо предпочтительнее, поскольку так достигается значительная экономия на издержках обращения. Распространению безналичных расчетов также способствует широкая сеть банков. Именно поэтому безналичные расчеты столь привлекательны для террористов и террористических организаций.

В связи с тем, что банковский сектор является, пожалуй, самым надежным и эффективным механизмом для осуществления международных переводов, он же является и самым уязвимым с точки зрения финансирования терроризма. Так как, как привило, для террористических организаций необходимо перемещать свои денежные средства по всему миру, банковский сектор является для них наиболее привлекательным. Это объясняется тем, что переводы в международной финансовой системе осуществляются просто и с высокой скоростью. Еще одним преимуществом для террористов является то, что огромный размер и объем международного финансового сектора позволяет террористам, террористическим организациям, а также лицам, их финансирующим, смешивать свои переводы со множеством других переводов. Данное обстоятельство позволяет им не привлекать большого внимания со стороны государственных органов. Для этого лица, финансирующие террористов через банковский сектор, осуществляют переводы мелкомасштабного характера, что из-за огромного объема законных операций не позволяет выявить операции, связанные с финансированием терроризма.

Несмотря на то, что финансовыми учреждениями во всем мире принимаются меры по снижению угрозы финансирования терроризма, риск все же остается. Так даже традиционные финансовые продукты могут использоваться незаконно с целью финансирования терроризма.

Еще одним способом переправки незаконных денежных средств является сектор денежных переводов. Он наравне с банковским сектором также является

уязвимым в плане финансирования терроризма. Сектор денежных перевод распространен в странах, где доступ к банковским услугам ограничен или где орудуют террористические группировки. Провайдером услуг денежных переводов в таких странах являются основные финансовые учреждения, через которые возможно осуществлять трансграничные денежные переводы. Провайдеры услуг денежных переводов весьма уязвимы в том случае, если они осуществляют деятельность без лицензии, если их деятельность не регулируется и не подлежит контролю. Однако самую большую опасность представляют агенты или же сотрудники так, как они могут сознательно способствовать осуществлению переводов денежных средств от лица террористических группировок или всячески оказывать им содействие в сокрытии данных. Однако и в данном случае возникает такая проблема, как смешивание переводов, связанных с террористической деятельностью, и законных денежных переводов.

Несмотря на широкое распространение безналичных расчетов, наличные деньги также продолжают использоваться в деятельности террористов. Способы сбора в данном случае не имеют значения, так как после этого деньги обналичиваются и вывозятся в зоны конфликта. Вывозу наличных денег через границы способствуют трудности стран, нерегулируемая экономика.

В Республике Беларусь значительная часть преступных доходов, особенно полученных в результате совершения коррупционных преступлений и преступлений, связанных с торговлей людьми, не легализуется, а хранится в наличной форме. Это может быть отнесено к национальным особенностям. Вместе с тем такие факты влияют на повышение рисков «отмывания» доходов в секторах с большим оборотом наличных денежных средств [2].

Здесь огромную роль играет такая международная организация, как целевая группа по финансовым мероприятиям (ФАТФ). ФАТФ (The Financial Action Task Force) – межправительственная организация, вырабатывающая мировые стандарты в сфере противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма, а также осуществляющая оценки соответствия национальных систем ПОД/ФТ государств этим стандартам[3].

ФАТФ является межправительственным органом, который был создан в 1989 году на саммите Группы семи (G-7) в Париже для изучения и разработки мер по борьбе с отмыванием денег министрами юрисдикций стран-членов. Однако в 2001 году в компетенцию ФАТФ была включена борьба с финансированием терроризма в дополнение к отмыванию денег.

Во многих странах были созданы специализированные государственные структуры, занимающиеся проблемой «отмывания» денег. Они получили название «подразделение финансовой разведки» (ПФР).

Одной из региональных групп по типу ФАТФ и ассоциированным членом ФАТФ является Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ). Участниками ЕАГ являются 9 стран: Беларусь, Индия, Казахстан, Китай, Кыргызстан, Россия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан[4].

ФАТФ ведет глобальную работу по понимаю рисков, с которыми сталкиваются страны в связи с финансированием терроризма, и разработке мер реагирования на все его аспекты.

Террористы постоянно приспосабливаются к новым гарантиям, введенными странами, для того, чтобы направить свои средства для осуществления своей деятельности. Они будут использовать новые технологии и продукты для привлечения и перемещения своих денег. Важным аспектом работы ФАТФ является выявление и исследование наиболее распространенных тенденций, а также новых источников финансирования терроризма и методов, которые террорист использует для управления своими активами, и повышения осведомленности стран и финансовых учреждений.

Библиографический список

1. Агаджанян Э. М. Историко-правовой анализ терроризма в России как негативного социального явления // Молодой ученый. 2014. N3. С. 617-620.
2. Нормативно правовые акты и письма Национального банка Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Национальный банк Республики Беларусь. - URL: http://www.nbrb.by/Legislation/AML (дата обращения: 15.03.2019)
3. The Financial Action Task Force (FATF) Available at: http://www.fatf-gafi.org/ (accessed 15 March 2019)
4. Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма [Электронный ресурс]. - URL: https://eurasiangroup.org/ru (дата обращения: 14.03.2019)

УДК 343.9

МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА XXI ВЕКА

Кудёлка О.С.
студент юридического факультета ГрГУ имени Янки Купалы
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
kudelkaoleg@mail.ru
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Белоусов А.Л.

Аннотация: Статья посвящена проблематике функционирования экстремистски настроенных молодежных групп и вопросу борьбы с этим явлением. В статье анализируются причины возникновения и стабилизации молодежного экстремизма, а также предложены пути преодоления этого негативного явления. Тема является, безусловно, актуальной, поскольку экстремизм несет разруху и хаос.

Ключевые слова: Экстремизм, молодежный экстремизм, экстремистски настроенная молодежная группа.

Annotation: The article is devoted to the problems of the existence of extremist-minded youth groups and the issue of combating this phenomenon. The article analyzes the causes of the emergence and stabilization of youth extremism, and also suggests ways to overcome this phenomenon. The topic is certainly relevant, since extremism brings devastation and chaos.

Keywords: Extremism, youth extremism, extremist-minded youth group.

На современном этапе развития общества экстремизм признан одной из важнейших угроз человечества, требующих внимания со стороны государства и принятия соответствующих мер. Экстремизм укрепляется во многих странах, приобретает разнообразные формы и виды, поэтому тематика затрагиваемых нами вопросов является актуальной, а решение существующих проблем позволит уменьшить риски экстремистских проявлений.

Само слово экстремизм происходит от латинского «extremus», то есть «крайний», а его трактовка имеет различные вариации в зависимости от понимания различными учеными. Впервые термин «экстремизм» появился в 1838 году в многотомном философском словаре немецкого философа Вильгельма Трауготта, экстремистами он называл тех, кто не хотел признавать середину и находил удовольствие в крайностях.

В современной юридической литературе, можно встретить множество определений экстремизма. Например, Гаужаева В. отмечает, что «суть экстремизма заключатся в том, что одна сторона социального конфликта проявляет агрессию, нетерпимость по отношению к другой стороне»[5,с.54]. Семигин Г. считает, что «экстремизм − это приверженность в идеях и политике к крайним взглядам и действиям». Власов В. утверждает, что «экстремизм – это негативное явление, исходящее из крайних взглядов, приверженности к крайним мерам, проявляющееся в деятельности радикальных субъектов по планированию, организации, подготовке к совершению запрещенных законом общественно опасных действий»[3, с. 7].

В советском нормативном толковом словаре С.И. Ожегова под экстремизмом понималась приверженность к крайним взглядам и мерам в политике[1,с.678]. В токовых словарях Т.Ф. Ефремовой и И.А. Васюковой указывается, что экстремизм − приверженность к крайним взглядам и мерам обычно в политике[2, с. 6].

Как можно заметить, в юридической доктрине исследователи не сводят сущность экстремизма лишь только к политической составляющей, и дают более обширное разъяснение этого явление. В то время как терминологические словари сводят экстремизм к политике.

Сегодня трактовка экстремизма и ответственность за него закреплена на законодательном уровне во многих государствах. Особенно это прослеживается в тех странах, где уровень экстремизма приобрел значительные масштабы.

Государства стремятся избежать противоправной угнетающей составляющей экстремизма, поэтому они закрепляют ответственность за совершение деяний экстремистской направленности в своих нормативных правовых актах. Это касается уголовно-правовой и административной юрисдикции.

Как уже отмечалось, экстремизм приобретает все новые формы и виды. Среди главенствующих форм экстремизма можно выделить: преступный, этно-религиозный, насильственный, социально-экономический и бытовой экстремизм, экологический, культурный, спортивный, психопатический, молодежный экстремизм.

Одной из интереснейших форм современного экстремизма является молодежный экстремизм. Ему присущи специфические особенности и сложности в предотвращении и пресечении экстремистски настроенной молодежи.

Молодежный экстремизм имеет множество причин для возникновения. Социально-экономические, политические и бытовые условия могут стать толчком для нескованных догматичностью мышления подрастающих индивидов. Пассионарное мышление молодежи не находит путей для самореализации, поэтому они самореализуются путем деструктивной деятельности различного характера.

На наш взгляд, правильно отмечает, Л. Баева, «желание к агрессии свойственно человеку, не способному к полноценной жизни, наполненной созиданием, любовью, заботой о близких»[4, с. 17].

Интересным является то, что виновником разрастающегося молодежного экстремизма в некоторой степени является государство. После развала СССР и падения коммунистического режима образовались новые государства со своей идеологией и политическим режимом, однако при отвержении старого новая власть не смогла дать ничего взамен. Зачастую подростки растут с чувством одиночества, отчужденности, неприязни к государству, они не чувствуют себя причастными к своей Родине.

Также важно заметить, что большинство молодежных экстремистских группировок имеют неформальный характер. Находясь в окружении своих сверстников, чувствуя внутреннее объединение и поддержку, имея свою атрибутику молодежи комфортно быть членом экстремистской группировки.

Значительные масштабы молодежный экстремизм приобрел в Украине и Российской Федерации. Возрастающие экстремистские группировки в этих государствах обусловлены малозначительной занятостью молодежной среды и экономическим, политическим и культурным кризисом.

Как правильно отмечает А. Данилов, «российскому обществу необходима новая идеология. Подобной идеологией может стать родолюбие – осознание принадлежности к своему народу, его культуре, земле и основанное на нем, глубокое уважение и почитание родителей, народа, Родины, принятие на себя ответственности за ее настоящее и будущее»[7, с. 33].

Молодежь в силу пассионарного мышления и стремления к деструктивной деятельности выступает той частью социума, в которой наиболее быстро происходит формирование антиобщественных настроений и протестного потенциала.

Исследователи отмечают, что экстремистски настроенные молодежные формирования могут иметь различную форму и проявление. Экстремизм может проявляться в сепаратизме, апартеиде, ксенофобии, территориальном экспан-

сионизма, расизме, антисемитизме, фашизме, национализме, этнофобии, шовинизме, этноэгоизме. Крайней формой проявления всех видов экстремизма является терроризм.

Также, на наш взгляд, справедливо высказывается Л. Баева, которая говорит, что «значительную роль в усилении националистических и в итоге – экстремистских настроений играет и фактор СМИ, которые невольно или целенаправленно способствуют информированности общества о происходящих событиях, и формированию интолерантных настроений»[4, с. 21].

СМИ и Интернет, говоря проще, играют значительную роль в осуществлении экстремистами своей деятельности. Экстремисты использую глобальную сеть Интернет для общения, кооперирования и разработки плана действий. К сожалению, в настоящее время, не во всех государствах есть нормативно закрепленная ответственность за эти деяния и возможность отследить все происходящие процессы в Интернете.

Многие государства, как уже отмечалось, закрепили ответственность за экстремистскую деятельность в своем законодательстве. К примеру, в главе 29 Уголовного кодекса Российской Федерации закреплена ответственность за организацию и финансирование экстремистской деятельности. Уголовный кодекс Республики Беларусь в главе 32 устанавливает наказание за экстремизм. Также экстремистская деятельность в Республике Беларусь регулируется Законом Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму». Ответственность за изготовление, распространение и хранение экстремистских материалов Закреплена в статье 17.11 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь.

В параграфе 130 Уголовного кодекса Федеративной Республики Германии установлена ответственность за ненависть против части населения или призыв к насилию или актам произвола против нее, то есть ответственность за экстремизм. Статья 103 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики включает состав преступления, связанный с экстремизмом. Также ответственность за экстремизм содержат статьи 137c, 137d, 137f, 137e, 137g Уголовного кодекса Нидерландов.

Как мы видим, многие государства предусматривают ответственность за экстремизм, однако, к сожалению, большинство государств не имеет в своих законодательных актах статьи про экстремизм.

Противостояние экстремизму требует комплексного подхода, связанного с укреплением государственности, развитием гражданского общества, созданием ряда мер противодействия экстремизму.

Таким образом, мы видим, что проблемы с экстремизмом и молодежным в частности существуют. Многие государства успешно справляются с новыми вызовами систематизируя и дополняя свое законодательство, однако в то же время много где в мире этим вопросам уделяется мало внимания.

Исходя из всего вышесказанного, мы предлагаем ряд мер, которые на наш взгляд способны улучшить положение с молодежным экстремизмом в лучшую сторону:

1) воспитание подрастающего поколения в духе «уважения к закону»;

2) улучшение социально-экономического, политического, культурного положения в государстве;

3) выделение среди молодежи «группы риска», то есть тех лиц, которые потенциально способны осуществлять экстремистскую деятельность;

4) укрепление и дополнение нормативно-правовой базы;

5) воспитание патриотизма и распространение положительной государственной идеологии;

6) создание как можно больше культурно-массовых мероприятий и развлечений для молодежи способных полноценно занять подростка.

Библиографический список

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – Москва: АСТ, 2017. − 736 с.

2. Васюкова И.А. Словарь иностранных слов (с грамматическими формами, синонимами, примерами употребления) / И.А. Васюкова. – Москва: АСТ-ПРЕСС, 2006. − 416 с.

3. Власов В.И. Экстремизм: теория, законодательство, практика противодействия / В.И. Власов, Л.Ф. Болтенкова. – Москва: Этносоциум, 2014. – 194 с.

4. Баева Л.В. Молодежный экстремизм в современной России / Л.В. Баева // Обзор НЦПТИ. – 2015. – № 5. – С. 16–21.

5. Гаужаева В.А. Понятие идеологии экстремизма / В.А. Гаужаева // Пробелы в российском законодательстве. − 2016. − № 2. − С. 53−55.

6. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова. – Москва: Оникс, 2000. − 1209 с.

7. Данилов А.П. Родолюбие и мы // Крымские юридические чтения: материалы международной научно-практической конференции 11 мая 2012 г. / Национальный университет «Одесская юридическая академия». Экономико-правовой факультет в г. Симферополь. Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2012. На украинском и русском языках. С. 28–33.

УДК 378.02

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Матченя А.С.
студентка Алтайского филиала РАНХиГС, Алтайский филиал
Российской Академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
matchenya97@mail.ru
Научный руководитель: старший преподаватель, Маракулин Д.А.

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются политические, социально-экономические, социально-психологические, социально-культурные причины преступности экстремисткой направленности среди молодежи.

Ключевые слова: экстремизм, молодежь, преступность, преступления экстремисткой направленности

Annotation: In the article the political, socio-economical, socio-psychological, socio-cultural causes of extremist crime among young are considered.

Keywords: extremism, youth, crime, extremist crimes

Актуальность темы исследования определяется тем, что такое явление как экстремизм и его распространение в молодежной среде стало масштабной проблемой в современном мире. Поэтому для успешного противодействия данному преступному феномену очень важно изучить причины, детерминирующие молодежный экстремизм.

Согласно статистическим данным, значительную группу лиц (примерно 80 %), совершающих экстремистские преступления, составляют лица в возрасте от 14 до 29 лет[1].

Исходя из вышесказанного, отмечаем, что именно молодежь, больше других категорий населения подвержена влиянию экстремистских течений. Молодежная среда на протяжении нескольких десятилетий и сегодня находится в достаточно сложной ситуации целого комплекса нерешенных социальных, экономических, политических и психологических проблем, предопределяющих рост экстремистских проявлений и преступлений в этой сфере.

Именно молодежь, нередко несовершеннолетние, становятся участниками экстремистских группировок. Это объясняется тем, что в подростковом возрасте человек еще не сформирован окончательно и подвержен негативным влечениям, на него проще оказать давление и влияние окружающим, которые этим и пользуются. Как верно заметила Ермакова Е.С., молодежный экстремизм «определяется незавершенностью процессов формирования правосознания, недостаточной социально-психологической зрелостью, склонностью к проявлению различных форм социального протеста...»[2, с.220]. Это подтверждают и определенные особенности психики молодежи - специфическое сознание, для которого характерна несформированность политического, экономического, религи-

озного понимания у молодых людей и отсутствие твердых жизненных установок и ориентиров.

К обще социальным детерминантам экстремизма можно причислить определенные трудности и проблемы в семье, ссоры и стычки со сверстниками, социальная напряженность в обществе.

Семья является базисом развития личности человека. Однако ребенок не всегда получает достаточного внимания и понимания со стороны родителей, и если потребность в понимании и поддержке со стороны родителей не реализована, подросток либо замыкается в себе, либо ищет другие способы удовлетворения такой потребности, уходя на улицу и вступая в разнообразные экстремистские группировки. У подростков и детей большую роль играет общение, как со сверстниками, так и с взрослыми. В силу психической неустойчивости такие связи в семье и в образовательной организации могут нарушаться, но при этом потребность в общении остается, и подросток ищет аналоги такого общения, прибегая к знакомствам со случайными людьми, которые зачастую ведут маргинальный, антиобщественный образ жизни и примыкая к преступным субкультурам.

Д.И. Аминов и Р.Э. Оганян, к причинам среди молодежи относят такие «как кризис современного общества, в свою очередь влияющий на содержание и направление молодежных субкультур; проблемное состояние института семьи и брака, не обеспечивающее детям и молодым людям достойной социализации и адекватного воспроизведения социальных норм и запретов»[3, с. 52].

Также необходимо упомянуть влияние на молодежь СМИ, в том числе и западных, которые несут и пропагандируют негативные, нежелательные образы для подражания, поддерживающие агрессивные примеры поведения и насилие; отсутствие человечной и высоконравственной основы в современном искусстве, демонстрирующем обществу, особенно неопытной и несформировавшейся его части, образы насилия и жестокости. Следует выделить такие социально-культурные причины как затрудненный доступ к качественному образованию в виде таких барьеров как недостаточность бюджетных мест в ВУЗы, высокая конкуренция, дорогостоящее обучение, позволить которое могут далеко не все семьи – все это затрудняет и ограничивает процесс самореализации молодых людей. Не найдя возможностей реализовать себя «легальным» путем (обучением в образовательном учреждении, достойной работой) молодежь обращается в криминальную среду для самореализации.

Социокультурные причины связаны с дисфункцией государства как механизма, который должен обеспечить социальную защищенность молодежи как специфичной социальной группы и обеспечить такое состояние нравственной и культурной, в том числе досуговой, сфер общественной жизни, чтобы у подростков не деформировались приоритеты, и они имели реальные возможности для реализации своих планов и идей.

Также, одной из причин возникновения и существования молодежного экстремизма является пренебрежение и игнорирование государственным аппаратом молодого поколения как наиболее восприимчивой в социальном, эконо-

мическом и политическом аспектах части российского общества. Государство лишь имитирует вовлечение молодежи в полезную деятельность, создавая всевозможные проекты, программы и т.д., однако численность преступлений экстремистской направленности продолжает расти. Но дело не только не невнимании государства к молодежи, пренебрежение к молодежи идет и со стороны общества. Нередко причиной выступает отсутствие внимания и нежелание общества обращать внимание на молодежные группы, и как справедливо отмечает Муртазин А.И. «совершая преступления, они привлекают к себе внимание, преодолевая комплекс недостаточного самоутверждения в обществе»[4, с. 192].

К социально-экономическим причинам молодёжного экстремизма можно отнести по нашему мнению: во-первых, общий низкий уровень жизни, обеднение населения, включая и обеднение молодой его части, которые повлекли за собой разрыв между бедными и богатыми слоями населения, что привело к социальной напряженности в обществе и всевозможным попыткам молодежи, в том числе противоправным, компенсировать данные проблемы; во-вторых, демографический кризис и безработицу.

Вовлечь молодое лицо в группы экстремистской субкультуры, которое имеет низкий материальный достаток или не имеет источника доходов вследствие безработицы для экстремистов «со стажем» особого труда не составляет. Причем вовлечение может происходить любыми способами, в том числе посредством сети «Интернет». Данный способ особенно часто используется в последнее время в связи с увеличением роли информационных технологий в жизни подростков, которые ничем не ограничены. На российский молодёжный экстремизм значительное влияние оказали не только экономические изменения и смена ценностных ориентиров, но и в большей степени, как отмечает Кетов А. Р. «установившаяся информационная открытость, свободная циркуляция политических идей между российской и зарубежной политизированной молодёжью»[5, с.388]. С данным мнением трудно не согласится, поскольку процессы глобализации на сегодняшний день настолько масштабны, что отследить все экстремистские проявления невозможно даже общими усилиями государств и этот факт создает благоприятную среду для распространения экстремизма, в частности путем размещения экстремистских материалов посредством сети «Интернет».

Из числа причин политического характера необходимо указать особенно важные, такие как: недоверчивость всему аппарату государственного управления в силу того, что молодежи свойственен правовой нигилизм, отсутствие взаимопонимания между гражданами и государством, сомнения населения в возможность воздействовать на протекающие политические процессы.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что молодежный экстремизм обусловлен состоянием современного общества и является реакцией на экономические, политические и социальные процессы, происходящие как в России, так и в мире. Выделить одну общую детерминанту экстремизма и экстремистских преступлений среди молодежи не представляется возможным, поскольку причины различны и действуют не поодиночке, а в совокупности.

Библиографический список

1. Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф (дата обращения 10.03.2019).
2. Ермакова Е. С. Понятие и причины экстремизма среди молодежи // Молодой ученый. — 2017. — №51. С. 220-222.
3. Аминов Д.И., Оганян Р.Э. Молодежный экстремизм в России / Д.И. Аминов, Р.Э. Оганян. - М.: Академия, 2007. 200 с.
4. Муртазин А.И. К вопросу о причинах распространения терроризма и экстремизма в условиях современной России / А.И. Муртазин // Журнал Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. – 2018 - №3-3. С. 191-194.
5. Кетов А. Р. Причины и условия возникновения российского молодежного экстремизма / А.Р. Кетов // Молодой ученый. - 2017. - №22. С. 385-389.

УДК 347.73

К ВОПРОСУ О ПРЕДОТВРАЩЕНИИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Новицкая Е.Н
Студентка юридического факультета ГГУ имени Ф. Скорины
Гомельский государственный университет
e.noviczkaya@inbox.ru
Научный руководитель: старший преподаватель Можаева Л.Е.

Аннотация: Настоящая статья посвящена проблеме предотвращения финансирования террористической деятельности в рамках деятельности Департамента финансового мониторинга и Федеральной службы по финансовому мониторингу .

Ключевые слова: финансирование террористической деятельности, Департамент финансового мониторинга, Федеральная служба по финансовому мониторингу.

Annotation: This article is devoted to the problem of preventing the financing of terrorist activities within the activities of the Department of financial monitoring and the Federal service for financial monitoring .

***Keywords*:** Terrorist financing, financial monitoring Department, Federal financial monitoring service.

На сегодняшний день проблема в сфере международного финансирования террористической деятельности – важная составляющая борьбы с терроризмом в международном сообществе. Российская Федерация и Республика Бе-

ларусь является активными участниками в международной борьбе с терроризмом. В связи с этим на национальном уровне этих государств действуют специальные государственные органы, занимающиеся решением важных задач и проблем, которые угрожают национальной и экономической безопасности, а также контролем данных проблем в этой сфере.

В Республике Беларусь органом, осуществляющим данные задачи, является Департамента финансового мониторинга Комитета государственного контроля Республики Беларусь (далее – Департамент).

Департамент - орган финансового мониторинга, уполномоченный в соответствии с законодательством Республики Беларусь осуществлять деятельность по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения[2, п.1].

Данный орган был создан в 2003 году согласно Указу Президента Республики Беларусь N 408 от 14.09.2009 «Об образовании Департамента финансового мониторинга государственного контроля Республики Беларусь».

Указ определил основные задачи деятельности Департамента, а именно: принятие эффективных мер по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения, а также осуществление международного сотрудничества по вопросам предотвращения легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения[2, п.5].

С целью выполнения задач в силу полномочий, возложенных нормативными актами Департамент осуществляет внутренний контроль, который осуществляется с учетом риск-ориентированного подхода, предполагающего разработку и реализацию лицами, осуществляющими финансовые операции, процедур управления (выявления, оценки, мониторинга, контроля, ограничения) рисками, связанными с легализацией доходов, полученных преступным путем, финансированием террористической деятельности и финансированием распространения оружия массового поражения[3, с.5].

В данном случае риск-ориентированный подход подразумевает под собой применение расширенных мер внутреннего контроля в случае наличия риска легализации таких доходов либо угрозы государству. Непосредственно правила внутреннего контроля должны включать в себя процедуры управления рисками, порядок применения мер внутреннего контроля в целях предотвращения легализации доходов, порядок замораживания средств или блокирования финансовых операций, порядок обеспечения хранения и конфиденциальности информации и иное установленное законодательством.

В целях предотвращения финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения предпринимают следующие меры:

- замораживание средств, собственником или владельцем которых являются организация, физическое лицо, в том числе индивидуальный предприниматель, включенные в определяемый в установленном порядке перечень организаций и физических лиц, причастных к террористической деятельности;

-блокировка финансовой операции, если участником этой финансовой операции или выгодоприобретателем по ней являются организация, физическое лицо, в том числе индивидуальный предприниматель, включенные в перечень;

-информирование органов финансового мониторинга о замораживании средств или блокировании финансовой операции в срок, установленный законодательством[3,с.9-1].

В свою очередь в Российской Федерации существует Федеральная служба по финансовому мониторингу (далее – Федеральная Служба). Изначально согласно Указу Президента Российской Федерации от 01.11.2001 года № 1263 «Об уполномоченном органе по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём» существовал Комитет Российской Федерации по финансовому мониторингу. Только после принятия поправок в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» в 2002 г. спектр полномочий данного органа расширился. Так одной из его задач было улучшения имиджа государства в международном сообществе. Усилиями данного органа Российская Федерация в 2003 стала членом ФАТФ, и в 2004 г. Комитет Российской Федерации по финансовому мониторингу был преобразован в Федеральную службу по финансовому мониторингу, руководство деятельности которой на настоящее время осуществляет Президент Российской Федерации.

Деятельность данного государственная органа определена Положением о Федеральной службе по финансовому мониторингу, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 13.06.2012 №808, где одной из главных задач Федеральной службы является контроль за выполнением юридическими и физическими лицами законодательства о противодействии легализации доходов направленных на финансирование терроризма. Федеральная служба осуществляет это путём проведения проверок, принятия необходимых мер по устранению последствий выявленных нарушений, в частности, привлечение к ответственности юридических и физических лиц, допустивших нарушение законодательства, а также выдачей организациям, осуществляющим денежные операции, в сфере деятельности которых отсутствуют надзорные органы, предписания об устранении выявленных нарушений законодательства в данной сфере.

Согласно итогам национальной оценки рисков легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования террористической деятельности, обобщаемой в материалах межведомственной рабочей группой Республики Беларусь, созданной при Департаменте, установлено следующее. Высоки риски в кредитно-финансовой сфере с использованием систем денежных переводов для совершения переводов без открытия счета для легализации доходов, полученных преступным путем, и в международной практике по деятельности неком-

мерческих организаций в сфере финансирования терроризма. Что касается участников и организаций, включенных в перечень террористических, то за данный период применения оружия массового поражения не было выявлено, поэтому меры, связанные с замораживанием средств или блокированием финансовых операций не применялись. С этим учетом риск финансирования террористической деятельности оценивается как низкий.

В Российской Федерации в процессе проведения комплексной работы по оценке рисков в данной сфере было выявлен результат по снижению вовлеченности банковского сектора в проведение сомнительных операций. Так, решениями Межведомственной комиссии по противодействию финансированию терроризма заблокированы активы более 550 лиц на сумму более 6 млн. руб. В Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, было включено 2052 лица. Сумма замороженных средств – около 13,8 млн. руб. В целом уровень участия финансовых институтов в антиотмывочной системе и качество их работы постоянно растут, о чем свидетельствует устойчивая тенденция повышения уровня законопослушности поднадзорных субъектов.

Приведенные данные свидетельствуют о результативности проводимой данными органами работы и подтверждают важность непосредственно самой деятельности Департамента и Федеральной службы в сфере предотвращения легализации доходов, полученных преступным путём и финансирования террористической деятельности

Таким образом, Федеральная служба по финансовому мониторингу, обладающая более широкими полномочиями, чем Департамент финансового мониторинга. Это объясняется, прежде всего, тем, что территория Российской Федерации значительно больше, чем Республики Беларусь, и, как следствие, существует более широкий спектр отношений, подлежащих финансовому контролю. Для Российской Федерации характерен более высокий уровень террористической деятельности, для Республики Беларусь же характерен низкий уровень террористической деятельности, который проявляется, как правило, в индивидуальных актах терроризма. В целом же следует отметить эффективную деятельность как Департамента финансового мониторинга, так и Федеральной службы по финансовому мониторингу. В связи с этим считаем правильным существующий в Республике Беларусь подход, предусматривающий не самостоятельный орган в данной сфере, а возложение данных функций на структурное подразделение уже существующего контролирующего органа – Комитета государственного контроля Республики Беларусь, что не приводит к невостребованному увеличению государственного аппарата.

Библиографический список

1. Об образовании Департамента финансового мониторинга Комитета государственного контроля Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 14 сентября 2003 г. №408 (в ред. Указа от 17.11.2016 №422) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2016. № 275. 1/16743.

2. О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путём, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения: Закон Республики Беларусь от 30 июня 2014 г.№165- З. Минск: Дикта, 2014. 25с.

УДК 343.97

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ ЗА ЭКСТРЕМИСТСКИЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА

Нефедкина Е.П.
курсант факультета подготовки сотрудников полиции и следователей,
Барнаульский Юридический институт МВД России
lenka_tut@list.ru
Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права и криминологии,
к.ю.н. Ботвин И.В.

Аннотация: Настоящая статья посвящена актуальным проблемам предупреждения экстремизма в исправительных учреждениях на территории Российской Федерации. Данное положение дел, несомненно, связано с отсутствием в законодательстве мер, регламентирующих профилактику и предупреждение экстремистских проявлений, а также необходимостью создания комплексного подхода, направленного на разрешение данных проблем.

Ключевые слова: экстремизм, ресоциализация, психологическое воздействие, исправительные учреждения, противодействие экстремистским посягательствам.

Annotation: This article is devoted to the actual problems of prevention of extremism in correctional institutions in the Russian Federation. This state of Affairs is undoubtedly due to the lack of legislative measures regulating the prevention and prevention of extremist manifestations, as well as the need to create an integrated approach aimed at resolving these problems.

Keywords: extremism, resocialization, psychological impact of the correctional institution, the counteraction of extremist attacks.

Актуальность рассматриваемого вопроса обусловлена значительным влиянием лиц, ранее привлекавшимся к уголовной ответственности, на криминогенную обстановку в стране. В ходе своего доклада «о результатах работы Управления МВД России по г. Барнаулу за 1-ое полугодие 2018 года», начальник УМВД России по г. Барнаулу полковник полиции Максим Сергеевич Гердт на оперативном совещании по вопросу «Об итогах оперативно-служебной деятельности УМВД и его структурных подразделений за 1 полугодие 2018 года и мерах, направленных на устранение имеющихся недостатков», отметил, что практически отсутствует профилактическая работа с лицами, состоящими и

формально подпадающими под действие административного надзора. Ими совершено 16 преступлений, что в 2 раза больше, чем за 6 месяцев прошлого года.

По мнению сотрудников ФСИН с осуждёнными должна проводиться более детальная работа, в зависимости от преступления, которое он совершил. Они говорят, что личности преступников осуждённых за различные виды преступлений разные[1, с. 194-199]. И поэтому необходимо работать с каждым индивидуально. Работу нужно начинать непосредственно с того момента как осужденный попадает в исправительное учреждение. Это, безусловно, поможет в дальнейшем для наиболее эффективного возвращения к нормальной жизнедеятельности, отбывших наказание.

Более детально хотелось бы поговорить об осужденных за преступления экстремистской направленности. Мы считаем, что изучение опыта по ресоциализации заключенных, осужденных за преступления экстремистской направленности, может помочь в улучшении и эффективной реализации комплексной стратегии противодействия террористическим угрозам на территории Российской Федерации.

Категория осужденных к лишению свободы за преступления экстремистской направленности и террористического характера требует особой организации надзора, направленного на поддержание установленного порядка и условий исполнения и отбывания наказания, путем постоянного наблюдения и контроля в целях предупреждения и пресечения противоправных действий данных лиц, а также применения в отношении их специфических мер воспитательного воздействия. Исходя из вышеизложенного представляется очевидным планировать профилактическую работу с данной категорией лиц по следующим направлениям:

1. Оперативное сопровождение осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности. В силу своих уголовно-правовых и психологических характеристик такие осужденные входят в группу риска в плане совершения правонарушений в условиях исправительного учреждения. В этой связи особое внимание следует уделить выявлению межличностных контактов этих лиц в исправительном учреждении, а также наличию связей с внешним миром. Необходимо учитывать принадлежность таких осужденных к группам какой-либо направленности (по интересам, территориальности, отношению к режиму исправительного учреждения и т.д.), а также их отношение к совершенным преступлениям.

2. Режимное обеспечение. Режимное обеспечение должно базироваться на взаимосвязанных принципах рационального применения мер принуждения и стимулирования правопослушного поведения осужденных.

3. Психологическое сопровождение воспитательного процесса осужденных с учетом индивидуальных особенностей. С.В. Познышев в 1926 г. писал: «Необходимо принять все меры к тому, чтобы обеспечить развитие криминально-психологических знаний и их проникновение в уголовно-судебную, уголовно-розыскную и пенитенциарную практику. Без этого и наши карательные учреждения никогда не смогут превратиться в различные социальные клиники,

предназначенные для носителей разных криминальных типов. Для каждого из этих типов необходима своя особая пенитенциарно-воспитательная система, в основу которой должно быть положено знание их особенностей и планомерное наблюдение за действием на них различных мер»[2, с. 27].

Необходимо отметить, что попытки выработки эффективных методик воздействия на психику экстремистов в условиях лишения свободы с целью модификации их поведения предпринимаются во многих странах мира. Примером этого является программа психологического сопровождения процесса отбывания наказания исламскими экстремистами, которая реализуется специалистами тюремной службы Великобритании, где используются методы перепрограммирования поведения. При этом таких лиц максимально изолируют от других осужденных в целях недопущения распространения идей экстремизма.

Для достижения целенаправленного воздействия требуется создание на базе отдельных исправительных учреждений локальных участков, где бы отбывали наказание осужденные за преступления, в которых движущей силой являлись мотивы, отнесенные законодателем к экстремистским. Это способно вызвать скученность лиц с определенным криминогенным потенциалом, но следует учесть тот факт, что, как показывают материалы исследования, даже находясь в местах лишения свободы, многие из экстремистов не прекращают свою агитационную деятельность в среде осужденных. На наш взгляд, подобная дифференциация осужденных позволит не только изолировать лиц, обладающих потенциальной опасностью, от основной массы осужденных, но и оказывать целенаправленное пенитенциарное воздействие с учетом характеристики указанной категории лиц.

Библиографический список

1. Ботвин И.В. Особенности криминологической характеристики корыстной преступности (по материалам Алтайского края) / Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 194-199

2. Познышев С.В. Криминальная психология: Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности. М., 2007. 381 с.

УДК 343.9

ПРОБЛЕМАТИКА ЭКСТРЕМИЗМА И ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМУ В 2018 ГОДУ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ

Петухов С.Е.
студент экономико-юридического факультета ФГБОУ ВО ГАГУ,
Горно-Алтайский государственный университет
sliva-98@mail.ru
Научный руководитель: к.ф.н., доцент Пашаев Х.П.

Аннотация: Настоящая статья посвящена актуальным проблемам экстремизма на территории России и территории Республики Алтай в частности, который за последнее время приобрел большую актуальность. Данное положение дел, несомненно, связано отсутствием достаточных предупредительных мер противодействия экстремизму, а также необходимостью разработки комплексных мер, направленных на искоренение его причин и условий.

Ключевые слова: Экстремизм, преступность, Республика Алтай, правоохранительные органы, проблемы противодействия экстремизму.

Annotation: This article is devoted to topical problems of extremism in the territory of Russia and the territory of the Altai Republic in particular, which has recently become of great relevance. This state of affairs is undoubtedly due to the lack of sufficient preventive measures to counteract extremism, as well as the need to develop comprehensive measures aimed at eliminating its causes and conditions.

Keywords: Extremism, crime, Altai Republic, law enforcement agencies, problems of countering extremism.

Экстремизм в XXI веке является одной из главных и опасных проблем всего мира и человечества. И представляет реальную угрозу национальной безопасности любого государства. Российская Федерация не исключение.

В нашем государстве направленно большое количество сил на противодействие экстремизму и терроризму и многие нормативно-правовые акты направлены данную деятельность. Особо сложная ситуация состоит в национальных субъектах, таких как наша Республика Алтай, так как здесь очень остро стоит вопрос национального и религиозного экстремизма.

В соответствии с пунктом 1 Указа Главы Республики Алтай, Председателя Правительства Республики Алтай от 28.04.2012 № 105-у «О создании Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Республике Алтай» образована Межведомственная комиссия по противодействию экстремизму в Республике Алтай. Пунктом 3 Указа № 105-у утверждено Положение о Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Республике Алтай. Согласно пункту 1 Положения Межведомственная комиссия по противодействию экстремизму в Республике Алтай является межведомственным органом,

образованным в целях улучшения взаимодействия субъектов противодействия экстремистской деятельности, повышения эффективности системы профилактических мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности, обеспечения общественной безопасности и правопорядка, координации деятельности органов исполнительной власти, участвующих в противодействии экстремизму, а также организационно-методического руководства этой деятельностью на территории Республики Алтай[1].

Когда обсуждают экстремизм, в первую очередь обращают внимание на молодежный экстремизм, так как именно данная категория граждан наиболее склонна к влиянию радикальных течений, террористических организаций и т.п. образований. Несколько лет назад на заседание межведомственной комиссии по противодействию экстремизму, руководитель Центра по противодействию экстремизму МВД по Республике Алтай заявил, что: «Нашему региону не свойственно проявление в молодежной среде экстремизма, национализма или сепаратизма, а спортивные и молодежные организации, зарегистрированные на территории республики, носят конструктивный характер». Но, несмотря на данное заявление, считаю, что всё-таки нужно тщательно следить за состоянием экстремистских настроений среди молодежи, а также уделять больше времени и средств на её воспитание.

В нашей республике находятся довольно большое количество студентов-иностранцев, которые могут являться источниками национальной или религиозной ненависти. В единственном высшем учебном заведении республики - «Горно-Алтайском Государственном Университете», ежегодно проводит собрания со студентами, в том числе иностранными, где доводятся требования внутреннего распорядка, правила поведения, отдельные нормы Уголовного кодекса РФ и Кодекса об административных правонарушениях РФ, предупреждаются об ответственности, в том числе за совершение преступлений экстремистской направленности. За счёт наличия всего лишь одного ВУЗа в республике, а также его тщательной работе с иностранцами, студенты-иностранцы как источник распространения экстремизма среди молодежи практически исключаются.

Но, не смотря на данный факт, среди несовершеннолетних и студенческих коллективов Республики Алтай, идёт распространение идей «АУЕ» (Арестантский уклад един). Это молодёжное сообщество пропагандирует среди подростков воровские, тюремные понятия российской криминальной среды. По результатам проведения мониторинга интернет-сообществ, в частности социальной сети «ВКонтакте», фиксируется факт осуществления подписок на открытые группы с аббревиатурой АУЕ. В прошлом году по результатам проведенных мероприятий выявлено более 50 жителей региона, регулярно посещающих указанные электронные страницы[2].

В целом по нашему мнению в Республике Алтай успешно противодействуют экстремизму. Так в декабре 2018 года Онгудайским районным судом было принято решение о запрете деятельности религиозного объединения «Кара-

кольская инициативная группа» («Ак Дян», «Белая Вера»)[3]. Данная группа являлась самым крупным незарегистрированным религиозным объединением на территории Республики Алтай и действовала с 2000 года. В 2019 году прокуратура уже успела возбудить административное дело по ст. 20.3.1 КоАП (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства) в отношении активистки движения «Ак Тян» Аржаны Рыковой. Поводом для возбуждения уголовного дела стала публикация в социальной сети материалов газеты «Амаду Алтай»[4].

В Горно-Алтайске на базе республиканского Центра молодежной политики развивается и действует проект под названием «Киберпатруль». «Киберпатруль» — это проект, направленный на решение проблем в области информационной безопасности детей и молодежи в интернете, а конкретнее на ограждение подрастающего поколения от нежелательной информации в Интернете. В марте этого года организаторам «Киберпатруля» пришлось увеличить возраст волонтеров из-за огромного количества людей, желающих участвовать в данном проекте. Теперь в нем могут участвовать все лица от 18 лет (ранее было ограничение до 30 лет). В рамках работы «Киберпатруля» участники пройдут специальное обучение в правоохранительных органах и получат сертификат[5].

Органы прокуратуры республики в ноябре 2018 года проверили исполнение законов при реализации программ в сфере противодействия экстремизму и терроризму. По результатам проверки установлено, что органами государственной власти и местного самоуправления республики в настоящее принимаются меры по обеспечению соблюдения законодательства в данной сфере. Вместе с тем, отдельные нарушения законодательства на местном уровне попрежнему имеют место. Выявлены факты отсутствия программ в сфере противодействия экстремистской деятельности и терроризму в 7 сельских поселениях. В 4 сельских муниципальных образованиях выявлены программы, которые не предусматривали и не были обеспечены финансированием, администрациями 5 сельских поселений не проводилась оценка эффективности реализации таких программ. Анализ выявленных нарушений законодательства показал, что все они препятствует надлежащей деятельности по профилактике и противодействию экстремизму и терроризму в регионе в целом[6].

В соответствии с вышеизложенным отметим, что ситуация в Республики Алтай довольно стабильная и большой опасности экстремизма не наблюдается. Однако стоит продолжить работу по профилактике и предотвращению экстремизма в регионе, особенно в молодежной среде.

Библиографический список

1. Указ Главы Республики Алтай, Председателя Правительства Республики Алтай от 28 апреля 2012 г. № 105-у «О создании Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Республике Алтай» [Электронный ресурс]. - URL: http://docs.cntd.ru/document/473310190 (дата обращения 07.04.2019);

2. Полицейские приняли участие в заседании межведомственной комиссии по противодействию экстремизму при Администрации г. Горно-Алтайска. [Электронный ресурс]. - URL: https://04.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/12689157 (дата обращения: 07.04.2019);

3. Минюст внес Ак-тян в число запрещенных организаций. [Электронный ресурс]. - URL: https://www.gorno-altaisk.info/news/100208 (дата обращения: 07.04.2019);

4. В Республике Алтай активистку движения «Ак Тян» вновь обвинили в возбуждении ненависти. [Электронный ресурс]. - URL: https://www.sova-center.ru/religion/news/extremism/violence-incitement/2019/03/d40814/ (дата обращения: 07.04.2019);

5. Стоят в очередь: желающих записаться в «Киберпатруль» оказалось слишком много. [Электронный ресурс]. - URL: https://www.gorno-altaisk.info/news/101293 (дата обращения: 07.04.2019);

6. Органы прокуратуры республики проверили исполнение законов при реализации программ в сфере противодействия экстремизму и терроризму. [Электронный ресурс]. - URL: http://prokuratura-ra.ru/masmedia/news/45602/ (дата обращения 07.04.2019).

УДК 342.95

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ФИНАНСОВОЙ РАЗВЕДКИ ГОСУДАРСТВ, ВХОДЯЩИХ В ГРУППУ РАЗРАБОТКИ ФИНАНСОВЫХ МЕР БОРЬБЫ С ОТМЫВАНИЕМ ДЕНЕГ

Савин М.Ю.
студент Института экономики и управления
ФГБОУ ВО Алтайского государственного технического университета
имени И.И. Ползунова, специальности «Экономическая безопасность»
sib.sosna@mail.ru
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Ваймер Е.В.

Аннотация: В статье рассматриваются методы и формы взаимодействия органов финансовой разведки государств, входящих в Группу разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег. Автор подчеркивает, что Российская Федерация является ассоциированным членом других международных организаций, осуществляющих профилактические меры по противодействию незаконным финансовым операциям.

Ключевые слова: Органы финансовой разведки, международные организации, международное сотрудничество, противодействие отмыванию доходов и финансированию терроризма.

Annotation: The article deals with the methods and forms of interaction of financial intelligence agencies of the States that are members of the Group of devel-

opment of financial measures to combat money laundering. The author emphasizes that the Russian Federation is an associate member of other international organizations that implement preventive measures to counter illegal financial transactions.

Keyword: Financial intelligence agencies, international organizations, international cooperation, combating money laundering and financing of terrorism.

Финансовая разведка – это система слежения за перераспределением информации о финансах и всем что с ними связано. Финансовая разведка как деятельность – это довольно масштабная операция, которая направлена на вычисление субъектов, которые занимаются отмыванием денег и управлением большим количеством финансовых ресурсов. В России этим занимается Федеральная служба по финансовому мониторингу.

Первоочередной задачей Росфинмониторинга является обеспечение участия Российской Федерации в мероприятиях, направленных на разработку и совершенствование международных стандартов противодействия отмыванию денежных средств и финансированию терроризма (далее – ПОД/ФТ) в рамках Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), и ее региональных групп, Группы «Эгмонт», других международных организаций и структур, а также деятельности, направленной на дальнейшее внедрение этих стандартов в экономико-правовые системы участвующих в данной работе государств[4].

Росфинмониторинг принимает активное участие в разработке и осуществлении программ международного сотрудничества, подготовке и заключении международных договоров (включая договоры межведомственного характера), направленных на борьбу с отмыванием денежных средств и финансированием терроризма. (в настоящее время подписано 106 соглашений и меморандумов). Ведется глубокая аналитическая работа по изучению соответствующего международного опыта и практики в сфере ПОД/ФТ.

ФАТФ (Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег - Financial Action Task Force, FATF) учреждена «семеркой» при участии Европейской комиссии в ходе Парижской встречи G7 в июле 1989 года. Создание Группы стало ответом на возросшие объемы отмываемых преступных доходов во всем мире. С учетом сложности работы по выявлению грязных денег в международной финансовой системе возникло понимание неотложности разработки коллективных мер противодействия финансовым преступлениям. В настоящее время в ФАТФ входят 36 страны-участниц и две международные организации[4].

В феврале 1990 года ФАТФ были разработаны и предложены на рассмотрение всех заинтересованных стран, в том числе с неразвитой финансовой системой 40 Рекомендаций по борьбе с отмыванием денег. Эти рекомендации были приняты и на протяжении 30-ти лет дополнялись, изменялись, адаптировались к меняющимся мировым тенденциям в области отмывания денег и финансирования терроризма.

В феврале 2012 года утверждены обновленные стандарты − 40 Рекомендаций, включающие новые положения, касающиеся, в частности, противодействия финансированию распространения оружия массового уничтожения и применения риск-ориентированного подхода на национальном уровне[4].

Деятельность ФАТФ проявилась и в содействии созданию в различных странах мира подразделений финансовой разведки (ПФР), предназначенных для выявления случаев злоумышленного использования в преступных целях их финансовых систем и обеспечения соблюдения законодательства в области борьбы с финансовыми правонарушениями [2].

Важно отметить, что ФАТФ проводит оценки выполнения своих Рекомендаций. Составляемые по итогам этих мероприятий отчеты и доклады руководство организации направляет странам-участницам для передачи своим компетентным органам.

По результатам оценок, проведенных аудиторами ФАТФ в октябре 2002 года Россия была исключена их «черного» списка, а в 2003 г. стала ее полноправным членом. Начиная с 2010 г. Россия регулярно отчитывалась о прогрессе в совершенствовании национальной системы ПОД/ФТ на пленарных заседаниях ФАТФ. В октябре 2013 г. был представлен шестой такой отчёт, по результатам рассмотрения которого наша страна была снята с мониторинга до проведения нового раунда взаимных оценок (выездная миссия в Москву намечена на 2019 год)[4].

В 2013-2014 гг. российский представитель (В.Нечаев) впервые в истории ФАТФ стал ее Президентом. Итоги нашего председательства получили высокую оценку со стороны международного сообщества и способствовали дальнейшему укреплению авторитета России на профильной международной арене.

Повышению эффективности международного взаимодействия в сфере ПОД/ФТ способствует активное участие Российской Федерации в деятельности Группы подразделений финансовой разведки «Эгмонт», объединяющей подразделения финансовой разведки юрисдикций и представляющей своим членам возможность обмена информацией по специальному защищенному каналу связи. Наиболее интенсивный обмен информацией осуществляется с подразделениями финансовой разведки Австрии, Белоруссии, Кипра, Латвии, Франции, США, Испании, Германии, Казахстана, Таджикистана, Чехии, Швейцарии[4].

Ежегодно Росфинмониторинг получает от зарубежных партнеров и обрабатывает около 2 тысяч информационных запросов и столько же направляется Росфинмониторингом в иностранные органы. Нередко итогом информационного обмена становятся совместные финансовые расследования, в проведении которых могут участвовать не только финансовые разведки, но и иные компетентные органы заинтересованных государств и территорий.

В 2004 году была создана Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (далее - ЕАГ). Её создание поддержали ФАТФ, Международный валютный фонд, Всемирный банк и ряд государств. В июне 2011 г. в Москве подписано Соглашение о ЕАГ, установившее статус ЕАГ. Участниками Соглашения стали Беларусь, КНР,

Киргизия, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Индия, Казахстан[3].

ЕАГ является региональной группой по типу ФАТФ, в соответствии с решением Пленарного заседания (2010 г.) она получила статус ассоциированного члена ФАТФ. Основной целью ЕАГ является обеспечение эффективного взаимодействия и сотрудничества на региональном уровне, а также интеграции государств − членов в международную систему противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма в соответствии со стандартами ФАТФ.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что борьба с отмыванием денежных средств и финансированием терроризма во всем мире чрезвычайно важна, странам необходимо не только принимать законы и акты, которые направлены на пресечение отмывания денег, но и гарантировать их эффективное осуществление. Этому и способствует на сегодняшний момент группа разработки (ФАТФ). Организация четко сконцентрировалась на выработке весьма эффективных предложений по реализации мер по противодействию отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма. Активное взаимодействие Российской Федерации и ФАТФ обеспечивает способность экономики реагировать на внутренние и внешние угрозы, связанные с отмыванием денежных средств и финансированием терроризма, а также обеспечивает экономическую безопасность России в целом.

Библиографический список

1. Данилова Н. А. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем // Юридический консультант. - 2008. - №12.

2. Гаухбах Л.Д., Максимов С.В., Преступления в сфере экономической деятельности. - М., 1998.

3. Якимов О.Ю. Легализация доходов, приобретенных преступным путем. - СПб., 2005.

4. Официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу [Электронный ресурс]. - URL: http://www.fedsfm.ru/activity/fatf (дата обращения 02.04.2019).

5. Официальный сайт Федеральной налоговой службы [Электронный ресурс]. - URL: https://www.nalog.ru/rn77/about_fts/inttax/fatf/ (дата обращения 02.04.2019).

УДК 343.9

ФИНАНСИРОВАНИЕ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИИ И НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Санникова Д.В.
студентка экономико-юридического факультета ФГБОУ ВО ГАГУ,
Горно-Алтайский государственный университет
Sannikova.dashenka@bk.ru
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Потапов Д.П.

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу зарубежного законодательства в сфере противодействия экстремистской деятельности, уголовного законодательства зарубежных государств, устанавливающего ответственность за финансирование экстремистской деятельности и иную материальную поддержку экстремистов и террористов.

Ключевые слова: Финансирование экстремистской деятельности, экстремизм, терроризм, уголовная ответственность

Annotation: This article is devoted to the analysis of foreign legislation in the field of countering extremist activities, the criminal legislation of foreign countries, establishing responsibility for the financing of extremist activities and other material support for extremists and terrorists.

Keywords: Financing extremist activities, extremism, terrorism, criminal liability.

В наше время угрозам терроризма и экстремизма уделяется пристальное внимание, именно поэтому противодействие ему закреплено в законодательстве подавляющего числа стран.

Широкое определение экстремизма приведено в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности". В ст. 1 названного Закона экстремистская деятельность (экстремизм) определяется как деятельность, содержанием которой является: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии и иные аналогичные действия[1].

Таким образом, на основе законодательных дефиниций терроризма и экстремизма их разграничение весьма затруднительно.

Поэтому неслучайно проблема разграничения терроризма и экстремизма в виду отсутствия четкого научно обоснования затруднительна, а порой и вовсе,

невозможна. Но один вывод все же представляется возможным: терроризм является одной из форм экстремизма. Данный вывод основан на позиции, изложенной в научной литературе Ю.И. Авдеева[2].

Одним из ключевых аспектов борьбы с терроризмом является выявление и пресечение его финансовой поддержки и материального обеспечения. На данном направлении сосредоточены усилия многих международных организаций, мы рассмотрим наиболее весомые из них по юридической силе, это - Контртеррористический комитет ООН, ФАТФ22 (ФАТФ (Financial Action Task Force) - группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег),другие международные организации каждого государства в отдельности.

Термин «финансирование», означает - снабжение денежными средствами, финансовыми ресурсами. Выделение денежных средств или финансовых ресурсов на что-либо.

Впервые понятие «финансирование террористической деятельности» в рамках международного права было упомянуто в 1994 г. в Декларации ООН «Меры по ликвидации международного терроризма», которая закрепила обязанность государств «воздерживаться от организации террористической деятельности, подстрекательства к ней, содействия ее осуществлению, финансирования, поощрения или проявления терпимости к ней».

В Российской Федерации впервые противодействие терроризму получило специальное правовое регулирование после принятия Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом»[3]. Однако такие масштабные теракты как захваты заложников в Москве (в театре на Дубровке) и Беслане показали, что требуются определенные уточнения, особенно касающиеся модели возмещения вреда пострадавшим. В результате был принят новый Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», но и он периодически дополняется и изменяется в соответствии с изменениями определенных обстоятельств[4].

Так, в 2002 году Российская Федерация, вследствие ратификации Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма приняла федеральный закон от 24.07.2002 № 103-ФЗ «О внесении дополнений в законодательные акты Российской Федерации»[5], который внес изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации, установив уголовную ответственность за «финансирование акта терроризма либо террористической организации», а годом ранее был принят - федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»[6].

В соответствии с изменениями, внесенными в статью 3 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и ст. 205.1 УК РФ, под понятием «финансирование терроризма» понимается предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.1, 205.2, 206, 208, 211,

277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования или преступного сообщества, созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из указанных преступлений. Теперь под финансированием терроризма понимается, в том числе, финансирование или иное материальное обеспечение лица в целях совершения им хотя бы одного из преступлений, указанных в примечании к ст. 205.1 УК РФ[7].

Финансирование терроризма может осуществляться различными способами: например, доходы от преступной деятельности(грабежи, разбои, кражи), кроме доходов от преступлений, может финансироваться и за счет легальных источников, таких как: доходы от бизнеса, личные сбережения, пожертвования на благотворительные цели, а иногда и средства государств, поддерживающих терроризм.

Пожертвования на благотворительные цели являются основой финансирования для террористических организаций исламского толка. Это обусловлено религиозными причинами.(Ислам поощряет благотворительность, а одним из его пяти столпов является закят - обязательное ежегодное пожертвование на благотворительные и религиозные цели.). Сбором пожертвований занимаются различного рода благотворительные организации и фонды, которые и оперируют собранными средствами в дальнейшем.

За подобные действия, законодатель Италии предусмотрел уголовную ответственность по Уголовному кодексу Италии, а также в "Законе против терроризма" № 15/1980[8]. В последнем криминализированы действия организационного и подготовительного характера, которые в дальнейшем имеют возможность перерастания в акции терроризма, а также действия составляющие финансирование терроризма.

Как и в большинстве законов других стран, в итальянском антитеррористическом законе нет четкого определения терроризма. В ст. 1 данного Закона говорится об объединениях, цель которых - совершение террористических актов и разрушение демократического порядка. Наряду с этим, в ст. 270 УК Италии установлена уголовная ответственность за создание организации с целью совершения акта терроризма и саботажа общественного порядка. Согласно этой статье, наказывается тюремным заключением на срок до 15 лет всякий, кто поощряет, создает, организует или руководит объединением, пропагандирует таковое, тем самым нарушает общественный правопорядок Италии.

В свою очередь, законодательство о противодействии терроризму в Республике Беларусь так же имеет схожие черты в применении наказания за преступления в сфере терроризма. Показательно, что был принят первый специальный акт от 3 января 2002 г. № 77-З «О борьбе с терроризмом» , на котором основывается вся правовая база Беларуси по данному вопросу. Последние дополнения были утверждены Законом РБ от 26 октября 2012 г. № 435-3, которые можно оценить как наиболее объемные уточнения специального нормативного акта, приблизившего его по своему содержанию к аналогичному документу, принятому в Российской Федерации. При этом Республика Беларусь ратифицировала «Конвенцию о борьбе с финансированием терроризма» (принята в

г. Нью-Йорке 9 декабря 1999 г.). Целью принятия этого документа было: «воспрепятствовать и противодействовать посредством соответствующих внутренних мер финансированию террористов и террористических организаций, независимо от того, осуществляется такое финансирование прямо или косвенно через организации, которые также преследуют или утверждают, что преследуют, благотворительные, общественные или культурные цели, или также вовлечены в запрещенные виды деятельности, такие, как незаконные поставки оружия, незаконный оборот наркотиков и вымогательство, включая использование лиц в целях финансирования террористической деятельности, и, в частности, где это уместно, рассмотреть вопрос о принятии мер регулирования, для того чтобы воспрепятствовать и противодействовать движению средств, в отношении которых есть подозрения, что они предназначаются для террористических целей, ни в коей мере не ущемляя при этом свободу движения законного капитала, и активизировать обмен информацией о международном движении таких средств... »

Так же следует упомянуть, что в Конвенции рассматривается проблема финансирования терроризма как предмета серьезной озабоченности международного сообщества в целом; что количество и тяжесть актов международного терроризма зависят от финансирования, к которому террористы могут получить доступ; а так же, отсутствие нормативной закреплённости в некоторых странах.

Именно для необходимости закрепить международное сотрудничество между государствами для разработки и принятия, эффективных мер по недопущению финансирования терроризма, был принят этот документ.

Таким образом, исследовав зарубежное законодательство и законодательство России в сфере противодействия экстремизму, можно сделать вывод, что в последние годы упомянутыми государствами борьбе с экстремизмом стало уделяться больше внимания. Это связано с тем, что экстремизм в последние годы активно распространился по всей планете и стал общемировой проблемой. В связи с этим большинством государств был принят ряд внутренних нормативно-правовых актов, касающихся противодействия экстремистской деятельности.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности" (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] URL:https://base.garant.ru/12127578/ (дата обращения 11.04.2019).

2. Фролов М.Г. К вопросу о разграничении понятий «Экстремизм» и «Терроризм» // Вестник ННГУ. 2017. №5. [Электронный ресурс]URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-razgranichenii-ponyatiy-ekstrem izm-i-terrorizm (дата обращения 11.04.2019).

3. Федеральный закон от 25 июля 1998 г. N 130-ФЗ "О борьбе с терроризмом" (с изменениями и дополнениями) (утратил силу) [Электронный ресурс] URL:https://base.garant.ru/12112507/(дата обращения 11.04.2019).

4. Федеральный закон "О противодействии терроризму" от 06.03.2006 N 35-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] URL:https://base.garant.ru/12112507/ (дата обращения 11.04.2019).

5. Федеральный закон от 24.07.2002 N 103-ФЗ «О внесении дополнений в законодательные акты Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 28.06.2002) [Электронный ресурс] URL:https://mvd.consultant.ru/documents/50330 (дата обращения 11.04.2019).

6. Федеральный закон "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма" от 07.08.2001 N 115-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (дата обращения 11.04.2019).

7. Уголовный кодекс Российской Федерации: закон от 13.06. 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 05.02.2014г.) // Собр. Законодательства Рос. Федерации - 1996 г. - № 25 - Ст. 2954.

8. Серебряков Артур Владимирович Зарубежный опыт криминализации содействия террористической деятельности // Вестник КРУ МВД России. 2010. №2. [Электронный ресурс]URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-kriminalizatsii-sodeystviya-terroristicheskoy-deyatelnosti (дата обращения 11.04.2019).

УДК 343.9

ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Суразова Е.Г.
студентка экономико-юридического факультета
ФГБОУ ВО ГАГУ, Горно-Алтайский государственный университет
esurazova@bk.ru
Научный руководитель: к.филос.н., доцент Пашаев Х.П.

Аннотация: Настоящая статья посвящена одной из острейших проблем современной России - распространению экстремизма в молодёжной среде и способам профилактики данной проблемы.

Ключевые слова: Экстремизм, молодежь, профилактика экстремизма.

Annotation: This article is devoted to one of the most acute problems of modern Russia - the spread of extremism among young people and ways to prevent this problem.

Keywords: Extremism, youth, prevention of extremism.

Экстремизм является одной из наиболее сложных социально-политических проблем современного российского общества. В разных странах и в разные времена было дано много разных юридических и научных определений поня-

тию "экстремизм". Первым примером международного закрепления дефиниции «экстремизм» стала Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года. В ней как «экстремизм» расценивается «какое - либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участия в них»[1].

Доктор Питер Т. Колеман (англ. Peter T. Coleman) и доктор Андреа Бартоли (англ. Andrea Bartoli) в своей работе "Addressing Extremism" дали краткий обзор предлагаемых определений этого понятия:

Экстремизм – это на самом деле сложное явление, несмотря на то, что его сложность часто бывает трудно увидеть и понять. Проще всего определить его как деятельность (а также убеждения, отношение к чему-то или кому-то, чувства, действия, стратегии) личности, далёкие от обычных общепринятых. В обстановке конфликта – демонстрация жёсткой формы разрешения конфликта. Однако, обозначение видов деятельности, людей и групп как "экстремистских", а так же определение того, что следует считать "обычным" или "общепринятым" – это всегда субъективный и политический вопрос[2, с. 97] .

В российском законодательстве, а конкретно в Федеральном Законе от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности", понятие "экстремистская деятельность (экстремизм)" раскрывается как:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

- публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

- организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Таким образом, экстремизм на сегодняшний день является сложным и многогранным явлением, не имеющим точного и единого определения.

С момента появления первых экстремистских проявлений на территории Российской Федерации и до настоящего времени основным действующим лицами противоправной деятельности подобного характера остается молодежь. Распространение молодежного экстремизма - одна из острейших проблем современной России. По данным МВД РФ, сегодня в стране действуют около 150 экстремистских молодежных группировок.

В ситуации социальной неопределенности, нестабильности и социальной напряженности экстремальность молодежи может приобретать крайние, главным образом спонтанные черты, которые нередко перерастают в экстремистские настроения. Поводом к этому зачастую становятся попытки отдельных политических сил, государственных и общественных структур использовать молодежь в своих целях, подстрекая и провоцируя ее на экстремистские действия. Преимущественно групповой характер молодежного экстремизма, спонтанность и непредсказуемость придают данному явлению особую общественную опасность.

Усилившиеся с развалом Союза политические, территориальные, национально-этнические, религиозные противоречия привели к резкому обострению экстремизма в молодежной среде. Между тем, несмотря на работы российских социологов последних лет, посвященные проблематике молодежного экстремизма, в целом данное явление все еще недостаточно изучено[3,с.118]. Состояние, уровень, динамика политического экстремизма молодежи в России широко обсуждаются средствами массовой информации и в специальной литературе, выпускаются аналитические сборники.

Молодежь рассматривается как большая социальная группа, имеющая специфические социальные и психологические черты, наличие которых определяется возрастными особенностями молодых людей и тем, что их социально-экономическое и общественно-политическое положение, их духовный мир находится в состоянии становления. В современной научной литературе к этой

группе обычно относят (в статистике и социологии) людей в возрасте от 15 до 30 лет. Молодежь, определяя свой жизненный путь, решает конфликтные ситуации, исходя из сопоставления возможных вариантов, если учесть, что для молодежного возраста характерными являются: эмоциональная возбудимость, неумение сдерживаться, отсутствие навыков в разрешении даже несложных конфликтных ситуаций, то все указанное выше может привести к совершению девиации.

Проблема агрессивного и экстремистского поведения молодежи становится все более актуальной в условиях российской действительности. Элементы экстремистского поведения молодежи формируются на фоне деформации социальной и культурной жизни общества. В перечень основных причин роста экстремистского поведения молодежи исследователи склонны включать следующие: социальное неравенство, желание самоутвердиться в мире взрослых, недостаточную социальную зрелость, а также недостаточный профессиональный и жизненный опыт, а следовательно, и сравнительно невысокий (неопределенный, маргинальный) социальный статус[4, с. 42].

Молодежный экстремизм как явление последних десятилетий, выражающееся в пренебрежении к действующим в обществе нормам поведения или в отрицании их, можно рассматривать с различных позиций. Молодежь во все времена была подвержена радикальным настроениям. В силу возрастных ее свойств даже в спокойные в политическом и экономическом плане времена количество радикально настроенных людей среди молодежи всегда выше, чем среди остального населения.

Молодежи свойственна психология максимализма и подражания, что в условиях острого социального кризиса является почвой для агрессивности. Развитие политического экстремизма молодежи представляет особую опасность даже не потому, что детская подростковая и молодежная преступность заметно возросли, а потому, что это связано с развитием «анормативных» установок в групповом сознании молодого поколения, что влияет на ценности, предпочтительные образцы поведения, оценки социального взаимодействия, т.е. в широком смысле связано с социальной и политической культурой российского общества в ее проективном состоянии.

Специальный анализ проблемы показывает, что экстремизм в России «молодеет», наиболее часто совершают преступления молодые люди в возрасте 15–25 лет. По статистике, основная масса таких тяжких преступлений на политической почве, как убийство, нанесение тяжких телесных повреждений, разбой, терроризм, совершается лицами до 25 лет. Важно учитывать, что в настоящее время молодежный экстремизм растет более высокими темпами, чем преступность взрослых[5, с. 27] .

Эти процессы приобретают особое значение в контексте проблем социальной безопасности общества, вызванных действиями экстремистов, и ведущих к физической и духовной деградации, разрушению личности, этноса, общества, государства. Поскольку активизация политического экстремизма молодежи в настоящее время представляет серьезную опасность, она должна быть глубоко

и всесторонне изучена, в том числе средствами политологического познания, как явление, требующее общественного: политико-правового, административно-управленческого и социокультурного противодействия.

Основные действия по снижению экстремистских проявлений в молодёжной среде должны быть ориентированы на:

- оптимизацию социальной среды (в целом), в которой находятся молодые люди, её улучшение, создание в ней пространств для конструктивного взаимодействия, стимулирования у молодёжи положительных эмоций от участия в реализации социальных проектов, от анализа достижимых перспектив, а также от реального опыта решения проблем молодого поколения;
- формирование механизмов оптимизации молодёжного экстремистского поля, разработку методов его разрушения, организацию на его месте конструктивных социальных зон;
- создание механизмов эффективного влияния на процесс социализации личности молодого человека, включения его в социокультурное пространство ближайшего сообщества и социума в целом. Итогом такой работы должно стать формирование толерантной, ответственной, успешной личности, ориентированной на ценности гражданственности и патриотизма;
- разработку системы психокоррекционной работы, нацеленной на профилактику ненормативной агрессии, развитие умений социального взаимодействия, рефлексии, саморегуляции, формирование навыков толерантного поведения, выхода из деструктивных культов, организаций, субкультур.

Развитие молодежного экстремизма - это свидетельство недостаточной социальной адаптации молодежи, развития асоциальных установок ее сознания, вызывающих противоправные образцы ее поведения. Исходя из этого вытекают следующие направления в работе по профилактики экстремизма и терроризма в образовательном процессе:

- информирование молодежи об экстремизме, об опасности экстремистских организаций;
- проведение педагогических советов с приглашением сотрудников правоохранительных органов, классные часы и родительские собрания, на которых разъясняются меры ответственности родителей и детей за правонарушения экстремистской направленности;
- разработка системы профилактических мер, которая будет включать социально-культурные условия формирования толерантности в учебно-воспитательном процессе;
- совершенствование системы культурно-досуговой деятельности подрастающего поколения;
- увеличение доступных для значительной части молодежи культурных благ;
- создание авторитетных массовых общественных молодежных организаций, которые объединяют и воспитывают на положительных образцах подрастающие поколения;
- консолидация и творческая реализация личности в среде сверстников;

- усиление профессиональной подготовки молодёжи, способной к реализации жизненных перспектив;

- учет профессиональной подготовки молодежи в системе профилактических мер по противодействию экстремизму в молодёжной среде;

- реализация потребности личности в самоопределении, культуре межнациональном общении;

Профилактика терроризма и экстремизма проводиться в образовательной системе. Данная работа по профилактике в первую очередь начинается с формирования у работников сферы образования навыков воспитания толерантного сознания у обучающихся, представлений о толерантной городской среде, идеологии и культуре толерантности. Также необходимо разработать и внедрить в учебно-воспитательный процесс комплексов образовательных программ, которые будут направлены на профилактику терроризма и экстремизма, укрепление установок толерантного сознания и поведения среди молодежи[6, с. 103] .

Таким образом, профилактика экстремистской деятельности в молодежной среде - это область науки и практики социальной работы, которая интенсивно связана с профилактикой психического здоровья, с вопросами эффективной адаптации к жизни и окружающей среде, с проблемами педагогики, воспитания, общения и в целом понимания людьми друг друга и самих себя.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 10.01.2003 № 3-ФЗ "О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом//Собрание законодательства РФ. — 2003. — 13.01.2003.

2.Coleman Peter T.; Bartoli Andrea. Addressing Extremism (англ.) (PDF). The International Center for Cooperation and Conflict Resolution (ICCCR), Teachers College, Columbia University // The Institute for Conflict Analysis and Resolution (ICAR), George Mason University. – 2010.- № 5. С. 91 - 120.

3. Кочергин Р. О. Некоторые аспекты криминологического обоснования существования молодежного экстремизма, основанного на национальном или религиозном признаках: Criminological foundation of young people extremizm based on national and religious notes // Человек и закон. – 2014.- № 1. С. 117 - 120.

4. Л. Агрессия: причины, последствия, контроль. М., Олма-пресс. – 2009.- С. 207.

5. Баева Л.В. Проблема противостояния молодежному экстремизму в современной России// Информационное сопровождение геополитической безопасности территорий Юга России и прикаспийского региона: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Астрахань, 28 мая 2012 г.) Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», – 2012. С. 26-33.

6. Шаламова Л. Ф., Ховрин А. Ю. Студенческая молодёжь и государственная молодёжная политика // Социально-гуманитарные знания. – 2016. - № 4. С. 114.

УДК 343.9

ПРОБЛЕМА МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА КАК ЯВЛЕНИЯ, ПОРОЖДАЮЩЕГО АНТИСОЦИАЛЬНЫЕ НАСТРОЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ

Хохлова А.Ю.
студентка экономико-юридического факультета ФГБОУ ВО ГАГУ,
Горно-Алтайский государственный университет
nastenkahohlova@list.ruu
Научный руководитель: к.ф.н., доцент Пашаев Х.П.

Аннотация: В данной научной статье поднята проблема молодежного экстремизма как феномена, создающего противообщественного настроения, а также затронута проблема зарождения личности. В обществе вытекают две главные проблемы: проблема нравственного и культурного наследия молодежи и проблема предотвращения антисоциальных настроений путем государственного вмешательства.

Ключевые слова: экстремизм, молодежный экстремизм, молодежь, подростки, анализ, проблема, государственная политика, местное самоуправление, борьба, социализация.

Annotation: In this scientific article, the problem of youth extremism as a phenomenon that creates an antisocial mood is raised, as well as the problem of the origin of the personality. Two main problems arise in society: the problem of the moral and cultural heritage of young people and the problem of preventing antisocial attitudes through state intervention.

Keywords: extremism, youth extremism, youth, adolescents, analysis, problem, state policy, local government, struggle, socialization

Одной из особенностей действия, как мирового сообщества, так и социальной жизни нынешней России, является деятельность массовых партий, организаций и движений, которые часто пытаются получить политические, финансовые, административные и иные проценты путем ограничения ощущений и достоинств средних граждан.

Существенным и, к сожалению, обычным моментом данных разрушительных процедур, влияющих на стратегию развития России, стали экстремистская и террористическая деятельности. Поэтому экстремизм и его обострение в форме терроризма является одной из первых угроз национальной безопасности России и требует к себе вышей степени особого внимания общества и государства, больше всего в качестве силовых составов, вызванных осуществлять борьбу с настоящим противоправным явлением.

Дать объективное освещение термина «экстремизм» довольно проблематично вследствие многообразия и сложности форм его выражения. Также основаниями этому служит историческая изменчивость экстремизма, отсутствие четких граней и обоснованных позиций в отношении понимания данного феномена, разнообразие определений этого явления с экономической, политиче-

ской, социальной стороны, вплоть до выявления положительных сторон данной деятельности.

Сегодня в России молодежь в возрасте от 14 до 20 лет составляет около четверти населения страны. Поэтому большое значение для общества и государства имеют все направления, соответствующие молодежной среде. В крайние 20 лет российское общество и государство, вовлеченные в процессы интеграции, находятся в состоянии социально-политический изменений и экономических трудностей[1]. Последствием данных явлений стало развитие радикальных состояний в обществе, во многом своем - среди российской молодежи.

По мнению доктора социологических наук, профессора Российской академии наук Л. С. Рубан: «Наиболее массовым (до 90 %) и активным участником межэтнических конфликтов обычно выступает молодежь, которой удобно манипулировать из-за недостатка у нее социального опыта, относительно легкой внушаемости, излишне эмоциональной оценки событий и реакции на них»[2].

Молодежный экстремизм является одним из наиболее тяжелых и опасных проявлений экстремизма. Учеными, исследующими экстремизм в молодежной среде, было указано на то, что экстремистскому сознанию молодого человека соответствуют компоненты неразвитого сознания, которые выражаются эмоциональностью, импульсивностью, внутренней напряженностью, конфликтностью. Нетерпимость и амбициозность, характерная для молодых людей, играет важную роль в процессе формирования экстремистского сознания.

Молодежи свойственно личностное восприятие действительности и проявление значительной жестокости при осуществлении противоправных действий, поэтому молодые экстремисты менее склонны к рациональному выходу из ситуации и компромиссам в какой бы то ни было форме.

Экстремизм среди подростков отличается фанатичностью, беспрекословным, часто бездумным, выполнением всех приказов и инструкций, правомерность которых не только не ставится под сомнение, но и не обсуждается, а также низким профессионализмом и отсутствием длительного опыта экстремистской деятельности. Группировки молодых экстремистов образуются в основном вокруг солидных политических объединений, включающих в себя более старший состав участников[3].

Экстремизм является одним из наиболее опасных видов девиантного поведения, который, в отличие от многих других видов преступлений, угрожает не только отдельным гражданам, но и государству. Таким образом, экстремизм является одной из угроз национальной безопасности. В современном глобальном мире экстремизм превращается в один из наиболее значимых источников политических рисков и кризисов и является не только проблемой отдельных национальных государств, но и проблемой глобальной, тем более что и многие современные террористические экстремистские организации имеют транснациональный характер и действуют в международном масштабе[4].

Главными чертами современного молодежного экстремизма являются: быстро развивающаяся организованность, тесная взаимосвязь идей и целей, сплоченность группировок, формирование в них идеологических уставов, разнообразие методов достижения поставленных целей, с использованием новейших информационных технологий, социальных сетей, усиления мер конспирации.

Молодежный экстремизм - это результат недостаточной социальной адаптации молодежи, влекущий асоциальное поведение молодых людей. К факторам, порождающим молодежный экстремизм, можно отнести как общий социально-политический и экономический кризис, так и криминализацию населения. Если рассмотреть данную проблему с другой стороны, то нельзя не остановиться на проблеме семьи и социализации личности подрастающего поколения. Создание благоприятных условий для социализации личности, для воспитания и развития молодого человека - главная задача современного общества. Организуя качественную работу в данных направлениях, можно исключить экстремизм у корней его развития, не доводя до насильственного подавления массовых течений.

Вся деятельность по управлению молодежным экстремизмом в настоящее время сводится к двум основным формам:

- Работа с молодежью, у которой еще не проявились экстремистские наклонности, то есть профилактика;

- Работа с молодежью, которая в различных формах уже демонстрирует экстремистские наклонности (расписывает символикой стены, ведет экстремистские группы в online социальных сетях, участвует в драках с экстремистским толком).

Среди методов управления молодежной экстремальностью наиболее актуальными являются формы, основанные на предложении альтернативной деятельности:

- Участие молодежи в экстремальных видах досуга и спорта, связанных с риском и преодолением препятствий. Данная форма предлагает молодежи удовлетворить потребность в риске в условно опасной среде.

- Участие молодежи в специфических видах активности. Это могут быть разнообразные хобби, клубы, движения. Здесь важно отслеживать современные тренды в молодежном досуге. Выявлять полезное в специфичном и на первый взгляд странном и стараться распространять данный опыт[5].

Библиографический список

1. Литвинов С. М. Местное самоуправление в противодействии экстремизму в молодежной среде // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 3. С. 171-172.

2. Рубан Л. С. Дилемма XXI века: толерантность и конфликт. М., 2006.

3. Экстремизм среди молодежи [Электронный ресурс]. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremizm-sredi-molodezhi (дата обращения 07.04.2019)

4. Ермакова Е. С. Понятие и причины экстремизма среди молодежи // Молодой ученый. — 2017. — №51. — С. 220-222. — URL https://moluch.ru/archive/185/47445/ (дата обращения: 14.04.2019).

5. Молодежный экстремизм: норма или патология? [Электронный ресурс]. - URL: https://youngspace.ru/faq/molodezhnyj-ekstremizm-norma-ili-patalogiya (дата обращения: 14.04.2019).

УДК 343.9

ЭКСТРЕМИЗМ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ: АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ СТАТИСТИКИ

Чепкина А.М.
студентка экономико-юридического факультета ФГБОУ ВО ГАГУ,
Горно-Алтайский государственный университет
chepkina_alena00@mail.ru
Научный руководитель: к.ф.н., Пашаев Х.П.

Аннотация: Преступления экстремисткой и террористической направленности стали проблемой для многих регионов Российской Федерации. В статье проанализирована правовая статистика экстремизма в Республике Алтай. Предложены программно–целевые меры воздействия и противодействия экстремизму и терроризму в Республике Алтай.

Ключевые слова: экстремизм, правовая статистика, региональные особенности, программно–целевые меры, Республика Алтай.

Annotation: Extremist and terrorist crimes have become a problem for many regions of the Russian Federation. The article analyzes the legal statistics of extremism in the Republic of Altai. In conclusion, conclusions are made and program–target measures of influence and counteraction to extremism and terrorism in the Republic of Altai are offered.

***Key words*:** extremism, legal statistics, regional features, program–target measures, Altai Republic.

Экстремизм и терроризм сегодня являются факторами нестабильности во всём мире. Они способны влиять на политические, экономические и социальные процессы, происходящие в государстве. Для России проблема экстремизма наиболее остро встала со второй половины 80-х г. г. распад СССР, рост сепаратизма и национального экстремизма, экономический спад и современный кризис, несовершенство деятельности правоохранительных органов и рост преступности, особенно организованной, привели к созданию атмосферы вседозволенности и безнаказанности. Обострение борьбы за сферы влияния между различными социальными силами, политическими идеологиями, блоками, союзами, в том числе этнического и религиозного характера, стремление применения в этой борьбе крайних, насильственных методов (методов террора, устрашения) стало препятствием развития правового государства[1,с.186–190]. Уголовно–правовое реагирование на террористические и экстремистские деяния не является эффективным. Число расследованных в течение года преступлений в России заметно ниже числа зарегистрированных, но еще ниже — числа выявленных и привлеченных к уголовной ответственности преступников[2,с.12–13; 530–536].

Как утверждает руководитель центра по противодействию экстремизму МВД по Республике Алтай: «проведённый анализ криминогенной ситуации в

регионе свидетельствует о том, что на территории республики на протяжении ряда лет оперативная обстановка в этом направлении остаётся стабильной, существенного влияния со стороны этнических групп и национальных диаспор на неё не оказывается, тяжких преступлений против личности совершённых по мотивам расовой национальной или религиозной вражды не зарегистрировано»[3].

Профилактика экстремистской деятельности регулируется статьей 5 Федерального закона № 114-ФЗ, согласно которой в целях противодействия экстремистской деятельности федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления в пределах своей компетенции в приоритетном порядке осуществляют профилактические, в том числе воспитательные, пропагандистские, меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности.

По данным федерального регистра нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации в Республике Алтай действуют 17 нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения в сфере профилактики экстремизма: Конституция Республики Алтай, 6 законов Республики Алтай, 3 указа Главы Республики Алтай, Председателя Правительства Республики Алтай и 7 постановлений Правительства Республики Алтай.

Но, несмотря на это Республика Алтай, в числе многих регионов, подвержена риску распространения идей экстремизма. Источниками данной идеологии являются религиозно-экстремистские организации, деятельность которых запрещена в Российской Федерации и ряде других стран.

Известны случаи пресечения в Кош-Агачском районе деятельности экстремистского движения «Таблиги Джамаат». Сейчас на территории республики зарегистрировано 77 некоммерческих организаций, созданных по национальному признаку, все они осуществляют свою деятельность в рамках закона и в проявлениях экстремизма не замечены.

Также на территории республики Алтай широко распространенными являются случаи пресечения экстремизма в интернете. Так, например, 24 сентября 2017 года в Горно-Алтайске было возбужденно уголовное дело по ч. 1 ст. 282 УК (возбуждение национальной ненависти) против 20-летней местной жительницы. Согласно материалам дела, 2 апреля 2017 года в социальной сети "ВКонтакте" в местная жительница написала комментарий, «содержащий в себе признаки разжигания межконфессиональной розни по отношению к христианам»[4].

В связи с этим существует риск массового вовлечения населения в экстремистскую деятельность. Для предотвращения этого ведётся разъяснительная работа, проводятся мероприятия военно-патриотического воспитания молодёжи.

Основная задача – это недопущение экстремистских проявлений, создание ситуации нетерпимости к экстремизму и развитие религиозной толерантности.

Пограничным управлением ФСБ России по Республике Алтай осуществляется профилактика экстремизма и терроризма на приграничных территориях, организован контроль въезда в Россию лиц, причастных к религиозно-экстремистским и террористическим организациям. Принимаются меры по недопущению ввоза оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ.

Также принимаются меры, направленные на профилактику экстремистских проявлений в образовательных организациях Республики Алтай.

Комплекс воспитательных мер, проводимый в образовательных организациях Республики Алтай, направлен, прежде всего, на воспитание уважительного отношения к историческому и культурному наследию народов Республики Алтай и Российской Федерации.

В этой связи во всех образовательных организациях утверждены планы по профилактике и предупреждению экстремистских проявлений.

В образовательных организациях ведутся журналы учета посетителей, обеспечивающие безопасное пребывание детей в здании образовательных учреждений, оборудованы информационные уголки с рекомендациями о действии граждан при возникновении чрезвычайных ситуаций, устанавливаются видео наблюдение, тахограф и система Глонасс.

Созданы комиссии, которые ежемесячно проверяют художественную, учебную литературу на отсутствие информации экстремистской направленности. По результатам проверки составляются акты.

Изучается фольклор, история, культура и традиции народов Республики Алтай на уроках истории Горного Алтая, русской литературы, алтайской литературы, мировой художественной литературы. Издается учебно-методическая литература по этнокультурной составляющей содержания образования.

В рамках повышения квалификации проводятся практические занятия по мониторингу воспитанности обучающихся, организации воспитательной работы по формированию базовых национальных ценностей по направлениям: патриотизм, социальная солидарность, гражданственность, семья, труд и творчество, наука, традиционные российские религии, искусство и литература, природа, человечество.

Принимаются меры по обеспечению соблюдения правовых механизмов блокирования информационных каналов проникновения через источники массовой информации в детско-подростковую среду элементов криминальной психологии, культа насилия, других откровенных антиобщественных тенденций и соответствующей им атрибутики.

Библиографический список

1. Анищенко К. В. Причинный комплекс терроризма // Общество и право. 2008. №2. С. 186–190.

2. Долгова А. И. Теоретические основы реагирования на терроризм и экстремизм: материалы научно–практической конференции. М.: Российская криминологическая ассоциация; Ставрополь: Изд–во СКФУ, 2015. С. 12–13.

3.Заседание Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Республике Алтай//Официальный сайт Правительства Республики Алтай. 2018. 3 октября.

4. Заседание Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Республике Алтай//Официальный сайт Правительства Республики Алтай. 2018. 3 октября.

УДК 343.13

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗАЩИТНИКА, ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО: ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Бойко О. А.
Студентка юридического факультета БрГУ им. А. С. Пушкина,
Брестский государственный университета имени А. С. Пушкина
olga_boyko_1998@mail.ru
Научный руководитель: старший преподаватель, Резюк В. И.

Аннотация: В статье рассматриваются профессионально-этические и связанные с ними уголовно-процессуальные аспекты взаимодействия защитника, подозреваемого, обвиняемого. Автор на основе осуществленного анализа предлагает дополнения в законодательство об адвокатуре и адвокатской деятельности, направленные на решение проблем реализации этических норм в рамках уголовного процесса.

Ключевые слова*:* защитник, подозреваемый, обвиняемый, адвокатская этика.

Annotation: The article deals with ethico-professional aspects and related to them criminal proceeding aspects of the interaction of the defender, the suspect, the accused. The author on the basis of the analysis suggests additions to the legislation on advocacy and advocacy aimed at solving problems of realization of ethical standards in the criminal process.

Keywords**:** the defender, the suspect, the accused, advocacy ethics.

Защита обеспечивается во всех стадиях уголовного судопроизводства всеми средствами, способами, формами и методами, которые предписаны уголовно-процессуальным законодательством, и, соответственно, не противоречащие им. При этом защитник обязан защищать права и законные интересы подзащитного честно, добросовестно, разумно, поскольку положение профессиональной этики не допускает других принципов осуществления защиты.

Как самостоятельный участник уголовного процесса защитник обязан, строить защиту в рамках действующего закона по шести направлениям: 1) установление в материалах уголовного дела обстоятельств имеющих значение для улучшения положения подозреваемого и обвиняемого; 2) собирание и представление доказательственной базы для оказания полной и эффективной юридической помощи; 3) привлечение необходимых специалистов для обеспе-

чения защиты; 4) оказание юридической помощи подозреваемому или обвиняемому в защите процессуальных, имущественных неимущественных и иных прав; 5) составление процессуальных документов в рамках осуществления защиты; 6) оказание юридических консультаций для опровержения обвинения. Защитник не имеет право, поддерживать и выстраивать линию защиты запрещенными законодательством способами, а также идти на поводу подозреваемого или обвиняемого, который любым способом стремиться уйти от уголовной ответственности. Адвокат не имеет право вступать в противоречие с законом, а как самостоятельный участник уголовного процесса обязан выполнить свой профессиональный долг в соответствии с законом «Об адвокатуре и адвокатской деятельности Республики Беларусь» (далее – Закон) и принципами адвокатской этики. Принцип адвокатской деятельности − «клиент всегда прав, любое желание клиента − закон», не должен действовать в прямом смысле. Защитник свободен в выборе методов и способов защиты, которые ему необходимы для реализации функции защиты. При этом защитник самостоятельно определяет свою позицию по обстоятельствам дела в соответствии с адвокатской этикой. Поэтому защита осуществляется в соответствии с нормами морали, нормами профессиональной этики, которые регламентированы в свою очередь нормами белорусского законодательства. Так согласно п. 3 ст. 18 Закона, а также п. 10 гл. 2 Правил профессиональной этики адвокатов[1], позиция адвоката не может строиться вопреки воли, подозреваемого и обвиняемого. Исключением данного положения является самооговор подозреваемого, обвиняемого.

С. А. Касаткина рассматривая, данное положение указывает на недопустимость, требования от защитника принципиальности и объективности в опровержении добровольного самооговора обвиняемого под угрозой возможного конфликта с подзащитным, открывшим защитнику истинные причины, обусловливающие самооговор. Она отмечает, что «Поведение защитника в такой ситуации должно определяться с учетом этических аспектов тех последствий, к которым может привести защита «во что бы то ни стало» Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Республике Беларусь»[2]. Аналогичное мнение высказывает М. В. Ходилина, которая отмечает, что «адвокат должен исходить не из этических норм … , предписывающих должное поведение адвоката в сложившейся ситуации, а, в первую очередь, из конкретных обстоятельств уголовного дела с учетом этических норм»[3]. С такой постановкой данного вопроса нельзя согласиться, так как адвокат должен выстраивать свою линию защиты в соответствии с нормами закона, а затем и в соответствии с положениями морали и этики. В связи с чем, следует отметить, что в период заключения договора с подозреваемым или обвиняемым адвокат – защитник должен гарантировать честное и добросовестное выполнение своих обязанностей, но не положительные результаты завершения защиты, поскольку это предвидеть, практический невозможно. Позиции адвоката, подозреваемого или обвиняемого, могут быть различными. Нет законодательной регламентации, что позиции адвоката и его подзащитного обязательно должно совпадать, но если позиция адвоката не совпадают с позицией подзащитного, то адвокат должен урегулировать конфликт-

ную ситуацию, путем разъяснения обстоятельств дела, а также путем своевременного уведомления о методах и способах и приемах организации защиты.

Защита осуществляется адвокатом с учетом интересов подзащитного в сторону оправдания, переквалификации или смягчения наказания. Но если обвиняемого устраивает только его оправдание, а не смягчение вины или переквалификацию, то адвокат обязан разъяснить необоснованность его линии защиты, ее несостоятельность, подсказать подзащитному отказаться от выбранной линии защиты и порекомендовать подзащитному, пригласить другого защитника. Различное представление защиты адвоката и обвиняемого создает в их отношениях столкновение и противоречие. Если путем убеждения невозможно урегулировать противоречие подозреваемый, обвиняемый имеет право отказаться от защитника. Однако если подозреваемый или обвиняемый не отказался официально от данного адвоката независимо от его мнения по поводу защиты, то линия защиты со стороны адвоката продолжается.

Одно из основных способов защиты в досудебном производстве – свидание подозреваемого, обвиняемого с защитником. С момента допуска защитника к участию в производстве по уголовному делу свидание с ним наедине и конфиденциально до первого опроса и допроса имеет немаловажное значение, поскольку защитник должен направить своего подзащитного «на правильный путь защиты». Данное средство защиты воспринимаются адвокатами не совсем серьезно, хотя от этого зависит дальнейшее тактика и методика защиты. В период досудебного производства, если защитник упустил основной метод защиты, и не выбрал правильную тактику производства защиты, в дальнейшем это может мешать успешному осуществлению защиты. Следует отметить, что в последующем в стадии расследования и тем более в стадии судебного разбирательства эту ошибку исправить трудно, а в большинстве случаев невозможно.

Практика свидетельствует, что зачастую для облегчения своей работы адвокат с момента первого свидания подталкивает подзащитного к даче признательных показаний, для рассмотрения его дела в особом порядке и смягчения вины подозреваемого или обвиняемого. Такой подход защиты неприемлем, поскольку это незаконный метод защиты особенно для тех подозреваемых и обвиняемых, которые не виновны в совершении преступления. Отсутствие активных действий защитника в рамках законодательства для защиты свидетельствует о формальном отношений адвоката к защите. Для осуществления защиты с момента встречи его с подзащитным он обязан составить план защиты, который должен быть у адвоката в производстве. Вместе с тем Закон не содержит обязательного требования по введению адвокатского производства, хотя необходимость его ведения, вытекает из самого же закона. Правильное ведение адвокатского производства может способствовать дальнейшему изменению тактики и методики защиты. Поэтому законодательно должно быть закреплено обязательное ведение адвокатского производства, которое дает полную картину осуществления адвокатской деятельности конкретного адвоката. Кроме того, при помощи адвокатского производства можно оценить качество работы адвоката.

На территории Республики Беларусь действуют методические рекомендации Президиума Республиканской коллегии адвокатов от 15.09.1999 «Методические рекомендации по составлению и ведению адвокатами производств по гражданским делам», но они носят рекомендательный, но не обязательный характер. Исследование показало целесообразность внесения изменений и дополнений в действующее законодательство Республики Беларусь об адвокатуре и адвокатской деятельности, необходимость разработки методических рекомендаций по ведению адвокатского производства и по уголовным делам или в целом (аналогично действующих на территории Российской Федерации методических рекомендаций, утвержденных Советом Федеральной палаты адвокатов от 21.06.2010 (протокол №5)[4]), рационально также придание им характера обязательных. Указанные предложения, направленные на решение проблем реализации этических норм в рамках уголовного процесса, способны повысить эффективность и качество профессиональной деятельности защитника, осуществляемой при взаимодействии с подозреваемым и обвиняемым.

Библиографический список

1. Правила профессиональной этики адвокатов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rka.by/content/pravila-professionalnoy-etiki-advokata. (дата обращения 24.07.2018).

2. Касаткина, С. А. Признание обвиняемого / С. А. Касаткина. – М.: «Проспект», 2010. – С. 125.

3. Ходилина, М. В. Некоторые этические проблемы, возникающие при осуществлении адвокатам защиты по уголовным делам / М. В. Ходилина. – Изд. 3-е. – М.: Адвокатская практика, 2012. – С. 42-46.

4. Методические рекомендации по ведению адвокатского производства [Электронный ресурс]: решение Совета ФПА РФ, 21.06.2010: в ред. от 28.09.2016 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2019.

УДК 342.9

ПРИНЦИПЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Диденко Ю.М.
магистрант юридического института ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
didenko_969696@mail.ru
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Коновалова Л.Г.

Аннотация: Настоящая статья посвящена исследованию принципов административной ответственности, как закрепленных в кодексе Российской Фе-

дерации об административных правонарушениях, так и сформулированных административно-правовой наукой.

Ключевые слова: принципы права, принципы административной ответственности, правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации.

Annotation: This article is devoted to the study of the principles of administrative responsibility. It can be fixed in the Code of Administrative Offences of the Russian Federation and can be fixed l in the scientific literature.

Keywords: principles of law, principles of administrative responsibility, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) заложен ряд принципов административной ответственности. Принципы определяются как выраженные в праве основные идеи, исходные нормативно-руководящие начала, определяющие его содержание, закрепленные в нем закономерности общественной жизни[1,с.434]. Принципы административной ответственности можно определить как основополагающие положения, руководство которыми является основой для применения норм законодательства об административной ответственности[2, с. 638].

Первый принцип, который можно выделить, являет собой продолжение общеправового принципа, закрепленного в ст. 19 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), – формально юридического равенства всех перед законом и судом [3]. Ст. 1.4 КоАП РФ гласит, что лица, совершившие административные правонарушения, равны перед законом[4].

В КоАП РФ принцип равенства перед законом, в отличие от КоАП РСФСР, является определяющим не только для производства по делам об административных правонарушениях, но и для законодательства об административной ответственности в целом[5].

Законодатель приводит перечень наиболее распространенных факторов и свойств, наличие которых у граждан не является основаниями для запрета либо для умаления каких-либо прав и свобод человека. Традиционно к ним относятся от пол, раса, национальность, язык, происхождение, имущественное и должностное положение и прочее. Физические лица подлежат административной ответственности вне зависимости от этих факторов. В свою очередь, юридические лица подлежат административной ответственности независимо от места нахождения, организационно-правовых форм, подчиненности и иных обстоятельств. При рассмотрении дела об административном правонарушении принцип равенства граждан перед законом означает, что в отношении человека и гражданина применяются одни и те же материальные нормы и административно-процессуальные правила.

Особые условия привлечения к административной ответственности должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции (депутатов, судей, прокуроров и иных лиц), устанавливаются Конституцией РФ и федеральными законами см., например, ст. 19 Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»[6].

В литературе отмечается, что сегодня содержание принципа равенства перед законом получило новую интерпретацию[7, с. 30-34]. Кодекс был дополнен новыми нормами, закрепляющими дифференциацию составов административных правонарушений и административного наказания в зависимости от субъекта Российской Федерации, в котором было совершено административное правонарушение.

Так, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 22 апреля 2014 г. № 13-П признал не противоречащими Конституции РФ нормы КоАП РФ, предусматривающие наложение административных штрафов в повышенном размере за указанные в них административные правонарушения в области дорожного движения, если они совершены в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге. Мотивировал Суд свое решение тем, что установленное такими нормами регулирование основано на объективных критериях и учитывает специфику дорожно-транспортной обстановки на территориях указанных субъектов Российской Федерации как крупнейших городских населенных пунктов Российской Федерации[8]. В юридической литературе это Постановление подверглось критике, некоторыми авторами нормы были названы дискриминационными[9, с. 65-76].

Следующий принцип, закрепленный законодательно, – презумпция невиновности. Его суть заключается в том, что лицо подлежит административной ответственности исключительно за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина. Невиновным лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, считается до тех пор, пока вина не будет доказана в предусмотренном КоАП РФ порядке и установлена вступившим в законную силу постановлением судьи, органа, должностного лица, рассмотревших дело.

Третий принцип – законность. Институт административной ответственности опирается на ряд зафиксированных в ст. 1.6 КоАП правил, направленных на обеспечение законности при применении мер административного принуждения в связи с административным правонарушением.

Наукой административного права выработано значительное количество принципов, не нашедших законодательного признания в качестве основополагающих идей административной ответственности. Среди них, в частности, гарантированность судебной защиты, принцип недопустимости использования доказательств, полученных с нарушением закона, принцип неотвратимости административной ответственности, предполагающий, что установление и применение административной ответственности должны обеспечивать наказание всех лиц, совершивших административные правонарушения; принцип индивидуализации административной ответственности.

Таким образом, содержание каждого принципа административной ответственности объективно обусловлено отношениями, складывающимися в конкретных институтах и отраслях права, государстве и обществе в целом. При этом с течением времени смысловое наполнение принципов может меняться. Особую роль в направлении и фиксации таких изменений играет Конституционный Суд Российской Федерации.

Библиографический список

1. Марченко, М.Н. Теория государства и права: учебник. – 2-е издание, перераб. и доп. / М.Н. Марченко. – Москва: Проспект, 2010. – 640 с.
2. Братановский, С.Н. Административное право. Общая часть: учебник / С.Н. Братановский – М.: Директ-Медиа, 2013. – 921 с.
3. Конституция Российской Федерации // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.04.2019) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
5. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (утв. ВС РСФСР 20.06.1984) // Ведомости ВС РСФСР. – 1984. – 27. – Ст. 909.
6. О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: федеральный закон от 08 мая 1994 № 3-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. – 1999. – № 28. – Ст. 3466.
7. Хаустова, О.И. Принципы административной ответственности: проблемы реализации и пути их решения (на основе научных работ заслуженного юриста Российской Федерации Н.Г. Салищевой) / О.И. Хаустова // Административное право и процесс. – 2017. – № 6. – С. 30 - 34.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2014 № 13-П // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 18 (часть IV). – Ст. 2288.
9. Степаненко Ю.В. КоАП РФ накапливает отрицательный потенциал // Современный юрист. – 2014. – 3 (8). – С. 65 - 76.

УДК 343.631

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ КЛЕВЕТЫ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Кузьмич А.С.
студентка юридического факультета УО БрГУ имени А.С. Пушкина, Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Брест Беларусь
nastyabailen@mail.ru
Научный руководитель: ст. преподаватель Резюк В.И.

Аннотация: Настоящая статья посвящена актуальным проблемам юридической оценки клеветы в сети Интернет в соответствии с последними изменениями в законодательстве Республики Беларусь. В рамках данной работы рассматриваются особенности квалификации уголовных дел по защите чести и достоинства.

Ключевые слова: честь и достоинство, клевета, преступления в сети Интернет.

Annotation: This article is devoted to topical issues of legal assessment of libel on the Internet in accordance with the latest changes in the legislation of the Republic of Belarus. This work considers the specifics of the qualification of criminal cases for the protection of honor and dignity.

Keywords: honor and dignity, slander, crimes on the Internet.

В связи со стремительным развитием Интернет-ресурсов все чаще в правоприменительной практике рассматриваются дела о защите чести и достоинства личности, связанные с распространением в сети Интернет ложных, порочащих сведений, а также сведений оскорбительного характера.

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) в ч. 2 ст. 188 предусматривает уголовную ответственность за распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений (клевета) в глобальной компьютерной сети Интернет[1].

Главная и основная особенность дел о защите чести и достоинства – сложность формирования доказательной базы.

Под клеветой, согласно комментарию к ст. 188 УК Республики Беларусь понимается «активное поведение, которое выражается в распространении позорящих другое лицо измышлений, т.е. в сообщении хотя бы одному лицу ложной информации, позорящей потерпевшего»[2, с. 344]. Применение в случае с распространением клеветнических сведений в Интернете именно уголовной ответственности обуславливается тем, что «всемирная паутина» представляет собой систему, которая в настоящее время открыта любому простому обывателю. Следовательно, спектр распространения клеветнической информации становится в разы шире, нежели высказывание тех или иных сведений при незначительном количестве свидетелей в реальной жизни, что квалифицируется в соответствии с Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП Республики Беларусь) (за исключением ч. 1 ст. 188 УК Республики Беларусь, в которой предусмотрена административная преюдиция). Административная ответственность за клевету предусмотрена в ст. 9.2 КоАП Республики Беларусь.

Согласно диспозиции ч. 2 ст. 188 УК Республики Беларусь (в ред. Закона Республики Беларусь от 17.07.2018 г. № 131-З), уголовная ответственность за клевету наступает в случае, когда клевета содержится в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет, либо соединенная с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Можно рассмотреть 2 ситуации, одну из которых можно квалифицировать по ч. 2 ст. 188 УК Республики Беларусь как клевету, а другую – нецелесообразно квалифицировать в рамках уголовного законодательства.

Гражданин Н. прислал в предлагаемые новости сообщества «П» социальной сети «В» новость, в которой сообщил, что гражданка У., проживающая на улице К. города Л., возвела забор на своем частном участке за денежные сред-

ства, добытые преступным путем. После опубликования указанной новости в сообществе «П» социальности сети «В», статистические данные показали, что данную новость просмотрело 3147 человек. После обнаружения данной записи гражданкой У., она обратилась в РОВД по месту ее проживания с заявлением о том, что в отношении нее совершено преступление, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 188 УК Республики Беларусь. В качестве доказательства того, что денежные средства добыты не преступным путем, а тем самым с целью опровержения клеветнической информации, гражданка У. приложила к заявлению справки о доходах за 2 полугодия, а также документы, подтверждающие продажу недвижимого имущества, на вырученные средства от которой она возвела забор на своем частном участке. В ходе рассмотрения УИМ РОВД заявления, были проведены мероприятия по установлению личности гражданина Н. (чему поспособствовала информация личного аккаунта данного гражданина, с которого непосредственно была отправлена информация в сообщество «П» социальной сети «В»). После установления личности гражданина Н., он был вызван в РОВД по месту жительства гражданки У. для дачи объяснений по сведениям, указанным в заявлении. Гражданин Н. подтвердил тот факт, что данная информация в сообщество «П» социальной сети «В» была направлена непосредственно им. Свои действия он объяснил тем, что эту новость он отправил в сообщество из чувства зависти к гражданке У., так как его заработная плата не позволяет ему приобрести себе участок для строительства частного дома, с его последующим благоустройством. Примирения стороны не достигли, после чего дело заявление было передано следователю для возбуждения уголовного дела. В ходе предварительного следствия доказательства виновности гражданина Н. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 188 УК Республики Беларусь, были собраны. Гражданка У. подала гражданский иск о компенсации морального вреда в рамках уголовного процесса. Суд был ей выигран, гражданин Н. был привлечен к уголовной ответственности.

В рассмотренном примере все процессуальные особенности дел частно-публичного обвинения, каковым является распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений (клевета), были соблюдены. Доказательства того, что информация, распространенная в сети Интернет, в отношении гражданки У., были относимыми, допустимыми, достоверными, достаточными.

Рассмотрим ситуацию, в которой привлечение к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 188 УК Республики Беларусь не представляется возможным.

В социальной сети «И» в сообществе «В» была опубликована новость, присланная через сервис анонимных сообщений, которая содержала в себе следующую информацию: «Продавщицы в городе М. обманывают людей. Они обсчитывают пожилых людей, неправильно пробивают продукты, чтобы отбить свои недостачи за смену». В РОВД указанного города поступило коллективное заявление от нескольких гражданок, которые работают продавщицами в разных торговых магазинах. В заявлении они указали, что их честь и достоинство были оскорблены, их оклеветали, и виновное лицо должно понести ответственность по ч. 2 ст. 188 УК Республики Беларусь. В ходе проведения проверки по выше-

указанному коллективному заявлению УИМ РОВД посредством обращения к администрации сообщества «В» было установлено, что идентификация лица, отправившего данную новость, не представляется возможной, так как сервис анонимных сообщений своей первоначальной целью обозначает сокрытие данных о лице, которое направило ту или иную информацию. В том числе, особенностью данного сервиса является то, что данный программный комплекс действует на основании Российского законодательства, в частности, Федерального закона "О персональных данных" от 27.07.2006 N 152-ФЗ. Следовательно, сбор личных данных вполне возможен, но существенно затруднен.

При рассмотрении указанного обращения УИМ РОВД также обратил внимание заявителей на то, что уголовное дело по ч. 2 ст. 188 УК Республики Беларусь не может быть возбуждено по тому основанию, что в новости, опубликованной в сообществе «В» не было указано конкретное лицо, к которому обращался автор. При аргументации данного факта УИМ РОВД сослался на комментарий к ст. 189 УК Республики Беларусь (которая по своей сути также направлена на защиту чести и достоинства личности), в котором речь идет о том, что оскорбление всегда адресуется конкретному человеку, преступление считается оконченным, когда неприличная, унижающая оценка личности была воспринята потерпевшим[2].

Сложность также представила и доказательная база: подтверждение того, что продавщицы в городе М. обманывают людей, обсчитывают пожилых людей затруднено, так как документально этот факт подтвердить сложно, отсутствуют заявления лиц, потерпевших от такого рода действий, что не может однозначно указать на то, имелись ли такие факты, или граждане просто не обращались в правоохранительные органы.

Таким образом, рассмотрев 2 вполне схожих по некоторым признакам примера, можно сказать, что защита чести и достоинства граждан в сети Интернет является непростой и трудоемкой задачей. Представляется, что реализация Закона Республики Беларусь «О персональных данных» позволит упростить практику по делам о клевете в Интернете. В частности, наибольший интерес для правоохранительных органов Республики Беларусь представляет глава 2 Проекта Закона Республики Беларусь «О персональных данных», в части предоставления персональных данных. При законодательном закреплении не права, а обязанности предоставления персональных данных пользователей Интернет-ресурсов в целях восстановления прав граждан, потерпевших от преступления, ситуация в части применения ч. 2 ст. 188 УК Республики Беларусь покажет положительные результаты, а именно:

- восстановление прав граждан, потерпевших от преступления,
- привлечение виновного лица к установленной законом ответственности.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] от 09 июля 1999 г. № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр.

Советом Респ. 24 июня 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Барков, А.В. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / А.В. Барков. – Минск: Тесей, 2002. – 621 с.

УДК 343

НЕЗАКОННАЯ ОХОТА В УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Качанович В. А.
студентка юридического факультета БрГУ им. А. С. Пушкина,
УО Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
v.kachanovich@mail.ru
Научный руководитель: старший преподаватель Резюк В. И.

Аннотация: Данная статья посвящена сравнению уголовных законодательств Республики Беларусь и Российской Федерации, связанных с совершением незаконной охоты, которая за последнее время приобрела большое распространение и имеет повышенную опасность для окружающей среды и животного мира.

Ключевые слова: Незаконная охота, УК Республики Беларусь, УК Российской Федерации, сравнительно - правовая характеристика незаконной охоты.

Annotation: This article is devoted to the comparison of criminal legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation related to the Commission of illegal hunting, which has recently become widespread and has an increased danger to the environment and wildlife.

Keyword: Illegal hunting, criminal code of the Republic of Belarus, criminal code of the Russian Federation, comparative legal characteristics of illegal hunting.

В связи с интеграционными процессами, происходящими между Республикой Беларусь и Российской Федерацией, сравнительно-правовой анализ норм уголовных законов этих стран, предусматривающих ответственность за незаконную охоту[1].

На практике значимость охраны природы и окружающей среды подчёркнута в нормативно-правовых актах высших органов исполнительной власти Республики Беларусь и Российской Федерации, законодательных органах, а так же в многочисленных международных конвенциях и соглашениях.

Нормы, содержащие ответственность за совершение незаконной охоты закреплены в ст. 282 УК Республики Беларусь и ст. 258 УК Российской Федерации.

Незаконная охота в уголовном законодательстве Республики Беларусь представляет собой преступление против экологической безопасности и при-

родной среды, которое выражается в охоте без надлежащего на то разрешения, либо в запрещённых местах, либо в запретное время, либо запрещёнными орудиями и способами (ст. 282 УК Республики Беларусь). Ответственность в ст. 282 УК Республики Беларусь разграничена[2].

Часть 1 статьи 282 УК РБ предусматривает ответственность за незаконную охоту при наличии признаков административной преюдиции.

При этом административную преюдицию образуют не все случаи нарушения правил охоты, а только те, которые указаны в диспозиции ч. 1 ст. 282 УК Республики Беларусь, то есть охота без надлежащего на то разрешения, либо в запрещённых местах, либо в запретное время, либо запрещёнными орудиями и способами.

Законодательство Российской Федерации также содержит нормы, предусматривающие ответственность за совершение незаконной охоты как административного правонарушения. В то время как УК Российской Федерации предусматривает ответственность за наиболее опасные формы незаконной охоты[3].

Ответственность за добычу зверей или птиц, охота на которых в Республике Беларусь полностью запрещена, наступает лишь тогда, когда виновный, завладевая ими, осознаёт, что эти звери или птицы находятся под особой охраной государства. Законодательство Республики Беларусь относит к зверям и птицам те виды животных и птиц, которые занесены в Красную книгу Республики Беларусь, а также другие виды животных, на которые в Республике Беларусь запрещены все виды охоты.

Незаконная охота по уголовному законодательству Российской Федерации предполагает также отлов или добычу животных, промысел на которых запрещен полностью. То есть в любое время года, в любом месте. Так запрещается охота на птиц и зверей, которые перечислены в Красной книге международной, Красной книге России и Красных книгах регионов Российской Федерации.

Более строгую уголовную ответственность в Республике Беларусь влечёт незаконная охота с использованием механического наземного, водного или воздушного транспортного средства, либо совершённая должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, либо повлёкшая причинение ущерба в особо крупном размере (ч. 3 ст. 282 УК Республики Беларусь).

Под незаконная охотой с использованием механического наземного, водного или воздушного транспортного средства (ч. 3 ст. 282 УК РБ) следует понимать эксплуатацию данных транспортных средств непосредственно в процессе охоты в качестве орудия преступления. В случае если транспортные средства использовались лишь для доставки нарушителя к месту незаконной охоты и перевозки добытого, то такое их применение не является основанием для квалификации действий виновного по ч. 3 ст. 282 УК Республики Беларусь.

Под механическими транспортными средствами (пункт "б" части 1 статьи 258 УК Российской Федерации) следует понимать автомобили, мотоциклы, мотонарты, снегоходы, катера, моторные лодки и другие транспортные средства, приводимые в движение двигателем.

Лицо может быть признано виновным в незаконной охоте, совершенной с применением механического транспортного средства или воздушного судна, только в случае, если с их помощью велся поиск животных, их выслеживание или преследование в целях добычи, либо когда они использовались непосредственно в процессе их, а также осуществлялась транспортировка незаконно добытых животных[4, с. 92].

Часть 2 ст. 258 УК Российской Федерации также предусматривает ответственность за совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Однако в Уголовном кодексе Республики Беларусь, в частности, в ст. 282 отсутствует санкция за совершение преступления группой лиц, по предварительному сговору или организованной группой. Уголовный кодекс рассматривает совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой только как отягчающее обстоятельство (п. 11 ч. 1 ст. 64 УК Республики Беларусь).

В ходе анализа преступлений, предусмотренных статьей 282 УК Республики Беларусь, было установлено, что чаще всего браконьеры совершают преступления сообща, то есть группой лиц по предварительному сговору[5]. Данное обстоятельство обусловлено тем, что браконьеры, сознательно идя на совершение преступления, принимает меры к обеспечению конспирации. Логика подобных действий понятна: при совершении преступлений несколькими лицами проще совершить преступление и легче скрыть преступный факт.

Вышеизложенное подтверждает то, что Россия и Беларусь имеет общую историческую базу, на основании которой были изданы уголовные законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации. В тоже время показывает отдельные особенности уголовно-правового регулирования в каждом из рассмотренных государств[1].

Сравнительно-правовой анализ норм, предусматривающих ответственность за незаконную охоту в уголовных законодательствах Республики Беларусь и Российской Федерации позволяет выделить следующие общие для этих государств положения:

1) в уголовных законодательствах обоих государств предусмотрена ответственность за незаконную охоту;

2) нормы законодательств обеих стран содержат ответственность за совершение преступления:

- на определенных охраняемых территориях, в запрещенных местах и в запретное время;
- должностным лицом с использованием своих служебных полномочий;
- с использованием механического наземного, водного или воздушного транспортного средства;
- с причинением крупного ущерба.

Сравнительно-правовой анализ норм, предусматривающих ответственность за незаконную охоту в уголовных законодательствах Республики Беларусь и Российской Федерации позволяет выделить следующие отличительные для этих государств положения:

– наличие административной преюдиции в УК Республики Беларусь (ч. 1 ст. 282);

- закрепленная в ч. 2 ст. 258 УК Российской Федерации норма, предусматриваю ответственность за совершение данного преступлений группой лиц по предварительному сговору или организованной группой – в УК Республики Беларусь аналогичная по содержанию часть в норме отсутствует.

Библиографический список

1. Уголовная юстиция: законодательство, теория и практика : сб. материалов VIII Респ. науч. - практ. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, Брест, 20 окт. 2017 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина; редкол.: О.Н. Иванчина (отв. ред.) [и др.]. – Брест: БрГУ, 2018. – 260 с.

2. Уголовный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон, 13 июня 1996 г., № 63-З : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г.: в ред. Федер. закона от 08.01.2019 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.

4. Зайчук Г. И.: Правовое регулирование охраны и использования животного мира: Дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук: 12.00.06: 29.06.2001: 31.10.2001 / Зайчук Геннадий Иванович. - Мн., 2006. – 122 с.

5. О судебной практике по делам о лесных нарушениях [Электронный ресурс]: Постановление Верховного Суда Респ. Беларусь, 12.03.1993 г., // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

УДК 378.02

ПОНЯТИЕ ИЗНАСИЛОВАНИЯ В УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И УКРАИНЫ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Кононович О.С.
Студентка юридического факультета
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
olga.kononovich@inbox.ru
Научный руководитель: ст. преподаватель Резюк В.И.

Аннотация: В настоящей статье дается сравнительно-правовой анализ понятия изнасилования в уголовном законодательстве Республики Беларусь и Украины.

Ключевые слова: Изнасилование, УК Республики Беларусь, УК Украины.

Annotation: This article provides a comparative legal analysis of the concept of rape in the criminal legislation of the Republic of Belarus and Ukraine.

***Keywords*:** Rape, Criminal Code of the Republic of Belarus, Criminal Code of Ukraine.

Изнасилование, как преступление, давно известно человечеству. Несмотря на кажущуюся очевидность и понятность данного преступления, оно понималось и понимается неоднозначно не только в науке уголовного права, но и в уголовном законодательстве. На различное законодательное понимание изнасилования влияют три обстоятельства. Во-первых, понятие изнасилования зависит от исторического периода развития общества и действующего в нем уголовного законодательства. Во-вторых, оно во многом определяется уровнем экономического развития и культуры населения определенной страны и соответствующего им уголовного законодательства. В-третьих, оно зависит от уровня развития уголовно-правовой науки и следственно-судебной практики.

Отдельный научный и практический интерес представляет сравнение понятий изнасилования согласно УК Республики Беларусь и УК Украины.

В ч. 1 ст. 166 УК Республики Беларусь закреплено понятие изнасилования: половое сношение вопреки воле потерпевшей с применением насилия или с угрозой его применения к женщине или ее близким либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей [1].

Половое сношение – это одно из действий, составляющих объективную сторону изнасилования (наряду с примирением физического насилия или угрозы его применения) или единственное действие (при использовании беспомощного состояния потерпевшей).

Согласно ч.1 ст. 152 УК Украины изнасилование – это совершение действий сексуального характера, связанных с вагинальным, анальным или оральным проникновением в тело другого лица с использованием гениталий или любого другого предмета, без добровольного согласия потерпевшего лица[2].

Данное понятие стало применятся с 11 января, с момента вступления в силу закона Украины № 2227-VIII, который внес изменения в Уголовный кодекс. До указанных изменений понятие изнасилования было иным: изнасилование, то есть половое сношение с применением физического насилия, угрозы его применения или с использованием беспомощного состояния потерпевшего.

Таким образом, согласно УК Украины, сексуальные действия, совершенные без четко высказанного добровольного согласия партнера, должны быть квалифицированы как изнасилование или сексуальное насилие. Даже если пострадавшее лицо не оказывало физического сопротивления.

Половой акт без четкого «да» может быть квалифицирован как изнасилование.

Следует отметить, что в Республике Беларусь понятие изнасилования несколько уже, чем в Украине. Как уже отмечалось ранее, в Украине под изнасилованием понимают совершение любых действий сексуального характера, т.е.

вагинальное, оральное, анальное проникновение. В Республике Беларусь изнасилованием признается только естественный насильственный половой акт. Касаемо действий сексуального характера, связанных с оральным или анальным проникновением, УК Республики Беларусь предусматривает ответственность по ст. 167 «Насильственные действия сексуального характера».

Квалифицированные составы изнасилования также имеют свои отличия. В УК Республики Беларусь ч. 2 ст. 166 предусматривает изнасилование, совершенное повторно, либо группой лиц, либо лицом, ранее совершившим действия, предусмотренные статьей 167 УК Республики Беларусь, либо изнасилование заведомо несовершеннолетней [1]. УК Украины содержит более широкий круг преступлений, а именно: изнасилование, содеянное повторно или лицом, которое раньше совершило любое из преступлений, предусмотренных статьями 153-155 УК Украины, либо совершение таких деяний в отношении супруга или бывшего супруга или другого лица, с которым виновный находится (находился) в семейных или близких отношениях, или в отношении лица в связи с выполнением этим лицом служебного, профессионального или общественного долга или в отношении женщины, которая заведомо для виновного находилась в состоянии беременности[2].

В статье 152 УК Украины теперь предусматривается уголовная ответственность за изнасилование супруга, бывшего супруга, родственника или близкого человека. Насилие в отношении члена бывшей или нынешней семьи (мужа/жены), а также лица, с которым подозреваемый состоял в близких отношениях (например, в гражданском браке), стало отягчающим фактом. В частности, за изнасилование постороннего человека обвиняемому грозит от трех до пяти лет тюрьмы, а за аналогичное насилие в отношении супруга - от пяти до десяти лет заключения.

Изнасилование группой лиц или изнасилование несовершеннолетнего лица в УК Украины выделено в отдельный пункт, и ответственность за данные преступления у них выше: в Республике Беларусь срок лишения свободы от 5 до 13 лет, а в Украине – от 7 до 12 лет.

Также в ч.4 ст.152 УК Украины отдельно выделен пункт "изнасилование лица до 14 лет независимо от его добровольного согласия", санкция за это - пребывание в тюрьме от 8 до 15 лет. В Республике Беларусь изнасилование заведомо малолетней стоит в ряду с изнасилованием, повлекшим по неосторожности смерть потерпевшей, причинением тяжких телесных повреждений, заражением ВИЧ, либо иными тяжкими последствиями. В Украине же, ч.5 ст. 152 УК просто закрепляет действия, предусмотренные частями настоящей статьи, повлекшие тяжкие последствия.

Сравнив изнасилование в уголовных законодательствах Республики Беларусь и Украины можно сделать следующие выводы.

В УК Республики Беларусь понятие изнасилования является более узким, в украинском уголовном законодательстве понятие изнасилования шире (после внесения изменений в данную статью расширился спектр трактовок самого понятия изнасилования). В УК Республики Беларусь и УК Украины закреплено

принуждении к сексу не только физическими действиями, а психологическим давлением и шантажом. Факт насилия, с использованием угрозы его применения, в уголовном законодательстве Республики Беларусь применяется не только к потерпевшей, но и к ее близким, в то время как в уголовном законодательстве Украины только к потерпевшему лицу. В уголовном законодательстве Республики Беларусь потерпевшим от изнасилования может быть только лицо женского пола, в уголовном законодательстве Украины – лицо как женского, так и мужского пола. Субъектом изнасилования в Республике Беларусь признается лицо мужского пола, достигшее 14-летнего возраста, в Украине же субъектом данного преступления может быть не только мужчина, но и женщина. Статья 166 УК Республики Беларусь состоит из 3 частей, в то время как в УК Украины состоит из 5 частей, каждая из которых имеет свои особенности.

Выделенные отличия понятий изнасилования в УК Республики Беларусь и УК Украины фактически являются основой для других особенностей уголовно-правового регулирования соответствующей группы общественных отношений и они отражают генезис развития исторически сложившегося института уголовной ответственности за посягательство на половую свободу и половую неприкосновенность.

Библиографический список

1. Уголовный Кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г., № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2018 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019. – 360 с.

2. Уголовный Кодекс Украины от 5 апреля 2001 г., № 2341-III: принят Верховной радой Украины 05.04.2001: в ред. Закона Украины от 06.12.2018 № 2227-VIII // [Электронный ресурс]. – URL: https://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=2341-14&p=121490544 3606898 (дата обращения 13.04.2019)

УДК 343.9.018

ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРЕДМЕТА КРИМИНОЛОГИИ

Крац А.А.
студентка юридического факультета БРГУ им. А.С. Пушкина,
Брестский Государственный университет имени А.С. Пушкина
annagrmv0@gmail.com
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Храмов С.М.

Аннотация: Настоящая статья посвящена актуальным проблемам преступности на территории Республики Беларусь, которая за все время своего существования не потеряла свою актуальность. Актуальность данного явления

связана с отсутствием достаточных предупредительных мер противодействия преступности, а также необходимостью разработки комплексных мер, направленных на искоренение ее причин и условий.

Ключевые слова: Преступность, преступник, преступления, структура преступности.

Annotation: This article is devoted to current problems of crime in the territory of the Republic of Belarus, which has not lost its relevance over the entire period of its existence. The relevance of this phenomenon is associated with the lack of sufficient preventive measures to counter crime, as well as the need to develop comprehensive measures aimed at eradicating its causes and conditions.

Keywords: Crime, criminal, crimes, crime structure

На протяжении всего существования человечества людей волнует тема справедливости в обществе. Преступность является социальным фактором, которая указывает на противоречия в общества.

Преступность - это феномен, который является объективным индикатором процессов в обществе, а также неблагополучия, конфликтных и проблемных ситуаций во многих сферах социальной жизни общества.

Так, в 2017 году по данным официальной статистики МВД Республики Беларусь, было зарегистрировано 86 326 тысяч преступлений. Еще в 2007 году, число зарегистрированных преступлений составило 180 427 тысяч преступлений. В 2017 году было зафиксировано самое значительное снижение числа преступлений за последние пять лет — на 7,1%.

Сокращение числа зарегистрированных преступлений наблюдается на территории всех регионов Беларуси. Наибольшее снижение уровня преступности отмечено в Минске (-12,2%), Гродненской (-8,8%) и Гомельской (-7,0%) областях. Наименьшее сокращение уровня преступности зафиксировано в Минской (-3,6%) и Витебской (-5,0%) областях[1].

Хотя существуют такие сферы, в которых преступность значительно выросла. Это касается «коррупционных» преступлений. Самыми распространенными из них являются получение взятки, хищение путем злоупотребления служебными полномочиями и растрата. Также выросло число изнасилований, прирост преступности составил +34,3%.

Существенным является тот факт, что снижается число особо тяжких преступлений. Так по сравнению с 2007 годом, уровень таких преступлений снизился на 52%.

Примером такого преступления может служить случай, произошедший в минувшем году. «Неоднократно судимый житель в ходе ссоры нанес большое количество ударов по различным частям тела местного жителя. Обвиняемый избил мужчину руками, ногами и фрагментом металлической трубы, после чего скрылся. От полученных тяжких телесных повреждений 66-летний мужчина скончался до прибытия скорой медицинской помощи. Обвиняемый в момент причинения телесных повреждений, находился в состоянии алкогольного опьянения.

Следователи предъявили обвинение 30-летнему мужчине по п. 6 ч. 2 ст.139 Уголовного кодекса Республики Беларусь (убийство, совершенное с особой жестокостью). С момента задержания он содержится под стражей»[2, с. 3].

Исходя из статистических данных можно сделать вывод, что уровень преступности хоть и понижается в целом, но продолжают существовать сферы, в которых он продолжает расти. В связи с изложенным проблема преступности требует дальнейшего изучения.

Существует множество подходов к определению понятия преступности. Мнение многих авторов различается по этому поводу. Так Н. Ф. Кузнецова считала, что преступность - это относительно массовое, исторически изменчивое социальное, имеющее уголовно-правовой характер, явление классового общества, слагающееся из всей совокупности преступлений, совершаемых в соответствующем государстве в определенный период времени[3, с. 78].

Также можно сказать что преступность — это социальное явление, и она зависит не от биологических факторов, хотя они могут оказывать криминогенное воздействие на многие формы поведения преступников, а от содержания и природы общественных отношений. Это определение преступности является собирательным.

Не только преступность является социальной, а также ее корни и последствия. Существует прямая зависимость от состояния общества и процессов, которые в нем происходят. Преступность можно назвать социально-правовым явлением, так как масса преступности состоит из суммы преступлений, совершенных в обществе и предусмотренных в уголовном кодексе.

Также преступность имеет исторически изменчивый характер, состояние и уровень преступности различаются в каждых социально-экономических формациях. В зависимости от содержания, причин, условий и тенденций, изменяются уровень и структура преступности на отдельных этапах развития формации. Уровень и структура преступности также могут изменяться от круга деяний, которые государство объявляет преступными. В истории уголовного законодательства можно четко проследить изменчивость преступности.

Преступность является уголовно-правовым явлением. В уголовном праве дается само понятие преступности. Преступлением считается не только общественно опасные деяния, они также должны быть уголовно-правовыми, то есть те, которые запрещены уголовным законом под страхом наказания. При оценке уровня, динамики, структуры преступности, важное значение имеет учет правовой характеристики, такой как изменения в законодательстве по вопросам криминализации либо декриминализации отдельных деяний.

Также преступность можно характеризовать как негативное явление. Она наносит определенный вред и обществу, и отдельной личности. Можно сказать, что ежегодно, вред, который наносит преступность, представляется огромными величинами, которые свидетельствуют об особо негативном характере преступности. Существует такое понятие, как цена преступности, в которую включены огромные затраты общества, ориентированные восстановление справедливости, наказание виновных, содержание осужденных в исправительных уч-

реждениях, а также борьбу с преступностью. Огромный ущерб наносится кражами. Примером кражи в особо крупном размере является кража, совершенная несколько лет назад в Минске. «Была раскрыта едва ли не крупнейшая в мире группировка, специализировавшаяся на торговле детской порнографией в интернете. Штаб-квартира преступников оказалась международной: вскоре последовали аресты в России и еще десятке стран мира».

А после за решеткой оказался некто Александр Жданов, известный в белорусском интернете под псевдонимом Лесик. Оказалось, что он непосредственно занимался созданием в интернете финансовых пирамид и оперировал потоками в размере 4,5 миллионов долларов. Жданову удалось вовлечь в пирамиду сотни тысяч людей по всему миру. Доказано, что создатель успел получить в нашей стране «всего лишь» 200 тыс. долларов из средств, аккумулированных в пирамидах. В итоге А. Жданов получил 9 лет лишения свободы с конфискацией имущества[2, с. 34].

Преступность — это массовое явление. Она представлена целостной совокупностью преступлений, совершенных в стране за определенный промежуток времени. Элементы этой совокупности, такие как отдельные преступления и их виды, находятся во взаимодействии и взаимосвязи. Так, по данным национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2018 году было осуждено 40 612 тысяч человек [4].

И, наконец, преступность является самовоспроизводящимся явлением. Она способна к воспроизводству и самодетерминации. Следствие самостоятельное явление по отношению к причине, а также оно может влиять на причинность. Поэтому преступность, будучи порождением общественных условий жизни, превращается в самостоятельное явление, которое активно влияет на эти самые условия.

Также следует рассмотреть такое понятие как структура преступности, представляющее собой соотношение отдельных видов преступлений, которые выделены по различным критериям, таким как криминологическим, уголовно-правовым или смешанным. Структура преступности выражается в абсолютных и относительных показателях, фактах совершенных преступлений и лицах, их совершивших.

Структура преступности представляет собой, во-первых, качественную характеристику преступности, т.е. указывает на то, из каких видов преступлений она состоит, а во-вторых, сеть связей между ними. Структура преступности раскрывает соотношение групп или видов преступлений в общей совокупности учтенной преступности, либо соотношение различных категорий групп, совершивших преступления, в общей структуре выявленных правонарушений.

Таким образом, преступность является не только суммой всех совершенных преступлений, а это явления, которые имеют свою законы существования и связанные с другими социальными явлениями и, в некоторых случаях, ими определяющееся.

Видится перспективным дальнейшее изучение преступности во взаимодействии с другими отраслями знаний.

Библиографический список

1. Сайт Министерства внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. - URL: https://mvd.gov.by/ru (дата обращения 10.04.2019).

2.База данных «Эстафета» [Электронный ресурс]. URL: https://docs.google.com/document/d/1VpGgB6xr5yCbEjn9JEC2vdUbPFJrakAaYS47qC-1Nbc/ edit (дата обращения 10.04.2019).

3. Криминология: Учебник / Под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой, проф. В.В. Лунеева.- 2-е изд., перераб. и доп.- М.: Волтерс. Клувер, 2004.- 640 с.

4. Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: http://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/ (дата обращения 10.04.2019).

УДК 378.02

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ОБ ОБОСНОВАННОМ РИСКЕ ПРИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Малец А.Г.
студентка юридического факультета Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
male-1998@mail.ru
Научный руководитель: старший преподаватель: Резюк В.И.

Аннотация: Настоящая статья посвящена особенностям применения норм об обоснованном риске в экологических преступлениях, которые за последнее время приобрели большую актуальность.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступления против экологической безопасности и природной среды.

Annotation: This article is devoted to the peculiarities of the application of norms on reasonable risk in environmental crimes, which have recently become more relevant.

Keywords: criminal liability, crimes against environmental safety and environment.

Вопросы привлечения к уголовной ответственности за преступления экологического характера в последние годы стали особенно актуальными. В целом, в Беларуси не настолько тяжелая экологическая ситуация, как в некоторых других странах, поскольку экономика не имеет слишком негативного влияния на окружающую среду, однако некоторые проблемы с состоянием биосферы в стране все же есть[1].

Особое место занимает уголовно-правовое понятие обоснованного риска как признака деяния, связанного с риском, как обстоятельства, исключающего преступность деяния, закрепленного в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК).

В. В. Бабурин, обобщая сущность понятий обоснованного риска, предопределяет характерные для него свойства, к которым с одной стороны он относит присутствие у субъекта права выбора рискованного поведения, а с другой стороны, непременность такого выбора[2, с. 88]. Можно отметить, что допустимость риска оценивается его соразмерностью по отношению к предотвращенному вреду.

УК определены случаи, в которых вред, возникший в результате действий, сопряженных с риском, не влечет уголовной ответственности, и указаны условия, при которых риск является допустимым[3]. Первым условием обоснованного риска является наличие общественно полезной цели. Так, проведение опытов в научных исследованиях может не дать положительного результата, но вызвать значительные материальные затраты. Испытание новых видов техники, транспортных средств может привести к аварии, вызвавшей человеческие жертвы. Вторым условием обоснованного риска отмечается невозможность достигнуть желаемого результата иными действиями, не связанными с риском. Так, после лабораторных исследований, проведения опытов на животных необходимо опробовать новые методы лечения (операции, вакцины, лекарства, воздействие на организм различными излучениями и т. д.) на людях. Третье условие обоснованности риска – принятие лицом, допустившим риск, достаточных мер для предотвращения вреда. Риск не признается обоснованным, если достижение цели намеченными средствами создает угрозу чрезвычайных последствий в случае неудачи.

Очень интересна точка зрения, согласно которой применение уголовной ответственности за экологические преступления осложняет сложившиеся стереотипы квалификации и теоретические представления в отрасли. По мнению Андрея Ивановича Бойко, презумпция экологической опасности (риска) любой хозяйственной деятельности человека ставит много проблем перед теорией уголовного права: можно ли объединить одним интеллектуальным основанием уголовную ответственность за приготовление и покушение, угрозу причинения существенного вреда и поставление в опасность, материальные, формальные и усеченные составы преступлений[4, с. 91]. В судебной практике, связанной с привлечением к уголовной ответственности за экологические преступления, «обоснованный риск» зачастую устанавливается с использованием критериев, определяемых судом произвольно.

Основной недостаток уголовного законодательства, который препятствует эффективному применению уголовной ответственности в данной сфере, заключается в отсутствии правовых признаков «достаточности мер для предотвращения вреда». Логическое толкование текста закона позволяет признать достаточными такие меры, которые находят выражение в использовании всех возможных на данный момент средств, научных знаний для сведения риска к миниму-

му, поскольку в ряде случаев полностью исключить риск нельзя. В сфере природопользования и охраны окружающей среды критерии достаточности предпринятых мер для предотвращения вреда от рискованного поведения имеют специфический характер. Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» предусматривает в качестве такового критерия «использование наилучших существующих технологий»[5]. Данное требование имеет подчиненный характер по отношению к нормам, устанавливающим обязанность соблюдения нормативов допустимого воздействия на окружающую среду, что следует из содержания ст. 4 названного Закона, в соответствии с которой одним из основных принципов охраны окружающей среды является принцип обеспечения снижения негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду в соответствии с нормативами в области охраны окружающей среды, что можно достигнуть на основе использования наилучших технологий с учетом экономических и социальных факторов. Соблюдение нормативов воздействия на окружающую среду обеспечивается посредством установления мер административной ответственности за их нарушение (ст. 15.48 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях) (далее – КоАП)[6]. При этом не предусматривается ответственности на основании риска причинения вреда.

Устанавливая противоправный риск (п. 3 ст. 39 УК), законодатель предпочитает более низкий «пороговый уровень» уголовной ответственности по отношению к административной[3]. В целях устранения названного противоречия необходимо предусмотреть меры административной ответственности, применяемой при превышении допустимых пределов риска. Обоснованный риск в уголовном праве, как представляется, следует квалифицировать по признаку неприменения наилучших технологий для предотвращения вреда, при котором создается угроза возникновения чрезвычайных ситуаций, причинения вреда здоровью человека, массовой гибели животных и иных тяжких последствий.

Применение подобных технологий, направленных на предотвращение экологического вреда, следует признать самостоятельным экологическим требованием, обеспечиваемым особой разновидностью правовых санкций при сохранении предусмотренной в КоАП системы санкций за нарушение правовых требований по соблюдению нормативов допустимого воздействия на окружающую среду. Названный подход позволит расширить основания применения обоснованного риска в качестве обстоятельства, исключающего уголовную преступность деяния, что продиктовано необходимостью «стимулирования принятия опережающих прогностических решений, которые не могут быть нерискованными»[4]. Используемое в уголовном праве понятие «риск» следует рассматривать во взаимосвязи с категорией «экологический риск», значение которой раскрывается в ст.1 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды». Особенность применения уголовной ответственности за нарушения, характеризующиеся превышением допустимых пределов экологического риска, заключается в целевой направленности данных мер на предотвращение экологического вреда. Специальные критерии оценки экологического риска должны найти отражение в УК в статьях, содержащих составы экологических преступлений, характеризующихся поставлением в опасность.

Библиографический список

1. Экологические проблемы Беларуси [Электронный ресурс] // Экопортал. – Режим доступа: https://ecoportal.info/ekologicheskie-problemy-belarusi/. – (дата обращения 01.04.2019).

2. Бабурин, В. В. Риск как основание дифференциации уголовной ответственности: учеб. пособие / В. В. Бабурин. – М.: Инфра-М, 2014. – 241 с.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь: 9 июля 1999 г. № 275 – З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2019.

4. Бойко, А. И. Экологические мечты и фантазии провинциального криминалиста //Экология и уголовное право: поиск гармонии Криминалистическое знание о преступной деятельности: функция моделирования: дисс. докт. юрид. наук. М., 2013. – 145 с.

5. Об охране окружающей среды: Закон Респ. Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII: в ред. от 29 янв. 1993 г. № 2143-XII: с изм. и доп. от 17 июля 2017 г. № 51-З. – Минск: Амалфея, 2019. – 59 с.

6. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: 21 апр. 2003 г. № 194-З: принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г.: одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь/ ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

УДК 343.13

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Нагимбаев А.К.
студент факультета Бизнеса, права и педагогики КАСУ,
Казахстанско-Американский свободный университет,
Усть-Каменогорск, Республика Казахстан
azamat.naim@mail.ru
Научный руководитель: доктор PhD, доцент Алембаев К.О.

Аннотация: Настоящая статья посвящена рассмотрению оперативно – розыскной деятельности, в частности использованию результатов оперативно – розыскных мероприятий в сфере расследования незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Ключевые слова: Оперативно – розыскная деятельность, оперативно – розыскные мероприятия, незаконный оборот наркотических веществ, психотропные вещества, результаты оперативно – розыскных мероприятий.

Annotation: This article is devoted to the consideration of Intelligence Tracking , use of the results of tracking operations in the field of illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances.

Keywords: Intelligence Tracking activity, tracking operations , illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances, results of tracking operations.

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ в Республике Казахстана с каждым годом приобретает все более значительные масштабы. Увеличение числа больных наркоманией закономерно влечет за собой рост совершенных преступлений, связанных с наркотиками, а, следовательно, преступных доходов[1].

Согласно п.10 ст. 1 Закона Республики Казахстан от 10 июля 1998 года № 279-I «О наркотических средствах, психотропных веществах, их аналогах и прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и злоупотреблению ими» незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров – это оборот наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, осуществляемый с нарушением законодательства Республики Казахстан[2].

Классификация наркотических средств может быть проведена по различным основаниям:

- в зависимости от источников поступления к потребителям;
- от способов изготовления;
- от степени или специфики воздействия на организм;
- от источников происхождения наркотиков.

Характеризуя незаконный сбыт наркотиков, необходимо сказать об источниках их поступления в него. Таковыми являются:

- заготовка дикорастущих культур;
- подпольные лаборатории по производству наркотиков;
- использование поддельных рецептов для получения в аптеках наркотик содержащих лекарств;
- контрабанда;
- кражи, хищения с плантаций производственного назначения;
- хищения из медицинских учреждений, химических и фармацевтических предприятий[3, с.94-98].

Все лица, которые принимают в нем участие, могут быть условно классифицированы на определенные группы. При этом одно и тоже лицо в зависимости от характера совершаемых действий может быть отнесено к одной или нескольким группам.

Первая группа участников НОН это организаторы преступных сообществ - это лица, которые организуют и руководят деятельностью групп по приобретению, изготовлению и распространению наркотиков на "черном рынке".

Вторая группа участников НОН это сбытчики – лица, совершающие незаконную реализацию наркотических средств.

Третья группа участников НОН это изготовители - это лица, которые непосредственно перерабатывают сырье или изготавливают готовые к употреблению наркотики. Производителями наркотического сырья или готовых наркотиков могут быть различные категории населения: сельские жители, выращивающие культуры (они часто это делают по заказам сбытчиков), медицинские работники, научные сотрудники[4, с.45-46].

Понятие результатов Оперативной – розыскной деятельности закреплено в п.15-1 ст. 1 Закона Республики Казахстан от 15 сентября 1994 года № 154-XIII «Об оперативно-розыскной деятельности» как сведения, документы, предметы либо материалы, полученные для решения определенных задач таких как:

- защита жизни, здоровья, прав, свобод, законных интересов человека и гражданина, собственности от противоправных посягательств и т.д.[2].

Наиболее часто применяемыми в таких ситуациях являются:

1. проверочная закупка;
2. наблюдение;
3. обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств;
4. контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений;
5. прослушивание телефонных переговоров;
6. контролируемая поставка.

Принятие решения о проведении того или иного оперативно-розыскного мероприятия должно быть обоснованным.

Основаниями для проведения вышеуказанных мероприятий являются:

1. Наличие досудебного расследования и поручения следователя по нему, адресованного оперативным сотрудникам. При этом в поручении не должно содержаться указаний на конкретные средства и методы проведения оперативно-розыскной деятельности.

2. Ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о признаках подготавливаемого или совершенного противоправного деяния, связанного с незаконным оборотом наркотиков, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных оснований для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

В системе ОРМ, результаты, которых способствуют расследованию преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, особое место занимает проверочная закупка.

Проверочная закупка – это осуществляемая в процессе ОРД закупка товаров, предметов или веществ в целях проверки торговли, ведения финансовой, хозяйственной или предпринимательской деятельности, в также выявления фактов распространения, сбыта предметов и веществ, оборот которых ограничен или запрещён.

Наблюдение - это негласное слежение за лицами, подозреваемыми в преступной деятельности, используемыми ими транспортными средствами, местами их нахождения с целью получения информации о признаках преступной деятельности, возможных соучастниках, местах хранения орудий совершения преступлений и похищенного имущества.

Наблюдение может быть физическим, электронным либо комплексным, т.е. сочетающим в себе элементы того и другого.

Контролируемая поставка – оперативно-розыскное мероприятие, при котором с ведома и под контролем органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, допускаются ввоз на территорию РК, вывоз с этой территории либо перемещение (пересылка, перевозка и иная транспортировка) по ней продукции, предметов и веществ. Конечной целью метода является установление и арест лиц, участвовавших в незаконном перемещении и получении наркотиков[5, с.138-145].

Использование сил, средств и методов ОРД является одним из условий осуществления успешной деятельности по противостоянию наркопреступности. Вместе с тем, необходимо законодательно предусмотреть в качестве повода и оснований для начала досудебного расследования фактические данные, добытые в процессе ОРД, но при условии их проверки и подтверждения[6, с.25-26].

Библиографический список

1. Хусаинов О.Б. Пресечение незаконного оборота наркотических средств Республики Казахстан.//articlekz.com

2. Закон Республики Казахстан от 10 июля 1998 года № 279-I «О наркотических средствах, психотропных веществах, их аналогах и прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и злоупотреблению ими» [Электронный ресурс]. //online.zakon.kz (дата обращения 04.04.2019)

3. Новик В. В. Современные вопросы доказывания наркопреступлений. Учеб. пособие. - Новосибирск 2009. – 228с.

4. Дубоносов Е.С. Основы оперативно-розыскной деятельности. Учеб. пособие. - Москва 2010. [Электронный ресурс]. //biblio-online.ru (дата обращения 04.04.2019)

5. Гаскаров И.Ф. Тактико-криминалистические особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений: монография / под ред. проф. Л. Я. Драпкина. [Электронный ресурс]. – Екатеринбург, 2012. – 305с. // lawlibrary.ru (дата обращения 04.04.2019)

6. Сидоров А. С. Оперативно – розыскная деятельность. Учеб. пособие. [Электронный ресурс]. - Москва 2011. – 311с. //advokatsidorov.ru (дата обращения 04.04.2019)

УДК 343.9.018

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Поплавская Я.О.
студентка юридического факультета УО БрГУ имени А.С. Пушкина
pplvsk.y@mail.ru
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Храмов С.М.

Аннотация: Настоящая статья посвящена актуальным проблемам исследования личности преступника. Данное положение дел, связано отсутствием достаточных предупредительных мер противодействия преступности, а также необходимостью разработки комплексных мер, направленных на искоренение ее причин и условий.

Ключевые слова: Преступность, личность преступника, типы преступников, проблемы противодействия преступности.

Annotation: This article is devoted to actual problems of the study of the identity of the offender. This state of affairs is due to the lack of sufficient preventive measures to counter crime, as well as the need to develop comprehensive measures aimed at eradicating its causes and conditions.

Keywords: Crime, criminal identity, types of criminals, problems of countering trafficking.

Актуальность темы преступности обусловлена тем, что она причиняет огромный вред обществу. По данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь было зарегистрировано 83,8 тыс. преступлений, из которых 11 245 особо тяжких и тяжких преступлений, что составляет 13,4% в общем числе зарегистрированных преступлений, из которых число убийств составило – 314, изнасилований – 66, разбоев – 170. Для борьбы с тяжкими и особо тяжкими проявлениями преступности особое значение имеет изучение личности преступника[1].

В целом личность преступника является совокупностью ее социально значимых негативных свойств, влияющих в сочетании с внешними условиями либо ситуацией, порождающей преступное поведение.

Отличие личности преступника, от личности непреступника состоит в том, что, во-первых, личность преступника характеризуется общественной опасностью, которая не носит в свою очередь всеобъемлющий характер, а только проявляется в некоторых доминирующих мотивациях, например, насильственная либо же корыстная, и ориентациях самой личности, которая уже определяет общественную опасность и преступное поведение. Во-вторых, взгляды, потребности, привычки и интересы преступников основываются на антиобщественной направленности, которая является основной причиной совершения определённых преступлений[2].

Понятие личности имеет разное значение в психологических и правовых науках, так как оно является объектом изучения не только психологами, но и юристами, которые с помощью изучения данной понятия разрабатывают определённые вопросы, которые относятся как к праву и уголовному процессу, так и к криминологии и криминалистике. В правовых науках мы не так широко изучаем данное понятие, так как при рассмотрении различных преступлений нам важно брать во внимание именно те черты самой личности, которые и делают её субъектом криминального поведения и подталкивают совершать преступные деяния. Однако всё же понятие личности преступника является в большей мере условным, так как только от действующего законодательства зависит, будет ли считать данное поведение преступным или же нет.

Также при изучении данного вопроса нельзя обойти стороной и не обратить внимание на процессы формирования самой преступной личности[3,с.141]. Изучение формирования личности преступника является неотъемлемой частью исследования личности преступника в целом, так как исследование причин и условий, при которых происходит данный процесс, позволяет выявить меры по предупреждению формирования личности преступника, а так же борьбы с самой преступностью. Например, расследование уголовного дела о покушении на убийство 52-летнего мужчины, где обвинения предъявлены подростку 14 лет, который нанес ножевые ранения своему отцу. «Между 14-летним мальчиком и его отцом на протяжении нескольких лет развивался конфликт. Установлено, что по месту жительства 24 сентября он нанес мужчине несколько ударов ножом. Отец оказал сопротивление, смог выбить орудие преступления, после чего обратился в скорую медицинскую помощь. С тяжкими телесными повреждениями он был госпитализирован в учреждение здравоохранения. В этот же день подросток был задержан.»[4,7, с.71].

Необходимо выяснить, что руководило мальчиком в момент совершения преступления, были ли просчёты в его воспитании как со стороны родителей, так и в воспитательной работе со стороны школы и педагогов, в какой компании он находился в своё свободное время и так далее. Ответы на эти вопросы помогают охарактеризовать личность конкретного преступного деяния, а также принять меры по профилактике подобных деяний впредь.

Каждое совершённое преступление является индивидуальным, поэтому все лица, которые совершили эти преступления, отличаются друг от друга по определённым признакам. В связи с этим возникает необходимость в классификации преступников и в выделении определённых их типов, что помогает дать правильную квалификацию преступлениям и назначить соответствующее наказание за его совершение. Криминологическая типология даёт возможность из всего объёма совершаемых преступлений и лиц, которые совершают преступления, выделить наиболее характерные их типы и образы их действий, поэтому она позволяет сформировать представление о степени развития криминогенных свойств личности преступника, их стойкости или возможности изменения в положительную либо ещё более отрицательную сторону[5].

Исходя из существующей практики, в науке выделяют следующие типы преступников в соответствии со следующими критериями:

В зависимости от мотива совершения преступления выделяют:

Насильственные, корыстные, игровые, престижные, сексуальные преступники, которые совершают преступления для достижения определённых целей;

В зависимости от взаимодействия преступной личности с факторами ситуации совершения:

1.Криминогенные, ситуативно-криминогенные и ситуативные;

В зависимости от степени общественной опасности выделяют:

1.Абсолютно опасный тип, который характеризуется наибольшей общественной опасностью. К данному типу относят лица, которые совершают серийные, наёмные, а также сексуальные убийства, убийства одновременно нескольких человек, зачастую общественно опасным способом;

2.Особо опасный тип, к которому относятся лица, совершающие убийства в каких-либо конфликтных ситуациях. Также к такому типу относят преступников, которые длительный период времени совершают корыстные и корыстно-насильственные преступления. В данную группу обычно включают также руководителей преступных организаций, банд.

Опасный тип, который характеризуется меньшей общественной опасностью. К данному типу относят лиц, которые совершают преступления против личности других лиц, общественного порядка, но не посягают на жизнь.

В зависимости от стойкости и интенсивности антисоциальной направленности:

1.Случайный тип, который характеризуется совершением впервые преступления небольшой тяжести и их прежнее поведение имело положительную направленность;

2.Ситуационный тип, к которому относятся лица, характеризующиеся в сферах жизнедеятельности положительно, однако под воздействием внешнего негативного стечения обстоятельств совершили тяжкие преступления;

3.Неустойчивый тип, который характеризуется совершением преступления впервые, хотя до этого данное лицо совершало аморальные поступки и административные правонарушения;

4.Злостный тип, который составляют лица ранее судимые и уже неоднократно совершавшие преступления;

5.Особо злостный тип, к которому относят лица, совершившие опасный либо же особо опасный рецидив [6, с. 32-34].

Таким образом, различные категории личности преступников обладают своими отличительными особенностями, которые поддаются анализу и обобщению, а затем успешно используются в интересах правоохранительной деятельности.

Рассматривая различного рода преступления, в целом личность преступника можно изобразить как некую модель либо же определённый психологический портрет, который имеет свои специфические черты, к которым можно отнести такие, как антиобщественные взгляды на социальные установки, пренеб-

режительное отношение к сложившимся нравственным ценностям, а так же выбор преступного и общественно опасного поведения для удовлетворения своих потребностей.

Эти так называемые модели необходимы криминологам для разработки мер по противодействию преступности.

Библиографический список

1. Ананич В. А. Введение в криминологию: лекции. – Минск: Академия МВД, 2014. 159 с.

2. Аванесов Г. А. Криминология: учебник. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 495 с.

3. Кургузкина Е. Б. Личность преступника: вопросы формирования / Е.Б. Кургузкина //Российский следователь. – 2008 – № 24

Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Криминология: учебник. – М.: Норма: Инфра, 2010. 800 с.

4. Шиханцов Г. Г. Криминология: учебное пособие. – М., 2001. 131 с.

5. Родимушкина О. В. К вопросу о личности преступника - девианта, совершающего корыстно-насильственные преступления / О. В. Родимушкина // Российский следователь. – 2009 – № 17 – 32 – 34 с.

6. В Минске подросток обвиняется в покушении на убийство отца. [Электронный ресурс]. 2019. URL: http://psystudy.ru/index.php/forauthors/gost2008.html (дата обращения 12. 04. 2019).

УДК 343

ГРАЖДАНСКОЕ И СЛУЖЕБНОЕ ОРУЖИЕ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Рамазанов К.М.
магистрант факультета Бизнеса, права и педагогики КАСУ,
Казахстанско-Американский свободный университет,
Усть-Каменогорск, Республика Казахстан
ramazanov_kanat7777@mail.ru
Научный руководитель: доктор PhD, доцент Алембаев К.О.

Аннотация: Настоящая статья посвящена актуальным проблемам правового регулирования оборота гражданского и служебного огнестрельного оружия. Существование теневого рынка реализации оружия представляет существенную угрозу общественной безопасности.

Ключевые слова: гражданское оружие, служебное оружие, правовое регулирование, огнестрельное оружие.

Annotation: This article is devoted to topical issues of legal regulation of civil and official firearms. The existence of a shadow market for the sale of weapons represents a significant threat to public safety.

Keywords: civilian weapons, service weapons, legal regulation, firearms.

Под огнестрельным оружием понимается - оружие, в котором выбрасывание пули, снаряда, гранаты из канала ствола происходит в результате воздействия энергии порохового или иного заряда.

К гражданскому оружию относится оружие, используемое гражданами Республики Казахстан в целях самообороны, занятий спортом и охотой. Гражданское огнестрельное оружие должно исключать ведение огня очередями[1].

Гражданское оружие подразделяется на: 1) оружие самообороны; 2) спортивное оружие; 3) охотничье оружие; 4) сигнальное оружие.

К служебному оружию относится оружие, предназначенное для использования в целях обеспечения личной безопасности политическими государственными служащими, имеющими право приобретать (получать) служебное оружие в соответствии с законодательством Республики Казахстан, депутатами Парламента Республики Казахстан, а также организациями при осуществлении возложенных на них законодательством и предусмотренных их уставами (положениями) задач по защите жизни и здоровья граждан, собственности, по охране объектов окружающей среды и природных ресурсов, ценных и опасных грузов, специальной корреспонденции.

Организации, на которые возложены функции, связанные с использованием и применением служебного оружия, являются юридическими лицами с особыми уставными задачами (далее - юридические лица с особыми уставными задачами).

К служебному оружию относятся огнестрельное бесствольное, газовое оружие с возможностью стрельбы патронами травматического действия, огнестрельное короткоствольное гладкоствольное и нарезное оружие, а также длинноствольное гладкоствольное и нарезное оружие[1].

Служебное оружие должно исключать ведение огня очередями.

Для определения характера и степени общественной опасности незаконного оборота оружия необходим анализ объекта составляющих его преступлений.

В теории уголовного права различаются следующие виды объектов преступления: общий, родовой, видовой и непосредственный.

Если общепризнанно, что общий объект преступления – это охраняемые уголовным законом общественные отношения, то важное значение имеет выяснение родового и непосредственного объектов незаконного оборота оружия, так как «четкое определение именно этих объектов, характеризующих общественно-политическую природу конкретного преступления, служащих критерием оценки характера и степени его общественной опасности, играющих важную роль в квалификации преступлений, имеет существенное значение для судебно-следственной практики».

Родовой объект преступлений, предусмотренных ст. 287-291 УК РК, составляет совокупность общественных отношений, обеспечивающих общественную безопасность и общественный порядок.

Под общественным порядком следует понимать систему стабильных, волевых, общественных отношений складывающихся в результате соблюдения всеми субъектами господствующих социальных норм, обеспечивающих нормальное функционирование всех сфер жизнедеятельности людей.

Под общественной безопасностью следует понимать закрепленную в соответствующих правовых нормах совокупность определенных условий, строгое соблюдение которых гарантирует охрану жизни и здоровья граждан, неприкосновенность их имущества, а также нормальную деятельность государственных, частных и общественных организаций.

Видовым объектом преступлений данной категории является общественная безопасность.

Решая вопрос о непосредственном объекте каждого преступления, предусмотренного ст. 287-291 УК РК, следует исходить из того, что предметы, перечисленные в диспозициях данных статей, представляют собой повышенную опасность для право охраняемых интересов. Бесконтрольное обращение с ними создает угрозу жизни и здоровью граждан, уничтожению и повреждению имущества.

Отношения по обороту оружия регулируются на основе разрешительной системы, которая представляет совокупность правил, регламентирующих порядок производства, приобретения, пользования, хранения, сбыта и перевозки оружия.

Эти отношения образуют ту сферу общественной безопасности, на которую посягают преступления, предусмотренные ст. 287-291 УК РК, и являются непосредственным объектом данных преступлений.

Положения ст. 287-291 УК РК направлены, прежде всего, на то, чтобы предотвратить возможность попадания в руки преступных элементов и применения оружия; на то, чтобы исключить возможность несчастных случаев и гарантировать использование оружия и иных предметов по назначению только в общественно полезных целях. Эти нормы дополняют друг друга, охраняют один и тот же интерес. Общественная безопасность защищается путем установления правил, и ответственности за нарушения этих правил[2].

Таким образом, объект преступлений, предусмотренных ст. 287-291 УК РК, – общественная безопасность в сфере оборота оружия.

Дополнительными объектами хищения и вымогательства оружия являются собственность, жизнь или здоровье потерпевшего.

Перечень предметов, содержащийся в ст. 287-291 УК РК носит исчерпывающий характер. Эти предметы объединяет ряд общих свойств.

Во-первых, огнестрельное оружие и другие предметы, указанные в названных статьях, являются источниками повышенной опасности. Все эти предметы представляют реальную угрозу общественной безопасности, если используются с нарушением правил обращения с ними.

Второй признак этой группы предметов – цель, с которой они изготовлены. Целевое назначение всякого оружия – поражение живого организма, разрушение предметов материального мира.

Третий признак – оружие – это предмет, полностью либо частично изъятый из гражданского оборота. Это значит, что существует определенный официальный порядок оформления права на его приобретение, хранение, ношение, изготовление, сбыт и т.п.

Таким образом, вышеизложенное позволяет установить наиболее характерные основные признаки предметов, являющихся оружием.

При рассмотрении перечня предметов преступлений, предусмотренных ст. 287-291 УК РК, необходимо более подробно остановиться на каждом виде оружия.

Под огнестрельным оружием в контексте ст. 287-291 УК РК следует понимать все виды боевого, служебного и гражданского оружия, в том числе изготовленные самодельным способом, конструктивно предназначенные для поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда. К ним относятся: винтовки, карабины, пистолеты и револьверы, охотничьи и спортивные ружья, автоматы и пулеметы, минометы, гранатометы, артиллерийские орудия и авиационные пушки, а также иные виды огнестрельного оружия независимо от калибра.

Основными признаками огнестрельного оружия являются:

1. использование энергии пороха или иного взрывчатого вещества (например, зажигательной спичечной массы, бензовоздушной смеси в самодельном оружии) для метания снаряда;

2. наличие ствола для придания направленного движения снаряду;

3. наличие запирающего устройства ствола и устройства для воспламенения заряда (термического, искрового, механического или электрического);

4. достаточное поражающее действие снаряда (данный критерий обязателен только в отношении самодельного оружия, переделанного и другого атипичного оружия);

5. надежность конструкции, то есть возможность производства хотя бы одного выстрела.

Анализ Закона об оружие позволяет сделать вывод, что он носит бланкетный характер. Для уяснения смысла и содержания его норм, регулирующих оборот оружия необходимо обращаться к иным нормативным правовым актам.

Библиографический список

1. О государственном контроле за оборотом отдельных видов оружия: Закон РК от 30 декабря 1998 г. //online.zakon.kz (дата обращения 02.04.2019)

2. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V. //online.zakon.kz (дата обращения 02.04.2019)

УДК 340.11

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ МЕХАНИЗМА УЧАСТИЯ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ: ПЕРИОД СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Радиончик А.С.
студентка юридического факультета УО «БрГУ имени А.С. Пушкина»,
Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
anastasiyaradionchik@gmail.com
Научный руководитель: магистр юридических наук Романюк Е.В.

Аннотация: Настоящая статья посвящена истории становления и развития механизма участия представителей общественности в отправлении правосудия. Рассматриваются этапы его становления, особое внимание уделено периоду советской государственности.

Ключевые слова: присяжные заседатели, народные заседатели, судебная система, СССР.

Annotation: The article is devoted to the history of the formation and development of the mechanism of public participation in the administration of justice. The stages of its formation are considered, special attention is paid to the period of the Soviet statehood.

Keywords: jurors, lay judges, judicial system, USSR.

На современном этапе развития общественности и государственности для успешного функционирования всех ветвей власти за их деятельностью необходим контроль со стороны негосударственной сферы[1]. В рамках судебной власти данный тезис реализуется путем участия граждан в отправлении правосудия: народных заседателей в Республике Беларусь и присяжных заседателей в Российской Федерации.

Сложившиеся модели судопроизводства имеют общие исторические корни, поскольку на протяжении долгого времени земли современных государств входили в состав одних и тех же государственно-территориальных объединений. Первоначально суды присяжных возникли в Англии в средние века. Позднее английская концепция была перенесена в Америку, где приобрела определенные самобытные черты [2, с. 31]. На территории России суд присяжных заседателей впервые был введен в ходе реализации положений одной из реформ Александра II: судебной 1864 года[3]. Ее по праву можно назвать постепенным эволюционным переходом всей судебной и процессуальной системы крепостной России, которая в то время носила ярко выраженный феодальный характер, к современным буржуазным институтам права[4].

Предлагаем более подробно рассмотреть участие общественности в отправлении правосудия в период советской государственности, поскольку именно после его завершения Республика Беларусь и Российская Федерация как су-

веренные государства выбрали различные пути организации участия граждан в осуществлении правосудия.

После установления советской власти Декретом №1 «О суде» от 22 ноября 1917 г. институт присяжных заседателей был заменен институтом народных заседателей. Во времена советов идея суда присяжных отрицалась на уровне идеологи всего судопроизводства в целом. Считалось, что наличие именно народных заседателей является настоящим признаком демократического правосудия, так как присяжные ограничены в своих возможностях, решая только вопрос факта и не имея полномочий участвовать в решении вопроса права, в то время как советские народные заседатели совместно с судьей решали оба вопроса, что позволяло держать правосудие полностью под контролем народа[3]. Однако путь перехода от одного института к другому происходил постепенно на протяжении определенного количества времени, поэтому даже после издания декрета суд присяжных продолжал свое существование и был окончательно упразднен на практике лишь в начале 1918 г.[5].

Задача судейской коллегии, состоящей из профессионального судьи и двух народных заседателей, заключалось в том, чтобы разрешение уголовного дела явилось результатом совместных усилий судьи, обладающего правовыми знаниями, и народного заседателя, имеющего профессиональный опыт в иной, не судебной сфере[6, с. 76]. По мнению основоположника советской государственности В.И. Ленина, важно привлекать к управлению государством и участию в отправлении правосудия поголовно всех трудящихся[7, с. 53], что приводит к большому разнообразию представителей народа с точки зрения их профессиональной деятельности. Ввиду этого государственные судьи производили специальную выборку народных заседателей с учетом характера рассматриваемого дела, поскольку наиболее активно действовали представители народа, которые ввиду наличия у них специальных знаний и опыта в более полной мере представляли себе специфику отношений отрасли, в рамках которой было совершено преступление[9, с. 10].

Большое внимание уделялось идеологической составляющей действующего образования и всего судопроизводства в целом. Так, в ранее упомянутом Декрете №1 1917 г. закреплялись понятия «революционного правосознания» и «революционной совести». При этом первое означало объективное содержание права, а второе – субъективную способность осознавать и применять первое[8, с. 22].

Кроме того, действовали советы народных заседателей, в функции которых, кроме прочего, входило вовлечение заседателей в правовую учебу и все виды деятельности суда, оказание помощи заседателям в проведении отчетов перед избравшими их коллективами трудящихся.

Следует также отметить, что в период советской государственности народные представители участвовали не только в непосредственной деятельности суда по разрешению дел, но и производили контроль за исполнением решений, приговоров, частных определений, принимали участие в профилактической и пропагандистской работе, оказывали помощь судьям и др. Лица, которые не

были избраны на пост народных заседателей, могли принимать иное участие в деятельности правовой системы государства и суда в частности в иных формах. Так, они могли стать общественными обвинителями или защитниками, общественными помощниками следователя или прокурора[9, с. 10–11].

В целом, существование института народных заседателей наряду с иными формами участия общественности в правоохранительной деятельности способствовало установлению солидарности общественного мнения с народным правосудием, что усилило, так называемый, «престиж правосудия», мобилизировало воспитательную роль его решений и устранение недостатков в деятельности судебных органов под влиянием общественной критики[9, с. 13].

Стоит отметить, что, несмотря на всю своеобразность института народных заседателей и одобрение со стороны руководства страны, его соответствие государственной идеологии в области судопроизводства, спустя более чем 70 лет после введения, в 1989 г., он был заменен на ранее существовавший институт присяжных заседателей. Ст. 11 Основ Союза ССР и республик о судоустройстве закрепляла положение о том, что «по делам о преступлениях, за совершение которых законом предусмотрена смертная казнь либо лишение свободы на срок свыше 10 лет, вопрос о виновности подсудимого может решаться судом присяжных (расширенной коллегией народных заседателей)»[5].

Таким образом, приведенная формулировка нормы, закрепленной в статье, кроме прочего, отражала сущность вновь введенного института, определяя его как фактический эквивалент институту народных заседателей.

Исходя из вышесказанного, в период советской государственности институт народных заседателей пришел на смену институту присяжных заседателей, в результате чего полномочия представителей общественности в области непосредственного отправления правосудия значительно расширились. Народные представители имели обширный круг возможностей участия в правовом механизме государства, что привело к стабилизации общественного мнения в отношении судебной системы и устранению недостатков, выявленных общественными представителями.

Библиографический список

1. Эсмантович И.И. Участие гражданского общества в осуществлении правосудия // 20160713095539_Esmantovich.pdf. URL: http://www.institutemvd.by/ components/com_chronoforms5/chronoforms/uploads/20160713095539_Esmantovich.pdf (дата обращения: 04.04.2019).

2. Калиновский К.Б. Уголовный процесс современных зарубежных государств: учебное пособие. Петрозаводск: ПГУ, 2000. 55 с.

3. Попова А.Д. Суд присяжных как атрибут демократического государства: история и современность. URL: http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=26&art=929 (дата обращения: 04.04.2019).

4. Микаелян Я.А. История становления суда присяжных в России // Студенческий электрон. науч. журн. 2017. N 3 (3). URL: https://sibac.info/journal/student/3/72188 (дата обращения: 04.04.2019).

5. Попова М.А. История суда присяжных // URL: cscb.su/n/011601/011601023.htm (дата обращения: 04.04.2019).

6. Нажимов В.П. Об участии народных заседателей в постановлении приговора // Участие общественности в борьбе с правонарушениями в СССР: V Международный конгресс криминологов социалистических стран (тезисы научных сообщений), г. Закопале, 27–29 июня 1978 г. М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1978. 116 с.

7. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1974. Т. 36. 742 с.

8. Зубко А.В. Историографический анализ судебного прецедента в России после 1917 г. // История государства и права. 2010. N 24. С. 21–24.

9. Бойков А.Д. [и др.] Участие общественности в борьбе с преступностью в СССР // Участие общественности в борьбе с правонарушениями в СССР: V Международный конгресс криминологов социалистических стран (тезисы научных сообщений), г. Закопале, 27–29 июня 1978 г. М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1978. 116 с.

УДК 343

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ВЗЯТКИ И ПОДАРКА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Резюк В.И.
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
rezyuk@tut.by

Крац А.А.
студентка юридического факультета
Брестский Государственный университет имени А.С. Пушкина
sanyakrats@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема разграничение взятки и подарка по законодательству Республики Беларусь, возникающая при квалификации взяточничества.

Ключевые слова: Взятка, подарок, законодательство Республики Беларусь.

Annotation: The article deals with the problem of the distinction between bribes and gifts according to the legislation of the Republic of Belarus arising during the qualification of bribery.

Keywords: Bribe, Gift, Legislation of the Republic of Belarus.

В настоящее время практически невозможно выделить сферу жизнедеятельности, в которую бы не касалась проблема взяточничества. Совершатся подобные деяния, в частности, в системе образования, здравоохранения, архитектуры и строительства, с сельском хозяйстве и на производстве[1, с. 18–19, 87]. Фактической целью дачи взятки является склонение должностного лица к определенному действию или бездействию, связанному с его служебными полномочиями, а получения взятки – имущественная выгода. Некоторой общностью признаков характеризуется также подарок.

Как разграничить взятку и подарок? Этот вопрос имеет большое теоретическое значение и практическую актуальность.

В ст. 430 «Получение взятки» Уголовного кодекса Республики Беларусь закреплены признаки соответствующего деяния должностного лица: принятие должностным лицом для себя или для близких материальных ценностей либо приобретение выгод имущественного характера, предоставляемых исключительно в связи с занимаемым им должностным положением, за покровительство или попустительство по службе, благоприятное решение вопросов, входящих в его компетенцию, либо за выполнение или невыполнение в интересах дающего взятку или представляемых им лиц какого-либо действия, которое это лицо должно было или могло совершить с использованием своих служебных полномочий[2].

Согласно Уголовного кодекса Республики Беларусь, взяточничество включает в себя три преступления: получение и дача взятки, посредничество во взяточничестве, (статьи. 430, 431, 432 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

В Законе Республики Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь» и в Законе Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» нет определения понятия «подарок». Однако оно есть в ГК Республики Беларусь (ст. 543–553): подарок представляет собой любую вещь или имущественное право, передаваемое другому лицу исключительно на безвозмездной основе. При этом в статье 546 Гражданского кодекса Республики Беларусь установлено, что законодательными актами могут быть установлены запреты дарения государственным должностным или приравненным к ним лицам либо иностранным должностным лицам в связи с исполнением служебных (трудовых) обязанностей[3].

В Законе Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» закреплено следующее коррупционное правонарушение: принятие государственным должностным или приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом имущества (подарков), за исключением сувениров, вручаемых при проведении протокольных и иных официальных мероприятий, или получение другой выгоды для себя или для третьих лиц в виде работы, услуги в связи с исполнением служебных (трудовых) обязанностей[4].

Закон Республики Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь» устанавливает запрет государственным служащим в связи с исполне-

нием служебных обязанностей получать подарки и другую выгоду. Исключение составляют те предметы, которые вручаются на протокольных и иных официальных мероприятиях[5].

Таким образом, указанные субъекты (должностные лица) вправе принимать только такие подарки (сувениры), которые вручаются им как лицам, занимающим определенные должности и в силу служебных полномочий, но исключительно в связи и в рамках протокольных и иных официальных мероприятиях, но не за совершение каких-либо действий (бездействия) по службе. В противном случае такой подарок может квалифицироваться как взятка.

Из норм действующего законодательства Республики Беларусь вытекают и иные особенности, связанные с рассматриваемой проблемой.

Согласно ст. 433 УК Республики Беларусь «Принятие незаконного вознаграждения» закреплены признаки преступления: принятие работником государственного органа либо иной государственной организации, не являющимся должностным лицом, имущества или другой выгоды имущественного характера, предоставляемых ему за совершенное в пределах его служебных полномочий (трудовых обязанностей) действие (бездействие)[2]. При этом получение таким образом «подарка», несмотря на его криминализацию, формально взяткой не является.

На основе вышеизложенного, можно сделать вывод, что в законодательстве Республики Беларусь в достаточной мере урегулированы вопросы, позволяющие четко разграничить подарок и взятку. Сложности их разграничения касаются в большей степени проблем, связанных с установлением всех объективных и субъективных признаков. Причинами этого могут быть внешние обстоятельства, но нередко они связаны с внутренним миром и обусловленным им поведением участников соответствующих отношений. Также важно понимать, что с ни к чему не обязывающих подарков начинается взяточничество.

Библиографический список

1. Резюк, В. И., Шиенок, В. П. Противодействие коррупции : учеб. -метод. пособие / В. И. Резюк, В. П. Шиенок; М-во образования Респ. Беларусь, Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Брест: БрГУ, 2018. – 211 с.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г., № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 дек. 1998 г., № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

4. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

5. О государственной службе в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 14 июня 2003 г., № 204-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

УДК 343

ХИЩЕНИЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ И СЛУЖЕБНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ В УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Резюк В.И.
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»,
соискатель кафедры уголовного права
Белорусского государственного университета
rezyuk@tut.by

Аннотация: В статье рассматривается хищение с использованием служебных полномочий и служебного положения по уголовным законодательствам Российской Федерации и Республики Беларусь, выделяются историко-правовые основы данных норм Автор статьи отмечает уголовную ответственность за аналогичные деяния должностных лиц и выделяет некоторые отличия в соответствующих нормах уголовных законодательств России и Беларуси.

Ключевые слова: хищение с использованием служебного положения, хищение путем злоупотребления служебными полномочиями, УК Российской Федерации, УК Республики Беларусь.

Abstract: The article discusses missapropriation, embezzlement and theft by Abuse of Official Power and using official authority and official position in criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus, highlights the historical and legal basis of these norms. The author notes criminal liability for similar acts, but highlights some differences in the relevant norms of criminal legislation of Russia and Belarus.

Key words: Missapropriation, Embezzlement and Theft using Official Authority, Missapropriation, Embezzlement and Theft by Abuse of Oficial Power, Criminal Code of the Russian Federation, Criminal Code of the Republic of Belarus.

Одной из самых опасных форм проявления коррупции является завладение имуществом государственного органа, субъекта экономической деятельности

его должностным лицом. Особенно актуальными и опасными на современном этапе являются подобные посягательства на бюджетные средства.

В уголовных законодательствах Российской Федерации и Республики Беларусь указанные деяния логично и обосновано при наличии всех юридически значимых признаков получают оценку как преступления, но с учетом законодательно реализованных решений и особенностей из этого вытекающих. Вместе с тем, соответствующие уголовно-правовые институты и нормы имеют глубоки исторические корни, являющиеся общими для России и Беларуси.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 05.06.1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» по сравнению с иными хищениями была установлена более суровая ответственность за хищение государственного имущества[1].

После принятия Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик[2] были приняты уголовные законы, в частности, РСФСР и БССР. В УК РСФСР была включена глава вторая «Преступления против социалистической собственности», в ст. 92 УК РСФСР устанавливалась ответственность за хищение государственного или общественного имущества путем, в частности, злоупотребления служебным положением. В главе 7 «Преступления против социалистической собственности» УК БССР также была установлена ответственность за совершение подобного преступления (ст. 91 УК БССР). Существенно была усилена ответственность за хищения в особо крупном размере: наряду с иными видами наказаний предусматривалась также смертная казнь (ст. 93.1 УК РСФСР и ст. 91^1 УК БССР)[3; 4].

С распадом СССР независимые государства часто сталкивались с аналогичными проблемами и угрозами, одной из которых и общей для всех являлись рассматриваемые преступления.

В принятом 17.02.1996 г. в г. Санкт-Петербурге постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств–участников Содружества Независимых государств (СНГ) рекомендательном законодательном акте – Модельном уголовном законе для государств–участников СНГ – была закреплена ст. 242 «Хищение, совершенное путем злоупотребления служебным положением»[5].

В принятом в 1996 г. УК Российской Федерации соответствующая специальная норма об ответственности за хищение путем злоупотребления служебным положением включена не была. Вместе с тем, в некоторой степени аналогичными ей можно рассматривать нормы, закрепленные, в частности, в ч. 3 ст. 159 (мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения), ч. 3 ст. 159.1 (мошенничество в сфере кредитования, совершенное лицом с использованием своего служебного положения), ч. 3 ст. 159.2 (мошенничество при получении выплат, совершенное лицом с использованием своего служебного положения), ч. 3 ст. 159.3 (мошенничество с использованием электронных средств платежей, совершенное лицом с использованием своего служебного положения), ч. 3 159.5 (мошенничество в сфере страхования, совершенное лицом с использованием своего служебного положения), ч. 3 ст. 159.6 (мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное лицом с использованием своего служебного положения) УК Российской Федерации [6].

В УК Республики Беларусь включена ст. 210 «Хищение путем злоупотребления служебными полномочиями», являющаяся специальной нормой по отношению к другим хищениям и злоупотреблениям служебными полномочиями должностных лиц, и в ч. 1 закреплено его понятие: завладение имуществом либо приобретение права на имущество, совершенные должностным лицом с использованием своих служебных полномочий. Квалифицирующими признаками указанного хищения являются совершение преступления повторно и группой лиц по предварительному сговору, особо квалифицирующими – хищение в крупном и особо крупном размере, а также совершенное организованной группой[7].

Анализ выделенных в исследовании уголовно-правовых норм позволяет сделать ряд выводов.

1. Негативная общественная и государственная оценка и соответствующая ей криминализация в законодательствах России и Беларуси указанных деяний должностных лиц, направленных на противоправное завладение имуществом.

Выделенный в ретроспективе опыт законодательных решений отражает исторически сформированные основы, а также непрерывный поиск оптимальных вариантов противодействия подобным преступлениям.

2. Историко-правовая преемственность признака «злоупотребление служебным положением» и его трансформация в признак «использование служебного положения» в УК Российской Федерация и в «использование служебных полномочий» в УК Республики Беларусь.

В редакции «использование» по сравнению с «злоупотреблением» повышается понятийная определенность и точность, т. к. понятие именно первый из обозначенных терминов четко определяет пределы, за которые не выходит должностное лицо, совершая рассматриваемое деяние.

3. Фактическое формирование и наличие в уголовном праве Российской Федерации института хищения чужого имущества или права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием с использованием своего служебного положения.

Данный институт включает нормы нескольких статей, устанавливающих уголовную ответственность за различные мошенничества должностных лиц, многообразие которых можно объяснить уточнением, детализацией объективных признаков с целью устранения возможных пробелов в законе.

4. Наличие специальных норм об ответственности за хищение путем злоупотребления служебными полномочиями в уголовном законодательстве Республики Беларусь.

«Использование служебных полномочий» является признаком злоупотребления служебными полномочиями – одноименного преступления, закрепленного в ст. 210 УК Республики Беларусь.

Историко-правовой аспект исследования хищения с использованием служебного положения и служебных полномочий по уголовным законодательствам Российской Федерации и Республики Беларусь позволяет дать полноценную оценку текущего состояния близких по содержанию институтов и норм,

выделить отличия и обозначить возможные направления их совершенствования, что дополнительно актуализировано в контексте интеграционных процессов и глобального характера рассмотренных преступлений.

Библиографический список

1.Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества [Электронный ресурс]: указ Президиума Верховного Совета СССР, 4 июня 1947 г. // Ассоциация лесопользователей Приладожья, Поморья и Прионежья. – Петрозаводск, 2019.

2.О утверждении основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик: Закон СССР, 25 дек. 1958 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2019.

3.Уголовный кодекс РСФСР [Электронный ресурс]: Закон РСФСР, 27 окт. 1960 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2019.

4.Уголовный кодекс Белорусской ССР [Электронный ресурс]: Закон БССР, 29 дек. 1960 г. // Pravo.by / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2019.

5.Модельный уголовный кодекс: Пост. Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ, 17 февр. 1996 г. // Антитеррористический центр государств – участников Содружества Независимых государств. – М., 2019.

6.Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон, 13 июня 1996 г., № 63-З: принят Государственной Думой 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г.: в ред. Федерального закона от 01.04.2019 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2019.

7.Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

УДК 343

МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Самойленко Г.Е.
студент факультета Бизнеса, права и педагогики КАСУ,
Казахстанско-Американский свободный университет,
Усть-Каменогорск, Республика Казахстан
gennadi1998@mail.ru
Научный руководитель: доктор PhD, доцент Алембаев К.О.

Аннотация: Настоящая статья посвящена актуальным проблемам мошенничества, а именно мошенничества в сфере кредитования на территории республики Казахстан. Данная проблема набирает обороты в виду правовой неграмотности населения и повешенного уровня экономической преступности.

Ключевые слова: Мошенничество, преступность, банки, заемщики, кредитование, преступный умысел.

Annotation: This article is devoted to current problems of fraud, namely fraud in the field of lending in the territory of the Republic of Kazakhstan. This problem is gaining momentum in the form of legal illiteracy of the population and the hanging level of economic crime.

Keywords: Fraud, crime, banks, borrowers, lending, criminal intent.

Закон определяет мошенничество как хищение чужого имущества или приобретения права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Обман при мошенничестве может выражаться в умышленном ложном утверждении о заведомо несуществующих фактах либо в сокрытии фактов, которые по обстоятельствам дела должны были быть сообщены собственнику либо владельцу имущества[1].

Обман может касаться как действительного намерения виновного, так и в отношении количества и качества товара, личности субъекта уголовного правонарушения и других обстоятельств, которые могут ввести в заблуждение потерпевшего. Под обманом понимается ложное представление о чем-либо, т.е. потерпевшего вводят в заблуждение зачастую подобные инциденты случаются из-за излишней доверчивости казахстанцев, невнимательности, финансовой и правовой неграмотности.

Согласно статистике, задачей мошенничества является хищение финансовых средств, причем достигается это большим числом различных методов. Например, каждый третий мошенник добивается своей цели благодаря займу денег или заключению контракта без обязательства его исполнения. Данный вид мошенничества заключается в нарушении фактов. Это позволяет мошеннику обмануть доверчивого человека[2].

Основная доля мошенников добивается своей выгоды во время получения кредитов, когда договор оформляется на поддельные документы или «на честном слове». По официальным данным, в городе Алматы была задержана группа мошенников с некой гражданкой Д. во главе. Они совершали свою деятельность именно в сфере кредитования.

За последнее время прослеживается рост мошенничества в сфере кредитования[3]. Наиболее популярными схемами мошенничества в данной сфере являются:

1. Предоставление поддельных документов. Осуществляется путем предоставления кредитору паспорта или удостоверения, которые не принадлежат заемщику. При этом злоумышленники могут заменить фотографию или принести справку о доходах из несуществующей организации;

2. Предоставление подставного лица. Осуществляется путем привод в банк различных лиц, от лица без определенного места жительства вплоть до родственников заемщика. Опять же, для оформления кредита может быть использован поддельный документ;

3. Ложные сведения о заемщике. При оформлении договора предоставляются заведомо ложные данные. После получения кредита заемщик обращается в суд для того чтобы признать договор недействительным и снять с себя обязательства;

4. Создание поддельной страницы (фишинг). Осуществляется путем ввода жертвой своих данных на странице личного кабинета в банке, где у нее открыта карта. Таким образом, мошенникам передаются свои логин и пароль. После чего злоумышленники заходят в личный кабинет жертвы и оформляют кредит и снимают деньги. Фиктивные страницы могут создаваться в любом платежном сервисе, где нужно вводить личные данные;

5. Поручительство. Жертве путем обмана предлагают небольшую денежную компенсацию за поручительство в кредитовании. Но после его оформления скрываются. В последствии жертва обязана осуществлять ежемесячные кредитные платежи;

6. Выдача наличных кредитов. Получение кредита под невысокий процент, например, 7% - 10% привлекает многих людей. Этим и пользуются злоумышленники, предлагая внести в качестве первоначального взноса небольшую сумму. Как правило, аферисты требуют небольшой взнос, около 3% - 5% от общей суммы. Очевидно, что после внесения оплаты связь с «кредитором» прекращается.

Особенность этого вида мошенничества при получении кредита заключается в том, что лже кредитор собирает группу заемщиков. В таких компаниях работают профессиональные психологи, которые умеют убежать и легко входят в доверие клиентов[4].

7. Мошенничество в сфере кредитования со стороны банковских работников. В наше время огромные обороты набирают факты мошенничества в сфере кредитования со стороны банковских работников, так сотрудники банка города Караганда вступив в преступный сговор находили клиентов с плохой кредит-

ной историей и помогали им оформить потребительские кредиты. При этом большую часть денег после одобрения кредита злоумышленники присваивали себе. Потенциальных заемщиков мошенники находили через своего подельника, который не являлся банковским служащим в банке, но был в курсе предстоящих афер и получал свои дивиденды от каждого клиента. Таким образом, банковские служащие вместе с подельником оформили четыре кредитных займа на общую сумму около 6 миллионов тенге[5].

В апреле текущего года приговором Сарыаркинского районного суда № 2 г. Астаны была осуждена к лишению свободы гражданка Н, которая, являясь агентом банка по оформлению кредитов, используя копии удостоверения личности 20 граждан незаконно оформила потребительские кредиты, присвоив полученные денежные средства и их товарно–материальные ценности. Совершение данного преступления стало возможным ввиду недобросовестного отношения к своим функциональным обязанностям сотрудников банка, несмотря на то, что последние имеют множество самостоятельных служб, таких как службы безопасности кредитного комитета, 1 кредитного бюро, риск – менеджеров, деятельность которых непосредственно направлена на недопущения фактов получения незаконных кредитов, данные службы не приняли надлежащих мер за обеспечением качественных проверок, вследствие чего и возникли указанные факты мошенничества, и были нарушены права граждан, которые не имели отношение к оформлению указанных кредитов, однако были вовлечены в «орбиту» уголовного процесса. Данное преступление возможно было предупредить, в случае звонка менеджера банка лицу, на которое оформлялся кредит, для подтверждения факта получения кредита[6].

Подводя итоги можно сделать вывод – что на данный момент проблема мошенничества в сфере кредитования стоит наиболее острым образом. Проводя аналогию с уголовным законодательством РФ, а именно со статьей 159.1. УК РФ - Мошенничество в сфере кредитования, видится целесообразным разработка и введения аналогичного специально состава,190-1 УК РК, который бы в свою очередь регламентировал вопросы привлечения к уголовной ответственности за совершения мошенничества действий в сфере кредитования на территории РК.

В свою очередь, такая «суженная специализация» по мошенничествам позволит подготовить и следователей (дознавателей), и правильно организовать (скорректировать) информационно-разъяснительные и другие профилактические мероприятия[7].

Библиографический список

1. Сайлибаева Ж.Ю., Серикболқызы М. Мошенничество: пробелы в законодательстве РК [Электронный ресурс]. //www.articlekz.com

2. Джардемов А. Мошенничество в сфере кредитования [Электронный ресурс]. //www.zakon.kz (дата обращения 20.03.2019)

3. Ахметкалиев А.А. Мошенничество в сфере кредитования: как не попасться на уловки злоумышленников [Электронный ресурс]. //www.dengiclick.kz (дата обращения 20.03.2019)

4. Байтурсынова А. Кредитные мошенники в Казахстане [Электронный ресурс]. //www.zajmy.kz (дата обращения 20.03.2019)

5. Жакулин А. Мошенничество работников банка [Электронный ресурс]. //www.nur.kz (дата обращения 20.03.2019)

6. Кусаинова М. Газета «На страже»: Борьба с мошенничеством продолжается ([Электронный ресурс]. //www.mediaovd.kz (дата обращения 20.03.2019)

7. Еликов Е. Наказание за новые виды мошенничества [Электронный ресурс]. //www.zakon.kz (дата обращения 20.03.2019).

УДК 343.985.7

ВЫДВИЖЕНИЕ ВЕРСИЙ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Сильченко Т.В.
студентка юридического факультета Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
TanyaS_97@mail.ru
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Храмов С.М.

Аннотация: Настоящая статья посвящена актуальным проблемам расследования насильственны действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних. Судебная практика содержит достаточное количество случаев заведомо ложного доноса, который совершается несовершеннолетними при подаче заявлений о совершении в отношении них преступных посягательств. Автором предложены тактические приемы и способы выявления лжи при первоначальном получении объяснений и при последующих допросах несовершеннолетних.

Ключевые слова: Несовершеннолетние, тактические приемы, заведомо ложный донос, насильственные действия сексуального характера.

Abstract: This article is devoted to actual problems of investigation of violent acts of sexual character concerning minors. Court practice includes a sufficient number of cases of knowingly false denunciation, which is committed by minors when applying for committing criminal violations against them. The author suggests tactical methods and ways of revealing lies at initial receiving of explanations and at the subsequent interrogations of minors.

Key words: Minor, tactics, misleading information, violent actions of sexual character.

Выдвижение версий является неотъемлемой частью процесса расследования любого уголовного дела и происходит на организационном этапе предварительного следствия, когда следователь моделирует предположительные по его мнению, с учетом имеющихся на данный момент обстоятельств, ситуации, которые имели место быть в реальной действительности.

После вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, а также принятии его к своему производству, следователь приступает к непосредственной работе по расследованию преступления.

Как указывал Р.С. Белкин: «Криминалистическая версия - это обоснованное предположение относительно отдельного факта или группы фактов, имеющих или могущих иметь значение для дела, указывающее на наличие и объясняющее происхождение этих фактов, их связь между собой и содержание и служащее целям установления объективной истины»[1, с. 383].

Таким образом, выдвижение версий при расследования насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних должно осуществляться в условиях сложившейся следственной ситуации после изучения обстоятельств, изложенных в заявлении или сообщении о совершении преступления, а также показаниях потерпевшего лица, свидетелей, протоколе осмотра места происшествия.

В подтверждении указанного тезиса обратимся к следственной практике по данному вопросу. Так, в 2017 году в отношении гражданина А. Управлением Следственного комитета Республики Беларусь по Брестской области возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 166, ч. 2 ст. 167 УК Республики Беларусь, который подозревается в том, что в состоянии алкогольного опьянения с применением насилия совершил изнасилование и насильственные действия сексуального характера в отношении своей несовершеннолетней дочери. О случившемся сообщила мать потерпевшей[2].

Исходя из сложившейся следственной ситуации могут быть выдвинуты следующие версии случившегося:

1. Преступление совершено гражданином А.
2. Имеет место заведомо ложный донос со стороны матери потерпевшей;
3. Преступление совершено иным лицом.

Наиболее типичной ошибкой является то, что при выдвижении версий часто не рассматривают факт отсутствия самого преступления. В данном случае – факт заведомо ложного доноса. Как известно, выдвижение версий является в том числе и мыслительной деятельностью, которая подчиняется законам логики, а, следовательно, к ней применимы и различные ее категории. Так, в частности, при построении версий по факту совершения насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних помимо версии о наличии факта преступления необходимо также рассматривать и версию об отсутствии данного факта, т.е. с точки зрения логики применить категорию дихотомического деления – способа логического деления полного понятия на два взаимоисключающих понятия[3].

Так, в 2016 году было возбуждено уголовное дело в отношении 17 летней гражданки М. Ей было предъявлено обвинение в совершении заведомо ложного доноса, соединенного с обвинением в тяжком или особо тяжком преступлении. Обвиняемая обратилась с заявлением в Следственный комитет Республики Беларусь о том, что школьный учитель совершил в отношении нее насильственные действия сексуального характера, а также развратные действия. Однако, было установлено, что данная информация является ложной, а сама гражданка М сообщила заведомо ложные сведения из мести за плохую успеваемость[4].

Вышеприведенный пример из судебной практики ярко демонстрирует эффективность применения метода дихотомического деления при выдвижении и проверки версий при расследовании насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних.

В виду этого, полагаем, что наиболее распространенными версиями, которые могут быть выдвинуты, это:

1. В отношении несовершеннолетнего потерпевшего лица совершены насильственные действия сексуального характера;
2. Имеет место заведомо ложный донос.

А.Ф. Халлиулина в качестве версии также выделяет такую ситуацию, когда лицо, заявляющее или сообщающее о совершении насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетнего лица добросовестно заблуждается о сообщаемом им преступном посягательстве[5, с. 71]. На наш взгляд, подобная ситуация может случиться в том случае, если фактически было совершено другое преступление, например, предусмотренное ст. 168 УК Республики Беларусь, нежели то, которое указано в заявлении или сообщении о совершении насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних.

Каждая из версий подлежит тщательной проверке посредством проведения различных следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий. При этом следует отметить, что каждая из версий должна отрабатывать одновременно.

«В 2014 году по факту совершения изнасилования и насильственных действий сексуального характера в отношении 16-летней гражданки В. было возбуждено уголовное дело. Лицо, совершившее преступное посягательство на момент возбуждения уголовного дела установлено не было. Посредством проведения отдельных следственных действий, в том числе экспертных исследований было установлено, что преступление совершено отцом потерпевшей. При этом потерпевшая в ходе допроса всячески отрицала данную информацию»[6, с. 15].

В случае если бы следователем одновременно не проверялась бы версия о совершении указанного преступления отцом потерпевшей могла существенно возрасти вероятность утери важной доказательственной информации и установлении истины по делу.

Таким образом, на основании вышесказанного, можно сделать вывод о том, что при построении версий в ходе производства предварительного рассле-

дования насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних, следователю необходимо учитывать сложившуюся следственную ситуацию, что позволит грамотно и верно составить план по проведению следственных и иных процессуальных действий.

Кроме того, рекомендуется следующее:

1. Применять метод дихотомического деления при выдвижении версий;
2. Одновременно проверять имеющиеся версии в целях установления объективной истины по делу, а также правильного определения пределов доказывания.

Библиографический список

1. Белкин, Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. / Р. С. Белкин. – 2-е изд. – М.: Юристъ, 2001. – Т. 2: Курс криминалистики. – 464 с.
2. Intex-press [Электронный ресурс]. — URL: https://www.intex-press.by/2017/12/28/byl-strogij-no-vel-sebya-kak-obychnyj-papa-delo-zhitelya-lyahovichej-kotoryj-iznasiloval-svoyu-doch-peredali-v-sud. (дата обращения 01.03.2019).
3. Ивлев, Ю.В. Логика для юристов: учебник / Ю.В. Ивлев – М.: Проспект, 2010. – 272.
4. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — URL: http://www.pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/. (дата обращения 04.03.2019).
5. Халиуллина, А. Ф. Особенности расследования насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12 / А. Ф. Халиуллина. – Уфа, 2018. – 180 л.
6. Ревтова, С. Ю. Допрос несовершеннолетней потерпевшей на предварительном следствии и в суде. Изнасилование: Монография / С. Ю. Ревтова, В. В. Печерский. – Гродно: Гродн. гос. ун-т, 2003. – 260 с.

УДК 343.98

ВИДЫ СЛЕДОВ И ОБЪЕКТОВ, КОТОРЫЕ МОГУТ БЫТЬ ОБНАРУЖЕНЫ НА МЕСТЕ ПОЖАРА И ПОДЖОГА

Стукалин И.В.
курсант 4 «К» курса ФГКОУ ВО ВА МВД РФ, Волгоградская академия МВД России
vanes.gibson1997@gmail.com

Аннотация: Данная статья освещает некоторые виды следов и объектов, которые могут быть изъяты на месте пожара и поджога. Видится очевидным, что в настоящее время многие специалисты-криминалисты при осмотре места

происшествия по факту пожара не имеют должного представления о том, какие следы и объекты целесообразно обнаруживать и изымать с места происшествия.

Ключевые слова: пожар, поджог, следы, криминалистика, группы следов, обнаружение, изъятие.

Annotation: This article contains information about some kinds of traces, which can be withdrawn on the place of fire. It seems obvious that nowadays many of forensic specialists do not have enough knowledge about which traces and objects should be detected and withdrawn from the place of fire.

Keywords: fire, arson, traces, forensics, groups of tracks, detection, removal.

Под следами в криминалистике понимают любые изменения в окружающей обстановке, причинно связанные с расследуемым событием. В качестве следов преступления могут выступать:

1) следы-отображения, когда при взаимодействии двух объектов на поверхности одного отображается рельеф другого;

2) отдельные предметы (следы-предметы);

3) вещества (следы-вещества).

Протекание любого процесса сопровождается образованием следов этого процесса, как в реальном, так и в ментальном мире. Так как пожар является процессом, содержащим множество факторов, то и оставляемые им следы имеют множественный и разнородный характер. Различные экспертизы, назначаемые при расследовании криминальных пожаров, проводятся, как правило, по следам. Изучение этих следов и даёт информацию о протекании этих процессов.

Любой пожар сопровождается тепловыми, световыми, газовыми и звуковыми эффектами. Их действие оставляет следы как в/на предметах вещной обстановки места пожара, в цифровой памяти фотоаппарата или на магнитной ленте видеокамеры, так и в памяти очевидцев пожара.

Таким образом, следы пожара могут быть:

1. Материальными (предметными)
2. Отобразительными (фотографическими)
3. Идеальными (показаниями свидетелей и очевидцев).

Все объекты, найденные на месте криминального пожара (поджога), можно условно разделить на две группы.

К первой группе относятся специфические следы воздействия пожара на объекты окружающей обстановки, так называемые очаговые признаки. Данные следы могут быть обнаружены при исследовании места пожара. Их последующий анализ в сочетании с другими данными о времени и месте обнаружения пожара, об особенностях его развития (динамики) и т.д. позволяет установить очаги пожара, их количество и взаимосвязь. Сопоставление этих данных с комплексом информации о горючей загрузке в зоне очага пожара, способности её возгорания от определённых источников огня в совокупности с последующим ситуационным анализом возможности нахождения этого источника в очаговой зоне позволит пожарно-техническому специалисту как минимум в вероятностной форме сделать вывод о причине пожара[1, с. 39].

Ко второй группе объектов предварительного исследования на месте пожара относятся следы и вещественные доказательства, выявляемые и изымаемые специалистом-криминалистом. Их можно разделить на две подгруппы:

- вещественные доказательства, которые могут указывать на конкретных лиц, причастных к возникновению пожара;

- вещественные доказательства, способствующие установлению причины пожара и различных других сопутствующих обстоятельств, представляющих оперативный интерес.

Вещественные доказательства, относящиеся к первой подгруппе, как правило, встречаются достаточно часто и могут быть выявлены и изъяты специалистом-криминалистом, в роли которого на месте происшествия выступает эксперт-криминалист территориального ОВД. Это, прежде всего, следы, которые являются объектами традиционных криминалистических экспертиз.

Ими, в первую очередь, могут быть следы рук, отображающие папиллярные узоры пальцев и ладонных поверхностей. Данные следы можно обнаружить на различных емкостях (бутылках, канистрах и т.п.), которые использовались преступником для транспортировки к месту поджога легковоспламеняющейся (ЛВЖ) или горючей жидкости (ГЖ), используемой в качестве интенсификатора горения.

Это также могут быть достаточно распространенные в экспертной практике следы обуви или автотранспортных средств, доставивших преступника к месту поджога. По следам обуви специалист-криминалист в ходе предварительного исследования также может сразу сообщить оперативному сотруднику ориентировочный рост и вес преступника, особенности походки и т.п. Следы босых ног и обуви могут быть обнаружены на самых различных объектах. Объемные следы образуются на мягком глинистом грунте, мокром снегу, во влажном мелком песке и т.д. Иногда преступник оставляет следы в сыпучих материалах, рассыпанных на месте происшествия - гипсе, муке, извести и др.[2, с. 25].

В тех случаях, когда поджог сопряжен с совершением другого преступления, например, кражи, с места происшествия могут быть изъяты следы взлома. Следы орудий взлома и инструментов образуются специально изготовленными или приспособленными для устранения преграды путем ее полного и частичного разрушения, или без разрушения с целью проникновения на охраняемую территорию.

К этой же подгруппе можно отнести и следы биологического происхождения, хотя предварительное исследование которых на месте происшествия может провести только специалист-биолог.

Прежде всего, это те же следы рук и ладоней, выявляемые на емкостях с ЛВЖ или ГЖ, которые представляют собой потожировые следы и следы крови.

При отсутствии необходимого для дактилоскопической идентификации количества криминалистически значимых признаков, следы рук становятся объектом для генотипоскопической идентификации (ДНК-анализа). Достаточно распространенным объектом биологического происхождения, выявляемым и изымаемым с мест поджогов, являются следы слюны, содержащиеся на окур-

ках, которые по результатам ДНК-экспертизы также могут указать на конкретное лицо, причастное к совершению преступления.

Вторая подгруппа вещественных доказательств, изымаемых с места происшествия и способствующих установлению причины пожара, довольно обширна. Она включает в себя такие предметы, как предполагаемые технические средства поджога, электронагревательные и отопительные приборы, устройства пожарной (охранно-пожарной) сигнализации, следы неисправной работы электрооборудования, проводники с оплавлениями, различные предметы и материалы – носители микроколичеств интенсификаторов горения - разлитых ЛВЖ и ГЖ со следами горючих жидкостей (включая емкости из-под горючей жидкости).

К этой же подгруппе следует отнести и следы направленности распространения горения, с помощью которых решается задача установления места очага пожара. К этой группе следов относятся: толщина угольного слоя на вертикальных и горизонтальных плоскостях деревянных предметов, степень термического поражения бетонных и железобетонных конструкций, толщина окисной плёнки на стальных изделиях и т.д.

Библиографический список

1. Зернов С.И. Задачи пожарно-технической экспертизы и методы их решения: Учебное пособие. – М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2001. – 200 с., с. 39.

2. Чешко И.Д., Юн Н.В., Плотников В.Г., Антонов А.О., Воронов С.П., Павлов Е.Ю., Толстых В.И. Осмотр места пожара: Методическое пособие. – М.: ВНИИПО, 2004. С. 25.

УДК 343.13

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ФАЛЬСИФИКАЦИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ И РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Трапезников К.П.
курсант факультета правоохранительной деятельности ФГКОУ ВО ВСИ МВД России,
Восточно-сибирский институт МВД России
tkp.38rus@gmail.ru
Научный руководитель: старший преподаватель Виноградов И.А.

Аннотация: Настоящая статья посвящена актуальным проблемам законодательного регулирования в сфере уголовной ответственности за фальсификацию доказательств в уголовном деле и результатов оперативно-розыскной дея-

тельности. В данной статье рассматриваются недостатки Российского законодательства в этой сфере и предлагаются пути их устроения.

Ключевые слова. Фальсификация, уголовная ответственность, результаты оперативно-розыскной деятельности, проблемы законодательного регулирования.

Annotation: This article is devoted to current problems of legislative regulation in the field of criminal liability for falsification of evidence in a criminal case and the results of operational investigative activities. This article discusses the shortcomings of the Russian legislation in this area and suggests ways of their dispensation.

Keywords: Falsification, criminal liability, results of operational investigative activities, problems of legislative regulation.

Исторически, на территории постсоветского пространства сложились две формы правоохранительной деятельности: уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная деятельность. Для них характерно наличие общей цели, но различные формы. Уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная деятельности дополняют друг друга и невозможно представить одну без другой в системе раскрытия и расследования преступлений. Однако при осуществлении этих видов деятельности имеют место нарушения законности – субъекты правоприменения фальсифицируют доказательства в уголовном деле и результаты оперативно-розыскной деятельности, нарушая тем самым законодательно закреплённый принцип законности.

Целями указанных деяний могут являться осуждение невиновного лица и ограждение от ответственности виновного в тех случаях, когда законными способами сделать это не представляется возможным.

Мотивами данных деяний могут выступать заблуждение в интересах службы, искаженное чувство справедливости, карьерная заинтересованность, получение материального дохода.

Безусловно, стоит отметить, что правовая норма, предусматривающая ответственность за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности и доказательств в процессе осуществления уголовного судопроизводства необходима, так как является гарантией соблюдения законности при осуществлении этих видов деятельности.

В виду того, что одним из эффективных способов правового регулирования является заимствование передового правового опыта зарубежных стран, мы провели сравнительно-правовой анализа статьи 303 уголовного кодекса Российской Федерации со схожими статьями уголовных кодексов стран ближнего зарубежья, таких как: Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Армения и Кыргызская Республика.

В ст. 395 Уголовного кодекса Республики Беларусь установлена ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, следователем, прокурором, судьей или защитником следующие наказания: лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или лишение свободы на срок до трех

лет. Те же действия, повлекшие тяжкие последствия наказываются лишением свободы на срок от трех до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения[1].

Стоить отметить, что Уголовный кодекс Республики Беларусь не содержит в себе статьи, предусматривающей ответственность за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности.

Иным образом регламентированы указанные вопросы в законодательстве Республики Казахстан. В ст. 416 Уголовного кодекса Республики Казахстан содержится ответственность за фальсификацию доказательств в ходе уголовного судопроизводства лицом, осуществляющим досудебное расследование, прокурором, специалистом, принимающим участие в процессуальных действиях, или защитником[2].

Отметим, что Уголовный кодекс данного государства расширяет перечень субъектов данного преступления, добавляя специалиста, принимающего участие в процессуальных действиях, что является, на наш взгляд, верным законодательным решением. Кроме того, в уголовном законодательстве Казахстана увеличиваются границы наказания за такое деяние как в сторону смягчения, так и в сторону ужесточения.

Также уголовный кодекс Республики Казахстан выделяет квалифицированную ответственность за фальсификацию доказательств по тяжким и особо тяжким делам, что является существенным дополнением к регулированию данного вопроса. Кроме того, в нем закреплена ответственность за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности, что видится рациональным решением.

Иным образом подошел к решению вопроса законодатель республики Армения. Уголовный кодекс Республики Армения в ст. 349 содержит ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником. Также имеется квалифицированная ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу по делам о тяжком или об особо тяжком преступлении или повлекшая по неосторожности тяжкие последствия[3].

Стоит заметить, что в диспозиции данной статьи, когда речь идёт о тяжких последствиях, которые повлекла фальсификация, присутствует признак неосторожности, что, на наш взгляд, является в корне неправильным, поскольку в таком случае отсутствует состав данного преступления, ввиду отсутствия прямого умысла и желания виновного лица наступления этих последствий. Фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном кодексе Республики Армении, как и в уголовном кодексе Республики Беларусь, не уделено должного внимания.

Уголовное законодательство Киргизской Республики в статье 326 Уголовного кодекса содержит ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником. Так же предусмотрена квалифицированная ответственность за те же деяния по уголовному делу о тяжком или особо тяжком преступлении, а равно фальсификация доказательств, повлекшая тяжкие последствия[4].

Данная статья содержит в себе совокупность норм указанных выше кодексов, однако ответственность за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности в ней упущена.

Уголовный кодекс Российской Федерации в ст. 303 закрепляет ответственность за: 1. фальсификацию доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником; 2. фальсификацию доказательств по уголовному делу о тяжком или об особо тяжком преступлении, а равно фальсификацию доказательств, повлекшую тяжкие последствия; 3. фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно-розыскных мероприятий, в целях уголовного преследования лица, заведомо непричастного к совершению преступления, либо в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации[5].

Стоит отметить, что в данной статье Уголовного кодекса Российской федерации, в отличие от аналогичных статей Уголовных кодексов Республики Беларусь, Республики Армения и Киргизской Республики, присутствует ответственность за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности, что является существенным плюсом. Но перечень субъектов, подлежащих ответственности за фальсификацию, по сравнению с Уголовным кодексом Республики Казахстан является более ограниченным.

Проведя сравнительно-правовой анализ перечисленных выше статей об ответственности за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности уголовных кодексов различных государств следует сделать следующие выводы:

1. Законодательство Российской Федерации в данной сфере по сравнению с законодательством других стран является более широким, структурированным и развёрнутым;

2. Перечень субъектов данного преступления в Уголовном кодексе Российской Федерации является менее проработанным, чем аналогичный перечень субъектов в других странах, например – Республики Казахстан.

На основании изложенного считаем целесообразным дополнить перечень субъектов преступления в ч. 2 с. 303 УК РФ специалистом, принимающим участие в процессуальных действиях, поскольку специалист как участник уголовного судопроизводства также может искажать доказательства, что может помешать осуществлению правосудия;

Указанная корректировка обеспечит повышение эффективности борьбы с фальсификацией доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности.

Библиографический список

1. Уголовный Кодекс Республики Беларусь // crimpravo.ru URL: http://xn----ctbcgfviccvibf9bq8k.xn--90ais/ (дата обращения: 05.02.2019).

2. Уголовный Кодекс Республики Казахстан // crimpravo.ru URL: http://crimpravo.ru/codecs/kaz/2.doc (дата обращения: 05.02.2019).

3. Уголовный Кодекс Республики Армения // crimpravo.ru URL: http://crimpravo.ru/codecs/arm/2.rtf (дата обращения: 05.02.2019).

4.Уголовный Кодекс Киргизской Республики // crimpravo.ru URL: http://crimpravo.ru/codecs/kgz/2.rtf (дата обращения: 05.02.2019).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. Федерального закона от 22 ноября 2016 г. № 392-ФЗ) // Рос. газета. 1996. 16, 19, 20, 25 июня.

УДК 343

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Татиков Р.У.
докторант факультета Бизнеса, права и педагогики КАСУ,
Казахстанско-Американский свободный университет,
Усть-Каменогорск, Республика Казахстан
tatikov.renat17@mail.ru

Аннотация: Данная статья посвящена проблемам уголовной ответственности за торговлю людьми в Республике Казахстан. Задача государства заключается в защите интересов своих граждан, в том числе и от данного преступного посягательства.

Ключевые слова: Торговля людьми, преступление, уголовная ответственность, наказание, торговля несовершеннолетними.

Annotation: This article is devoted to the problems of criminal liability for human trafficking in the Republic of Kazakhstan. The task of the state is to protect the interests of its citizens, including from this criminal encroachment.

Keywords: Human trafficking, crime, criminal liability, punishment, trafficking of minors.

В Уголовном Кодексе Республики Казахстан от 16 июля 1997 года была предусмотрена уголовная ответственность за торговлю людьми в статье 128, которая давала следующее определение данному феномену: купля-продажа или совершение иных сделок в отношении лица, а равно его эксплуатация либо вербовка, перевозка, передача, укрывательство, получение, а также совершение иных деяний в целях эксплуатации. В свою очередь в статье 133 УК РК, ответственность за торговля несовершеннолетними (купля-продажа или совершение иных сделок в отношении несовершеннолетнего, а равно его эксплуатация либо вербовка, перевозка, передача, укрывательство, получение, а также совершение иных деяний в целях эксплуатации)[1].

В процессе дальнейшего совершенствования законодательства 3 июля 2014 года был принят новый Уголовный Кодекс Республики Казахстан[2].

В статье 128 предусмотрена ответственность за торговлю людьми. При этом в новом кодексе дается аналогичная формулировка этого понятия, как и в кодексе от 1997 года.

В статье 135 УК РК предусмотрена ответственность за торговлю несовершеннолетними (в новом кодексе дается аналогичная формулировка этого понятия, как и в кодексе от 1997 года).

На сегодняшний день в действующем уголовном законодательстве имеются некоторые проблемы дифференциации уголовной ответственности за торговлю людьми, касающиеся, в частности, наказуемости рассматриваемого преступления, совершенного при отягчающих обстоятельствах, а также недостатков уголовно-правовой регламентации освобождения от уголовной ответственности в связи со специальным видом деятельного раскаяния.

Суть первой проблемы состоит в том, что некоторые из отягчающих обстоятельств торговли людьми, на основании которых законодателем регламентируется дифференциация ответственности за рассматриваемое преступление, содержат признаки деяний, предусмотренных статьями Особенной части УК РК в качестве самостоятельных преступлений или же признаки предварительной преступной деятельности при совершении преступлений.

Таким образом, представляется, что наказание за торговлю людьми, совершенную при таких отягчающих обстоятельствах, должно соответствовать сумме наказания за торговлю людьми, предусмотренную основным составом ст. 128 УК РК, и наказания, предусмотренного за преступление, объективная сторона которого содержит признаки, на основании которых ужесточается ответственность за торговлю людьми с учетом положений уголовного закона о правилах назначения наказания по совокупности уголовных правонарушений.

Вместе с тем, анализ санкций соответствующих уголовно-правовых норм позволил выявить несоответствие приведенного алгоритма определения максимального наказания за квалифицированные виды торговли людьми действительным положениям УК Республики Казахстан.

Так, например, наказание за предусмотренную п. «6» ч.2 ст. 128 УК РК торговлю людьми, совершенную в отношении двух или более лиц, должно соответствовать наказанию за совокупность нескольких самостоятельных преступлений, предусмотренных основным составом рассматриваемой нормы.

Ч.1 ст. 128 УК РК предусматривает максимальное наказание до пяти лет лишения свободы. Таким образом, при совокупности нескольких рассматриваемых преступлений максимальное наказание, которое вправе назначить суд, не может превышать 7,5 лет лишения свободы.

При этом, количество совершенных виновным преступлений, входящих в совокупность и предусмотренных основным составом торговли людьми, не влияет на размер окончательного наказания, назначаемого по совокупности уголовных правонарушений.

Вместе с тем, безальтернативная санкция ч.2 ст. 128 УК РК предусматривает максимальный размер наказания в виде семи лет лишения свободы, что на два года больше максимально возможного наказания за совокупность двух или более преступлений, предусмотренных основным составом торговли людьми.

Представляется, что в УК РК нет обоснований столь свободной законодательной регламентации наказания за рассматриваемый квалифицированный вид торговли людьми.

Ст. 135 УК РК, предусматривающий наказание до 7 лет лишения свободы за торговлю людьми, совершенную в отношении несовершеннолетнего, с нашей точки зрения, – есть результат модернизации первоначальной редакции УК РК, приведения ее в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права об ответственности за торговлю людьми вообще, а также с положениями международно-правовых актов об особой охране женщин и детей.

Вместе с тем, ужесточение наказания за торговлю людьми только на основании признаков несовершеннолетия потерпевшего – ничем не обоснованная мера, характеризующая, явно завышенный уровень уголовно-репрессивного воздействия[3, с.179].

Анализ объектов уголовно-правовой охраны, которым причиняется вред или создается угроза причинения вреда при торговле несовершеннолетними, также не позволил нам выявить обоснований ужесточения наказания за торговлю людьми только лишь на основании данного признака.

Безусловно, наказание за торговлю людьми, совершенную в отношении несовершеннолетнего потерпевшего должно быть более строгим по сравнению с наказанием, предусмотренным за торговлю взрослыми людьми, однако, с нашей точки зрения, ужесточение наказания может осуществляться посредством увеличения не только верхних границ относительно определенных санкций, но и при их сохранении - в увеличении минимальных границ наказания.

Подобный подход в полной мере соответствовал бы минимальной границе наказания за торговлю взрослыми людьми, совершенную при любом из отягчающих обстоятельств, предусмотренных квалифицированным видом торговли людьми, и, вместе с тем, обеспечивал бы безусловное ужесточение наказания в случае торговли несовершеннолетними за счет увеличения минимальной границы санкции.

Торговля людьми, совершенная с изъятием, сокрытием либо уничтожением документов, удостоверяющих личность потерпевшего, удостоверяющих личность потерпевшего, предусмотрена п. «12» ч. 2 ст. 128 УК РК и также влечет наказание до семи лет с конфискацией имущества.

Представляется, что обозначенный вид торговли людьми – есть сложное единичное преступление, именуемое в уголовном праве составным. Оно «складывается» из взаимосвязанных и взаимообусловленных торговли людьми.

Равно как и в вышеописанном анализе наказуемости торговли людьми, совершенной в отношении двух или более лиц, в данном случае мы не призываем к снижению санкции за торговлю людьми с изъятием, сокрытием либо уничтожением документов, удостоверяющих личность потерпевшего.

С нашей точки зрения, обозначенный вид торговли людьми также представляет собой сложное единичное преступление, именуемое в уголовном праве составным. Оно «складывается» из взаимосвязанных торговли людьми и, предусмотренного ч.1 и ч.2 ст. 384 УК РК

1. Незаконное изъятие у гражданина паспорта, удостоверения личности или другого личного документа - наказывается штрафом в размере до восьмидесяти месячных расчетных показателей либо исправительными работами в том же размере, либо привлечением к общественным работам на срок до восьмидесяти часов, либо арестом на срок до двадцати суток.

2. Похищение у гражданина паспорта, удостоверения личности или другого личного документа - наказывается штрафом в размере до ста двадцати месячных расчетных показателей либо исправительными работами в том же размере, либо привлечением к общественным работам на срок до ста двадцати часов, либо арестом на срок до тридцати суток».

При этом, при привлечение лица к ответственности по п. 12 ч. 2 ст. 128 УК РК все таки также следует учитывать и наказание за деяния предусмотренные чч.1,2 ст. 384 УК РК.

Торговля людьми, совершенная с применением насилия или угрозы его применения предусмотрена п. 3 ч. 2 ст. 128 УК РК и также в качестве наиболее строгого предусматривает наказание до 7 лет лишения свободы с конфискацией имущества. Представляется, что обозначенное единичное сложное преступление «складывается» из «простой» торговли людьми и преступного насилия или угрозы его применения.

Наиболее опасным видом угрозы применения насилия, предусмотренной УК РК, является угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

В данном случае, как и в предыдущих примерах (даже полное) сложение наказаний меньше наказания за единичное сложное преступление, что также свидетельствует о бессистемности вносимых в национальное уголовное законодательство изменений и дополнений в части регламентации санкций за торговлю людьми при отягчающих обстоятельствах.

Отягчающее обстоятельство, предусмотренное п. 7 ч.2 ст. 128 УК РК, «торговля людьми, совершенная в целях изъятия органов или тканей потерпевшего для трансплантации или иного использования», содержит признаки принуждения к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, предусмотренное ст. 116 УК РК «Принуждение к изъятию или незаконное изъятие органов и тканей человека». При этом максимальный размер наиболее строгого наказания за принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации по ч.1 ст.116 УК РК ограничивается лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

В данном случае, назначая наказание по совокупности торговли людьми и принуждения к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (будь они совершены отдельно), суд вправе был бы назначить до 7 лет лишения свободы за торговлю людьми и до 5 лет лишения свободы за принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации.

Но законодатель включив квалифицирующий признак в ч.2 ст.128 УК РК ограничил этот порог 7 годами лишения свободы.

Таким образом, безальтернативная санкция п. 7 ч.2 ст. 128 УК РК не отвечает признаку общественной опасности данного деяния. Кроме того, приходится констатировать несоответствие дополнительного наказания в виде запрета занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: в ст. 116 УК – до трех лет, а при торговле людьми – такая мера отсутствует.

Причины подобного рода несоответствия не удалось установить в ходе настоящего исследования, в связи с чем, в очередной раз констатируем бессистемность построения санкций в статьях УК, предусматривающих ответственность за рассматриваемые преступления.

Подводя итог исследования, отметим, что анализ санкции за торговлю людьми при отягчающих обстоятельствах (ч.2 ст.128 УК Республики Казахстан), являющуюся единичным сложным преступлением, в сравнении с санкцией основного состава торговли людьми и санкциями статей УК, предусматривающих ответственность за деяния, содержащие в качестве составообразующих признаки отягчающих торговлю людьми обстоятельств, позволил выявить бессистемность регламентации максимальных пределов наказания за квалифицированные виды торговли людьми, а в отдельных случаях – противоречие принципу справедливости. Исследование характера и степени общественной опасности квалифицированных и особо квалифицированных видов торговли людьми, а также ее соотношение с наказуемостью деяний, содержащих признаки отягчающих торговлю людьми обстоятельств, может стать частью самостоятельного научного исследования, посвященного проблемам систематизации при построении санкций в статьях национального уголовного законодательства.

Библиографический список

1. Уголовный Кодекс Республики Казахстан от 16 июля 1997 года (утратил силу) [Электронный ресурс]. // zakon.kz (дата обращения 12.03.2019).

2. Уголовный Кодекс Республики Казахстан от 03 июля 2014 года [Электронный ресурс]. // zakon.kz (дата обращения 12.03.2019).

3. Уголовное право РК. Особенная часть. Под ред. И.Ш. Борчашвили, С.М. Рахметова. – Астана, Данекер, 2012 – 426с.

УДК 378.02

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ

Шацкова П.В.
студентка юридического факультета Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
polina_shatskova@mail.ru
Научный руководитель: старший преподаватель Резюк В.И.

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы применения законодательства об уголовной ответственности за преступления против экологической безопасности и природной среды.

Ключевые слова: Уголовная ответственность, преступления против экологической безопасности и природной среды.

Annotation: The article deals with the problems of applying legislation on criminal liability for crimes against environmental safety and the natural environment.

Keywords: Criminal liability, crimes against environmental safety and the environment.

Природа и окружающая среда всегда были связаны с человеком, они взаимодействуют друг с другом на протяжении многих веков. Однако, в настоящее время, ввиду увеличения роста различного рода экологических преступлений, вопрос об охране природной среды и обеспечении экологической безопасности приобретает всё большее значение. Отсюда следует, что охрана окружающей среды – это одна из наиболее важных проблем, стоящих перед человечеством сегодня.

Необходимо выделить проблемы применения законодательства Республики Беларусь об уголовной ответственности за преступления против экологической безопасности и природной среды (экологические преступления), которые могут иметь различный характер и проявляться при юридической оценке деяния, его квалификации и иных ситуациях, связанных с правоприменением.

Основной проблемой квалификации преступлений являются сложности в применении уголовно-правовых норм, что заключается в бланкетном характере их диспозиции. В силу чего необходимо проведение тщательного анализа целого ряда нормативно-правовых актов экологического законодательства при решении вопросов квалификации преступлений, что существенно затрудняет деятельность правоохранительных органов.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) экологическим преступлениям отводится целая глава 26 «Преступления против экологической

безопасности и природной среды» [1]. С момента вступления в силу УК Республики Беларусь 1999 года в судебной практике неоднозначно решались многие вопросы, связанные с применением уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за некоторые преступления против экологической безопасности и природной среды.

Одной из проблем применения уголовного законодательства по отдельным статьям УК является необходимость административной преюдиции (ч. 1 ст. 269 УК « Порча земель», ч. 1 ст. 271 УК «Нарушение правил охраны недр», ч. 1 ст. 272 УК «Загрязнение либо засорение вод», и др.). В соответствии с п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22.12.2005 № 13 (далее – Постановление), основанием уголовной ответственности за преступления с признаками административной преюдиции является только умышленное совершение запрещенного уголовным законом деяния [2]. Это означает, что к уголовной ответственности за подобные преступления можно привлекать только в случае, когда лицо, осознавая не только общественную опасность, но и уголовную противоправность, совершает деяние в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение. Вместе с тем, если соответствующее нарушение повлечет наступление последствий в виде заболевания людей или смерти либо причинения ущерба в крупном размере, то уголовная ответственность наступает независимо от вины по отношению к деянию (факту нарушения). Таким образом, данное судебное толкование подчеркивает важный момент уголовной политики: уголовный закон должен применяться к наиболее опасным правонарушениям

При уголовно-правовой оценке браконьерства в судебной практике возникают затруднения при определении признаков неоконченного преступления. Так, в некоторых случаях, незаконная добыча рыбы ошибочно признавалась судами оконченным преступлением в ситуации, когда лица, фактически не приступившие еще к добыче, были застигнуты возле водоема с запрещенными орудиями лова. Должное внимание необходимо уделять стадии совершения умышленного преступления при совершении браконьерских действий, влияющих на правовую оценку содеянного. Важность этого момента заключается еще и в том, что преступления, ответственность за которые предусмотрена в ч. 1 ст. 281 и ч. 1 ст. 282 УК, отнесены законодателем к категории преступлений, не представляющих большой общественной опасности. Судам необходимо внимательно учитывать такое обстоятельство, поскольку в соответствии с положением ч.2 ст. 13 УК приготовление к преступлению данной категории не влечет уголовной ответственности.

Также сложность вызывает и то, что особой проблемой данной категории дел является вопрос об установлении причинной связи между совершенным деянием и экологически опасными последствиям. В законодательстве нет четко закрепленных критериев и методов определения причинной связи при совершении экологических преступлений, не все подобные вопросы проработаны на практике. В определённых случаях законодателем могут использоваться нечеткие формулировки, что в свою очередь на практике приводит к субъективному

подходу в толковании, в виду чего не происходит совершенствование законодательства. В п. 5 Постановления закреплены общие рекомендации относительно установления судьями необходимости причинной связи. Особые затруднения на практике вызывает установление причинной связи по деяниям, связанным с загрязнением окружающей природной среды. Решение данной проблемы требует выработки определённых критериев, а также специфической методики определения причинной связи при совершении экологических преступлений.

Анализ уголовного законодательства Российской Федерации позволяет выделить и иные проблемы законодательства Республики Беларусь, связанные с преступлениями против экологической безопасности и природной среды. Например, в Уголовный кодекс Российской Федерации включена ст. 259 УК «Уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации» – в УК Республики Беларусь подобная специальная норма отсутствует. [3].

Выделение проблем применения законодательства Республики Беларусь об уголовной ответственности за преступления против экологической безопасности и природной среды позволяет выделить направления совершенствования законодательства. Целесообразным будет заменить бланкетные диспозиции экологических преступлений на описательные. Также для решения проблемы относительно причинной связи между общественно-опасным деянием и последствием является выработка критериев, а также специфической методики определения причинной связи при совершении экологических преступлений. Совершенствование уголовного законодательства посредством изучения и внедрения передового опты других государств-позволит пресекать совершение новых видов экологических преступлений.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г., № 275 – 3: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. О применении судами законодательства об ответственности за правонарушения против экологической безопасности и природной среды [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 22 дек. 2005 г., № 13 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: 13 июня 1996 г., N 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г.: в ред. Федер. Закона от 27.12.2018 N 569-ФЗ, : с изм. Пост. Конституционного Суда от 25.04.2018 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». –М., 2019.

УДК 347.2

ПОНЯТИЕ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРМИНА «ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИМУЩЕСТВО» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Адамович А.В.
магистрант 1 года обучения, института управленческих кадров,
факультета инновационной подготовки Академии управления
при Президенте Республики Беларусь. г. Витебск, Республика Беларусь,
andrey.adamovich.77@mail.ru
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Сидорчук И.П.

Аннотация: В статье автором обоснованно, что при совершенствовании определения термина «государственное имущество» важно использовать системный подход. Автором исследуется понятие, определение термина «государственное имущество», вносятся предложения по совершенствованию определения данного термина и рекомендуется его применение в законодательстве Республики Беларусь.

Ключевые слова: имущество, государственное имущество.

Annotation: In the author's report, it is reasonable that when improving the definition of the term "state property" it is important to use a systematic approach. The author explores the concept, definition of the term "state property", makes suggestions for improving the definition of this term and recommends its use in the legislation of the Republic of Belarus.

Keywords: property, state property.

Такое направление методологии научного познания, как системный подход, в основе которого лежит рассмотрение объекта как системы: целостного комплекса взаимосвязанных элементов (И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин); совокупности взаимодействующих объектов (Л. фон Берталанфи); совокупности сущностей и отношений (А. Д. Холл, Р. И. Фейджин, поздний Л. фон Берталанфи)[1], позволяет выработать предложения по совершенствованию определения термина «государственное имущество», что является актуальным, так как в Республике Беларусь значительная часть активов остается в государственной собственности.

Понятие «государственное имущество» неразрывно связано с тем, что понимать под понятием «имущество» вообще. Н.Л. Бондаренко, в своих работах отмечал, что «под термином «имущество» в гражданском праве охватывается

вещь или их совокупность, а также имущественные права и обязанности, принадлежащие лицу. Выделяют имущественные права: вещные, обязательственные, исключительные.»[2, с. 68]. А.Н. Романович излагал следующее: «Понятие «имущество» является совокупным и в широком значении охватывает вещи, в том числе деньги и ценные бумаги, имущественные права и обязанности. Имеется в виду, как наличное имущество, так и долги…Иногда указанный термин используется в законодательстве в более узком значении, для обозначения только вещей…, вещей и ценных бумаг…, имущественных прав…, имущественных обязанностей… Что касается имущественных прав, то они должны иметь материальное содержание. Это могут быть права вещные (например, право собственности, право хозяйственного ведения), обязательственные (например, права требования к обязанному лицу), исключительные права на объекты интеллектуальной собственности.»[3, с. 433]. А.П. Сергеев полагает, что «термин «имущество», которым нередко обозначается объект правоотношения, употребляется в гражданском праве в различных значениях. Так, чаще всего под имуществом понимаются отдельные вещи или их совокупность…Далее, понятием «имущество» могут охватываться вещи, деньги и ценные бумаги…В ряде случаев имуществом называются не только перечисленные выше объекты, но и имущественные права…Наконец, понятие «имущество» может обозначать всю совокупность наличных вещей, денег, ценных бумаг, имущественных прав, а также обязанностей субъекта…»[4, с. 239].

Анализируя нормы Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК)[5] следует отметить, что являясь объектом гражданских прав, имущество включает в себя: вещи, деньги, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права (статья 128 ГК). К имуществу не относятся иные объекты гражданских прав: работы и услуги; нераскрытая информация (статья 140 ГК); результаты интеллектуальной деятельности (произведения науки, литературы и искусства; исполнения, фонограммы и передачи организаций вещания и другое) (статья 980 ГК), которые относятся к объектам интеллектуальной собственности, охраняемым законом. К имуществу можно отнести исключительные права на использование результатов интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг, как разновидность имущественных прав. К имуществу не относятся нематериальные блага (жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация и другое), которые принадлежат гражданину от рождения или в силу акта законодательства, являются неотчуждаемыми и непередаваемыми иным способом (статья 151 ГК).

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 4 июля 2012 г. № 294 «О порядке распоряжения государственным имуществом» (далее – Указ № 294) «под государственным имуществом понимается имущество, закрепленное за республиканскими и коммунальными юридическими лицами, в том числе государственными органами, на праве оперативного управления, хозяйственного ведения, казна Республики Беларусь и административно-территориальных единиц, а также имущество, признаваемое государственным в

соответствии с законодательством и международными договорами Республики Беларусь» [6]. Что же следует понимать под используемыми в определении термина «государственное имущество» терминами: «республиканское юридическое лицо», «коммунальное юридическое лицо», «право оперативного управления», «право хозяйственного ведения», которые не имеют конкретного и однозначного определения в законодательстве Республики Беларусь, «государственный орган», «казна Республики Беларусь» и «казна административно-территориальной единицы».

Предлагаем для включения в Указ № 294 определения следующих терминов: «республиканское юридическое лицо» - это юридическое лицо, субъект хозяйствования (экономической деятельности) или государственный орган с правами юридического лица, которые имеют закрепленные за ними на основании законодательства Республики Беларусь и находящиеся в собственности Республики Беларусь, а также признаваемые принадлежащими Республике Беларусь в соответствии с законодательством и международными договорами Республики Беларусь вещи или их совокупность, деньги, ценные бумаги, права в отношении их:

вещные, обязательственные, и обязанности в отношении их, исключительные права на использование результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг; «коммунальное юридическое лицо» - это юридическое лицо, субъект хозяйствования (экономической деятельности) или государственный орган с правами юридического лица, которые имеют закрепленные за ними на основании законодательства Республики Беларусь и находящиеся в собственности соответствующей административно-территориальной единицы Республики Беларусь, а также признаваемые принадлежащими соответствующей административно-территориальной единице Республики Беларусь в соответствии с законодательством и международными договорами Республики Беларусь вещи или их совокупность, деньги, ценные бумаги, права в отношении их: вещные, обязательственные, и обязанности в отношении их, исключительные права на использование результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг.

Определение термина «право оперативного управления» содержится в статье 46 Модельного закона «Об ограниченных вещных правах», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств от 27 ноября 2015 г. № 43-9[7]. Можно было в законодательстве Республики Беларусь (в ГК) предусмотреть аналогичное определение данного термина. Определение термина «государственный орган» содержится в статье 3 Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь»[8]. Определения понятий «казна Республики Беларусь» (в статье 215 ГК), «казна соответствующей административно-территориальной единицы» (в статье 215 ГК).

Учитывая изложенное, предлагаем определение термина «государственное имущество» для его включения в Указ № 294:

«государственное имущество» – это принадлежащие на праве собственности Республике Беларусь и закрепленные на основании законодательства Республики Беларусь за республиканскими юридическими лицами или принадлежащие на праве собственности соответствующей административно-территориальной единице Республики Беларусь и закрепленные на основании законодательства Республики Беларусь за коммунальными юридическими лицами, либо принадлежащие на праве собственности Республики Беларусь или ее административно-территориальной единице и переданные в соответствии с законодательством Республики Беларусь в безвозмездное пользование негосударственным юридическим лицам и принадлежащие им на праве безвозмездного пользования, а также признаваемые принадлежащими Республике Беларусь или ее соответствующей административно-территориальной единице в соответствии с законодательством и международными договорами Республики Беларусь вещь или их совокупность, деньги, ценные бумаги, права в отношении их: вещные, обязательственные, а также обязанности в отношении их, исключительные права на использование результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг; казна Республики Беларусь (средства республиканского бюджета, золотовалютные резервы, другие объекты, находящиеся только в собственности государства, иные объекты не закрепленные за республиканскими юридическими лицами), а также казна соответствующей административно-территориальной единицы Республики Беларусь (средства местного бюджета и другие объекты, находящиеся только в собственности соответствующей административно-территориальной единицы, иные объекты не закрепленные за коммунальными юридическими лицами).

Рекомендуем включение в указанное законодательство данных определений терминов, что будет способствовать конкретному и однозначному их пониманию в правоприменительной практике.

Библиографический список

1. Системный подход [Электронный ресурс].- URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Системный_подход (дата обращения: 01.03.2019).

2. Бондаренко, Н.Л. Гражданское право. Общая часть: ответы на экзаменационные вопросы /Н.Л.Бондаренко. – 3-е изд., испр. – Минск: Тетралит, 2018. 160 с.

3. Гражданское право. В 3 т. Т.1: учебник /А.В.Каравай [и др.]; под ред. В.Ф.Чигира. – Минск.: Амалфея, 2008. 864 с.

4. Гражданское право. Том 1. Учебник. Издание пятое, переработанное и дополненное. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: «ПБОЮЛ Л.В. Рожников», 2000. 632 с.

5. Гражданский кодекс Республики Беларусь. Банк данных «Законодательство Республики Беларусь». Информационно-поисковая система «Эталон» версия 6.8. (дата обращения: 19.04.2019).

6. Указ Президента Республики Беларусь от 4 июля 2012 г. № 294 «О порядке распоряжения государственным имуществом». Банк данных «Законодательство Республики Беларусь». Информационно-поисковая система «Эталон» версия 6.8. (дата обращения: 19.04.2019).

7. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств № 43-9 «О модельном законе «Об ограниченных вещных правах» (Принято в г. Санкт-Петербурге 27.11.2015). Информационно-поисковая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.04.2019).

8. Закон Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь». Банк данных «Законодательство Республики Беларусь». Информационно-поисковая система «Эталон» версия 6.8. (дата обращения: 19.04.2019).

УДК 342.5

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Гаврилова Ю.А.
к.ю.н., профессор кафедры права и международных отношений КАСУ,
Казахстанско-Американский свободный университет, Республика Казахстан,
Восточно-казахстанская область, г. Усть-Каменогорск.
gavriloyuliya@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена вопросам государственного управления в области охраны и использования объектов историко-культурного наследия. Автор выявляет проблемы в структуре и компетенции органов государственного управления культурным наследием и предлагает пути решения.

Ключевые слова: государственное управление, историко-культурное наследие, законодательство об охране культурного наследия, органы государственного управления историко-культурным наследием.

Annotation: The article is devoted to issues of public administration in the field of protection and use of objects of historical and cultural heritage. The author identifies problems in the structure and competence of state cultural heritage authorities and offers solutions.

Keywords: public administration, historical and cultural heritage, legislation on the protection of cultural heritage, government bodies on historical and cultural heritage.

В Республике Казахстан государственное управление в области охраны и использования объектов историко-культурного наследия осуществляет госу-

дарство в лице уполномоченных органов - Президента РК, Правительства РК, уполномоченного органа – Министерства культуры и спорта РК, а также местных исполнительных органов областей, городов республиканского значения, столицы, районов, городов областного значения. Система этих органов предусмотрена статьей 16 Закона Республики Казахстан от 2 июля 1992 года № 1488-XII «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия».

Сразу следует отметить, что казахстанский законодатель в данном законе отнес Президента к системе органов государственного управления в области защиты, сохранения и использования объектов историко-культурного наследия в Республике Казахстан, при этом, не предусмотрев его компетенцию в данной сфере. Насколько целесообразно относить Президента к органам, осуществляющим государственное управление в области защиты, сохранения и использования объектов историко-культурного наследия в Республике Казахстан? Или же рассматривать отсутствие его компетенции как пробел законодательства? Для того, чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо обратиться к законодательству, регламентирующего статус Президента РК, а также к трудам ученых-юристов, занимающихся проблемами административно-государственного управления.

Согласно п. 1 статьи 40 Конституции РК Президент Республики Казахстан является главой государства, его высшим должностным лицом, определяющим основные направления внутренней и внешней политики государства и представляющим Казахстан внутри страны и в международных отношениях. Конституционный закон РК от 26 декабря 1995 года «О Президенте Республики Казахстан», определяющий правовое положение Главы государства, закрепляет, что Президент Республики обеспечивает согласованное функционирование всех ветвей государственной власти и ответственность органов власти перед народом (п.3, ст. 1). Эта же норма предусмотрена и в п.3 ст.40 Конституции РК. Конституционный Совет Республики Казахстан в научно-практическом комментарии дает следующее толкование п.3 ст. 40 Конституции РК: «Глава государства, будучи в равной мере дистанцирован от ветвей власти, обеспечивает ответственность органов власти перед народом»[1].

Другими словами, Главе государства отводиться роль, которая «не принадлежит ни к одной из ветвей власти, играя ключевую роль в системе высших органов государственной власти»[2]. Эта же позиция четко определена известнейшим казахстанским ученым-юристом, доктором юридических наук Малиновским В. По его мнению, «с предназначением политического координатора и арбитра связано и центральное местоположение Президента Казахстана в политической системе»[3]. Президент обладает полномочиями координации в системе трех ветвей органов государственной власти.

Таким образом, включение Президента в число органов, осуществляющих государственное управление в области защиты, сохранения и использования объектов историко-культурного наследия в Республике Казахстан, с одной стороны, противоречит его конституционно-правовому статусу. С другой стороны, сама статья 16 Закона Республики Казахстан «Об охране и использовании объ-

ектов историко-культурного наследия» имеет следующее название: «Должностные лица и система органов государственного управления в области защиты, сохранения и использования объектов историко-культурного наследия». Если предположить, что законодатель относит Президента к должностному лицу, то включение его в рассматриваемую систему является логичным. Следовательно, далее, по тексту Закона должна быть прописана его компетенция, наряду с Компетенцией Правительства, уполномоченного органа; местных исполнительных органов областей, городов республиканского значения, столицы, районов, городов областного значения. Однако, прописав функциональное значение всех вышеперечисленных органов в статьях 17,18,19 Закона Республики Казахстан «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия» законодатель не предусмотрел закрепление компетенции Президента РК в области защиты, сохранения и использования объектов историко-культурного наследия.

По нашему мнению, законодателю необходимо внести изменения или дополнения в Закон РК «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия», касающиеся компетенции Президента РК в области защиты, сохранения и использования объектов историко-культурного наследия.

Далее, в систему органов, осуществляющих государственное управление в области защиты, сохранения и использования объектов историко-культурного наследия в Республике Казахстан согласно статье 16 входят Правительство РК, входящий в структуру Правительства уполномоченный орган – Министерство культуры и спорта Республики Казахстан, а также местные исполнительные органы областей, городов республиканского значения, столицы, районов, городов областного значения. Заметим, что в статье 16 в иерархическом порядке, отвечающем вертикальной соподчиненности, перечислены государственные органы в области защиты, сохранения и использования объектов историко-культурного наследия. Однако, дальнейшая компетенция указанных органов, изложенная в Законе в ст. 17 «Компетенция Правительства Республики Казахстан в области охраны и использования объектов историко-культурного наследия», ст. 18 «Компетенция местных исполнительных органов областей, городов республиканского значения, столицы, районов (городов областного значения)», ст. 19 «Компетенция уполномоченного органа» не соответствует логике статьи 16 Закона. Предлагаем законодателю устранить данную небрежность в Законе, путем закрепления в статье 18 Компетенции уполномоченного органа, а статьей 19 предусмотреть компетенцию местных исполнительных органов областей, городов республиканского значения, столицы, районов (городов областного значения).

Согласно Положению, утвержденному Постановлению Правительства РК от 23 сентября 2014 года №1003, Министерство культуры и спорта Республики Казахстан является государственным органом Республики Казахстан, осуществляющим руководство, межотраслевую координацию и государственное регулирование в сферах культуры, охраны и использования объектов историко-культурного наследия, развития языков, государственных символов, архивного дела и документационного обеспечения управления, электронного документо-

оборота и электронных архивов, физической культуры и спорта, игорного бизнеса, лотереи и лотерейной деятельности, туристской деятельности[4].

Что касается структуры самого уполномоченного органа, то согласно этому же Постановлению, Министерство имеет ведомства: Комитет языковой политики; Комитет по делам спорта и физической культуры; Комитет индустрии туризма. Как видим, во внутренней структуре Министерства на сегодняшний день нет ведомства, которое бы реализовывало главную функцию, связанную с культурой, охраной и использованием объектов историко-культурного наследия, что также вызывает тревогу с точки зрения реального обеспечения функции государственного управления по сохранению и восстановлению духовной и материальной культуры.

Библиографический список

1. Конституция Республики Казахстан. Научно-практический комментарий 2015г. [Электронный ресурс]. - URL: https://online.zakon.kz/. (дата обращения 22.03.2019).

2. Прокофьев В.Н. Конституционно-правовой статус Президента Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovoy-status-prezidenta-respubliki-kazahstan (дата обращения 22.03.2019).

3. Президент Республики Казахстан: Конституция и новый Казахстан в меняющемся мире// Юрист. – 2010. - №8. [Электронный ресурс]. - URL: https://journal.zakon.kz/217199-prezident-respubliki-kazakhstan.html (дата обращения 22.03.2019).

4. Положение о Министерстве культуры и спорта Республики Казахстан. Утверждено Постановлением Правительства РК от 23 сентября 2014 года №1003. [Электронный ресурс]. - URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31613972&doc_id2=36337059#activate_doc=2&pos=33;-89&pos2=30;-96 (дата обращения 22.03.2019).

УДК 349.6

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ КАК ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Карыбаева А.С.
доцент, кандидат юридических наук
Юридический Колледж КГЮА при Правительстве Кыргызской Республики
aselya.karybaeva@mail.ru

Аннотация: В научной статье будут рассмотрены проблемы охраны окружающей среды, а также право человека на благоприятную окружающую сре-

ду. Право человека на благоприятную окружающую среду относится к категории естественных, неотчуждаемых прав индивида и подлежит безусловному национально - и международно-правовому признанию и защите.

Ключевые слова: окружающая среда, законодательство, экологическое, граждане, государство.

Annotation: The scientific article will address the problems of environmental protection, as well as the human right to a favorable environment. The human right to a favorable environment belongs to the category of the natural, inalienable rights of the individual and is subject to unconditional national and international legal recognition and protection.

Key words: environment, legislation, environmental, citizens, state.

Охрана окружающей среды - система государственных и общественных мер, направленных на обеспечение гармоничного взаимодействия общества и природы на основе сохранения и воспроизводства природных богатств, рационального использования природных ресурсов, улучшения качества окружающей человека жизненной среды [2, с. 2]. Одним из основных направлений к решению проблем охраны окружающей среды является развитие и совершенствование природоохранного законодательства. Важно подчеркнуть, что законотворческий процесс по вопросам взаимодействия общества и природы в последнее время весьма динамичен. По мере необходимости в принимаемые законы вносятся поправки и дополнения, иногда новые законы принимаются как реакция на острую экологическую проблему, а локомотивом развития законодательства об охране природы служила и служит забота о биосферносовместимом природопользовании.

Проблемы охраны окружающей среды носят общепланетарный характер, требуют принятия срочных комплексных мер на национальном и международном уровнях. Благоприятную окружающую среду необходимо рассматривать в качестве общего достояния всех живущих на Земле народов. Она должна быть сохранена в неизменном состоянии для будущих поколений людей. Перед человечеством как никогда ранее остро стоит вопрос о необходимости укрепления всеобщей экологической безопасности. Усилия в этой области должны быть направлены прежде всего на создание оптимальных политических, экономических, социальных, правовых и иных условий для реализации человеком своих экологических интересов. Решение столь важной и сложной задачи может быть найдено лишь благодаря объединению и координации усилий всех членов мирового сообщества по обеспечению устойчивого экономического и экологического развития.

Каждый гражданин имеет право на благоприятную для жизни и здоровья окружающую среду и на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу неблагоприятным воздействием на окружающую среду, в результате осуществления хозяйственной или иной деятельности[6,с.70].

Основными принципами охраны окружающей среды являются:

- принцип приоритетности;

- принцип равновесия;
- принцип комплексности;
- принцип сдерживания;
- принцип ответственности;
- принцип открытости[4, с.38].

Право граждан на благоприятные условия жизни предполагает реальные возможности проживания в здоровой, отвечающей международным и государственным стандартам окружающей природной среде, участвовать в подготовке, обсуждении и принятии экологических решений, осуществлять контроль за их реализацией, получать надлежащую экологическую информацию, право на возмещение ущерба. Признавая в целом соответствие современного законодательства КР в области окружающей среды данной системе международных стандартов, в то же время следует указать на необходимость выработки качественно новой государственной экологической политики, направленной на создание более эффективного комплекса организационно-экономических и юридических гарантий реализации гражданами права на благоприятную окружающую среду. Кроме того, должна быть продолжена работа по совершенствованию национального экологического законодательства. При этом по нашему мнению, особое внимание следует уделить проблемам формирования и функционирования юридического и организационного механизмов реализации гражданами их конституционного права на благоприятную окружающую среду. Принимаемые законодательные акты в области окружающей среды должны прежде всего учитывать политические и социально-экономические и иные реалии современного общества и в то же время быть ориентированными на выполнение требований международных стандартов относительно права человека на благоприятную окружающую среду. В формировании государственной экологической политики необходимо исходить из конкретных интересов каждого индивида в отдельности и общества в целом. Граждане и их общественные объединения обладают конституционным правом принимать непосредственное участие в создании альтернативных, независимых экологических программ и проектов, в выработке государственной политики в сфере окружающей среды.

Право граждан на благоприятную окружающую среду обеспечивается различными формами, среди которых: нормирование качества окружающей среды; меры, связанные с предотвращением различных экологически вредных последствий; оздоровление окружающей среды; предупреждение и ликвидация последствий аварий, техногенных катастроф; государственный контроль за состоянием окружающей среды и соблюдением природоохранного законодательства. Особая роль в обеспечении права на благоприятную окружающую среду принадлежит органам государственной власти, органам местного самоуправления, общественным объединениям и гражданам, чья деятельность, в конечном итоге, создает благоприятные условия для реализации и правовой защиты обозначенного выше права.

В законодательстве содержатся юридически значимые критерии оценки благоприятного состояния окружающей среды и соответственно соблюдения

данного субъективного права. Прежде всего, юридическими критериями служат нормативы качества окружающей среды и нормативы предельно допустимых вредных воздействий на окружающую среду, предусмотренные Законом КР «Об охране окружающей среды», иными актами экологического законодательства. Такие нормативы направлены преимущественно на обеспечение чистоты окружающей среды, что является лишь одной, хотя и важной характеристикой благоприятного состояния окружающей среды.

Библиографический список

1. Конституция Кыргызской Республики (принята референдумом всенародным голосованием 27 июня 2010 года) (с изменениями от 28.12.2016 г.)
2. Закон КР от 16 июня 1999 года №53 Об охране окружающей среды (В редакции Законов Кыргызской Республики от 04.02.2002 г. №22, 11.06.2003 г. №101, 11.08.2004 г. №113, 06.08.2005 г. №124, 27.04.2009 г. №131, 11.03.2013 г. №36, 13.03.2014 г. №42, 12.01.2015 г. №3 (вступил в силу 12.08.2015 г.), 16.01.2015 г. №17 (вступил в силу 23.07.2015 г.), 07.07.2015 г. №142, 25.07.2016 г. №135, 26.05.2018 г. №55)
3. М.В. Гальперин: Общая экология. – М.: Инфра-М, 2008 – 336 с.
4. Дубовик О. Л. Экологическое право: Учебник - М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007.С. 461
5. Павлов А.Н.: Экология: рациональное природопользование и безопасность жизнедеятельности: Учебное пособие. - М.: Высшая школа, 2005 - 343 с.
6. Экологическое право. Учебник для вузов / Н.Д. Эриашвили, Ю.В. Трунцевский, В.В. Гучкова. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. - 367 с.

УДК 342.4

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Кожуганова Д.З.
доктор PhD, доцент кафедры «Права и международных отношений»
Казахстанско-Американского свободного университета, Республика Казахстан

Аннотация: Данная статья посвящена сущности и значению конституционализма. На современном этапе развития в Республики Казахстан вопросы конституционализма занимают ведущее место в правовой науке. Развитие и функционирование органов государства зависит от соблюдения и правильного применения конституционных норм, с чем и связана актуальность проводимого исследования.

Ключевые слова: Конституция, конституционализм, конституционные нормы, государство, общество.

***Annotation*:** This article focuses on to the essence and meaning of constitutionalism. At the present stage of development of the Republic of Kazakhstan issues of constitutionalism take a leading position place in the legal science. The development and functioning of state bodies depends on the observance and proper application of constitutional norms, which is the reason for the relevance of the research that is being conducted.

Keywords: Constitution, constitutionalism, constitutional norms, state, society.

В современной науке конституционного права уделяется пристальное внимание вопросам развития идеи конституционализма, этот связано со многими демократическими процессами в стране. Конституционализм, как правило, всегда связывался с нормами действующей в государстве и обществе Конституции, которая определяет основополагающие начала деятельности всех государственных органов.

Конституционализм - это многоаспектное понятие. С одной стороны он означает, что в обществе имеется основной закон государства (конституция), регламентирующий правоотношения субъектов права. С другой стороны является индикатором механизма соблюдения прав человека в обществе.

Однако с содержательной точки зрения под конституционализмом понимается не просто система установленных в обществе конституционных порядков, а конституционный режим функционирования государства.

В государстве может быть конституция, но это не может являться индикатором наличия конституционализма, и наоборот. Например, Великобритания не имеет писаной Конституции и строго регламентированной системы разделения властей, однако это не мешает данному государству реализовывать практику конституционализма и соблюдать общеустановленные конституционные нормы, тогда как многие бывшие союзные государства при наличии основного закона в стране, долго не могли выстроить свою деятельность в соответствии принципами конституционализма[1].

Современное развитие мировых держав в контексте социально-политических преобразований порождает проблему всеобщего переосмысления идей и теорий конституционализма, порождающих его норм и институтов. Важнейшей составляющей понимания конституционализма в ходе трансформации политико-правовой системы является анализ динамики его понятия как неотъемлемой составляющей современного политического процесса и условия достижения и поддержания политического порядка.

Сам термин «конституционализм» происходит от термина «конституция» (лат. «constitutio» означает установление, учреждение, построение; первоначально использовалось для обозначения правовых актов римских императоров)[2].

Следует отметить, что по данному вопросу, нам близка позиция известного государствоведа Г. Арутюняна, который отмечает, «Конституционализм» – это системное, осознанное обществом, осмысленное наличие основополагающих конституционных ценностей и принципов в реальной общественной жизни, на

чем базируется вся правовая система. Нормативные характеристики данного принципа предполагают наличие необходимых и достаточных правовых гарантий для осознанной реализации прав и свобод во всей системе права и общественных отношений. В правовом государстве любая норма права должна проявляться как элемент конституционно взаимосогласованной системы правового поведения человека и государства. Понятие конституционализма необходимо воспринимать не как один из основных принципов конституционного права, а как фундаментальный принцип права в целом. Это в первую очередь идеал цивилизованной саморегуляции, к чему должно стремиться общество[2, с. 16].

Совокупность принципов, ограничивающих властное могущество государства и определяющих взаимоотношения между гражданским обществом и властью отражает понятия конституционализма.

Сущность конституционализма выражается в общественном согласии по вопросам государственного и общественного строительства, которое выступает необходимым условием его прочности.

Конституционализм должен учитывать культурно-организационный опыт в области устройства отношений государства и общества, граждан и политических структур. Это совокупность традиций, порожденных опытом различных исторических стадий. Этот опыт имеет огромное значение для уяснения основных исторических особенностей конституционализма, а также для объяснения многих проблем конституционного развития на современном этапе, для выработки перспектив развития конституционализма в РК.

Анализ практики показал, что соблюдение следующих принципов обеспечит качественный подход к реализации идей конституционализма:

1. Народный суверенитет – его поддержание позволит претворить в жизнь волю народа.

2. Господство права и правового государства - означает, что все решения, принимаемые государственными органами, являются всего лишь актом исполнения конституции.

3. Разделение властей предполагает организационную независимость трех ветвей государственной власти: законодательной, исполнительной и судебной.

Согласованное взаимодействие всех ветвей государственной власти осуществляется с помощью системы сдержек и противовесов, заложенных в полномочиях различных государственных органов.

4. Плюрализм предполагает многообразие мнений по разным вопросам государственного строительства, которые должны быть учтены властью.

5. Унитарность, то есть неделимость территории, как правило, обеспечивает однообразное применение действующего законодательства во всех административно-территориальных единицах страны[3].

Реализация конституционализма проявляется через множество аспектов общественной и государственной жизни, одним из которых выступает механизм конституционного контроля. В Республике Казахстан, данную функцию осуществляет Конституционный совет РК в форме предварительного и последующего контроля. Очень важно не просто иметь юридическую конституцию,

но и ее фактическое воплощение. Именно для этого создан такой орган как Конституционный Совет, который помогает разъяснить нормы Конституции и скорректировать текущее законодательство, оградить от нарушения закрепленных в основном законе прав и свобод личности.

Таким образом, конституционализм является правовой гарантией развития и функционирования всех институтов правового государства.

Библиографический список

1.Лисицын Д.В. Понятие, сущность и принципы конституционализма в России [Электронный ресурс]. Д.В. / Лисицын. // www.superinf.ru (дата обращения 04.04.2019)

2. Арутюнян Г. Аксиологические особенности трансформационного конституционализма в Казахстане. [Текст] / Г. Арутюнян. // Құқық және мемлекет. – 2015 -№ 3 (68). С. 16-18.

3.Теоретические основы конституционализма [Электронный ресурс]. // www.studwood.ru (дата обращения 04.04.2019).

УДК 342.518

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ЗАДАЧИ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА

Умитчинова Б.А.
докторант специальности «Юриспруденция» Казахстанско-Американского свободного университета, Казахстанско-Американский свободный университет
umitchinova.botagoz@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены основные направления и задачи деятельности таможенных органов РК по обеспечению экономических интересов государства на современном этапе. Выделен ряд ключевых проблем в осуществлении деятельности таможенной службы в связи с объединением таможенных и налоговых органов Республики Казахстан в единый фискальный орган и проанализирована эффективность его деятельности.

Ключевые слова: таможенные органы, экономическая безопасность, ЕАЭС, функции и задачи таможенных органов.

Annotation: The article describes the main directions and tasks of the customs authorities of the Republic of Kazakhstan to ensure the economic interests of the state at the present stage. A number of key problems in the implementation of the customs service in connection with the unification of the customs and tax authorities of the Republic of Kazakhstan into a single fiscal authority are highlighted and the effectiveness of its activities.

Keywords: customs authorities, economic security, EAEU, functions and tasks of customs authorities.

Значительные изменения в экономической, политической и правовой сферах, произошедшие в Республике Казахстан за последнее время в связи со вступлением в Евразийский экономический союз (ЕАЭС), обусловили новые подходы к развитию внешнеэкономической деятельности. Качество, структура и безопасность потребительского рынка республики, развитие внешнеэкономических связей страны зависит от добросовестного и надёжного функционирования института таможенной службы. Эффективность таможенных органов определяется оперативным и чётким функционированием организационной структуры и наличием положительных оценок их деятельности.

Приоритетной задачей таможенных органов является обеспечение экономической безопасности государства как важнейшей составляющей национальной безопасности. Данная задача является крайне сложной в силу неоднородности состава участников ЕАЭС, прежде всего в части социально-экономического развития стран, что приводит подчас к несовпадению экономических интересов, которые служат основой экономической безопасности[1, с. 169].

Экономическая безопасность обусловливается уровнем развития экономики, которая представляет собой народно-хозяйственный комплекс, состоящий из стадий экономической деятельности: производство, распределение, обмен и потребление[2].

Согласно статьи 4 Закона Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» от 6 января 2012 года № 527-IV, экономическая безопасность является одним из видов национальной безопасности и представляет собой состояние защищенности национальной экономики Республики Казахстан от реальных и потенциальных угроз, при котором обеспечивается устойчивое ее развитие и экономическая независимость[3].

Экономическую безопасность в качестве правовой категории можно определить как состояние защищенности общественных отношений в сфере производства, обмена, распределения и потребления материальных и духовных благ от реальных и потенциальных угроз, которое должно надежно обеспечить существование и прогрессивное развитие личности, государства и общества[4, с. 15].

Функции таможенных органов по обеспечению экономической безопасности можно классифицировать следующим образом: фискальная, защитная, стимулирующая, протекционистская, контрольная, правоохранительная, информационная[5]. В описании разработанной Всемирной таможенной организацией программы COLUMBUS (Программа оценки работы и определения потребностей таможенной службы) можно увидеть понимание организацией таможенных функций и тенденций их развития. В качестве основных функций таможни были определены следующие:

- сбор и учет доходов;
- реализация государственной торговой и фискальной политики, внесение предложений по ее развитию;

- развитие торговли;

- защита государства и общества;

- ообеспечение безопасности международных торговых цепочек и выполнение связанных с этим международных обязательств; предоставление точных статистических данных[6, с. 128].

В Республике Казахстан в ходе административной реформы наблюдается тенденция объединения и централизации государственных органов. Так, в соответствии с Указом Президента Республики Казахстан от 6 августа 2014 года № 875 «О реформе системы государственного управления Республики Казахстан», Постановлением Правительства Республики Казахстан от 14 августа 2014 года № 933 «О ведомствах центральных исполнительных органов Республики Казахстан» таможенные, налоговые и частично органы финансовой полиции (на данный момент - Служба экономических расследований) объединены в один орган – Комитет государственных доходов, входящий в состав Министерства финансов РК. Однако, действенность реорганизации таможенных органов РК на эффективность выполнения их основных задач и функций вызывает противоречивые отзывы как в научных кругах, так и у самих работников данного органа.

Анализ деятельности объединенного таможенного и налогового органа показывает, что механическое объединение данных органов не привело к качественным изменениям эффективности их функционирования. На сегодняшний день можно выделить некоторые проблемы в осуществлении деятельности созданного органа государственных доходов:

- объединение органов усиливает фискальный характер таможенных органов, но не способствует эффективному осуществлению не менее важных направлений их деятельности, в том числе контрольных и правоохранительных;

- недостаточное использование современных информационных технологий в ходе взаимодействия между органами, осуществляющими таможенные и налоговые функции;

- недостаточное развитие методических и организационных основ внутреннего взаимодействия.

В связи с этим, перед таможенной службой Республики Казахстан стоит ряд приоритетных задач по повышению качества и эффективности выполнения функций по обеспечению экономической безопасности государства:

- усиление контрольных и правоохранительных полномочий таможенных органов. Разработка единых документов по организации проведения проверок участников ВЭД, налогоплательщиков и лиц, осуществляющих деятельность в области таможенного дела;

- создание единого электронного информационного банка данных информации об участниках ВЭД, налогоплательщиках, товаропотоках как на трансграничном перемещении товаров, так и на внутреннем рынке Республики Казахстан;

- методологическое взаимодействие, которое осуществляется в целях: повышения профессиональной подготовки должностных лиц ведомства, органи-

зации изучения зарубежного опыта в области таможенного и налогового контроля налогоплательщиков; проведения ознакомления с новыми методиками налогового, таможенного и валютного контроля; выявления новых тенденций и схем таможенных и налоговых правонарушений и преступлений для разработки совместных мер их пресечения.

Одним из вопросов для совершенствования и качественного улучшения функционирования таможенных органов является обязательное внедрение критериев оценки их деятельности.

На данный момент выделяют несколько ключевых проблем с современной системой показателей эффективности деятельности таможенных органов:

1) отсутствие единой, сбалансированной системы показателей для таможенных органов;

2) отсутствие достаточной публичной информации для расчета и оценки органов власти;

3) дублирование и ненужные детали в показателях эффективности;

4) внутренний подход к разработке и мониторингу показателей [7, с. 38].

Приоритетные направления и задачи таможенных органов объективно определяются закономерностями и тенденциями развития мирохозяйственных связей и отношений, а также условиями, закономерностями и тенденциями социально-экономического развития, политиками конкретного государства в сфере внешней торговли. Для казахстанской таможенной службы такие факторы порождаются, с одной стороны, условиями членства Республики Казахстан в ЕАЭС, и в то же время необходимостью защиты экономического суверенитета и безопасности государства, внутреннего рынка, отечественной торговли и промышленности.

Библиографический список

1. Ганеева М.В. Внутренние угрозы экономической безопасности Евразийского экономического союза / М.В. Ганеева // Вестник РУДН. Серия: Экономика. – 2017 - Том 25, №2. С.168-177.

2. Быковский В.К. Понятие экономической безопасности государства: правовой аспект / В.К. Быковский [Электронный ресурс]. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-ekonomicheskoy-bezopasnosti-gosudarstva-pravovoy-aspekt. (дата обращения 25.03.2019).

3. Закон Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» от 6 января 2012 года № 527-IV [Электронный ресурс]. - URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527. (дата обращения 25.03.2019).

4. Малумов Г.Ю. Конституционно-правовой статус системы экономической безопасности Российской Федерации и ее субъектов: автореф. дис. ... канд. юр. н. - М., 2009. С. 15.

5. Дробот Е.В., Шлепова К.О. Роль таможенных органов в обеспечении экономической безопасности страны / Е.В. Дробот, К.О Шлепова. // Экономические отношения. – 2012 - № 2 [Электронный ресурс]. - URL: https://creativeconomy.ru/lib/37336) (дата обращения 28.03.2019).

6. Чеверс А. Определение таможенных функций в условиях экономической интеграции и глобализации / А. Чеверс // Таможенный научный журнал ТАМОЖНЯ. – 2013 - № 2. С.123-134.
7. Bobrova A.V. Assessment of the performance of Russian customs authorities / A.V. Bobrova // World Customs Journal. – 2013 - Volume 11, № 2. С.37-48.

УДК 347

ПРОБЛЕМЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ САМОВОЛЬНОЙ ПОСТРОЙКИ

Чиконова Л.В.
кандидат политических наук, доцент кафедры гражданского права, философии и социологии Горно-Алтайского государственного университета
tchikonowa@yandex.ru

Аннотация: В настоящей статье исследуются проблемы, возникающие при легализации самовольной постройки. Автор анализирует указанные проблемы путем выявления ее существенных признаков, основываясь на законодательных и научных определениях, а также судебную практику о признании права собственности на самовольные строения. По результатам исследования делает теоретические и практические выводы, выявляя тенденции развития законодательства Российской Федерации по данной теме.

Ключевые слова: понятие самовольной постройки, квалифицирующие признаки самовольной постройки, критерий самовольности; судебный и административный порядок сноса самовольных строений.

Annotation: This article examines the problems arising from the legalization of unauthorized construction. The author analyzes these problems by identifying its essential features, based on legislative and scientific definitions, as well as judicial practice on the recognition of ownership of unauthorized structures. According to the results of the study, it makes theoretical and practical conclusions, identifying trends in the development of the legislation of the Russian Federation on this topic.

Keywords: the concept of unauthorized construction, qualifying signs of unauthorized construction, criterion of unauthorized, judicial and administrative procedure for the demolition of unauthorized buildings.

Вопросы легализации самовольной постройки неоднозначно трактуется как в законодательстве Российской Федерации, так и в правоприменительной практике. С одной стороны, законом предусмотрена возможность приобретения права собственности на самовольную постройку, а с другой – суды и органы местного самоуправления принимают решения о сносе самовольной постройки. Официальное определение самовольной постройки содержится в статье 222 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)[1,ст.3301] самовольной постройкой является здание, сооружение или другое строение, возве-

денные, созданные на земельном участке, не предоставленном в установленном порядке, или на земельном участке, разрешенное использование которого не допускает строительство на нем данного объекта, либо возведенные, созданные без получения на это необходимых разрешений или с нарушением градостроительных и строительных ном и правил». Из этого определения следует, что законодателем к самовольным постройкам отнесены «здание, сооружение или другое строение». Нельзя не отметить, что по сравнению с прежней редакцией пункта 1 статьи 222 ГК РФ законодатель исключил словосочетание «иное недвижимое имущество». Однако сложившаяся судебная практика предлагает рассматривать самовольную постройку, по сути, как недвижимую вещь. В частности, этот тезис подтверждается пунктом 29 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 года № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (далее – Постановление № 10/22)[2, с. 80–104].

В качестве одного из признаков самовольной постройки является возведение ее на земельном участке, правовой режим которого не допускает осуществление строительства. Исходя из редакции ст. 7 Земельного кодекса РФ правовой режим земель определяется исходя из их принадлежности к той или иной категории и разрешенного использования в соответствии с зонированием территорий.

Зонирование территории для строительства регламентируется Градостроительным кодексом Российской Федерации. Для этого в пункте 7 статьи 1 кодекса вводится понятие «территориальные зоны», то есть зоны, для которых в правилах землепользования и застройки определены границы и установлены градостроительные регламенты. В свою очередь, под градостроительным регламентом в ГрК РФ [3,ст.16] понимаются устанавливаемые в пределах границ соответствующей территориальной зоны виды разрешенного использования земельных участков. Территориальная зона – это зона с установленными границами и градостроительными регламентами. Правилами землепользования и застройки устанавливается градостроительный регламент для каждой территориальной зоны, а также виды разрешенного использования земельного участка и объектов недвижимости. Именно поэтому в случае возведения постройки на земельном участке, правовой режим которого не допускает создание объектов капитального строительства или с нарушением правил градостроительного зонирования, постройка будет считаться созданной на земельном участке, не отведенном для этих целей, т.е. самовольной. Такая правовая позиция отражена в Обзоре судебной практики по делам, связанны с самовольным строительством, утвержденным Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19 марта 2014 года[4,с.33]. Можно предположить, что законодатель, учитывая указанную правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации, в действующей редакции статьи 222 ГК РФ использовал более широкую формулировку критерия самовольности, установив, что в случае если земельный участок не

предоставлен для целей строительства в установленном порядке или его разрешенное использование не допускает строительства на нем объектов, то объект, возведенный на нем, является самовольным. Например, земли сельскохозяйственного назначения используются для сельскохозяйственного производства, научно-исследовательских и иных целей, но не для жилищного строительства. Законодатель ужесточил критерий самовольности, видимо, чтобы предотвратить возможность легализации таких построек даже в судебном порядке.

В прежней и ныне действующей редакциях ГК РФ признаком самовольной постройки является отсутствие разрешения на строительство, который является основным документом, дающим право на строительство (ст.51 Градостроительного кодекса Российской Федерации.

Разрешение на строительство представляет собой документ, подтверждающий соответствие проектной документации требованиям градостроительного плана земельного участка и дающий право застройщику осуществлять строительство, реконструкцию объектов капитального строительства, а также их капитальный ремонт (п. 1 ст. 51 ГрК РФ). В этой же статье определено, что разрешение не требуется, в частности, в случае строительства гаража на земельном участке, предоставленном для целей, не связанных с предпринимательской деятельностью; строительства, реконструкции объектов индивидуального жилищного строительства; объектов, не являющихся объектами капитального строительства (киосков, навесов и т. д.); объектов вспомогательного использования (заборы, калитки, теплицы, бани, сараи и т. п.). Однако же такие строения могут быть самовольными, но для их строительства не требуется разрешение, которое является квалифицирующим признаком самовольной постройки.

Вместе с тем, с одной стороны, судебная практика показывает, что критерием самовольности является отсутствие разрешения на строительство, но с другой стороны, отсутствие такого разрешения не является препятствием для его легализации как объекта права собственности.

Такая правовая позиция содержится в ряде судебных постановлений. Так, в Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2007 года, утвержденном постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации августа 2007 года[5, с.9] указано, что по смыслу статьи 222 ГК РФ право собственности на жилой дом, возведенный гражданином без необходимых разрешений на земельном участке, предоставленном ему по договору аренды для строительства жилья может быть признанно без необходимых разрешений. В пункте 26 Постановления № 10/22 разъяснено, что само по себе отсутствие разрешения на строительство не может свидетельствовать о самовольности построек и не может служить основанием для отказа в иске о признании права собственности на самовольную постройку. В то же время суд должен будет выяснить, предпринимало ли лицо, создавшее самовольную постройку, надлежащие меры по ее легализации, в частности, для получения разрешения на строительство и (или) акта ввода объекта в эксплуатацию. Иск о признании права собственности на самовольную постройку под-

лежит удовлетворению при установлении судом того, что единственным признаком самовольной постройки является отсутствие разрешения на строительство и (или) акта ввода объекта в эксплуатацию, для получения которых лицо, создавшее самовольную постройку, предпринимало меры, то есть обращалось в орган местного самоуправления с заявлением о выдаче разрешения на строительство или акта ввода постройки в эксплуатацию.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что обязательность получения разрешения на строительство объектов установлена в статье 51 Градостроительного кодекса Российской Федерации и его отсутствие является нарушением этой нормы закона. Вместе с тем судебная практика допускает возможность сохранения постройки, если застройщик хотя бы пытался его получить.

Анализируя судебную практику требований истцов об обязании осуществить снос самовольных построек, В.А. Болдырев отмечал, что из 25 судебных актов Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации о сносе шесть по своим техническим характеристикам могут считаться объектами недвижимости, семь таковыми не являются (павильоны, киоски, заграждения, коробы кондиционеров, волоконно-оптические линии связи и другие конструкции)[6,с.20].

В юридической литературе существует мнение, что под необходимым разрешением на строительство объекта следует понимать не только дозволение органов публичной власти, но и дозволение лиц, чей частноправовой интерес имеет значение при возведении строений. В первую очередь речь идет о собственниках земельных участков или лиц, обладающих в отношении них вещным правом. Подобный вывод подтверждается нормами статей 260, 263 и 264 ГК РФ, нормы которых позволяют собственнику земельного участка разрешать строительство на своем участке другим лицам. При этом собственник земельного участка должен принять меры по выполнению градостроительных и строительных норм и правил, в частности, получить разрешение на строительство.

Например, А.Ф. Бакулин и А.В. Петухова считают, что возведение застройщиком на чужом земельном участке здания или сооружения без получения явно выраженного и документально оформленного согласия собственника либо без его ведома, влечет признание объекта самовольной постройкой по частноправовому основанию в связи с нарушением норм гражданского и земельного права[7,с.122–123]. В частности, право собственности застройщика на самовольную постройку может признаваться при условии выплаты компенсации собственнику земельного участка и при соответствии постройки градостроительным и строительным нормам и правилам. Эта позиция нашла подтверждение в правоприменительной практике на региональном уровне. Так, например, в Бюллетене судебной практики Омского областного суда говорится, что к числу необходимых условий соблюдения градостроительных и строительных норм и правил следует относить разрешение на строительство собственника земельного участка иным лицам, поскольку при отсутствии подобного разрешения в соответствии с положениями статьи 301 ГК РФ собственник вправе истребо-

вать соответствующую часть земельного участка из чужого незаконного владения[8, с. 19].

В то же время судебная практика на федеральном уровне свидетельствует об ином. Например, в пункте 25 Постановления № 10/22 разъяснено, что в случае осуществления строительства на земельном участке, не принадлежащем застройщику, право собственности может быть признано за правообладателем земельного участка, а застройщик имеет лишь право требовать от правообладателя возмещения расходов на постройку.

В целях защиты прав застройщика на чужом земельном участке логично было бы требование к заявлению для получения разрешения на строительство прилагать заключение о предоставлении разрешения на строительство правообладателя земельного участка или его согласие. Однако в пункте 9 статьи 51 ГрК РФ определен исчерпывающий перечень документов, необходимых для получения разрешения на строительство. Истребование дополнительных документов законом не допускается, а пункт 10 запрещает требовать иные документы.

Таким образом, на законодательном уровне необходимо решить вопрос о процедуре и правилах получения разрешения на строительство объектов на земельных участках, не принадлежащих застройщикам. Целесообразно было бы добавить такое разрешение в указанный в ГрК РФ перечень.

Одним из признаков самовольной постройки ГК РФ являлось нарушение застройщиком градостроительных и строительных норм и правил. При этом такое нарушение должно иметь существенный характер. В официальном определении самовольной постройки (п. 1 ст. 222 ГК РФ) не указан существенный характер нарушений, следовательно, любое отдельное или незначительное нарушение градостроительных норм и правил может квалифицировать постройку как самовольную. Между тем, как свидетельствует правоприменительная практика, существенность имеет принципиальное значение. На существенный характер нарушений обращено внимание в пункте 26 Постановления № 10/22, Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по делам, связанным с самовольным строительством. Верховным Судом Российской Федерации разъяснено, что, рассматривая иски о признании права собственности на самовольную постройку, суд устанавливает, допущены ли при ее возведении существенные нарушения градостроительных и строительных норм и правил. Официальное понятие существенности нарушения градостроительных и строительных норм и правил законодателем не установлено. В упомянутом Обзоре Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что существенность нарушений устанавливается судами на основании совокупности доказательств применительно к особенностям конкретного дела. Также Верховный Суд отмечает, что к существенным нарушениям строительных норм и правил суды относят такие неустранимые нарушения, которые могут повлечь уничтожение постройки, причинение вреда жизни, здоровью человека, повреждение или уничтожение имущества других лиц.

В связи с этим представляет интерес мнение О.В. Гумилевской о необходимости внесения изменения в статью 222 ГК РФ в части уточнения, какие нарушения градостроительных и строительных норм и правил должны приниматься во внимание. Лишь те, которые закреплены «в соответствующих технических регламентах в предусмотренном законом порядке[9, с. 112–113]. Возможно, такие изменения будут способствовать возведению объектов, гарантирующих безопасность жизни и здоровья граждан.

К настоящему времени в форме федерального закона приняты два технических регламента, имеющих отношения к строительной деятельности: Федеральный закон от 30 декабря 2009 года № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» [10,с.5] и Федеральный закон от 22 июля 2008 года № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности»[11, ст.3579] в которых не содержится перечень критериев, указывающих на существенность такого рода нарушений. Также неясно, какого уровня градостроительные нормативы и правила (федерального или уровня субъектов) подлежат применению при оценке «существенности нарушений».

Например, на региональном уровне, рассматривая в апелляционном порядке законность решения Горно-Алтайского городского суда об отказе требования о сносе самовольной постройки, Верховный суд Республики Алтай в апелляционном определении от 20 августа 2014 года по делу № 33-669 указал, что строительство объекта проведено с незначительными нарушениями строительных и санитарных норм, что само по себе не является основанием для сноса самовольной постройки. Верховный Суд Российской Федерации в Обзоре от 19 марта 2016 года считает обоснованным решения суда об отказе в удовлетворении исковых требований о сносе гаража, который возведен с нарушением требований отступа от межевой границы, но это нарушение не является существенным нарушением градостроительных и строительных норм и правил, противопожарные разрывы соблюдены, опасности для жизни и здоровья людей нарушение не представляет. При этом суд возложил на ответчика обязанность по устранению выявленных недостатков постройки путем переустройства конфигурации и ската крыши.

Бесспорно, не всякие нарушения градостроительных и строительных норм и правил будут свидетельствовать о незаконности возведенного объекта недвижимости либо самовольности действий лица по его возведению, а лишь те, которые влекут или могут повлечь нарушения прав и законных интересов третьих лиц. Возможно, речь может идти о неустранимых нарушениях, хотя утверждение такого характера чревато определенной долей субъективизма при разрешении конкретного спора. В цивилистической теории высказано мнение, что «Индивид не может быть застрахован от того, что суд, рассматривая конкретную спорную ситуацию, может и не согласиться с правильностью выбранного им варианта действий»[12, с. 195]. Признание наличия признака «нарушение градостроительных и строительных норм и правил самовольной постройки» полностью зависит от судейского (частного) усмотрения, то есть в этой ситуации наглядно проявляется риск применения оценочных понятий гражданского

права. В связи с этим представляется обоснованным высказанное в научной доктрине мнение о том, «что при применении гражданско-правовой нормы с оценочным понятием субъект частного усмотрения обязан принимать во внимание общие начала и смысл гражданского законодательства (ст. 1 ГК РФ)[13, с. 194].

Думается, что признак существенности нарушение градостроительных и строительных норм и правил имел основополагающее значение, но отсутствие четких критериев такой существенности на законодательном уровне создавало почву для появления проблем применения дефиниции «самовольная постройка». Убрав критерий существенности из этого признака, законодатель ужесточил требования правил строительства различных объектов, установив, что незначительные и устранимые нарушения строительных норм могут привести к принятию решения о сносе. Суд, ориентируясь на субъективное представление о любом характере нарушений, определяет судьбу самовольного строения и застройщика, так как снос осуществляется за его счет, и может привести к судебным ошибкам, нарушению конституционно-правовых принципов справедливости, разумности и соразмерности.

В Обзоре судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 19.03.2014 г. указано, что право собственности на самовольную постройку, возведенную лицом без необходимых разрешений на земельном участке, который предоставлен ему по договору аренды для строительства соответствующего объекта недвижимости, может быть признано, если такое строение создано без существенных нарушений градостроительных и строительных норм и правил и если его сохранение не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц, не создает угрозу жизни и здоровью граждан.

Несоблюдение земельных, градостроительных требований и правил при осуществлении строительства можно считать злоупотреблением права. Так, ст.10 ГК РФ прямо предусмотрено, что не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). В этой связи, заслуживает внимание точка зрения П. Макеева, который считает, что критерием оценки принятия надлежащих мер к получению разрешительных документов на строительство является добросовестность застройщика[14, с.7-20].

Поэтому правильной является позиция, согласно которой не может быть признано право собственности на объект самовольного строительства, если с заявлением о выдаче разрешения на строительство и разрешения на ввод объекта в эксплуатацию застройщик обратился по окончании строительства, либо строительств осуществлено на земельном участке, исключающим возможность создания объектов недвижимости, поскольку в таком случае его нельзя считать добросовестным.

При разрешении данной категории споров, помимо требований, установленных п. 3 ст. 222 ГК РФ, необходимо учитывать условия договора аренды. В

случае если участок предоставлен в аренду для возведения временных строений, либо легковозводимых конструкций, основания для признания права собственности на фактически возведенное строение капитального типа отсутствуют. При заключении договора аренды собственник должен вполне определенно выразить свою волю на предоставление земельного участка в аренду для возведения строений конкретного типа.

Этот подход поддержан и Конституционным Судом РФ, по мнению которого указанное положение направлено на защиту прав граждан, а также на обеспечение баланса публичных и частных интересов и тем самым на реализацию ст. 17 (ч. 3) и 55 (ч. 3) Конституции РФ[15].

Федеральным законом от 13.07.2015 № 258-ФЗ "О внесении изменений в статью 222 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральный закон "О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации"[16, ст.4384] с 1 сентября 2015 г. внесены изменения в ст. 222 ГК РФ. Нововведением ст. 222 ГК РФ стал административный порядок принятия решения о сносе самовольной постройки. Административный порядок принятия решения о сносе самовольных построек введен только в отношении самовольных построек, возведенных на отдельных категориях земель, а решение органа местного самоуправления о сносе самовольной постройки может быть обжаловано заинтересованным лицом в судебном порядке. В остальных случаях решение о сносе самовольной постройки может быть принято только в судебном порядке. Кроме того, административный порядок сноса не распространяется на самовольные постройки, относящиеся в соответствии с федеральным законом к имуществу религиозного назначения, а также предназначенные для обслуживания имущества религиозного назначения и (или) образующие с ним единый монастырский, храмовый или иной культовый комплекс.

В судебной практике неоднократно высказывалась позиция о том, что решение о сносе самовольной постройки должно приниматься в судебном порядке, принятие такого решения в административном порядке противоречит ст. 35 Конституции РФ (никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда), а также общим началам гражданского законодательства (п. 1 ст. 1 ГК РФ), поскольку, принимая решение о сносе постройки как самовольной, орган местного самоуправления решает тем самым вопрос о праве собственности.

В Определении Конституционного Суда РФ от 27.09.2016 № 1748-О "Об отказе в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности пункта 4 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации" отмечается, что исходя из действующего гражданско-правового регулирования разрешение вопроса об отнесении постройки (здания, строения или другого сооружения) к категории самовольных порождает возможность наступления юридических последствий, различных по своему характеру и содержанию. В случае спора признание постройки самовольной и проверка правомерности ее сноса осуществляются судом, в том числе в проце-

дуре оспаривания решения о сносе самовольной постройки или в процедуре оспаривания действий по ее сносу. Учитывая правовую позицию Конституционного Суда РФ, можно предположить, что снос самовольных построек может осуществляться на основании решения судебных органов вопреки воли законодателя.

Безусловно, необходимы дальнейшие исследования вопросов легализации самовольных построек дефиниции «самовольная постройка».

Устранение выявленных проблем, возникающих при легализации самовольных построек создаст более стабильные условия для гражданского оборота самостроя.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации.-1994.- № 32. Ст. 3301.

2. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 года № 10/22 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.- 2010.- № 6.С.80-104.

3. Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2004 года № 190-ФЗ: в редакции Федерального закона от 30 декабря 2015 года // Собр. законодательства Рос. Федерации.- 2005.- № 1.Ст. 16.

4. Обзор судебной практики по делам, связанны с самовольным строительством: постановление Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 19 марта 2014 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2014. - № 6. С.33.

5. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2007 года: постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 1 августа 2007 года. // Журнал руководителя и главного бухгалтера ЖКХ.- 2007 (ч.II).-№ 12. С.9.

6. Болдырев В. А. Требования о демонтаже самовольной постройки и обязании привести постройку в первоначальное состояние: закон и практика // Право и экономика. 2013. -№ 6.С.20.

7. Бакулин А. Ф., Петухова А. В. О негаторной природе требования о сносе самовольной постройки // Российский юридический журнал.- 2011. -№ 6. С.122-127.

8. Бюллетень судебной практики Омского областного суда. -2008.- № 4 (37). [Электронный ресурс]. –URL: https://resheniya-sudov.ru/2009/81074. (дата обращения 17.04.2019).

9. Гумилевская О. В. Основания приобретения права собственности на самовольную постройку: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2008.

10. Технический регламент о безопасности зданий и сооружений: Федеральный закон от 30 декабря 2009 года № 384-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации.- 2010.- № 1.Ст. 5.

11.Технический регламент о требованиях пожарной безопасности: Федеральный закон от 22 июля 2008 года № 123-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации.- 2008.- № 30.Ст. 3579.

12. Российское гражданское право: учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2010. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права.С.125.

13. Кузьмина И. Д. Правовой режим зданий и сооружений как объектов недвижимости. Томск: Издательство Томского университета, 2002.С.194.

14. Макеев П. О практике легализации самовольных построек и их сноса // Жилищное право. -2018. -№1. С. 7 - 20.

15. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2016 N 1748-О "Об отказе в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности пункта 4 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации. [Электронный ресурс] // сайт Конституционного Суда Российской Федерации: ksrf.ru (дата обращения 18.04.2019).

16. О внесении изменений в статью 222 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральный закон "О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 13.07.2015 № 258-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации.- 2015.-№ 29. Ст. 4384

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарное заседание

Бабурин В.В. Уголовная ответственность за несообщение о преступлении террористической направленности ст. 205.6 УК РФ..... 3
Букаев Н.М. Основные черты современного терроризма и противодействие этому явлению……..... 6
Никитина И.Э. Современные угрозы молодому поколению: группы смерти..……. 10
Чеснокова Е.В. Использование специальных знаний по делам о терроризме (в аспекте проведения экспертных исследований маркировочных обозначений)……..... 12
Храмов С. М. Алгоритма установления обстоятельств SKH при противодействии экстремизму……... 16

Секция №1. Противодействие терроризму и экстремизму: (уголовно-правовые и криминологические аспекты)

Ботвин И.В. Особенности борьбы с экстремизмом (на примере Алтайского края)……..... 20
Виноградов А.В., Суховецкая Е.Ю. Вопросы правоприменительной практики при квалификации преступлений экстремистской направленности…. 22
Верченко Н.И., К вопросу о некоторых объективных признаках преступного насилия……... 25
Ермакова О.В. Вопросы обоснованности изменений ст. 282 УК РФ…….. 29
Забавко Р.А. Дифференциация уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности……... 32
Малетина М.А. Содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ): некоторые проблемы законодательной регламентации……... 36
Моисеев С.В. Вербовка в экстремистские религиозные организации (Хизб ут-Тахрир, Нурджулар, Джамаат таблиг): общее и особенное…… 40
Малыхина Т.А. Криминологические особенности экстремистских и террористических проявлений в современной молодежной среде…… 44
Морозова Н.А., Кондраткова Н.В. Проблема определения социальной группы в свете борьбы с экстремизмом……... 47
Потапов Д.П. Некоторые вопросы квалификации деяний, предусмотренных ст.282 УК РФ и смежных составов преступлений……... 51
Пашаев Х.П., Пашаева Э. Х. О некоторых вопросах, применении законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности……. 56
Репьева А.М., Репьев А.Г. Дифференциация категорий осужденных, как направление политики государства по предупреждению экстремизма…… 62
Семенюк Р. А. Основные причины преступлений экстремистской направленности, совершаемых несовершеннолетними…….. 65

Тарасова Л.Я. Понятие мотива «национальной ненависти или вражды» в нормах Особенной части УК РФ……..... 68
Титаренко А.П. К вопросу об «административной преюдиция» в преступлениях экстремистской направленности при размещении в сети «Интернет» фотографий, свидетельствующих о неполноценности человека по признаку его социальной, религиозной или иной принадлежности…..... 72
Федоров А.Ф., Федорова Е.А. Особенности преступлений с административной преюдицией (на примере ст. 282 УК РФ)……..... 75
Черкасова Е.С. Понимание и возможности установления психологических и личностных детерминант экстремистской деятельности……... 77
Шаганова О.М. Ответственность за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности по УК РФ и УК РК: сравнительный анализ…… 81

Секция №2. Социально - демографические и социокультурные аспекты противодействия вовлечению молодежи экстремистским и террористическим проявлениям

Величко Г.А. Формирование этнического самосознания современного человека: формы, методы, социальные практики……... 84
Дегальцева Е.А. Субкультурные факторы молодежного экстремизма….. 90
Кокина М.Н. К вопросу о понимании терроризма с позиций «Своего», «Чужого» в культуре и современной правовой культуры……. 94
Мамараев Р.М. Религиозно-политические установки в молодежной среде Республики Дагестан……... 99
Разгоняева Е.В. Интолерантность как социально-психологическая причина экстремизма и ее профилактика в молодежной среде……. 102
Ушакова Е.В., Пашаев Х.П. Проблема экстремизма и терроризма в аспекте нормального и аномального в социуме..…….. 107
Хвастунова Ю.В. Неонацистская и неоязыческая молодежная символика в социальных сетях……..... 112

Секция №3. Актуальные проблемы уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности

Алембаев К.О. Понятие уголовного правонарушения в законодательстве Республики Казахстан…… 116
Адильмуратова Р.А. Участие переводчика как гарантия реализации принципа языка судопроизводства…… 120
Бертовский Л.В. К вопросу о получении вербальной информации от лиц с особенностями когнитивного развития……. 125
Давыдов С.И. Какой должна быть оперативно-розыскная методика раскрытия преступлений экстремисткой направленности?..... 128
Дежнев А.С. Совершенствование нормативно-правового регулирования наложения ареста на имущество в уголовном процессе…… 131

Курбатова С.М. Когнитивные особенности личности как фактор, влияющий на объем реализации правового статуса участников уголовного судопроизводства……..... 134
Кустов А.М. Типичная модель механизма преступлений террористического характера…….…….... 137
Лебедев Н.Ю. Столкновение интересов участников предварительного расследования – одна из основных причин возникновения конфликтов при производстве по уголовному делу……. 143
Лукьянова А.А. Подавление воли лица как элемент события преступления террористической направленности……... 147
Муравьев К.В. Обоснованные подозрения о причастности лица к преступлению как условие применения мер пресечения…… 151
Смирнова И.Г. Уголовно-процессуальная стратегия через призму защиты прав молодежи на современном этапе…….. 155
Стукалин В. Б. К отдельным процессуальным и криминалистическим аспектам производства осмотра трупа…….. 158
Степанов С.А. Механизм применения психологического реагента при производстве допроса военнослужащего подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления…….. 161
Цой Л.В., Яковенко Е.А. Проблемы квалификации несообщения о преступлении……... 164
Цахуев А.В. Предмет доказывания при расследовании участия граждан Российской Федерации в незаконных вооруженных формированиях на территории иностранного государства……. 167

Секция №4. Правовые меры и практика противодействия экстремизму и терроризму в молодежной среде в России и за рубежом

Альчина Р.М. Экстремизм в молодежной среде как политический феномен: проблемы теории и практики противодействия…….. 172
Бычкова Е.О. Противодействие экстремизму и терроризму в молодежной среде на территории Республики Алтай…….. 175
Воронина О.М. Противодействие распространению экстремизма в молодежной среде (на примере деятельности Центра по противодействию экстремизму МВД по Республике Алтай)…… 182
Джихвадзе Г.В. Проблемы профилактики преступности экстремистской направленности в высших образовательных учреждениях. Пути решения. 185
Загороднева Э.Е. Проблемы предупреждения экстремизма в молодежной среде…… 189
Захрямин Н.Б. Оценка эффективности национальной системы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма…….……... 192
Иванова Ю.В. Зарубежный опыт противодействия экстремизму……... 196
Комов С.В. Социально-правовые аспекты борьбы с терроризмом и религиозным экстремизмом в Казахстане……... 198

Колесник А.С. Перемещение денежных средств как способ финансирования терроризма и борьба с ним…… 202
Кудёлка О.С. Молодежный экстремизм как глобальная проблема XXI века……... 205
Матченя А.С. К вопросу о причинах молодежного экстремизма..…… 210
Новицкая Е.Н. К вопросу о предотвращении финансирования террористической деятельности в Республике Беларусь и Российской Федерации…….……. 213
Нефедкина Е.П. Отдельные вопросы ресоциализации осужденных за экстремистские посягательства……. 217
Петухов С.Е. Проблематика экстремизма и итоги деятельности правоохранительных органов по противодействию экстремизму в 2018 году в Республике Алтай……... 220
Савин М.Ю. Взаимодействие органов финансовой разведки государств, входящих в Группу разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег…… 223
Санникова Д.В. Финансирование терроризма и экстремизма в России и некоторых странах Европы……... 227
Суразова Е.Г. Профилактика экстремизма в молодежной среде……..... 231
Хохлова А.Ю. Проблема молодежного экстремизма как явления, порождающего антисоциальные настроения в обществе…….. 237
Чепкина А.М. Экстремизм в Республике Алтай: анализ правовой статистики……... 240

Секция №5. Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики

Бойко О. А. Взаимодействие защитника, подозреваемого, обвиняемого: профессионально-этический и уголовно-процессуальный аспекты……. 243
Диденко Ю.М. Принципы административной ответственности в кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях…….. 246
Кузьмич А.С. Особенности юридической оценки клеветы в сети Интернет по законодательству Республики Беларусь……..……. 249
Качанович В. А. Незаконная охота в уголовных законодательствах Республики Беларусь и Российской Федерации: сравнительно-правовой аспект……...… 253
Кононович О.С. Понятие изнасилования в уголовных законодательствах Республики Беларусь и Украины: сравнительно-правовой аспект……... 256
Крац А.А. Преступность как элемент предмета криминологии..…… 259
Малец А.Г. Особенности применения норм об обоснованном риске при юридической оценке преступлений экологического характера…… 263
Нагимбаев А.К. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ…… 266

Поплавская Я.О. Личность преступника как элемент криминологического исследования…….. 270
Рамазанов К.М. Гражданское и служебное оружие как объект правового регулирования…….. 273
Радончик А.С. История развития механизма участия общественности в отправлении правосудия: период советской государственности……... 277
Резюк В.И., Крац А.А. Разграничение взятки и подарка по законодательству Республики Беларусь…….. 280
Резюк В.И. Хищение с использованием служебного положения и служебных полномочий в уголовных законодательствах Российской Федерации и Республики Беларусь: историко-правовой аспект……..…. 283
Самойленко Г.Е. Мошенничество в сфере кредитования: уголовно-правовой анализ……... 287
Сильченко Т.В. Выдвижение версий на первоначальном этапе расследования насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних…….....…… 290
Стукалин И.В. Виды следов и объектов, которые могут быть обнаружены на месте пожара и поджога……..... 293
Трапезников К.П. Сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства в сфере уголовной ответственности за фальсификацию доказательств в уголовном деле и результатов оперативно-розыскной деятельности…… 296
Татиков Р.У. Торговля людьми в уголовном законодательстве Республики Казахстан……...……. 300
Шацкова П.В. Проблемы применения законодательства Республики Беларусь об уголовной ответственности за преступления против экологической безопасности и природной среды…… 305

Секция №6. Конституционные основы и международные стандарты гражданского судопроизводства: история, современное состояние и пути совершенствования

Адамович А.В. Понятие и определение термина «государственное имущество» в законодательстве Республике Беларусь……... 308
Гаврилова Ю.А. Государственное управление в области охраны и использования объектов историко-культурного наследия……. 312
Карыбаева А.С. Право человека на благоприятную окружающую среду как основной принцип охраны окружающей среды…… 315
Кожуганова Д.З. К вопросу о сущности конституционализма……. 318
Умитчинова Б.А. Приоритетные направления и задачи таможенных органов Республики Казахстан по обеспечению экономических интересов государства…….. 321
Чиконова Л.В. Проблемы легализации самовольной постройки…… 325

Научное издание

СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ И ВЫЗОВЫ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Сборник материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции

под ред. Х.П.Пашаева

«Мероприятие проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-011-20031\19)

БИЦ Горно-Алтайского государственного университета
649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1.

Подписано в печать 25.04.2019 г. Формат 60x84/8.
Бумага для множительных аппаратов. Печать ризо.
Печ. л. – 42,5. Тираж 100 экз.
Заказ № 33.

Отпечатано полиграфическим отделом
Горно-Алтайского госуниверситета
649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1.